

The background of the cover is a romantic illustration of a man and a woman in 19th-century attire. The woman, with long dark hair, wears a dark green dress with a high collar and a full skirt. The man, with light brown hair, wears a dark coat with a fur collar. They are standing on a balcony with an ornate metal railing, looking at each other. In the background, there are multi-story brick buildings and a warm, golden light, possibly from a setting or rising sun. In the foreground, a large, open map is spread out on a surface, showing a coastline with a red line and a red dot.

Марина Эльдэнберт

ЗАКЛЯТЫЕ СУПРУГИ

Тёмный рассвет

Annotation

Все, чего я хочу – быть с мужем и дочерью. Но прошлое так просто не отпускает: над миром уже восходит ядовитое солнце опасного заговора, а спецслужбы все крепче оплетают своими сетями. Когда даже самые близкие отказываются принять твой выбор, когда весь мир обернется против, все, что нам остается – не размыкать рук. Плечом к плечу, спина к спине отстоять свою любовь. Свою семью. И право на счастье.

- [Марина Эльденберт](#)

- [Пролог](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

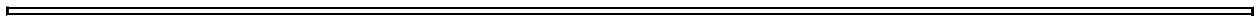
- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

Марина Эльденберт
Темный рассвет

Пролог

И надо же было этой грязной свинье его опередить! Жак Аркур скомкал бумажку и от души запустил ей в подставку для письменных принадлежностей, стоявшую на столе коллеги. Не далее как пару дней мерзкий ублюдок по имени Рено Фортискье написал откровенно слабенькую статью об пропавшей девушке, и Гранже прыгал до потолка, рассыпая комплименты, как коза горох. А ведь именно ему должна была достаться эта тема, именно ему, а не этому выскочке из глубинки, которую даже называть страшно. Единственное, чем тот мог гордиться – смазливая физиономия, молодость, да хорошо подвешенный язык, таким только мостовые места.

– Чтоб тебя... – Аркур достал из нижнего ящика стола бутылку и от души к ней приложился. Выдал замысловатое ругательство, во время которого от засохшего цветка на окне отвалился очередной свернувшийся трубочкой листок. – Чтоб вас всех...

К кому это относилось, он и сам толком не знал. То ли к более удачливому и шустрому Фортискье, то ли к энгерийской дамочке-некромагу, из-за которой главный редактор газеты «Ольвиж сегодня» утратил расположение к своему лучшему – без преувеличения и без ложной скромности – журналисту! Раньше только ему он поручал самые смелые и самые дерзкие темы, за которые Жак брался с исключительным энтузиазмом. Не смущало его ни копание в нижнем белье именитых, ни их грандиозные провалы или тайные грешки, которые с радостью смаковали в каждом доме.

Запачкать руки он не боялся: так уж устроен мир – людям гораздо интереснее читать о дерьме и рыться в нем, потому что по большому счету все они свиньи. Что надменные аристократишки, сколь древняя кровь не текла бы в их жилах, что рабочие из самого занюханного района. Разница между ними только в счетах, между тем как первые гнут нос, а вторые исходят бессильной завистью. Вот только аристократишки оберегают свои тайны, как никто другой. Можно подумать, что Гранже этого не знает, да и как подобраться к этой энгерийской суке, когда его даже на порог в поместье де Ларне не пускают?

Сплюнув в грязно-серую пепельницу, где еще дымилась дешевая сигарета, Аркур поднялся и от души пнул стул, который с жалобным хрустом завалился на бок. Радовало только то, что и у проныр из

«Вестника» полный ноль на эту тему. Больше, что они могут – пыхтеть о том, как опасна некромагия, особенно заключенная в бабах, у которых что ни час – новое настроение. Жак подхватил сюртук и вышел, миновал пустую конторку секретаря, вышел на улицу и запер дверь. Ночь уставилась на него светящимися глазами фонарей. Ольвиж готовился встречать зиму, а вскоре и новый год – переход в эпоху электричества. В свое время Жак написал обалденную статью об электричестве, о перспективах развития, и все ему рукоплескали, и даже «Ольвижский вестник» звал к себе в штат, но он тогда отказался, потому что там нужно было начинать с низов, а здесь все было на блюде. И где теперь это «все»?

Эхо доносило шум типографских станков, готовящихся снабжать столицу свежими новостями. Ссутулившись, он вогнал голову в сюртук по самый подбородок, запахнул хлипкий шарф – демонова поздняя осень, и быстро зашагал в сторону проспекта. Здесь лучше не задерживаться в такой час.

– Месье Аркур.

Голос раздался за его плечом, журналист вздрогнул и грязно выругался.

Только что ведь стоял один на пустой улице!

Обернулся – чтобы наткнуться взглядом на изящную фигуру, закутанную в плащ. Облегающие брюки заправлены в сапоги, плащ скрывает верхнюю часть наряда и грудь. Но баба, как пить дать баба – не может быть у парня при таком росте такого тонюсенького фальцета. Она стояла так, что разглядеть ее лицо не представлялось возможным – в тени, чуть поодаль от фонарей. Те несчастные клочки света, что могли бы показать лицо, пожирал глубокий провал капюшона. В остальном женщина была закутана в черное с ног до головы.

– Чего надо? – огрызнулся Жак.

Он был пьян, устал и хотел домой – надраться еще больше и завалиться спать до полудня. Завтра выходной, чтоб его, единственный выходной в этой адовой круговерти, в которой ему повезло родиться чуть больше тридцати лет тому назад. К тому же, его раздражало превосходство, с которым на него смотрела эта тень. А в том, что она смотрела с превосходством, не было никаких сомнений. Это выдавали расправленные плечи и поворот головы – за свою жизнь он сполна нагляделся на таких вот, как она. Богатенькие все смотрели так, а еще все они были до безумия заняты, когда речь заходила об интервью или о встрече. Но что богатенькая бабенка делает в этой части города? Одна.

– Вопрос в том, чего хотите вы.

Она приблизилась, и до него донесся тонкий аромат духов – резкие холодные нотки. От богачки веяло холодом, а еще у нее были странные глаза. Ярко-зеленые, слишком странные даже для привыкших сигнализировать по подворотням кошек, не говоря уже о человеке. Он еще не знал, что ей нужно, но уже чуял нутром, что наклеветывается что-то интересное. Журналистское чутье не раз подводило его к сенсациям, разоблачениям, громким скандалам или убийствам. Несмотря на полицейских – эти еще большие сволочи, чем аристократы, на прессу смотрят как на тараканов, хотя сами всего лишь цепные псы закона. И прищемить им носы иногда бывает очень приятно.

– Судя по всему, у вас ко мне деловое предложение, – ухмыльнулся Жак.

От незнакомки по телу шла дрожь, но опасность и сенсация всегда идут рука об руку.

Женщина кивнула и, не говоря больше ни слова, быстрым шагом направилась по улице. Аркур огляделся по сторонам – не идет ли кто следом, а потом направился за ней. Они прошагали добрый квартал в молчании, и она ни разу не остановилась и не обернулась – так мог бы вышагивать привыкший к длительным переходам солдат, но не богатая девица. Да что говорить, у него самого с дыханием стало плохо – все-таки привычка курить до добра не доводит.

– Мадам... Мадемуазель... как вас там... куда мы идем?

– Сюда.

Жак не успел ничего понять – вскинутая рука пригвоздила его к стене, прямо в узкую щель между домами. Самое то для желающих пообжиматься парочки, вот только с этой змеюкой совсем не хотелось обжиматься: она наводила жуть одним своим присутствием.

– Вас ведь интересует история графини-некромага, месье Аркур. Как далеко вы готовы зайти?

Он чуть не взвыл от нахлынувшей радости, лишь усилием воли заставил себя остаться на месте и ничем ее не выдать. Кем бы ни была эта девица, ее эта история волновала не меньше. Возможно, она действительно могла помочь. Или же... об этом даже думать не хотелось... она здесь вовсе не за этим. Жак напряг слух, но шагов на улице не было слышно: никто не шел по его душу, чтобы избавиться от чересчур дотошного журналиста. Но с этой минуты все равно стоит быть очень и очень осторожным.

– Если и так, – негромко произнес он, подбирая слова, – мое расследование зашло в тупик. Эти двое заперлись в Лавуа, я пытался с

ними поговорить, и...

– Вам не придется разговаривать с ними. Просто ненадолго отправиться в Маэлонию.

«Откуда вы вернетесь богатым и известным человеком».

Она этого не сказала, но Аркур услышал. Столь же явно, сколь увидел сияющее лицо Гранже и заголовки газет, статьи на первой полосе которых снова будут подписаны его именем. О да!

– Что-то я никак не пойму, о чем вы толкуете...

– О визите в нижние архивы Маэлонского Фонда Знаний.

На мгновение Жак забыл о жути, что наводила незнакомка. В нижние архивы Маэлонской библиотеки можно было попасть только по рекомендации кого-то из высшей аристократии. Там хранились летописи и древние знания, собранные со всего мира, на самых разных языках. Ему наверняка потребуется переводчик, чтобы разобраться в том, что она ему предлагает. Но что именно она предлагает? По ощущениям, глаза сейчас сияли не меньше, чем у нее.

– Мне понадобятся рекомендации.

– Здесь бумаги для вас и любого профессора-лингвиста, которого вы пожелаете привлечь к расследованию. – Женщина достала конверт. – Могу ли я на вас рассчитывать, месье Аркур? В вас достаточно сил, чтобы похоронить чету де Ларне?

Сил было достаточно, их придавала злоба. Слепая, бессильная ярость на всех этих чванливых аристократов, Фортескью и зазнаек из «Вестника». Такого запала хватит, чтобы похоронить графа с графиней и всю их родню вместе взятую, но сравниться с тем, что творилось внутри этой девицы, оно вряд ли могло. Станным был не только цвет глаз, ее взгляд вонзался ему в межбровье и выходил с другой стороны, словно жало стилета. За всю практику у него было множество информаторов, но эта... Запах подмерзшей плесени внезапно показался слишком резким, по затылку побежали струйки холодного пота.

– Можете, – голос внезапно сел и отказывался ему повиноваться. – Как мне к вам обращаться, мадам...

– С вас достаточно, что вы со мной разговаривали.

– Но я же должен знать, кого мне благодарить...

Бумаги легли ему на грудь, движение-молния, и в них уперся кончик кинжала. Странного, с рукоятью в виде чешуи. Одно неверное слово – и он с легкостью проткнет расположение неведомого до сей поры благодетеля, легко войдет ему в грудь. Почему-то Жак в этом не сомневался.

Стена под спиной неожиданно стала еще холоднее.

– Отблагодарите меня тем, что уничтожите эту энгерийскую девку и забудете о нашей встрече. Автора рекомендательных писем, – ее голос сочился ядом, а глаза засияли еще ярче. Хотя возможно, ему так просто показалось с перепугу, – тоже нежелательно упоминать. Мы друг друга поняли, Жак?

Она обратилась к нему по имени, а сердце оторвалось и ухнуло вниз.

– В-вполне.

– Замечательно.

Кинжал исчез, бумаги поползли вниз, и Аркур едва успел их подхватить.

– Изучите генеалогию семейства Биго и историю герцогства де Мортен, – насмешливо произнесла незнакомка, – это поможет в вашей работе. И не затягивайте, пока новость еще горяча. Я очень, очень на вас рассчитываю.

«Постарайтесь меня не разочаровать».

Этого она тоже не сказала, но журналистское чутье не пропешь.

Прежде чем Жак успел открыть рот, она уже скользнула на улицу. Он даже не услышал шагов, но когда высунулся следом, женщины и след простыл. Зато со стороны проспекта вывернул старенький экипаж. Лениво стучали о мостовую колеса и цокали копыта. Извозчик, сонный как осенняя муха, правил лошадьми и явно никуда не спешил. Разве что домой, в теплую постель к женошке.

Журналист рукавом отер выступивший на лбу пот, чувствуя, как под одежду забирается прохлада. Не простудиться бы! Сейчас это будет очень некстати. Ничего, если задуманное удастся, ему больше не придется считать каждый ливрэ, ходить пешком и снимать квартиру в этом отстойнике, лишь по нелепой случайности именуемой домом.

Аркур шагнул под фонарь и извлек на свет рекомендации. Бегло пробежал взглядом, дернулся, когда наткнулся на подпись: «Его Сиятельство Флориан Вемуа, граф д’Ортен».

Чтоб тебя!

Девушка со странными глазами отошла на второй план, а глаза Аркура чудом не вылезли из орбит. Он воровато огляделся, поднес бумаги к лицу, чтобы убедиться, что зрение его не обманывает, после чего спрятал во внутренний карман и поспешил домой.

Рекомендации племянника его величества, помощь демоницы со змеиными глазами, да хоть договор от самого Верховного! За сделку, которая поможет заткнуть за пояс всех выскочек и снова развернуть эту норовистую кобылу удачу к себе мордой, он готов расплатиться даже

душой.

В Энгерию? Он хочет, чтобы мы уехали прямо сейчас?

– Я не могу! Винсент, это смешно. Вы понимаете, о чем просите?

Предположим, что мне удастся отложить дела в Равьенн, но Анри еще не до конца оправился после случившегося. Не думаю, что он будет свободно чувствовать себя в Мортенхэйме, да и я пока не готова говорить с родными о том, что произошло. А в том, что говорить придется долго и много, я не сомневалась.

– Я не прошу.

А вот это уже не смешно.

– У моего мужа предостаточно дел в Лавуа, чтобы бросать здесь все и бежать в Энгерию по первому вашему слову.

– Ему и не придется. – Винсент сложил руки на груди, меж бровей залегла складка, не предвещающая ничего хорошего. – Со мной возвращаетесь только вы. Этот брак изначально был ошибкой.

– Я так не думаю.

Брат медленно повернулся к мужу: если бы взглядом можно было ранить, Анри бы уже истекал кровью.

– Как давно вы знаете о магии моей сестры, граф?

– Предлагаю поговорить обо всем в кабинете, де Мортен.

У Винсента дернулась щека, глаза полыхали углями. Тем не менее он кивнул. Я направилась было следом за ними, но Анри преградил мне путь.

– Останься здесь, Тереза.

– Но...

– Пожалуйста.

В его «пожалуйста» было не меньше стали, чем в несколькими минутами ранее сказанных братом: «Я не прошу». Сложив руки на груди, отвернулась, пусть что хочет, то и делает. Но меня тут же развернули лицом к себе и легко поцеловали в нос. Запястье похолодело – тогда как внутри у меня бушевал горячий пустынный ветер. В самом сердце Теранийской пустыни такие ветра нередко приносили с собой беспощадные бури, играющие обжигающим песком. И горе тому, кто не успеет добраться в укрытие.

Анри вышел, а я обхватила себя руками.

Нет, ну как он себе это представляет? Что я буду спокойненько сидеть на месте, пока они там друг друга убивают?.. Не уверена даже, что сейчас

это образное выражение: я слишком знаю этот Винсентов взгляд и еще лучше – легкий прищур мужа, проступающий через маску спокойствия. Даже если бы браслет мне ничего не подсказывал, и так все ясно.

Надо срочно что-нибудь придумать. Вот только что?

Идея пришла, как всегда, внезапно. Не такая уж и плохая, как может показаться на первый взгляд: эта ночь отметилась заморозками, наверняка, солнце еще не успело растопить корочки льда. Я вполне могу выйти прогуляться и поскользнуться, ну... скажем, под окнами его кабинета. Подвернуть ногу, например, а пока они будут разбираться с моей ногой, немного остынут.

А дальше разберусь уже я.

Сначала с одним, потом с другим.

Наскоро вытащила из шкафа накидку – некогда сейчас было тратить время на шарфы, пулей слетела вниз и выбежала из дома. Поправила волосы, набросила капюшон и поглядела под ноги. Да, поскользнешься тут, как же – разве что на собственном голом энтузиазме. Стараниями прислуги под бдительным оком Жерома уже с утра все вокруг дома была расчищено не только ото льда, но и ото всяких травинок-листочков, глазу не за что зацепиться.

Ладно, будем импровизировать. Не впервой.

Старательно делая вид, что наслаждаюсь звенящей осенней прохладой, я одарила улыбкой кучера экипажа, в котором приехал Винсент, и помахала нашему конюху. После чего подхватила юбки и степенным шагом, как полагается леди, решившей подышать свежим воздухом и взбодриться, направилась вдоль дома к окнам кабинета Анри. Не так уж долго туда было идти, но мне казалось, что я тащусь как охромевшая черепаха, которую накрыли медным тазом.

Ага, вот и они!

К моему счастью, шторы были не задернуты: муж и брат замерли друг напротив друга. Фух, успела! Но судя по сведенным бровям Винсента и дергающему запястье браслету, разговор уже зашел слишком далеко. Вот только никогда не знаешь, насколько. Я и отвлеклась-то всего на минуту – посмотреть, за что можно зацепиться ногой – как назло, ничего тут не было, чтобы «споткнуться», и за что рукой – чтобы безопасно упасть. А когда подняла голову, брат повел ладонью, и по кабинету прокатился поток магии армалов. То, что это был полог безмолвия, поняла уже когда рванулась вперед, жмякнула кулаком по раме, а носок ботинка угодил в невесть откуда взявшуюся ямку.

От души приложившись головой о стену, а потом щекой о стекло,

успела только увидеть широко распахнувшиеся глаза Анри, и медленно поползла вниз. Прямо по окошечку. Говорят же, никогда не пытайся обмануть жизнь... точнее, пытаться-то можно, но делать это лучше менее травмоопасными методами. Например, можно было сказать, что чем-нибудь отравилась с вечера. Хотя когда я говорила такое отцу, чтобы получить выходной от занятий магией, у меня в самом деле начинало крутить живот. А может, просто мне так везло?..

Эта и множество других странных мыслей посещали меня, пока я лежала, глядя в безоблачное осеннее небо, синее как ленточки в волосах Лави или платье, которое мне подарил Анри. Надо было подняться, но малейшая попытка заканчивалась молоточками в висках. Ленточки, кстати, летали перед глазами – странные, полупрозрачные, похожие на скрученные спиральки. Еще летали искорки-звездочки – до тех пор, пока не раздался топот и их не затмили плавающие в разные стороны лица кучера и конюха, которые с какой-то радости наклонялись ко мне и почему-то кричали:

– Ма-ам! Ма-ам!

До меня как раз дошло, что это, должно быть, «мадам», когда кучер и конюх исчезли, а вместо них появились плавающие Анри и Винсент.

– Е-ре-а! – муж бережно подхватил меня на руки. – Ак ы, о лит?

Так мог звучать заикающийся арнейский, хотя предположительно, это было: «Тереза, как ты, что болит», – на чистом энгерийском, но уверенной быть не могу. Что-то у меня точно болело, но я никак не могла понять, что: затылок или макушка. Да и ногу, кажется, я все-таки подвернула. Ощущение полета и подпрыгивания, когда Анри поднимался по лестнице, добавило неприятных ощущений: теперь меня еще и затошнило. Попыталась ответить, получилось что-то вроде:

– Моя нoгoлoвa...

К счастью, свыше смилостивились над моим позором, и сразу после этого сознание отключилось.

Кто-то держал мою руку в своей, поглаживая. А кто-то водил пальцами по лбу... бр-р-р, холодными, почему-то мокрыми, но сильными. Голова раскалывалась на множество мельчайших кусочков, собиралась воедино, а потом раскалывалась вновь. Зато моя импровизация сработала. Косо-криво, но ведь сработала же!

– Вы за женой даже в собственном доме уследить не можете. Что уж говорить о чем-то большем.

– Лучше следите за своими словами, де Мортен. Как вы только что выразились, в моем доме.

Или не очень?

Приоткрыв глаз, обнаружила мужа по одну сторону кровати. Брат наблюдался справа: суровый и мрачный, держал в руках стакан с водой и чертил исцеляющие узоры армалов, глядя куда-то в район моей макушки. Анри тут же наклонился ко мне, с тревогой вглядываясь в лицо. Какое это счастье – видеть его на одном месте, а не постоянно кружащим надо мной, как июньский шмель.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не очень... – я слабо улыбнулась.

Ну очень, очень слабо. Чтобы наверняка.

– Ничего. Сейчас полегчает, – холодно отозвался Винсент.

М-да. Об этом я как-то не подумала.

Боль и правда отступала – мягко, как океанская волна, унося за собой шум в ушах и тревогу из глаз Анри. Руки и ноги наливались теплом, да и в целом я себя чувствовала превосходно. Ну, если исключить взгляды двух самых дорогих мне мужчин – колючие, хлесткие, стоило им скреститься подобно лезвиям кардонийских стилетов.

– Я люблю вашу сестру, де Мортен.

– Так любите, что обрекаете ее на жизнь с оглядкой, сплетни и косые взгляды?

Брови Винсента сошлись, снова прочертив на переносице глубокую складку. Глаза Анри похолодели – насколько можно назвать холодным расплавленное золото. Но сейчас в него медленно вливали лед, оставляя застывать на ветру.

– Я сделаю все, чтобы она была счастлива.

– Вы уже достаточно всего наделали. Я политик, де Ларне, и в отличие от вас привык смотреть вперед, а не только себе под ноги.

– Так поднимите голову и подумайте о чувствах Терезы.

– С каких это пор вас интересуют ее чувства? – В голосе Винсента звучала смазанная ядом сталь. – С того дня, как вы обманом стали ее мужем? Я поклялся защищать сестру, а вместо этого отдал вам. Но вы даже с этим не справились, позволили ее силе прогреметь на весь мир. Настоящий мужчина не создает женщине проблемы, а решает их. В ваших же интересах решить эту проблему как можно скорее. Тереза подаст на развод, вы подпишете бумаги. И сделаете заявление в прессе, что она ни о чем не знала, соглашаясь на этот брак.

– И не подумаю! – рявкнула я. – Я обо всем знала с той самой минуты, как переступила порог нашего дома в Лигенбурге.

– Что ж, в таком случае вы просто глупая девица.

Анри поднялся, его яростью меня полоснуло наотмашь.

– Позвольте напомнить, де Мортен, что вы говорите с моей женой и о моей жене. Так что извольте выбирать выражения, или я выкину вас в окно.

– Не советую со мной играть, де Ларне, – брат сцепил руки за спиной, словно опасался пустить их в ход. – Однажды вам уже удалось обвести меня вокруг пальца, но повторить не получится. Подпишите бумаги о разводе, и я оставлю вас в покое. Откажетесь – и я разберу ваше прошлое на кусочки. Найду то, что позволит мне от вас избавиться. Так или иначе.

Слова брата били с опозданием, но точно и в самое сердце. Наверное, так же чувствуется боль от удара шиинхэ – когда расходится рана, а не когда наносишь удар. Сколько раз за последние дни Анри задавался теми же вопросами? Сколько раз вспоминал о том, как от меня отказался и думал, что так было бы лучше для нас обоих? Сколько раз ненавидел себя за то, что бессилен перед любой магией, хотя за спиной маячит тень Эльгера? И сумеем ли мы справиться с этим? Даже вместе.

– Тереза. – Анри предупреждающе сжал мои пальцы, но смотрела я только на Винсента.

Меня колотило от ярости.

– Вы... – голос сорвался. – Вы просто недалекий, заикленный на себе монстр!

Брат медленно, угрожающе медленно повернулся ко мне, позволяя костру в темных глазах разгореться адовым пламенем. Но опомниться я ему не позволила.

– Вы говорите о моем муже. Он спас мне жизнь, когда моя сила впервые вырвалась из-под контроля! А вы с папочкой только и делали, что прятали меня от всего мира! Заставляли стесняться собственной силы. Вместо того, чтобы показать, на что я на самом деле способна, твердили, что никто не должен об этом знать! Даже сейчас говорите так, словно меня уличили в чем-то постыдном. Всю мою сознательную жизнь я слышала, что некромагия – не для женщин, что это ужас и кошмар, проклятие, с которым я родилась! Что я сама – проклятие!

– Де Мортен, – резкость Анри почему-то ударила и по мне: из легких словно весь воздух выпустили. – Вернемся к этому разговору позже. Терезе нужно отдохнуть.

– С вами мне больше не о чем говорить. Я хочу побеседовать с сестрой.

– О чем? – ядовито переспросила я. – О сплетнях, которые могут повредить вашей репутации в парламенте? Вот только когда вы женились на Луизе, об этом почему-то не подумали.

Теперь Винсент дернулся, словно от удара. В глазах его промелькнула

боль, но лишь на миг, сменившись привычной обжигающей твердыней.

– Вам придется выбрать, Тереза. Либо вы возвращаетесь со мной в Мортенхэйм, либо можете забыть о том, что вы мне сестра.

Я вздрогнула и тут же хлопнула дверь, как пощечина – наотмашь. Отскочила от косяка и жалобно приоткрылась, словно поманила за собой чтобы отменить случившееся. Но я осталась на месте, замерла в объятиях Анри. Он укачивал меня, как ребенка, гладил по спине, но даже от прикосновений его ладони сейчас не становилось теплее. Последний раз мы так поссорились из-за Луизы, из-за вскрытого письма, но тогда я была виновата и просила прощения. Да, я тоже была не в восторге от Луизы, но когда поняла, как сильно они любят друг друга, приняла ее как сестру. Сейчас же не чувствовала ничего, кроме обиды – едкой, жгучей, что затопила грудь и мешала дышать.

– Не хочу его видеть, – прошептала мужу в плечо. – Никогда больше!

– Не говори того, о чем потом пожалеешь, Тереза.

– Не пожалею, – буркнула я.

– Обязательно пожалеешь. Вы, Биго, как грелуэрские скорпионы. Когда начинаете жалить, остановиться уже не можете. И почему-то рядом с самыми близкими ваши жала острее всего.

– Как вы можете его защищать? – вскинулась я. – После всего, что он наговорил, после...

– Если ты заметила, я сказал «вы», – Анри поцеловал меня в кончик носа. Он казался расслабленным, но обмануть мог кого угодно, кроме меня: холод покалывал запястье тонкими иглами, растекаясь по руке и подбираясь к сердцу. – А пока кое-кому стоит отдохнуть. Обещаешь сегодня больше не падать?

Я потянулась за уцелевшей подушкой, чтобы напомнить кое-кому о том, как опасно злить обиженных женщин, но он перехватил мои пальцы. Сжал руку в кулак и поднес к губам. И я сама не поняла, как утонула в его объятиях.

– Почему твой брат хочет, чтобы ты уехала?

Я засмотрелась в окно, поэтому вопрос застал меня врасплох. Перевела взгляд на Софи: она сидела на стуле и болтала ногами. Недавно Мэри уложила ей волосы и аккуратно перевязала бантами, которые почему-то снова съехали. Не представляю, как она это делает.

– Подслушивала?

Я попыталась возмутиться, но получилось плохо: весь запал ушел в ссору с Винсентом. Сейчас я напоминала ароматический мешочек с травами, который неожиданно развязался. Вроде и можно снести засушенные цветочки веником и запихнуть обратно, но толку от этого ноль.

– Вот еще! Вы так кричали, что на другом конце Лавуа было слышно.

Да. Про полог безмолвия никто из нас в тот момент не вспомнил.

– На самом деле я не слушала, – поспешила заверить девочка. – Просто у меня теперь есть это!

Софи открыла ящик туалетного столика и выудила на свет выдавшие виды гадальные карты. Я могла бы предположить, что она нашла их в антикварном магазинчике в Ларне или в какой-нибудь лавке мистика, но выглядели они так, словно ими пользовались постоянно. И почему-то я сомневалась, что эти мохры с выцветшими картинками принял бы в коллекцию даже самый упертый в своей страсти антиквар.

– Откуда они у тебя?

– Пока вас не было, мы с Мэри и Жеромом ездили в Ларне. А рядом с городом, за лесом, как раз остановился мой народ... Мы немного посидели со всеми у костра, а еще потанцевали... – Софи бросила карты на столик, от чего они раскрылись корявым веером, и закружилась по комнате, вскидывая руки и прихлопывая в такт слышимой только ей одной музыке. – Мэри так смешно прыгала.... И Лайза подарила мне карты, сказала, что они меня выбрали. А еще, что они заговоренные и всегда расскажут только правду. Ну, или промолчат.

Она танцевала так, словно всю жизнь этим занималась – природная грация, необузданные обнаженные чувства. Так только дети умеют, без опаски ошибиться или сделать неправильный шаг, не думая о том, как выглядят со стороны. А выглядела она маленькой дикаркой: раскрасневшаяся, волны волос вспарывают воздух и платье кружится вместе с ней. Отчетливо представилось, как взлетает в такт свободной

песне нонаэрянская расписная юбка. Какой Софи станет, когда вырастет? Захочет ли жить в нашем мире, или вернется в свой?

Девочка поймала мой взгляд, сделала еще несколько шагов и замерла.

– Что? – спросила немного смущенно. – Я снова веду себя не как положено мадмуазель?

Марисса, которая не теряла надежды в самом ближайшем будущем найти Софи гувернантку, добровольно взяла на себя обязанности воспитательницы. Получалось у нее через раз, но что-то все-таки получалось. Например, «положено мадмуазель». Мне вдруг стало смешно.

– Нет, – сказала я. – Просто ты очень красиво танцуешь.

– Правда?

Глаза Софи засияли, она подскочила и порывисто меня обняла.

– Спасибо, Тереза!

Наверное, это и есть ответ на мой вопрос. Несмотря ни на что, она продолжала называть нас «Тереза» и «Анри». Впрочем, наверное, так будет правильно – ведь Анри все равно не сможет передать ей свой титул. А если попытается перевести опекунов в отцовство, это спровоцирует очередной скандал. Одним больше, одним меньше... Вот только для меня она стала дочерью в тот самый миг, когда я ее увидела. И вряд ли это что-то изменит.

– А мы все вместе будем ужинать? – Софи задрала голову, заглядывая мне в глаза.

Хороший вопрос. Но своевременный: за окнами уже стемнело, скоро должны накрывать на стол. Обед я просила принести в спальню – сама мысль о том, что нужно выйти из комнаты и снова встретиться с братом казалась мне дикой. Анри говорил, что я пожалею, но я не жалела. По крайней мере о том, что все высказала – в конце концов, я ни в чем не виновата. Это он явился к нам в дом и потребовал моего отъезда. А заодно, чтобы я развелась! С тем же успехом мог попросить, чтобы я харрим станцевала на площади Витэйра. В том, что Винсент настроен серьезно, сомнений нет – даже после истории с письмом Луизы он не говорил, что откажется от меня. Представить свою жизнь без брата я не могла, равно как и дальше делать вид, что ничего не случилось.

– Я хочу с ним познакомиться! – заявил этот неутомимый ребенок, и я кивнула ей на стул.

– Уверена? – принялась заплетать косу, стягивая тяжелые темные пряди достаточно свободно, чтобы не заболела голова.

– Конечно! – Софи подхватила карты и принялась их перебирать – быстро-быстро. Только у меня одной ощущение, что они от такого обращения рассыплются трухой? – Хочешь, сделаем расклад на будущее?

Не уверена, что хочу знать о будущем. По крайней мере, сейчас.

– Не сегодня, Софи... – осеклась, когда увидела карту – сплетающихся в объятиях мужчину и женщину.

«Любовники».

Выгоревшие на солнце потрескавшиеся краски все равно не могли скрыть затертого изображения: двое обвивали друг друга, как виноградная лоза и дерево. Чувство, словно смотришь на древнее произведение искусства, и с каждой минутой все больше в него погружаешься: девушка была темноволосой, в ярком пестром платье, скользнувшем с плеча, а мужчина полуобнажен. Странная карта... Но ничем не напоминает ту, что мне досталась в конверте: второе послание от Эрика в Лигенбурге неожиданно возникло перед глазами. Столь же яркое, сколь и мрачное: цепи, подземелье и тени-кроваподтеки на бледной коже женщины. И пальцы мужчины, впивающиеся в ее шею. На миг я даже почувствовала вонь портового района – запах рыбы, смешанный с сыростью гниющих досок, услышала крики чаек и скрип раскачивающихся основ заброшенных доков.

– Карты всегда одинаковы? Я хочу сказать... Изображения на них ведь могут отличаться, верно?

Софи с любопытством взглянула на меня в отражении. Темные глаза сверкнули.

– Конечно, их же рисуют разные люди. Ты же знаешь, что самые сильные карты – те, что сделаны своими руками? Лайза потратила не один месяц, чтобы их создать. Она отдала их мне, а значит, и часть своей силы тоже. Для нашего народа это бесценный дар.

– Все рисуют их сами?

– Нет, что ты. Многие так называемые гадалки... ну, в салонах, используют картонки, напечатанные на станках, – Софи улыбнулась. – Их же на станках печатают? Но с такими картами гораздо сложнее работать. Конечно, если в человеке достаточно внутренней силы, со временем она может в них перейти... Но только со временем, и это не всегда правда... Если ты понимаешь, о чем я.

Я понимала, но сейчас меня интересовало другое.

– А если на картах, ну... используется мрачный сюжет?

– Мрачный? – Софи нахмурилась. – Ты сейчас про темный эрт?

– Темный эрт?

– Ну да. Рисунки разные, но основы всего лишь две. Темный эрт или светлый. Этот – светлый, – она подняла карты вверх.

– И чем они отличаются?

– Да ничем особенно. Просто те, кто рисуют темный, не гнушаются проклятий и зла. А почему ты спрашиваешь?

Покачала головой.

– Просто любопытно.

Такой ответ Софи полностью устроил, она вцепилась в стул и смотрела, как я вплетаю в волосы ленту. Видела она то же, что и я, но у меня перед глазами стояла совсем другая картина: тяжелая плита саркофага в фамильном склепе герцога де ла Мера. Почему-то именно сейчас не получалось избавиться от чувства, что расклад Эрика куда сложнее, чем мне представлялось изначально.

С Винсентом мы столкнулись в дверях столовой. Не явиться ему помешал этикет: энгериец до кончиков ногтей, он мог размазать близкого человека ровным слоем по ближайшей поверхности, но опоздать на ужин? Ни за что. Вот и сейчас – собранный и мрачный, как грозовая туча, его светлость вышагивал по коридору. У губ залегли складки, а взгляд метал молнии.

Увидела его, и на миг защемило сердце: ведь это мой родной брат, который всегда стоял за меня стеной. Он прикрывал меня, когда я свалилась с дерева и перепачкала платье прямо перед ужином. Я побежала переодеваться, а он рассказывал родителям «сказки». Только Винсент всегда мог охладить гнев отца и растопить холодную отчужденность матери. Только с ним я могла поговорить о некромагии, как о чем-то само собой разумеющемся. Так почему сейчас мы смотрим друг на друга как чужие?

– Тереза. – Муж тепло улыбнулся, и я почти поверила в то, что все будет хорошо.

Софи скрывалась за нашими спинами. Ну как скрывалась: сцепив руки, выглядывала из-за надежной скалы Анри – осторожно, но с явным любопытством. Наверное, сейчас не лучшее время, но ребенок тут ни при чем. Протянула руку, и девочка доверчиво вложила свою ладошку в мою.

– Добрый вечер, граф, – сухо, чопорно. – Леди Тереза.

Леди Тереза?! Да чтоб тебе сесть мимо стула!

– Винсент, это Софи. Наша воспитанница. – Глаза брата расширились. – Софи, это мой брат. Его светлость Винсент Биго, герцог де Мортен.

Софи присела в реверансе – глубоко и настолько точно исполненном, что любая энгерийская леди от зависти съела бы свой лучший шарфик.

– Приятно познакомиться, ваша светлость.

Голосок невинный, глаза опущены – не в пол, но достаточно низко, все по правилам. Что касается моих глаз, то они только чудом на лоб не вылезли: предыдущие реверансы Софи, которым ее тщетно учила Марисса и которые мне доводилось видеть, напоминали нечто среднее между книксеном страдающей подагрой старушки и деревенскими танцами вприсядку. Анри больше не улыбался, но уголки его губ едва уловимо подрагивали. А вот маска сурового герцога не дрогнула ни на миг. Тем не

менее склонился к Софи и поцеловал тонкие пальчики:

– Взаимно, юная леди.

Она подняла глаза и очаровательно ему улыбнулась.

– Можно я сяду рядом с вами?..

Вот это было уже больше похоже на мою дочь, но теперь отмерла я.

– Софи!

Вместо ответа она взяла за руку сначала меня, потом Анри, и таким вот странным гуськом мы просочились в столовую вслед за его ошарашенной светлостью.

– Твоих рук дело? – шепнула мужу, когда мы усаживались за стол.

Он покачал головой.

– Похоже она всерьез задалась целью понравиться твоему брату.

– Когда только успела разучить реверанс? – буркнула я, хотя на сердце потеплело. – Софи же терпеть не может занятия по этикету.

– Мадам Ильез и пара часов свободного времени вполне способны сотворить чудо. Особенно если хочешь произвести впечатление на чудовище.

Я не сдержалась и ткнула его в бок. Локтем. Легонько.

– Сам ты чудовище.

– Не спорю.

На этой странной ноте хрупкого и достаточно напряженного перемирия мы приступили к ужину.

– Как поживает ее светлость? – негромко поинтересовался Анри, когда подали жаркое.

Винсент удостоил его скупым взглядом.

– Замечательно.

– Очень надеюсь познакомиться с ней зимой, – прощепетала Софи. – Говорят, ее светлость Луиза очень красивая!

Винсент хмыкнул. Я покосилась на мужа.

– Наверное, Жерома пыталась, – ответил одними губами, стараясь не улыбаться.

Остается надеяться, что в переносном смысле. Судя по напору, из нас троих у этой мадмуазель быстрее всего получается добывать нужную информацию и использовать в своих целях.

– Очень красивая. – Подтвердил брат, промокнул уголки губ салфеткой и снова принялся за еду.

– Тереза тоже очень красивая, – Софи улыбнулась. – И еще очень-очень добрая. Они с Анри так обо мне заботятся!

– Очень мило, – сухо отозвался Винсент.

В этот миг сердце у меня екнуло, но девочка ничего не заметила.

– И как же вы познакомились с моей сестрой?

– Тереза приехала в Равьенн, – Софи улыбнулась, – с месье Эльгером.

О-ой.

– С месье Эльгером? – Винсент посмотрел на меня так, что захотелось сползти под стол. – Вдвоем?

– В сопровождении воспитанницы герцога де ла Мера, – за меня ответил Анри. – Школа-приют находится под патронажем его светлости. – В этот момент подумалось, не влезть ли на люстру. Поговорить с Анри о Равьенн я не успела, но сейчас, наверное, лучше не уточнять, что теперь школа принадлежит мне. – И справедливо рассудил, что вашей сестре будет интересна тема благотворительности.

– А Тереза меня защитила! – С гордостью заявила Софи. – Меня тогда наказали, и...

– Юная леди, – в голосе Винсента звучала сталь. – Я буду рад продолжить с вами беседу, но будьте так любезны не вступать в наш с графом разговор. Впрочем, для вас это простительно.

Софи дернулась, вжалась в спинку стула, и Анри недобро прищурился.

– Не вижу причин заострять на этом внимание, де Мортен.

– Интересно, что же вы в таком случае посчитаете достойным вашего внимания.

Дальнейшая беседа протекала в ключе словесного пинг-понга снежками – чем занята леди Илэйн, что скоро начнется подготовка к зимнему балу, что в парламенте готовятся новые законопроекты, а ее величество Брианна вот-вот порадует Энгерию и принца-консорта наследником. Впрочем, говорил преимущественно Анри, Винсент только отвечал – односложно, жестко, на грани приличий. Софи притихла, в разговор больше не вступала, и если поначалу улыбалась и глядела на брата влюбленным совенком, то теперь лишь изредка поднимала голову, а после снова утыкалась в тарелку. Когда подали десерт, едва к нему притронулась. Чем дольше все это продолжалось, тем холоднее становился голос Анри и браслет, и тем сильнее мне хотелось стукнуть его твердолобие чем-нибудь тяжелым.

Когда Винсент коротко поблагодарил за ужин и, пожелав доброй ночи, вышел, вскочила и вылетела за ним.

– Не могли ей подыграть? – прошипела в мощную спину. – Можете наказывать своим пренебрежением нас, но ребенок-то в чем перед вами провинился?

Брат остановился. Обернулся, медленно подошел ко мне. Сильные

пальцы сомкнулись на предплечье кандалами, и он быстро зашагал по коридору, увлекая за собой. Поначалу упиралась, стараясь остановиться или хотя бы задержать, но какой там. Не драться же с ним, даже если очень хочется. Мы вышли в холл, а затем и на улицу, где поздний вечер с радостью вонзил в меня свои ледяные зубы, даже несмотря на закрытое и теплое платье. Винсент сдернул сюртук, накинул мне на плечи и укутал, но я вывернулась и отскочила. Будь он мне хоть десять раз братом, Софи обижать я не позволю!

– Вернитесь и извинитесь перед Софи за то, что вели себя как последний... герцог.

– Извиниться – перед кем? – его брови приподнялись.

– Эта девочка – моя дочь!

– Ваша дочь? Вы даже не знаете, кем была ее мать! Наверняка какая-нибудь бродяжка.

– Мать Софи нонаэрянка! Ее звали Талина, и она умерла.

– Об этом я и говорю.

Я сжала кулаки.

– Винсент, да что на вас нашло?!

– Что нашло на меня? – он схватил меня за плечи. – Что нашло на вас! Раздаете авансы мужчинам – чтобы женщина ехала с другим без сопровождения мужа? Чтобы муж ее отпустил, да еще и не придал такому значения? Вы сами на себя не похожи, закрываете глаза на такие вещи, которые раньше привели бы мою сестру в ужас. Ребенок из приюта, брак с хэандаме! Одержимость нашего отца сильными союзами давно ни для кого не секрет, но вы-то не могли не понимать, на что идете! Почему сразу все не рассказали?

Ярость, погребенная под пластами раскаяния за жестокие утренние слова, заворочалась с новой силой.

– Так в этом все дело? – прошипела я. – В том, что Винсент Биго, великий герцог де Мортен привык все контролировать, а его маленькая сестренка не пришла и не выложила ему все?

Угли в его глазах начали было остывать, но вспыхнули вновь. И это было страшнее лесного пожара, заревом расползающегося над охваченным огнем деревьями. Мне не раз и не два доводилось видеть такой взгляд: испепеляющий быстрее «покрывала тлена».

– Ведете себя, как девица на выданье. Которой отказали в замужестве с гулящим хлыщом.

Я бы влепила ему пощечину, но Винсент перехватил мое запястье. До боли стиснул плечи, встряхнул.

– Подумайте о своем будущем, Тереза. Вы должны развестись. Со временем, когда все утрясется, я найду для вас достойную партию. Хорошего человека, с которым у вас будет нормальная семья.

– У меня уже есть семья!

– Общество вас не примет.

– Все эти годы общество меня не замечало! Поговорят и забудут.

– Не в этот раз. Не теперь, когда они знают о магии смерти. Но я не позволю никому поломать вам жизнь, даже вам самой.

– То есть мне ее ломать нельзя, а вам можно?

– Вэля – совершенно другая страна, здесь нравы и мораль катятся в адову бездну.

– Нравы и мораль? – прошипела я. – О, да вы просто ходячая энциклопедия нравов! На какой там странице записано, что нужно щелкнуть по носу ребенка, который изо всех сил пытается вам понравиться?

– Достаточно, леди Тереза. Завтра вы отправитесь со мной в Мортенхэйм.

Не просьба, и даже не утверждение. Приказ.

– Тереза поедет с вами, только если сама этого пожелает. – Хлопнула дверь. Анри спускался по ступенькам: обманчиво-медленно. Тем не менее браслет оцетинился иглами льда, а мягкие черты лица мужа заострились, из-под маски учтивости проступал оскал разъяренного льва. – Отпустите мою жену, де Мортен.

– Не смейте мне указывать, де Ларне.

– Отпустите ее. Или пожалеете, что явились в мой дом.

– Единственное, о чем я жалею – так это о том, что в свое время поддался на уговоры и отпустил ее с вами.

Тем не менее хватка на моих плечах ослабла.

– Тереза?

Перед глазами стоял мальчишка, который смотрел на меня сверху вниз, но при этом улыбался и подмигивал, пока не видел отец. Он строил смешные рожи, когда я начинала кукситься от слов матушки, и я улыбалась в ответ. Надежный, привычный запах прошлого, запах незыблемой твердыни – горьковатых пряностей и мятного табака. Но сейчас передо мной стоял мужчина, который все уже для себя решил. А если он решил – значит, все должно быть только по его, или никак! Даже если он рвет мое сердце на лоскутки. И клянусь, он уже давно не мальчишка, чтобы этого не понимать.

– Мой дом здесь!

Короткий прямой взгляд в упор.

– Это ваше последнее слово?

Слова здесь точно лишние – что первые, что последние.

У-у-у, деспот! Тиран! Ненавижу!

Должно быть, Винсент прочел это на моем лице, потому что брови его сошлись на переносице. А потом брат стремительно прошел мимо. На этот раз дверь хлопнула с такой силой, что в ней что-то хрустнуло. Я подхватила первый попавшийся под руку камень и от души запустила вслед: с коротким скребущим звуком камешек отскочил от стены и ударил в крыльцо. Увернулась от протянутой руки Анри и опрометью бросилась в дом. Надеюсь, Винсенту хватило ума побыстрее убратся с моего пути, потому что иначе я ему не завидую!

Когда я вошла пожелать доброй ночи, Софи спряталась. Из-под пухового одеяла торчала только взъерошенная макушка и пальчики, которые цеплялись за край так сильно, словно ее кровать окружали полчища страшных чудищ.

– Эй. – Я села и мягко постучала по «домику». – Можно к вам?

Изнутри донесся глухой всхлип. Я сдернула покрывало: огромные, на пол-лица глаза. Сухие, но губы дрожат.

– Ну, и что у нас случилось? – я подтянула Софи к себе, обнимая.

Кулачки уперлись мне в грудь.

– Я вас не достойна. Вас с Анри.

– Софи...

– Нет! – она вывернулась из моих рук и вжалась в подушки. – У меня ничего нормально не получается, я не умею себя вести... Хотя стараюсь. Я очень стараюсь, но просто я не такая, как... как вы, и мне не место в этом доме! Поэтому твой брат так смотрел!

Он смотрел так, потому что он всегда так смотрит, когда зол. И в такие минуты ему наплевать, как больно может быть тем, на кого он смотрит.

Но говорить о Винсенте сейчас не хотелось.

– Не говори глупостей, – строго сказала я. – Или...

Лицо Софи окаменело. Она напряглась и сжалась, словно ожидая наказания. В этот момент я поняла, что первым делом все-таки уволю мадам Горинье.

– Защекочу до смерти!

Глаза ее расширились. Софи попыталась отпрыгнуть, но не успела. Я повалила ее на подушки и принялась щекотать. Она извивалась кошкой, пыталась отбиваться, сначала хихикала, а потом начала визжать и хохотать так, что на глазах все-таки выступили слезы. Только тогда я позволила выскользнуть, и девочка стремительно отползла на другой край кровати, на всякий случай вооружившись подушкой.

– Думаешь, что сумеешь справиться со мной с помощью этого? – зловеще поинтересовалась я, вырастая над кроватью и складывая руки на груди.

– Не подходи!

Я бросилась к ней, Софи оглушительно взвизгнула, мимо пролетела страшное орудие и с глухим хлопком приземлилась на пол. Я же прыгнула

прямо на кровать, и мы вместе покатались по покрывалу, сбивая его в большущий ком, который отправился вслед за подушкой. Мне случайно ткнули пальцем в глаз, укусили за ладонь – не больно, скорее, щекотно, в отместку. А после я обнаружила себя лежащей на животе, с заведенными за спину руками. Софи уселась сверху и довольно изрекла:

– Сдавайся!

– Сдаюсь, – пробормотала я, сквозь душивший меня смех.

– Проси прощения!

– За что? – возмутилась я.

– За щекотку!

– Я снова пропустил все самое интересное? – Анри вошел в комнату и остановился, глядя на нас сверху вниз.

В пылу битвы мой халат и сорочка задрались, обнажая ноги, и это было как-то... чересчур.

– Спаси меня, – жалобно пробормотала я.

– Зачем это?

– У меня шея затекла!

– А что мне за это будет?

– Я тебя поцелую.

– Так нече... – Софи оказалась в воздухе раньше, чем пискнула. – ...стно!

Приподнявшись на локте, я смотрела, как ее кружат по комнате на вытянутых руках, и улыбалась. Только когда он побледнел и стремительно опустил девочку на пол, подскочила и бросилась к мужу.

– Все в порядке. Просто голова закружилась.

Наклонившись, Анри легко поднял одеяло и вернул его на кровать. Софи отправилась за подушкой, а спустя несколько минут уже лежала в постели. Мы устроились по обе стороны от нее, и болтали о первой зимней ярмарке, которая откроется через пару недель в Ларне. Странное это чувство: в моем детстве были няньки, которые приходили рассказывать сказки на ночь, а после гасили светильники и целовали, как еще множество девочек – до меня или после. Но никогда – матери и отца. Возможно, поэтому на миг показалось, что все происходящее просто странный сон, который развеется, стоит мне выйти за дверь. Разве можно отказаться от этой нежности, прорастающей из самого сердца?

– Анри, купишь мне куклу? – Софи уже начинала клевать носом, но упорно не хотела засыпать. – И леденцы.

– Посмотрим на твое поведение.

Она мигом встрепенулась.

– Я не хотела его злить... Просто испугалась, что он и правда может забрать Терезу.

– Пусть только попробует, – это прозвучало угрожающе, но девочка хихикнула.

А потом вовсе закрыла глаза и засопела. Анри протянул мне руку и приложил палец к губам: действительно, Софи беспокойно пошевелилась, когда я слегка задела стопку книг на прикроватной тумбочке. Муж погасил светильник, и мы крадучись, словно сообщники, на цыпочках вышли в коридор.

До спальни дошли в молчании и только там, снимая халат, позволила себе сказать:

– В Энгерии тоже проходят ярмарки. В честь начала зимы. Одна из них – в деревеньке, неподалеку от Мортенхэйма.

Раньше ярмарки меня волновали мало. Говоря откровенно, не видела ни одной. А вот в прошлом году отчаянно хотелось куда-нибудь вырваться: тогда мои чувства к Альберту достигли такого накала, что я готова была на край света бежать, лишь бы не оставаться с ними наедине. Но Винсент пригласил Луизу, я же в то время ее терпеть не могла, поэтому осталась дома. Весь день просидела в библиотеке с книгами, чтобы не думать про лорда Фрая. Получалось не очень. Тогда я пошла к Луни и разговаривала с ним, а он перетаптывался с ноги на ногу и рычал на особо эмоциональных моментах. Он не понимал, что я говорю, зато чувствовал очень хорошо. Не все люди так умеют.

Винсент, например, все понимал. Но почувствовать не захотел.

– Тереза, – Анри положил руки мне на плечи, развернул лицом к себе. – Ты по ним скучаешь, ничего страшного в этом нет. Вся твоя жизнь прошла в Мортенхэйме.

Я прижалась к широкой груди, слушая биение его сердца. Ровное, спокойное, сильное.

– Хочешь поехать с ним?

Руки на моих плечах ощутимо напряглись, сердце под ладонью забилося сильнее.

– Не хочу. Моя семья здесь. Ты здесь.

Анри глубоко вздохнул, запустил пальцы в мои волосы. Сжимая пряди в ладони, мягко потянул, заставляя запрокинуть голову – чтобы смотреть в глаза.

– Сегодня я с трудом удержался, – негромко произнес он. – Но в словах де Мортена есть доля правды. Мы с тобой вызов для современного общества. И обычной семьей нас назвать сложно.

– Знаю. Но другой мне не надо.

Его руки скользнули по моим плечам, ткань сорочки натянулась, удерживаемая только завязками на груди. Он наклонился, а я поднялась на носочки, касаясь губами губ, теряясь в золотых глазах, которые стремительно потемнели. Теперь уже мое сердце плясало в груди, как сумасшедшее. Да что там, я сама была сумасшедшей. Ненормальной, безумной, отчаянно, дико и страстно переплетенной с единственным мужчиной в этом мире. Душой и телом.

Грудь высоко вздымалась, дыхания не хватало, но оборвать этот поцелуй не было никаких сил. Я дышала им, лавандой и шоколадом, горящими нотками иньфайской настойки на губах. Его близость и мягкая властность – когда пальцы мужа легли на завязки сорочки и дернули. Ткань стекала по коже, лаская, и руки Анри повторяли ее путь. Я вжалась в твердые напряженные бедра, ощущая его желание. Развела полы халата, скользнула ладонью между наших тел, под его брюки. Губами вобрала глухой гортанный стон мужа, от которого по всему телу прокатилась бесстыдно-сладкая дрожь.

То ли от него, то ли от судорожно-хриплого, сквозь зубы:

– Тер-реза...

Таким взглядом только клеймо ставить! Сжала пальцы самую капельку сильнее, провела ладонью навверх. Мы не успели погасить свет, поэтому сейчас я отчетливо видела каждую бисеринку пота, выступившую на смуглой коже. И муж тоже – прошелся бесстыдным ласкающим взглядом по горошинам напряженных сосков, по обнаженным плечам и задержался на разомкнутых припухших губах. Его пальцы сдавили мои ягодицы, и я выгнулась, подалась назад.

Горячо, как же горячо!

Внизу живота сладко заныло, грудь напряглась.

– Что ты... что ты творишь, моя сладкая девочка...

– Мне остановиться?.. – разжала пальцы и медленно облизала губы.

Анри выругался – совсем не по-графски, почти впечатывая меня в себя. Сердце ударилось о ребра, и я подалась вперед, еще ближе – хотя казалось, дальше уже просто некуда. Бесстыдно потерлась сосками о его грудь, и утонула в самой глубине тягучего, жаркого взгляда. Содрогнувшись от странного, неведомого доселе чувства, ладонью повторила твердость его желания.

Вверх. И вниз.

Было в этом что-то глубоко порочное и донельзя откровенное – вот так бессовестно наслаждаться вместе с ним... Я ласкала мужа, забывая обо

всем. Его пальцы снова запутались в моих волосах, а дыхание напоминало рычание. Низ живота сводило сладкими судорогами: до дрожи, до одури хотелось почувствовать его в себе.

Вверх. И вниз.

Быстрее... сильнее... до сдавленного стоны.

Взгляд Анри был сумасшедшим и плывущим, когда он подхватил меня под бедра, стряхнув содержимое с туалетного столика и усаживая на него. Я посмотрела на рассыпавшиеся по полу баночки, сдавленно хихикнула – пожалуй, год назад мне такое и в голову прийти не могло, а если бы пришло, в моих комнатах бы нашли горстку пепла – добровольную жертву идолу стыда. Но уже в следующий миг стало не до смеха и не до воспоминаний. Пальцы мужа обвели чувствительную впадинку пупка и скользнули ниже: от легких дразнящих прикосновений по телу прошла сладкая дрожь.

– О-о-о-охх... – запрокинула голову, шире разводя бедра и цепляясь пальцами за край столика.

Сколько еще будет продолжаться эта сладкая пытка?

– Повтори, – произнес он мне в губы. – Мне нравится.

– Что-о-о... им-м...ен-но... – прошептала я, кусая и без того припухшие губы.

– Нравится слышать твои стоны.

– Ты... извращенец...

– Это ты уже говорила.

– Никогда... не устану... повторять...

Стон сорвался с губ непроизвольно: когда пальцы Анри почти скользнули внутрь, а потом снова погладили снаружи. Исступленные ласки заставляли нетерпеливо ерзать, раскрываясь и подставляясь в откровенно-бесстыдной игре. Я чувствовала его налитое силой желание, и от обжигающей сладости предвкушения хотелось не просто стонать, а кричать. В тот миг, когда он толкнулся в меня, вцепилась зубами в ладонь. Боль немного отрезвила, не позволяя сразу скользнуть в наслаждение, бьющееся в соединении наших тел. Столик дрожал, зеркало отражало наше...

Дерзкое хулиганство, безумие, помешательство? Не знаю. Я не видела. Только чувствовала.

И когда комната перед глазами поплыла, вцепилась ногтями в спину мужа, потому что вместе с ней поплыла и я. Мы сливались воедино, как море и небо, уходящее в горизонт.

Хорошо, как же хорошо, как же...

С губ все-таки сорвался крик. И мир полыхнул переливами золота.

Я содрогалась, и мое удовольствие перетекало в его, а потом Анри подхватил меня на руки – все еще дрожащую от невыносимого наслаждения. Отнес на кровать, завернул в покрывало, прижимая к себе. Волосы расплескались по подушкам, по ним бессовестно протоптался Кошмар и улегся спать прямо сверху, но сгонять нахала не было ни сил, ни желания. Покачиваясь на волнах растекающегося по телу тепла в лодочке родных рук, я провалилась в сон.

Раннее утро пощипывало прохладой руки и шею. Я забыла надеть перчатки. И шарф тоже – когда Жером разбудил нас и сообщил, что Винсент уезжает, мы с Анри еще мирно спали. Спросонья заворачиваясь в первое, что попало под руку, сейчас я напоминала себе неудачно запакованный на почте сверток. То, что брат решил уехать не попрощавшись, было из ряда вон, но вполне в его духе. Оказывается, он проснулся еще до рассвета, попросил подать завтрак в комнату, после чего велел готовить экипаж, чтобы успеть на дневной поезд до Ольвижа.

– Хорошо добраться, де Мортен.

Анри притянул меня к себе, а Винсент наградил его испепеляющим взглядом. Ступил на подножку, и устроился в экипаже, запахнув полы плаща.

Кучер захлопнул дверцу и вскочил на козлы.

– Всего хорошего.

С таким выражением лица и таким тоном обычно желают катиться в ад. Хотя слова Винсента звучали по-другому, смысл от этого не менялся. Не дожидаясь ответа, брат задернул шторку, постучал тростью, и экипаж тронулся. Я смотрела ему вслед, не в силах поверить, что мы так и не помирились. От души пожелав Винсенту жестокого несварения в дороге, развернулась и пошла в дом рядом с Анри.

– Ему нужно время, – негромко произнес муж.

– Разумеется! Года через два на него снизойдет озарение. Может быть. В лучшем случае.

Подхватила юбки и зашагала быстрее.

– Думаю, это случится раньше.

– А я так не думаю! В его голове уже нарисовалась картина, в которой мы не должны быть вместе. И пока она там висит...

– Так давай нарисуем другую. И повесим на ее место.

Анри взял мою заledenевшую руку в свою.

– Он не станет упорствовать, когда поймет, что ты счастлива.

– Да неужели! – я отняла руку и влетела в холл, в котором сейчас было немногим теплее, чем на улице, как всегда по утрам. – Вчера я пыталась ему показать, рассказать и объяснить, насколько я счастлива. В результате наша дочь испытала на себе все прелести возникшего между нами недопонимания. Сегодня Винсент собирался уехать, даже не

попрощавшись, если бы Жером не проснулся раньше, так бы и случилось. И ты говоришь, что он увидит наше счастье, и растает, как снежок на затылке? Не смешите зомби!

Анри перехватил меня на подлете к лестнице, развернул лицом к себе.

– Тереза, он любит тебя. Просто ему нужно осознать, что наша семья для тебя не прихоть и не каприз.

– Он любит только свое раздутое до размеров бальной залы мнение. И пока его поддерживают, он любит этих несчастных. У-у-у, видеть его не могу! Надо написать матушке, чтобы не ждала нас на праздник.

Я вырвалась и убежала наверх. Поднялась на чердак, толкнула незапертую дверь и оказалась в царстве пыли и теней. Сквозь небольшие оконца с трудом проникал свет, но его хватало сполна, чтобы разглядеть тонкое кружево паутинок и резные узоры застывшего у стены сундука. Кроме него здесь больше ничего не было: ни старой мебели, ни каких-либо других вещей. Крепкие деревянные половицы даже не скрипели, когда я шла, оставляя на них следы и подметая их подолом. Щелкнула попытавшегося спуститься на плечо паука, который улетел в темноту, и уставилась на стремительно убегающую вдаль дорожную ленту.

Меня достаточно сложно напугать, но здесь почему-то стало не по себе. Дело было не в темноте и не в запахе пыли, от которого зачесалось в носу. Чердак простирался на все правое крыло дома, но пустовал. Да, дом относительно новый, а Анри предпочитал путешествовать налегке, но неужели все прошлое моего мужа легко уместилось в один-единственный сундук? Который так и притягивал взгляд: замка на нем не было. Теперь уже стоило немалых усилий заставлять себя смотреть в окно – на дорогу, по которой уехал Винсент, на каменный мостик, облетевший лес и плывущие по небу облака. Так просто подойти и откинуть резную крышку, заглянуть внутрь и, возможно, в душу Анри. Того Анри, кем он был когда-то, и каким я никогда его не знала.

Мальчик. Совсем юный, не отравленный целью мести мааджари.

Он говорил, что вырос в любви, но как получилось, что ненависть проросла в его сердце?

Я все-таки заставила себя отлепиться от окна, широким шагом направилась к сундуку, и... замерла. Однажды я уже совершила ошибку, прикоснувшись к тому, о чем не следовало знать. Доверилась своим глазам, страхам и сомнениям, но не сердцу. Больше я такой ошибки не повторю. И все, что я могу узнать о прошлом Анри – узнаю от него самого, когда он будет готов. Возможно, мы даже вместе раскроем этот сундук. А может быть, в нем и правда ничего нет.

Вернувшись в комнату, мужа я не застала. Привела себя в порядок и спустилась к завтраку, после которого Анри отправился к себе в кабинет, а мы с Софи на прогулку. Солнце уже растопило утреннюю прохладу – жаль, с той же легкостью не растопить сердце брата. Лучи блестели в капельках воды на дорожках, золотили пожухлую траву и плескались в неглубокой речушке. Мы перешли мостик, а Софи говорила, говорила и говорила – то о встрече с нонаэрянами, то о картах, с которыми только училась разговаривать. Кажется, она уже забыла о случившемся вчера – с легкостью, свойственной только детям. Зато была искренне рада, что сегодня у нее выходной от занятий с Мариссой.

– Не нравится учиться?

– Учиться скучно.

– Неужели совсем?

– Ну... не всегда, арифметика, например, еще куда ни шло, или правописание. Но когда она заставляет меня зубрить эти унылые поэмы... – девочка наморщила нос.

– И что же там такого унылого?

– Мой мир разрушен и сожжен дотла, я словно раскаленная игла. Вливали в жизнь мою лжи горько-сладкий яд, предательство и боль меня томят. Не знаю, как преодолеть сомнений сонм, с моей душой звучащих в унисон. И даже если я смогу понять, как мне забыть, любить, простить, принять? Отринул сердцем всех своих друзей... Так что же знаю я о смысле жизни сей?

Софи скривилась, высунула язык, и я с трудом удержалась, чтобы повторить.

Но ничего не поделаешь – классика, надо знать. Даже если смысла в ней меньше, чем в хрюканье молочного поросенка. Зато в голову пришла одна маленькая хитрость: надо подсказать Мариссе подсунуть девочке географический атлас. Софи грезит путешествиями, вот пусть и занимается тем, что ей интересно. По крайней мере, пока у нее не появится гувернантка. С которой уже можно подробнее обсудить, как разбудить любовь ребенка к классической поэзии. Энгерийским я с ней буду заниматься сама, так что думаю, с языком проблем не возникнет.

Ближе к обеду мы вернулись в дом, и разошлись по комнатам, чтобы переодеться. Но не успела я снять накидку, как на пороге появился Анри. Побледневший и хмурый, с тяжелыми даже на вид папками в руках – и ведь хватило ума сидеть все это время за работой вместо того, чтобы отдыхать! Сердце сжалось, но я все-таки заставила себя улыбнуться.

– Только не говори, что вместо обеда ты будешь заниматься бумагами.

– Не стану. Если только ими не решишь заняться ты.

Что-то в его голосе – низким, сумрачным, мне не понравилось.

– С чего бы мне...

Перехватив тяжелый взгляд, закусила губу. Я вдруг поняла, что в этих папках – документы по Равьенн. И дай Всевидящий, чтобы только документы, без письма Эльгера. Но конечно же, оно там оказалось. Я увидела его, когда Анри положил бумаги на туалетный столик, аккуратно – не в пример вчерашнему, сдвинув гребень, крема и шкатулку с драгоценностями. Письмо лежало на самом верху, сложенный вдвое листок с гербовой печатью. Сломанной.

– Почему ты вскрыл бумаги, которые прислали мне? – я похолодела, но мой голос звенел от ярости.

– Потому что на посылке не было имени, – не менее холодно отозвался муж. – Документы от герцога мне получать не впервой, поэтому я решил, что они для меня. Пакет остался внизу, в кабинете, можешь проверить.

Меня окатило раскаянием. Раскаянием, сожалением, яростью... и дикой, безотчетной злобой.

Эльгер, вот же... бессердечная тварь! Знал, что так будет.

Знал, и сделал это специально!

Но хуже всего было то, что я еще не успела рассказать мужу про Равьенн.

– Анри, я не говорила, что...

– Неважно, – он посмотрел мне в глаза, и впервые за последние дни показался отчаянно чужим и далеким. – Мне нужно кое-что закончить до обеда.

– Не уходи, – я шагнула к нему и взяла за руку. – Давай об этом поговорим. Пожалуйста.

– Об этом стоило поговорить до того, как ты приняла на себя полную ответственность за приют.

Он повернулся и вышел, а я осталась наедине с бумагами. Подошла, неосознанно перебирая устав, всякие свидетельства, финансовые отчеты, и яростно смахнула их на пол. Бумаги разлетелись по всей комнате, за одним особо прытким листом тут же погнался выскочивший из-под кровати Кошмар. Я же смотрела только на письмо, с трудом сдерживаясь, чтобы не обратить все это в тлен. Грудь высоко вздымалась – так, что не хватало дыхания, руки сами собой сжались в кулаки.

Разломанный надвое полукруг с расходящимися в стороны лучами на застывшем темно-красном сургуче. Да и было того письма всего две строчки – но достаточно для того, чтобы в ушах с новой силой зашумело от

ярости.

«Счастлив, что вы согласились принять мой подарок, леди Тереза. Теперь я могу быть уверен, что Равьенн в надежных руках.

Надеюсь в самом скором времени увидеть вас вновь.

С глубочайшей признательностью,

Симон Эльгер»

Даже слова о надежде у него звучали в приказном порядке.

Что уж говорить о неофициальной подписи, от которой меня затрясло.

Я смяла письмо: красивый резкий почерк вместе с его признательностью, подарками и прочим, а потом с силой запустила комок в окно. Долететь он не успел – превратился в пепел и осыпался вниз. Кошмар, который в этот миг драл попавший ему в лапы листок, прижал уши и с шипением метнулся под комод. Я принялась собирать бумаги – яростно, невзирая на сминающиеся уголки и порезанные пальцы, швыряла одну стопку за другой на кровать. А потом села на стул и уткнулась лицом в ладони.

Будьте вы прокляты, ваша светлость!

Будьте вы трижды прокляты.

Слияние в полной мере позволяло почувствовать раскинувшуюся между нами пропасть – муторную и едкую, которая становилась глубже с каждой минутой. Я то и дело смотрела на Анри, пытаюсь понять, как же начать разговор, но сделать это в присутствии Софи не представлялось возможным. Не знаю, о чем думал он, наша беседа напоминала скачущий по кочкам мячик, который то и дело падал в лужу. В конце концов я отказалась от попыток вернуть ей живость и развлекала себя тем, что рисовала вишневые узоры на взбитых сливках, вместе с Софи. У нее получалось красивее: тонкие темно-красные прожилки цветов таяли в белоснежных облаках.

– Пойфемте гулять пофле обеда? Фсе фмефте? – спросила она, облизываясь как довольный котенок и вытирая уголки губ пальцами.

Поймала мой взгляд, слегка покраснела и поспешно схватила за салфетку. От привычки говорить с набитым ртом я ее пока не отучила. Точнее, отучила, но не до конца – иногда Софи забывалась. Ела она быстро, как в приюте – когда нужно успеть пообедать, а после еще собраться на прогулку, чтобы не задерживать остальных. Иногда старшие девочки отнимали у младших хлеб, а воспитательницы смотрели на такое сквозь пальцы. Поэтому слуги едва успевали менять перед ней блюда.

– Мне нужно поработать, Софи.

Ну разумеется я знала, что он так ответит.

– А ваша работа не может немного подождать? – поинтересовалась, с трудом сдерживая раздражение.

– Не может. И вам не советую откладывать. Управление школой – дело серьезное.

– Школой? – Софи удивленно вскинула голову.

– Да. Теперь Равьенн принадлежит Терезе.

Холодом голоса мужа можно было приморозить к скале взрослого слона, а не одну маленькую меня к стулу. С трудом удержалась, чтобы не ткнуть его вилкой.

– Пожалуй, вы правы, – заметила жестко. – Этим и займусь.

– И правильно сделаете.

Девочка с интересом смотрела на меня – к счастью, новость ее настолько поразила, что она не обратила внимания на нашу словесную дуэль. Зато обратила я, равно как и на то, что наш тон снова стал

официальным. Впрочем, сейчас не до выбора тона – я сама готова его выпороть! Неужели так сложно понять, что мне тоже не по себе ото всей этой ситуации?

– А как ты отобрала школу у страшного герцога?

Я поперхнулась взбитыми сливками и закашлялась. А после чуть не подавилась вишневым муссом под ядовитым взглядом Анри.

– И правда, Тереза, как?

Это было нечестно, и он прекрасно об этом знал. Поэтому и смотрел на меня, сцепив руки возле подбородка, слегка приподняв брови. Злющий, как армия Верховного во время колокольного звона.

– Привязала к стулу и пыталась до тех пор, пока не согласился отдать Равьенн. И так будет с каждым, кто задает слишком много вопросов.

Софи хихикнула и приложила палец к губам, а я промокнула губы салфеткой и поднялась.

– Прошу прощения, но меня ждет управление школой. Софи, если хочешь погулять, попроси Мэри пойти с тобой. Но лучше почитай, судя по всему, будет дождь.

За окном и правда хмурилось, как в первые дни перемены погоды. Впрочем, будет дождь в Лавуа или нет, сказать, наверное, мог только сильный стихийный маг – тучи над ним могли кружить целый день, но не проронить ни капли. А иногда припускал затяжной, мелкий, с переходом в холодный ливень, напоминавший мне об Энгерии. Хотя дождь – это ерунда. Гораздо больше стоит опасаться урагана, который сметет поместье. Не просто сметет, а выкорчует его вместе с фундаментом, если Анри еще хоть слово скажет!

К счастью, мне даже удачи не пожелали.

Муж засел в кабинете, а я – в библиотеке, где осознала свалившийся на меня объем работы, который предстояло изучить в самое ближайшее время. Чем и занялась вплотную до самого вечера, превратив голову в склад для расчетов и прочей информации по школе. Определенно, я немного иначе представляла себе работу по управлению, но реальность и ожидания зачастую не совпадают. Просматривая документы, делала себе пометки в блокнот – о том, что вызывало сомнения или было непонятно. Заодно писала вопросы, которые задам мадам Арзе в первую очередь. Это определенно помогало – не думать ни о Винсенте, ни об Анри, поэтому я окунулась в документы по Равьенн и вылезать оттуда не спешила. Очнулась, только когда в библиотеку постучала Мэри и спросила, собираюсь ли я укладывать Софи, или этим заняться ей.

– Я уложу.

Для нас это стало традицией, которую я не хотела нарушать. Вот только сегодня мы вряд ли дождемся Анри.

Потянулась и поднялась, разминая затекшую спину. Только сейчас поняла, насколько устала: оказывается, цифры и документы могут быть не менее утомительными, чем магия. Особенно если прибавить к этому веселое общение с братом и случившееся после. Сложила бумаги в папки, погасила светильник и вышла. Идти мне предстояло мимо кабинета мужа, и я буквально поймала свою руку на полпути к тому, чтобы толкнуть дверь.

Не дождется!

С этой мыслью и поднялась к дочери. Пожелав Софи доброй ночи и дожидаясь, пока она заснет, ненадолго прикрыла глаза. Проснулась от того, что куда-то летела, и так хотелось верить, что это Анри несет меня с нашу спальню... На самом деле все оказалось куда прозаичнее: я задремала и свалилась с кровати дочки – благо, внизу был мягкий теплый ковер, который постелили на зиму, чтобы не мерзли ноги.

К счастью, Софи не проснулась, а мне пришлось подниматься и самой нести себя в спальню. Мужа там до сих пор не было, но сил расстраиваться или переживать уже не осталось. Сбросив с себя все, что сбрасывается, отпустила Мэри и едва коснулась подушки щекой, провалилась в глубокий сон. Из которого меня вышвырнуло, подбросило на постели, словно кто-то окатил ледяной водой. Эта вода сейчас бежала по венам, сердце гулко стучало в ушах, а браслет отчаянно пульсировал. За окнами стояла то ли ночь, то ли предраассветная темень, чернее которой не бывает. Спросонья ткнулась раскрытой ладонью в пустую половину постели: Анри рядом не оказалось, и тогда я подскочила снова.

Мэри влетела в комнату по первому зову – уже не сонная, но спешно оправляющая платье.

– Что случилось, миледи?

– Где граф?

Она стушеввалась, но потом подняла глаза.

– Они с Жеромом уехали. Полчаса как.

– Зачем?

– Так... тренироваться, миледи.

Тренироваться?!

После того, как вчера весь день не вылезал из кабинета? Да его шатает от малейшего резкого движения!

– Поддай амазонку... Нет, лучше брючный костюм.

Мэри бросилась к гардеробной, а я расплела косу и принялась наскоро сооружать привычный пучок.

- Куда именно они поехали?
- К лесу. Кажется, в сторону Ларне.
- Кажется?

Ай!

От души ткнула себя шпилькой в темечко. Не так-то легко делать прическу, когда глаза слипаются – даже несмотря на то, что слияние бодрило получше пригоршни снега за шиворот. Волосы все-таки удалось закрепить так, что они больше не пытались развалиться – натыкав в них множество шпилек. Спустя минут пятнадцать я уже вылетела из дома и бежала к конюшне. Меня колотило то ли от яростной силы Анри, то ли от желания схватить его за плечи и трясти, пока не поумнеет.

Перед глазами стояли всплески огненной магии, отражающиеся от смертоносного лезвия и ricochetящие в землю. Даже думать не хотелось, что может случиться, если у Анри ненадолго закружится голова, а Жером не успеет поставить щит. Сжала зубы и пришпорила Искорку: искренне надеюсь, что не застану их за этим занятием. Потому что если застану, оторву головы! Все равно они ими не пользуются!

Ночью Лавуа казался черными: и лес, и поля, и широкий вьюн стелющейся между ними ленты. Огненные всполохи засверкали, стоило свернуть вслед за дорогой – они отлично просматривались в густой предрассветной синеве. Искорка всхрапнула, почуяв магию, но доверяя мне, послушно устремилась вперед. Кажется, Жером меня заметил, потому что фейерверк прекратился. Мужские силуэты, маячившие перед темными, вскинувшими руки-крючья деревьями, замерли. Стихло возмущенное карканье потревоженного воронья, кружащего над лесом. Птицы опускались вниз и собирались на ветвях черными комками – как раз в тот самый миг, когда я подлетела к мужу и его камердинеру.

Натянула поводья, спешила и решительным шагом направилась к ним.

- Вы, оба! Совсем с ума сошли?

Анри и правда стоял с мечом: даже в темноте, несмотря на холод, лицо блестело от пота. На бесстрастной маске выделялись глубоко запавшие глаза.

- Возвращайся домой, Тереза.

Жером быстрым шагом направился к лошадям, привязанным чуть поодаль.

- И не подумаю! Что ты творишь?
- Я сказал: возвращайся домой.

Он держал в руках иньфайский меч, накидка валялась на земле, поверх

нее – ножны, а на рубашке темнели пятна пота. Едва заметно ссутулившись – как от усталости, тем не менее смотрел на меня жестко и холодно.

– Никуда я без тебя не поеду!

Сложила руки на груди и с вызовом взглянула на него.

– Как знаешь. Жером, продолжаем!

– Анри. – Негромко произнес тот, направляясь к нам.

– Продолжаем.

Камердинер пробормотал что-то неразборчивое, Анри же повернулся ко мне спиной и поднял меч. Жером смотрел на меня – через его плечо, но муж даже не пошевелился. Просто стоял и ждал: напряженный, натянутый, как струна. Под рубашкой четче обозначились мышцы, а пальцы, сжимающие рукоять, сливались с ней, словно меч стал его продолжением и расстаться с ним он мог только ценой собственной жизни. Эта же самая струна натянулась сейчас во мне, чтобы спустя пару мгновений лопнуть с оглушительным звоном.

Я отступила и пошла прочь. Взлетела в седло.

Развернула лошадь, не обращая внимания на выстроенный за спиной щит и полыхнувшее под ним пламя. Подчиняясь поводьям, Искорка перешла сначала на шаг, а затем на рысь. Дом встречал меня сонными темными окнами, хотя уже начинало светать. Вручив лошадь конюху, велела заложить экипаж и поднялась к себе. Попросила Мэри подать мне завтрак как можно скорее и отправилась в библиотеку за документами. Желает себя истязать – пожалуйста, не желает со мной говорить – его право! А мне пришла пора всерьез заняться Равьенн.

В приюте, который милостью Эльгера теперь принадлежал мне, меня встречали уже совсем по-другому. То ли слава некромага подействовала, то ли мое новое положение, но директриса без усталости щебетала, как же радостно превратить школу в удобное милосердному Всевидающему место. После кофе с вишневым пирогом лично вызвалась меня сопровождать и даже я сомневалась, что в этом мире существует сила, способная заставить ее замолчать. Прижимая пухлые ручки к груди, мадам Арзе говорила, говорила и говорила.

– Основной ремонт, сделаем, конечно, весной, мадам Феро. Но уже сейчас в спальнях появятся теплые одеяла, мягкие подушки, новое постельное белье, игрушки и книжки с картинками. Часть денег уже поступила на счет, и...

– А что вы до того времени собираетесь делать с окнами в классных комнатах и спальнях воспитанниц? Из них тянет холодом, как из могилы.

– Я уже пригласила рабочих. Через несколько дней все будет исправлено.

Надеюсь, им удастся заделать окна так, чтобы в помещениях можно было находиться, не отбивая зубами гимн Вэлей. Здесь не такие холодные зимы как в Энгерии, но ночами заморозки случаются. И даже в нашем поместье временами становится неуютно, что уж говорить о долине.

– Я хочу лично переговорить с каждой из воспитательниц. – Заметив, как напряглась мадам Арзе, добавила: – В следующий раз. Подготовьте для меня личные дела, я их изучу перед встречей.

Директриса кивнула, расправляя складки малинового платья. Надо отметить, желтый ей шел больше: в густой седине скрывались очень светлые волосы, маленькие глазки под белесыми бровями поблескивали, поэтому яркий цвет превращал мадам Мячик в моль, влипшую в пятно краски.

– И еще. Пригласите мадам Горинье. Нужно немедленно ее рассчитать с сохранением месячного жалованья.

На пухлом лице отразилось недоверие и растерянность, мадам Арзе нахмурилась.

– Но... но Сандрин Горинье старшая воспитательница. Она моя правая рука, и мне хотелось бы...

– Вам придется подыскать себе новую помощницу. А еще сообщить

остальным, что в этой школе никто больше не посмеет тронуть детей и пальцем, – здесь мне сегодня больше нечего было делать, поэтому я решительно направилась по коридорам, и директриса покатила следом.

– Мадам Феро, не принимайте поспешных решений. Сандрин – опытная воспитательница, к тому же она вдова, и о ней некому позаботиться...

Поспешным мое решение не было – с мадам Горинье все было ясно с самого начала. Эта женщина из породы людей, озлобленных на жизнь, на всех и вся вокруг и срывающая свое разочарование на беззащитных детях. Но судя по выражению лица директрисы, именно я сейчас была воплощением зла. Что ж, пусть так. Остановилась и обернулась, смерив мадам Арзе холодным взглядом. Под которым она окончательно стушевалась и принялась крутить на пухлом пальце тонкое обручальное колечко. Насколько мне было известно из личного дела, которое нашлось среди остальных бумаг, ее муж в добром здравии. Странно, что они с супругой уже несколько лет не живут вместе, хотя до сих пор не в разводе.

– Вот поэтому мы рассчитаем ее с сохранением месячного жалования. Ей не стоит работать с детьми, а вам – ставить под сомнения мои решения. Сколь бы поспешными они вам ни казались.

Директриса побледнела и закивала – быстро-быстро.

– Конечно, мадам Феро.

Оставался еще один важный вопрос.

– Вы подготовили для нас документы по опекунству над Софи Фламбель?

– Да, да, конечно... – мадам Арзе всплеснула руками. – Только вам нужно приехать вместе с графом, чтобы их подписать в присутствии нотариуса.

– Разумеется.

Я задержалась еще ненадолго, чтобы побеседовать с воспитанницами и сообщить, что вскоре вместо бесконечных уборок, расчистки дорожек и шитья, у них появится личное время. Девочки смотрели на меня с недоверием, особенно старшие, но в глубине их глаз я видела смутную хрупкую надежду, и от этого на душе становилось особенно тепло. Разумеется, Равьенн – всего одна школа, а сколько еще таких... Но мне бы очень хотелось верить, что я смогу вернуть этим детям радость. Подготовить их к жизни, которая, возможно, и не всегда будет баловать, но станет для них немного более яркой и не такой жестокой с самого начала.

Глядя на воспитанниц, отчетливо вспомнила Анри: как он протягивал Софи руку и улыбался. Сердце болезненно сжалось, а холодные иголки,

покалывающие запястье, вернулись снова. Все время, что я была занята, удавалось не думать про мужа и про Винсента, но сейчас сожаление обрушилось волной, грозя затопить хрупкий замок шаткого спокойствия. Радость как рукой сняло, не спасали даже посещавшие меня в последние полчаса мысли о девочках. С каждой минутой наша ссора становилась все более далекой, но от этого не менее острой. Да, мне не следовало принимать Равьенн, не посоветовавшись с ним, вот только дело уже сделано. Можно подумать, я прыгаю от счастья из-за того, что Эльгер обратил на меня свое монаршее внимание!

На этой мысли, на пути к экипажу, меня и застал окрик мадам Горинье:

– Мадам Феро!

Обернулась: воспитательница стояла чуть поодаль. Сейчас она казалась еще более костлявой и сухой, напоминая старую гнилую доску, оцетинившуюся занозами. Глаза ее горели ненавистью, узловатые пальцы побелели. Она подошла ближе и остановилась.

– За что вы меня рассчитали?

– За вашу жестокость. Вам здесь не место.

– Что вы знаете о воспитании! – Выкрикнула она. – О воспитании сирот, которых взрослая жизнь вышвырнет на улицу?

– Достаточно для того, чтобы понять, что страх и боль в глазах ребенка – это ненормально.

– Вы выросли совсем в другом мире!

Скажите это моему отцу.

– Мир для всех одинаков, – хмыкнула я. – И в моих силах сделать его немного лучше.

Худое лицо исказилось от злобы.

– Вы пожалеете. – Прощемила мадам Горинье сквозь зубы.

Рот ее, представляющий тонкую полоску, почти не открывался, хотя слова из него вылетали: скупые, жесткие, пропитанные ее внутренним ядом. Как она умудряется говорить и не отравиться – большой вопрос.

– Найдите себе занятие по душе, – посоветовала я, развернулась и подала руку кучеру, ставшему свидетелем этой сцены.

Устроилась в экипаже, и закрыла глаза. Ненависть мадам Горинье меня беспокоила мало, гораздо больше волновало то, что осталось в поместье. Несказанные слова, нерешенная обида – глубокая пропасть, которую я своим отъездом наверняка сделала еще глубже. Как назло, на Лавуа обрушился затяжной дождь, дорогу размыло, и экипаж полз просто с черепашей скоростью. Временами начинало казаться, что если я сама

поташу карету, так и то доберемся быстрее. Вода текла по стеклам, иногда даже не было видно, где мы едем, а потом и вовсе начало темнеть.

Добрались поздно. Встречал нас Жером, который раскрыл надо мной зонт и помог выйти. Пока мы бежали до дома, подол намок и превратился в тяжелую тряпку, которую теперь держал только кринолин. Но куда тяжелее была обида – несмотря на все, что произошло между нами утром, я все-таки надеялась, что ко мне выйдет Анри. Видимо, зря.

– Миледи. – Я уже положила руку на перила, но обернулась на негромкий голос камердинера. – Ему тоже нелегко, можете мне поверить.

– Могу. Охотно! – Оттолкнувшись от перил, яростно стянула перчатки и приблизилась к Жерому вплотную. – А ты, вместо того чтобы помочь, решил его окончательно добить?

Вот теперь вернулись и досада, и утренняя злоба.

– Он же едва на ногах держится!

– Сегодня ему значительно лучше.

Камердинер говорил негромко, и я тоже невольно понизила голос.

– Исключительно от ваших смертельных трюков, разумеется.

– И поэтому тоже.

Нет, с ними бесполезно говорить. И ладно бы Анри – у того вообще инстинкт самосохранения отсутствует, но Жером-то мог бы и не потакать ему в этих самоубийственных мотивах!

– Если вдобавок к золотой мгле моему мужу придется лечить ожоги, я похороню тебя в саду. Лично.

– Миледи, не мне вас учить жизни, но... для него сейчас это лучшее лекарство.

Именно после таких слов все обычно начинают учить жизни.

– Перестаньте его защищать. И позвольте ему защищать вас.

– Когда мне понадобятся твои советы, – я стянула накидку и вручила Жерому вместе с перчатками, – обязательно тебя разыщу. А до той поры держи их, пожалуйста, при себе.

Взгляд его подернулся инеем. Камердинер склонил голову и отступил в сторону.

– Да, миледи.

– Скажи Мэри, пусть зайдет ко мне.

Взлетела по лестнице, с треском захлопнула за собой дверь и принялась – насколько смогла извернуться, дергать нижние крючки платья, пытаюсь его расстегнуть.

Ай, да чтоб тебя!

Рука сорвалась, больно дернуло ноготь. Я сунула пострадавший палец

в рот.

– Вернулась?

На пороге стоял Анри. Лицо бледное, а взгляд... С таким хорошо на куропаток охотиться. Посмотрел – и птицы сами на землю падают, а некоторые еще и ползут в сторону собак, как зомби-добровольцы.

– Вспомнили, что у вас есть жена?

– Если бы жена не исчезала неизвестно куда без предупреждения, было бы гораздо проще.

– Кому?

– Всем.

– К вашему сведению, Мэри знала, куда я исчезла. А как вы сами вчера сказали, у меня есть дела в Равьенн, которыми нужно заниматься.

– Еще у тебя теперь есть дочь, которой нужно заниматься. Или ты о ней забыла?

Ах ты...

Я развернулась, вплотную приблизилась к нему.

– Я оставила Софи всего на один день. Пока Марисса ищет гувернантку, Мэри счастлива проводить с ней время. Или вы переживаете, что придется заниматься ей самому? Ну так не переживайте, никто вас не заставляет!

Анри прищурился, потом развернулся и стремительно вышел из комнаты. В закрытую дверь полетела сначала баночка с кремом, а потом гребень. Не поленилась, стянула башмак и от души запустила вслед за ними – как раз в тот момент, когда на пороге появилась Мэри.

– Ой!

Камеристка успела увернуться, но мне все равно стало стыдно. Настолько, насколько это возможно, когда хочется убивать.

– Помоги переодеться, – буркнула себе под нос. – И попроси подать ужин в комнату Софи. На двоих.

– На двоих? – осторожно уточнила Мэри, закрывая дверь.

– Да!

Сказал, чтобы я занималась дочерью – буду заниматься.

Я вообще послушная жена, теперь буду делать только то, что мне сказано. И посмотрим, как вам это понравится.

За завтраком я делала вид, что меня совершенно не касается все, что происходит по другую сторону стола. Так же, как и то, что сегодня мы спали каждый на своей половине кровати, спиной друг к другу, что Анри завернулся в покрывало и что рано утром снова поднялся на тренировку. Сейчас он отгородился газетой, наверняка прочитанной вдоль и поперек, а я – документами по Равьенн. Софи, которая смотрела то на меня, то на него, неожиданно отодвинула тарелку с кашей и громко поинтересовалась:

– Вы что, поссорились?

«С чего бы», – хотела сказать я, но мои мысли слово в слово негромко озвучили из-за газеты, поэтому я решила промолчать. Не хватало еще эхом с ним разговаривать!

– А почему тогда все утро молчите?

Как-то я не подумала про детскую непосредственность.

– Потому что я занята.

– Так занята, что держишь отчет вверх ногами, – заметил Анри. – Видимо, от усталости.

Ах, так?

– А ваша газета недельной давности, – фыркнула я. – Что, свежие новости не интересуют?

– Какое хорошее зрение!

– Не в пример некоторым, которые не видят дальше своего носа.

– И что же я, по-твоему не разглядел?

– Да вы и слона не заметите, если он постучит вам хоботом в окно!

У Анри дернулся уголок губ, а я с трудом удержалась от того, чтобы показать мужу язык. Еще отчаянно хотелось вспомнить тоскливые дни на океанском побережье и сообразить какое-нибудь зелье – например, с пятнистым высокогорным лопухом, чтобы муж потом с неделю сводил желто-зеленые пятна со всех частей тела и надолго забыл о своем ехидстве. Впрочем, кто его знает – может, ему понравится.

После завтрака мы с Софи занимались энгерийским, и надо отдать ей должное, она схватывала все на лету. Пока остальным наукам девочку предстояло учить Мариссе: хороших новостей о гувернантках у нас по-прежнему не появилось. Видимо, случившееся во время благотворительного сезона еще слишком живо. Сложно придумать страх сильнее страха смерти, а в глазах людей я была ею. По-хорошему, эта часть

моей силы еще самая светлая, если так можно выразиться.

Некромагов ненавидели не только за связь с потусторонней тьмой, но и за то, сколь цинично и безжалостно они ей управляют. Я не поднимала нежить, не создавала монстров из человеческих останков и не повелевала ими с помощью собственной крови. Впрочем, Роберт Дюхайм тоже не ставил экспериментов на полуразложившихся телах и не хоронил себя заживо под заклятием, чтобы восстать после смерти. Даже его имя было предано забвению, хотя он освободил свою страну. Из-за того, как он это сделал.

Поскольку Равьенн в ближайшие дни моего внимания не требовала, я отправилась в библиотеку. Нашла книги, посвященные брачным церемониям и ритуалам мира, в одной из которых как назло обнаружилось детальное описание харрима с иллюстрациями и последовательностью движений. Не сказать, что я собиралась с мужем играть и тем более проигрывать, но танец меня заинтриговал. Изобразить это в нарядах современной вэлейской моды не представлялось возможным. А вот в коротеньком нижнем платье – вполне.

Ну а что? Научусь танцевать харрим, станцюю его мужу, и... уйду спать!

Преисполненная самых коварных мыслей, утащила толстенный том в спальню, где кое-как разделась без помощи Мэри: не хватало еще, чтобы она задумалась, зачем мне это посреди дня. Замерла перед зеркалом, разглядывая себя: нарийские женщины в большинстве своем невысокие и пышнотелые, а еще гибкие от природы, как дикие кошки. Да и вообще я смутно представляла себя в наряде, если так можно назвать разукрашенный камнями лиф, прикрывающий грудь, короткие штанишки, облегающие попу и полосочки ткани – юбку с разрезами, которая во время танца двигается волнами и в конце раскрывается цветком. Вот у Луизы точно получилось бы изобразить что-нибудь подобное, или у Софи – она так потрясающе танцует. Что же насчет меня...

– Не попробуешь – не узнаешь, – заявила я взвешивающему снизу вверх Кошмару.

Тот согласно мурлыкнул, запрыгнул на кровать и принялся на ней сосредоточенно топтаться.

Спустя час я напоминала себе деревяшку, которую чудом научили ходить, двигаться и поворачиваться. Положение осложнялось еще и тем, что танцевать приходилось без музыки, а отражающее мои потуги зеркало рисовало глазам странную девицу: пыхтящую, старающуюся повторить «волнующий изгиб плеча», которая дергалась как марионетка на ниточках

кукловода. Музыка, к слову, тоже нужна была особенная – ритм из звона странных надевающихся на пальцы шутовских и нацийских струнных инструментов, напоминающих лютню. Не бросала я из чистого упрямства, снова и снова заставляя себя повторять описанные на страницах движения. Там же были приведены и методики, как правильно расслабляться перед танцем, как правильно дышать, как работать бедрами, мышцами живота и груди. И чем больше я пыталась «работать», тем отчетливее представляла цирковой номер, на котором от смеха помрут все зрители.

Хорошо хоть этот кошмар не видел никто, кроме Кошмара.

Откинув налипшие от усердий на лоб пряди, я подошла к окну и увидела мужа. Прислонившись плечом к ротонде, которая из этой спальни основательно сместилась влево, он смотрел в сторону дороги. Лоза, обвивающая колонны, потемнела и ссохлась, Анри неосознанно гладил ее пальцами, повторяя переплетения и сгибы. Браслет потянуло, и я привычно потеряла запястье. Голова закружилась, а потом словно увидела дорогу глазами мужа: серую ленту, расстелившуюся между утративших яркие краски полей.

Дорога, на которую он наверняка смотрел не раз. Совершенно иначе.

Случившееся в замке Эльгера навсегда отрезало возможность использовать силу хэандаме. Силу, на которую Анри делал ставку в борьбе с человеком, лишившим его родителей. Силу, которую он потерял из-за меня и сейчас оказался не только беззащитен перед Эльгером, но по сути, стал для него бесполезен. Под угрозой не только цель всей его жизни, но и те, кем он больше жизни дорожит. Единственное, что сейчас держит Анри – магия Жерома, отраженная смертоносным лезвием шиинхэ. И, пожалуй, мы с Софи. Но из меня паршивая получается держалка.

Я бы сказала, никакая.

Оттолкнувшись от стены, лихорадочно заметалась по комнате в поисках чего-нибудь, что быстро застегнется и с чем не придется возиться полчаса. Платье с пуговицами на груди, которые я застегнула через одну, и, по-моему, на одну петельку выше, чем положено. Но сейчас это не имело ни малейшего значения: набросила сверху накидку, подхватила волочащуюся по полу юбку и вылетела из комнаты. Чудом не скатившись по лестнице, почти врезалась в Жерома. Тот едва успел меня поддержать под локоть, но я уже бежала к дверям. Распахнула створки, нырнула в прохладную позднюю осень, и остановилась только когда Анри обернулся.

Я дрожала – то ли от переполнявших меня чувств, то ли от холода.

Дрожала и смотрела ему в глаза, но не двигалась с места.

До тех пор, пока он не протянул мне руку.

Во второй половине дня мы вышли прогуляться. Софи попыталась было увязаться с нами, но после короткого разговора с Анри поплелась следом за Мариссой постигать премудрости правописания. Мне бы тоже не помешало постичь премудрость, которая поможет вернуть Анри уверенность в себе: за обедом я все размышляла о сказанном Жеромом. На резкость и жесткость в свое время пеняла еще Луиза, но видимо не допеняла. Ну не замечаю я, когда и что делаю не так! Сдается мне, дело вовсе не в стрельбе глазками и развороте плеч. Ладненько, будем пробовать. Я даже веер с собой взяла – памятуя о том, что это главное орудие леди в нелегкой игре с мужчинами. Главное, достать его поизящнее.

– Умеешь ты быть строгим, – понизив голос, сказала я, когда мы перешли мостик.

И прильнула к нему как можно мягче.

– Во всей строгости ты меня еще не видела.

– Неужели?

Какое же это счастье, вот так держать его под руку и просто идти рядом. Сегодня было не в пример вчерашнему тепло, в платье и плотной накидке было даже слегка жарковато. Солнце – не такое низкое как в Энгериин, слепило, пришлось нахлобучить шляпку поплотнее, чтобы поля отбрасывали тень на лицо. Увлеченная этим занятием, поймала на себе взгляд мужа и улыбнулась.

– Что?

– Выглядишь очаровательно.

Наверное, пора бы переставать краснеть от комплиментов, но не могу. А вот сейчас как раз можно вытащить орудие. И прикрыть им половину лица, которую не закрывает шляпка... Ай! Вместо того, чтобы раскрыться медленно и соблазнительно, он раскинулся как хвост павлина, увидевшего самку.

– Зачем тебе веер?

Я принялась усиленно обмахиваться.

– Взяла на всякий случай. Как-то сегодня жар...

Тьфу! Порыв ветра шлепнул меня прядью волос по губам.

– ... ко. – Под пристальным взглядом Анри сочинять мигом расхотелось. – Это я маскируюсь.

– Под кого?

– Под нормальную леди, разумеется.

– Да, до нормальной тебе далеко.

Я захлопала ресницами и шутливо стукнула его по руке веером. Видимо, слишком сильно, потому что веер вырвался из пальцев и улетел в

ямку. Анри проследил его полет, а многозначительное молчание красноречиво задавалось вопросом: «Что это сейчас было?»

– Ничего, – буркнула я.

– Что?

Вместо ответа полезла доставать несостоявшееся оружие, но столкнулась с мужем. Точнее, это он врезался в поля моей шляпки, от чего та слетела за спину. Я вспомнила, что Луиза говорила про упавший платочек и отскочила в сторону, словно увидела змею. Анри все-таки отряхнул злополучный веер и подал его мне. Поднялся, пристально вглядываясь в лицо, но я сделала вид, что люблюсь осенним небом.

– А в Лавуа бывает снег?

Небо было безоблачным. Муж прищурился.

– Раз в два-три года выпадает, но надолго не ложится. С тобой все в порядке?

Справедливо рассудив, что сейчас – когда между нами только-только восстановилось хрупкое перемирие, Энгерию лучше не вспоминать, покачала головой.

– Да. Просто стало интересно. Ну... Пойдемте... пойдем дальше?

Дальше мы пойти не успели: из-за поворота вырвался экипаж, который стремительно приближался. Анри не изменился в лице, лишь крепко сжал мою руку, когда кучер неожиданно натянул поводья. Дверца распахнулась, и навстречу нам выскочил щеголеватый светловолосый мужчина в черном пальто, с запахнутым поверх длинным шарфом.

– Граф! – Молодой, его можно было бы даже назвать привлекательным, если бы не бегающие глаза, жадно впившиеся в нас. – Меня зовут Рено Фортискье, «Ольвиж сегодня», у вас найдется время ответить на несколько вопросов?

Все произошло настолько быстро, что я даже ничего не успела понять. В последнее время журналисты в Лавуа не наведывались: казалось, они о нас забыли. Но если и забыли, теперь вспомнили.

– Если у вас есть ко мне вопросы, договоритесь о встрече с моим камердинером, – Анри не изменился в лице. Привычная маска светской учтивости, с которой я впервые увидела его на празднике Уитморов, могла принадлежать скучающему аристократу, уставшему от уединенной жизни в своем поместье.

– Это непросто, граф, и вы прекрасно это знаете. Мой коллега потратил несколько дней, чтобы встретиться с вами, но тщетно. Почему вы отказываетесь говорить с прессой? Вам есть что скрывать? Возможно, ваша супруга согласится со мной переговорить?

Голос у Фортискье был поставлен отлично. Громкий и сильный: достаточно для того, чтобы даже кучер покосился в нашу сторону. На меня же нашел странный ступор, словно я внезапно оказалась посреди шумной толпы, в которой меня – как когда-то маленькую девчонку, снова швыряло туда-сюда людским потоком. Цепкий колючий взгляд журналиста ощупывал мое лицо, словно желая сфотографировать мою растерянность и запечатлеть ее на страницах своей газетенки, не прибегая к достижениям науки.

– Мне нечего вам сказать.

Муж развернулся, увлекая меня за собой, но Фортискье бросился вперед, как бойцовский пес, преграждая нам путь и разве что не скаля зубы.

– Правда, что визит его светлости де Мортена – брата вашей супруги – никак не связан с политикой? Он пробыл в Ольвиже всего несколько часов по прибытии, и, насколько мне известно, очень быстро покинул Лавуа. С чем это связано? Его тоже не устраивает ваш брак? Как получилось, что почти утраченную магию смерти объединили с силой хэандаме? Этого хотели ваши родители? Чего они добивались?

Запястье сдавило так, словно на мне защелкнули кандалы не по размеру.

– Уйдите. С. Дороги. – Впервые слышала, чтобы Анри так цедил слова.

Муж ускорил шаг, хотя казалось – куда уж быстрее. Сейчас даже я с трудом за ним поспевала, но Фортискье не отставал. Спину покалывало иголочками любопытства кучера, и я надеялась, что мы успеем дойти до дома прежде, чем Анри свернет назойливому журналисту шею. Отчаянно хотелось размазать по самоуверенной физиономии газетчика его же собственное нахальство. Хотя можно и то, что оставила в колее лошадь.

– Я побывал в вашем родовом замке. Причиной трагедии стала вырвавшаяся из-под контроля сила вашего отца, я ничего не путаю? Почему он не носил камень мага? Сейчас его носит ваша жена, верно? Перстень пыталась стащить горничная, над которой вскоре состоится суд. Ваша жена тоже не способна совладать с магией? В замке был пожар, но вокруг него не осталось ничего живого. Что там случилось, граф? И как давно?

Анри остановился так резко, что я самую капельку улетела вперед.

– Оставьте мою семью в покое, – процедил Анри, ярость которого бушевала в моих венах, грозя стереть с лица земли и Ларне, и злосчастного газетчика. – И убирайтесь с моей земли.

Ростом тот ощутимо уступал мужу: светлая макушка едва доставала до плеча Анри, но журналист даже не попятился. Вскинул свой худой подбородок, погрузив руки в карманы.

– Я – представитель прессы, граф. Я имею полное право находиться даже на территории военных действий.

– В таком случае будьте готовы к тому, что вас может зацепить осколком.

– Вы мне угрожаете?

– Как угодно.

Анри снова сжал мою руку, и мы быстро зашагали к дому. Перешли каменный мостик, точнее – почти перебежали. Сердце колотилось так, что казалось вот-вот – и выскочит через горло. Лицо мужа просто окаменело, я же мягко сжимала его руку, стараясь разбить набирающую новую силу яростную волну. До ступеней оставалось несколько ярдов, когда навстречу нам вылетела Софи: счастливая и покрасневшая, со сбившейся на затылок шляпкой, из-под которой выбивались волосы, на ходу завязывая тесемки накидки – видимо, собиралась в спешке.

– Марисса отпустила меня погулять... о... вы уже возвращаетесь? А что это за человек?

– Это ваша воспитанница? О своих детях вы не задумываетесь? У вас могут быть свои дети, граф? Как сила ребенка хэандаме подействует на вашу жен...

Зрачки мужа превратились в две крохотные точки, вокруг которых заплескалось расплавленное золото. Неожиданно стало нечем дышать, по телу прошла волна жара и прежде, чем я успела перехватить его руку, сильный удар в челюсть опрокинул журналиста на землю – в подсыхающую после вчерашнего лужу. Софи взвизгнула, из-под щегольского зада брызнула грязь. Фортискье перекосило от злобы, одной рукой он зажимал разбитый нос, другую вскинул как знамя.

– Я этого так не оставлю!

– В ваших же интересах оставить, – отчеканил Анри. – Или я вас засужу за оскорбления в адрес моей жены.

После чего развернулся, подхватил меня под руку, увлекая за собой. Софи метнулась обратно к дверям, распахнула их перед нами.

Умница, какая же она умница, наша девочка.

Теперь меня трясло не от ярости: от золотой мглы, ненадолго получившей свободу, когда Анри вышел из себя. Даже представлять не хочу, каких усилий ему стоило ее удержать, когда приезжал Винсент. Да и просто удерживать, каждый день.

– Вы не сможете скрываться вечно! – донеслось из-за спины. – Рано или поздно вам придется...

– Пошел вон! – не сразу поняла, что этот звенящий от злобы голос принадлежит мне.

Я обернулась и вскинула руку. Дорожка тлена сорвалась с моих пальцев, потекла по ступенькам, и журналист с завидной прытью припустил к мостику. Преодолея его, не оглядываясь, и лишь когда подбежавший Жером захлопнул за нами двери, наткнулась на тяжелый взгляд Анри. Не сказав ни слова, кивнул камердинеру, и тот последовал за ним. Софи подбежала ко мне, уткнулась лицом в платье. Я гладила ее по голове, когда из внутреннего кармана накидки вывалился идиотский веер.

Я смотрела на него и думала, как мне найти лекарство для мужа. Лекарство от золотой мглы, выжигающей не только его тело, но и душу.

Анри в кабинете не оказалось. Зато был Жером: стоял у окна, сложив руки на груди и обернулся, когда я вошла. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга – после моей недавней резкости наши отношения стали самую малость более прохладными, чем обычно. А может быть, и не малость, но выяснять это сейчас не время. На столе мужа царил идеальный порядок – только пустой бокал выбивался из общей картины, но вряд ли в нем был коньяк. Горьковатый запах иньфайской настойки я теперь ни с чем не спутаю. Равно как и ее вкус на губах.

– Где он?

– Наверху.

– Я только что оттуда, и...

– На чердаке. Он на чердаке, миледи. Но если я вас попрошу сейчас туда не ходить, вы же меня не послушаете, верно?

– Спасибо.

Жером невесело усмехнулся, но ничего не сказал.

Я вышла из кабинета и направилась туда, где пряталась ото всех после отъезда Винсента. До самой последней минуты надеялась, что именно брат поможет разобраться в том, что творится с Анри. Знаю, что ему не помочь магией, но Винсент знаком с учением армалов, и наверняка лучше остальных знает, что и где искать. Как все исправить. Хотя теперь это неважно: Анри стал для него врагом, а пленных он не берет, и уж тем более не спасает. Скоро из Иньфая должны прислать еще настойки, но она лишь помогает приглушить мглу.

Впрочем, оставался еще один вариант, к кому можно обратиться за помощью.

Эльгер.

Дверь на чердак была приоткрыта, но я все-таки постучала. Не дождавшись ответа, вошла и обнаружила мужа привалившимся спиной к раскрытому сундуку. В руках он держал пожелтевший от времени листок бумаги, на котором темнели вьевшиеся чернила строк. Подошла и осторожно села рядом с ним, в приглушенном закатном солнце пыль от юбки взмыла ввысь и теперь кружилась вокруг нас золотыми искрами, медленно оседая. Мои следы были хорошо видны – тянулись дорожками между окном, дверью и сундуком. Следы мужа вели сразу к сундуку.

– Думаешь, я туда уже заглянула?

– Знаю, что нет.

– Я тут просто посижу, хорошо? – спросила я и оглушительно чихнула.

Унявшаяся было пыль снова взметнулась в воздух, Анри коротко улыбнулся и протянул мне письмо.

«Мой дорогой Анри,

если ты прочитаешь это письмо, значит, мы с отцом навсегда остались в Вэлее.

Возможно, людям будет сложно понять, почему я так поступила, но твой отец – моя жизнь, и так было всегда. С самой первой минуты, когда я его увидела, мое сердце билось только ради него, а теперь оно разрывается. День, когда появился ты, стал для меня одним из самых счастливых дней, но сейчас я не могу оставить Адриана одного. Только моя сила – которая течет и в твоих венах, способна защитить его от человека, который нам угрожает. Только она и способна, но если ты читаешь эти строки, значит, я не справилась.

Мой милый мальчик, я всегда буду тебя любить, на земле или на небесах.

Заклинаю тебя всем, что дорого, никогда не возвращайся в Вэлею. Там, куда ты отправишься, тебя ждут прекрасные люди и новая жизнь, в которой человек, от которого мы бежали, никогда тебя не найдет. Одна лишь мысль об этом смягчает мои терзания, и заставляет чувствовать себя счастливой. Не позволяй ненависти и злу поселиться в твоём сердце и не ищи мести, кто бы к тебе ни пришел и о чем бы тебя ни просили.

Надеюсь, что однажды рядом с тобой появится женщина, которую ты будешь любить так же, как я люблю твоего отца, и как он любит меня. Не обращай внимания на титулы и ранги, выбирай сердцем. Живи этим чувством и пусть ваша жизнь пройдет в стороне от магии и дворцовой роскоши, она будет принадлежать только вам.

Навсегда с тобой,

любящая тебя мама

Н. Ф., графиня де Ларне»

Я сглотнула: где-то в груди застывали непролитые слезы, которые неосознанно попыталась стереть со щек, чтобы не упали на бумагу. Строки, написанные рукой леди Николь, с характерными изящными завитками у заглавных букв, особенно заметных у «М», «Н» и «В», до сих пор стояли перед глазами. Медленно протянула письмо Анри: смотрела, как он его складывает и убирает конверт в сундук.

– Не очень-то хорошо я справился с ее просьбой, верно?

Муж усмехнулся.

– Сколько тебе было?

– Мама отдала его перед отъездом. Сказала, оно для людей, у которых мне придется пожить какое-то время. Когда мне исполнилось двенадцать, письмо вернули нераспечатанным.

Он говорил спокойно, словно погрузившись в транс. Я не чувствовала ни застарелой тоски, ни грусти, как впервые на развалинах замка Ларне. Хотелось закричать, или заставить закричать его – чтобы выплеснул все забитое на самую глубину души, тлеющее там и отравляющее его жизнь ядовитым дымом из прошлого. Заставить бы мужа расколотить что-нибудь, да хоть тот же сундук пнуть, вместо этого я просто сидела рядом, едва касаясь сильной руки.

– Сказала: «Анри, мы приедем позже. Просто слушайся Джульетт, договорились? И в дороге не отходи от нее далеко». – И я ответил: «Хорошо, мам». – Последнее, что я ей сказал, но тогда я действительно думал, что они приедут. Мы могли бы уехать все вместе, но отец задержался в лабораториях Эльгера. Я подслушал несколько фраз, за пару недель до того, как меня увезли. «Не волнуйся. Это его удержит», – сказал отец. – «Этого человека не удержит ничто», – ответила мама. – И оказалась права.

Анри говорил, не глядя на меня, но дотянулся до моей руки и сжал так крепко, словно только я могла его удержать. И я сжала его руку в ответ – двумя, согревая между ладонями. Обычно это он полыхал, словно свечка, но сейчас пальцы мужа были просто ледяными. И еще самую капельку пыльными. Я поднесла их лицу, вдыхая слабый запах старой бумаги и прижалась к родной ладони губами.

– В Маэлонии на меня вышли вэлейские спецслужбы. Решили, что пришла пора вернуться и послужить на благо своей страны, что из меня получится отличное оружие, и не ошиблись.

– Ох.

Наверное, даже если бы я не знала, что муж работает на Комитет, и то удивилась бы меньше. Не ждала, что он мне скажет об этом. Тем более сейчас.

– Ты все еще хочешь со мной быть? – Анри посмотрел мне в глаза, но теперь в сердце натянулась невидимая струна. Мой ответ для него был действительно важен, он и в самом деле отчаянно боялся меня потерять. Хотя и пытался этого не показывать всеми силами – лицо оставалось бесстрастным, а взгляд спокойным. Ох уж эти мне... мужчины!

– Я хочу тебя треснуть, – заявила я и отняла руки. – И тресну, если еще раз скажешь что-нибудь в этом духе. Мы кажется, все уже решили. Или

нет?

– Этот падалыщик прав, Тереза. У нас никогда не будет своих детей. А от меня всегда будет пахнуть иньфайскими травами.

Я закатила глаза – исключительно, чтобы свернуть со скользкой темы о детях. Не была уверена, что сейчас готова об этом говорить. Не уверена, что вообще когда-нибудь буду готова.

– Не сыром Круа же, – хмыкнула.

– То есть если бы от меня пахло сыром Круа, ты бы меня бросила?

– Насчет бросила – не знаю, но спал бы ты точно один.

Анри улыбнулся – искренне, светло, и я показала ему язык. Муж попытался сграбастать меня в объятия, я попыталась вскочить, в итоге мы плюхнулись в пыль и подняли такое облако, что расчихались уже вдвоем. Так оглушительно и громко, что у меня зазвенело в ушах. Когда кружащиеся над нами пылинки улеглись – на волосы, лица, одежду и в целом куда попало, мы оба лежали на спине, едва касаясь друг друга мизинцами, и смотрели на своды покато́й крыши, удерживаемой балками. Сквозняк приподнимал шлейфы паутинок, заставляя их вздыматься и опадать. Солнце уже почти зашло, осталась только тонкая полоска на дальней стене, раскрасившая дерево в красноватые тона.

– Я поговорила с Софи. Сказала, что мы не совсем... обычные.

Красная полоска становилась все меньше и меньше, таяла на глазах.

– Или совсем необычные?

– Она задала тот же вопрос.

Анри повернулся ко мне, я к нему, и теперь мы почти касались друг друга подбородками.

– И совсем не удивилась, что обидно.

– Даже не напугалась?

Я клацнула зубами в дюймах от его лица, муж шутливо дернулся, а потом щелкнул меня по носу.

– По-моему, теперь она от нас еще в большем восторге.

Софи отнеслась к моей откровенности со свойственным детям любопытством. Заодно рассказала, что теперь не расстаётся с картами, а со мной всегда выпадает смерть. Поэтому она уже догадывалась о моей магии. А вот сила Анри стала для нее откровением, потому что она никак не могла объяснить карту «солнце», появляющуюся рядом с ним в раскладе. У меня в мыслях засело еще одно толкование – символ Лиги, которое мне совсем не нравилось, но об этом я решила не говорить. Ни Анри, ни тем более Софи. Которая здорово расстроилась, когда узнала, что ни он, ни я не станем ей ничего показывать и тем более знакомить с призраками.

- Чудо, а не девочка.
- Чудо, – согласилась я.

Последний отблеск света погас, и чердак погрузился во тьму. Теперь в маленьком окне пламенел краешек неба.

– Я подумала... насчет журналистов. – Снова повернулась к мужу. – Возможно, нам стоит пригласить кого-то поприятнее Фортискье и все им рассказать. Например, того писаку из «Вестника». Чем больше мы скрываем и скрываемся, тем хуже. В том числе для Софи.

- Я тоже об этом думал.
- И?
- Ты выдержишь пару часов допроса?

Анри смотрел внимательно и серьезно.

– Ну... я не стану выдавать, что пыталась повторить запрещенное заклинание призыва куклы-убийцы, когда мне было двенадцать. Разве что все узнают, что в подвале Мортенхэйма живет мой необычный друг.

– Кукла-убийца?

Анри фыркнул, и я улыбнулась тоже. Кажется, прошлое меня по-настоящему отпустило. Разумеется, про Луни это была шутка, но на миг и впрямь посетила хулиганская мысль устроить такую маленькую месть Винсенту за то, что он устроил нам.

– Ага. Отец мне тогда доходчиво объяснил, что этого делать не стоит. А ты? Справишься с расспросами о родителях?

- Рядом с тобой я справлюсь со всем. У тебя паутинка на волосах.
- Паука там, надеюсь, нет?
- Если он там и был, то уже уполз.

Он сильнее сжал мою руку, я потянулась к нему. Закат окончательно растворился в осенних сумерках, а мы утонули в глубоком поцелуе с привкусом прошлого.

Дорога петляла между полей, скрывалась под колесами кареты и стремительно приближала нас к городу. Первая зимняя ярмарка в Ларне, моя первая зимняя ярмарка. Даже хорошо, что первая: никаких воспоминаний о тех, что проходят в Энгерии. У нас, например, в это время уже лежит снег, а здесь за всю осень еще ни снежинки не выпало. Я смотрела на мелькающие за окном картины – деревья без единого листочка, темные мерзлые поля, и старалась не думать о Мортенхэйме и Лигенбурге. Анри вскоре предстояло подводить итоги года и надолго засесть в своем кабинете, а мне – разбираться с отчетами мадам Арзе по Равьенн. Вот и хорошо: чем больше дел, тем меньше ненужных мыслей.

– А мы поедem в Энгерию? – Софи болтала ногами, глядя на нас.

И об этом уже знает! Откуда только? Хотя догадываюсь, откуда.

Софи даже мертвеца разговорит – и некромагия тут ни при чем, но стоит намекнуть Мэри, что надо поменьше болтать. Она-то, конечно, спит и видит, как побывать дома – у нее там осталась сестра с мужем и племянниками, но вот я совершенно не горю желанием выслушивать от Винсента очередные «комплименты» и постоянно следить, чтобы они с Анри не сцепились. Из Мортенхэйма по-прежнему не было ни единого письма, а нам, по-хорошему, нужно написать матушке уже сейчас. Как-то поизящнее объяснить, почему мы не сможем присутствовать на зимнем балу. Хотя, предполагаю, что даже объяснять ничего не придется. Уж матушка-то наверняка во всем поддерживает Винсента, и сейчас думает только о том, как поизящнее написать нам, чтобы мы не приезжали.

– Мы пока не решили, Софи, – ответил Анри.

Я чуть не поперхнулась. Что он там решать-то собрался?

– А когда решите?

– Скоро, – муж мне подмигнул. – До праздника еще полтора месяца, но билеты стоит приобрести заранее.

– Почему? – Девочка с любопытством посмотрела на него.

– В зимний сезон вагоны первого класса перегружены: основные дела закрыты, балов не предвидится, поэтому все отправляются друг к другу в гости.

– Я хочу увидеть снег! – воскликнула Софи. – В Энгерии зимой ложится снег, мадемуазель Риа там бывала, как раз на Праздник Зимы! Она рассказывала, что это очень красиво – везде огоньки, фонарики, пушистые

белые сугробы... А еще я видела на картинках снеговиков! Давайте поедem, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Укутанные снегом деревья, чьи ветви под тяжестью склоняются к земле. Припорошенные дорожки и морозный воздух. Ветер в лицо, обжигающий щеки мороз и развевающаяся грива Демона... Снег похрустывает под ногами или валит огромными пушистыми хлопьями, и тогда, если задержаться на улице, ты сама превращаешься в снеговика. Входишь в холл, Барнс стряхивает накидку и уходит, а по лестнице уже спускается матушка, чтобы сказать: «Тереза, только посмотрите, на кого вы похожи! Опять раскраснелись, как простая девица!»

Я представила все это так отчетливо, словно уже была там.

– Ничто не мешает нам устроить праздник в Лавуа, – сказала поспешно.

Ай!

Анри незаметно ущипнул меня за локоть.

Незаметно-то незаметно, но синяк останется заметный.

– И все равно я не вижу смысла ехать куда-то, чтобы...

Ай! Я с силой ткнула мужа локтем в бок, и он поморщился. А вот нечего меня щипать!

– В Равьенн никогда не отмечали Праздник Зимы, – негромко сказала Софи. – Мы просто ложились спать, а утром нам давали печенье, и у нас был целый выходной.

Очень кстати мы об этом заговорили. Надо дать мадам Арзе поручение позаботиться о подарках и праздничном ужине, тем более что в Равьенн дела стремительно шли на лад. Девочки больше не выглядели запуганными и не опускали постоянно глаза. На место мадам Горинье пришла другая женщина, которая всю жизнь проработала гувернанткой в богатых семьях – именно ей предстояло помогать директрисе управлять школой. Я лично переговорила со всеми воспитательницами и решила, что менять преподавательский состав не имеет смысла, тем более что новые правила устраивали всех. А если кто-то и считал телесные наказания, суровую работу в мастерских и в саду хорошими воспитательными мерами, то оказался достаточно умен, чтобы не сообщать мне об этом лично.

– Но ты теперь не в Равьенн, – заметила я.

Недавно мы с Анри выбрались в школу вместе, в присутствии нотариуса и мадам Арзе подписали все необходимые документы. Софи стала нашей воспитанницей официально, а бумаги, подтверждающие это, теперь лежали в сейфе мужа. Не сказать, что для меня что-то серьезно изменилось, но я почувствовала себя спокойнее. Словно зомби с души

свалился. Интервью с журналистом из «Вестника» тоже прошло замечательно в отличие от Фортискье, вел он себя крайне корректно. Обещал сделать все от него зависящее, чтобы общество взглянуло на нашу семью с другой стороны. Заранее согласовал вопросы с Анри и оговорил темы, которых желательно избегать, а после выхода статьи нам прислали несколько экземпляров газеты и письмо от главного редактора, в котором тот выражал благодарность за сотрудничество. Пришлось пооткровенничать – насколько это было возможно, но зато нас оставили в покое.

Словом, последние две недели прошли крайне насыщенно, поэтому я была искренне рада выходному. И не я одна, Софи просто сияла – за последние дни у нас побывало несколько гувернанток, претендующих на место. Пусть пока мы ни на одной из них не остановились, Марисса взялась за девочку со всей строгостью – «чтобы потом не пришлось краснеть», и дотошно проверяла даже выполнение самостоятельных заданий. Времени на занятия приходилось отводить прилично, что Софи несказанно расстраивало. Но осознав, что больше послаблений не будет, девочка смирилась и с головой погрузилась в учебу.

– Тереза от нас далеко.

– А?

Я повернулась к мужу: Анри честно пытался изобразить возмущение, но получалось плохо, брови отказывались сходиться на переносице, а уголки губ подрагивали. К счастью, он уже полностью поправился, вот только золото из его глаз так и не ушло. Полыхало, делая темный провал зрачка еще чернее, как пламя подчеркивает ночь.

– С возвращением, – весело сказал муж. – Тут веселее.

– Откуда вы знаете? – я подмигнула.

– Могу поспорить.

– Приехали! – Софи вскочила с сиденья в тот самый миг, когда экипаж начал замедлять ход, и чуть было не полетела на нас. – Приехали! Приехали, приехали, приехали!

Не дожидаясь, пока кучер откроет дверцу толкнула ее, спрыгнула и теперь приплясывала от нетерпения. Ярмарка располагалась сразу за городской стеной, точнее – за тем, что от нее осталось. Длинные ряды лотков и лавочек, украшенных хлопающими на ветру разноцветными флажками, протянулись в сторону леса. Рядом с ними толпились и горожане, и жители окрестных деревушек и поместий, приехавшие со своими поделками или что-нибудь купить.

– Я хочу пряник! А еще леденцов и куклу.

Женщина в темно-сером платье, несущая набитую доверху корзинку, покосилась в нашу сторону и невольно улыбнулась. Она шагала к телеге, на которую ее муж уже взгромоздил несколько мешков.

– Будет тебе пряник, – сказал Анри и подал мне руку, чтобы помочь выйти.

– А кукла и леденцы?

Я чуть не запнулась о подол под этим невинным разбойничьим взглядом.

– Не слишком ли вы многого хотите, мадемуазель?

– Ты обещал! – Безапелляционно заявила мадемуазель и, не дожидаясь нас, побежала по дорожке к рядам. Шляпка сбилась на затылок, но она даже не подумала ее придержать, полы накидки развевались, как и длинные волосы, которые мы сегодня не стали заплетать. Суций демоненок!

– Ты ее избалуешь.

– Немного баловства ей не повредит.

– Немного? – я приподняла бровь.

– В последнее время ты только и делаешь, что занимаешься Равьенн.

– Это плохо? – сложила руки на груди, уже готовая защищаться.

– Мы скучаем. А тебе нужно больше отдыхать.

Воинственный запал как-то разом иссяк. Сложно выглядеть грозно, когда рядом стоит муж высотой с одноэтажный домик и смотрит на тебя выразительными глазами: примерно такие же бывали у Кошмара, когда кухарка доставала сметану.

– Тереза, так ты все равно не перестанешь думать о родных.

А вот и перестану!

– При чем тут мои родные? Просто в Равьенн очень много дел.

И не только в Равьенн. Занятия магией тоже никто не отменял.

– Может быть, стоит самой им написать?

– Кому – им? Винсенту, который выдаст очередную отповедь в трех томах? Да ее ни один почтальон не возьмется доставить!

Анри улыбнулся, но ничего не сказал. Только подхватил из экипажа огромную корзину.

Под ногами похрустывала мерзлая земля, подтаявшая корочка льда блестела на солнце. В глубокой выбоине поверх воды растянулась ледяная паутинка, в ее узоре отчетливо виднелся потемневший дырявый лист. Солнце слепило глаза, заставляло жмуриться – низкое и яркое. Софи уже пробилась к первому прилавку со сладостями: верткая, она проскользнула между толкающимися детьми и уцепилась за край так, что сдвинуть ее не представлялось возможным.

Да, она определенно своего не упустит.

– Зачем ты поддерживаешь в Софи ненужную надежду? Мы не сможем поехать в Мортенхэйм, и тебе это прекрасно известно.

– Не сможем, если отправим леди Илэйн письмо с отказом. Насколько мне известно, мы его пока не писали.

Я вздернула подбородок.

– Значит, напишем! Вот сегодня приедем и напишем!

Почему только так тоскливо стало?..

Пряники на прилавках были самые разные: расписные фигурки с веревочками, которые во время Праздника Зимы можно повесить на ель, или же огромные, размером с праздничный торт, с густой сладкой глазурью. Такой же липкой, как обращенные на нас взгляды горожан и приезжих. Не успели мы приблизиться к самым многочисленным лоткам со множеством сортов сыра, как продавцы уже наперебой предлагали попробовать именно у них. В рядах действительно было море всего: домашние вина и настойки, мед, варенья и соленья, самодельные игрушки и фигурное мыло. Даже у меня глаза разбежались, что уж говорить о Софи – она перебегала от прилавка к прилавку. Там, где было для нее высоко, поднималась на носочки. А потом замерла у лотка с красивыми куклами в роскошных платьях. Каждая неповторима, как произведение искусства. Меня они никогда не прельщали, но если Софи нравится...

Что ни говори, а большие глаза она тоже умела делать.

– Можно мне вот эту? – указала на рыжеволосую красавицу в ярко-зеленом платье.

– Если и писать, то только Луизе.

Не сразу поняла, что сказала это вслух.

– Луизе не стоит.

– Почему это? – я с удивлением посмотрела на мужа.

– Потому что ты поставишь ее в крайне неловкое положение. Выбирать сторону между любимым мужем и лучшей подругой – не самое приятное занятие.

Анри расплатился, и счастливая Софи спустя несколько минут осторожно прижала к себе сверток в хрустящей, приятно пахнущей бумаге. Она больше не бежала, осторожно шла в сторонке от основной толкотни, а наша корзинка постепенно наполнялась. Я подумала о том, что могла бы привезти Винсенту бутылку игристого вина, Луизе – интересный гребень с яркими самоцветами, матушке и Лави – шелковые платки.

– Хочешь что-то купить? – Анри внимательно посмотрел на меня.

Я покачала головой.

– Тереза, в чем дело?

– Ни в чем.

Муж остановился, взглянул пристально. Кажется, придется сознаться.

– Подумала про подарки родным.

– Так выбирай все, что хочешь.

Как-то незаметно «все, что хочу» переключалось в еще одну корзину, которую нам тоже пришлось купить. Корзина была весомой, а вот на сердце полегчало.

– И кому же ты предлагаешь мне написать?

– Напиши Лавинии.

– Лавинии? Но она еще ребенок!

– Для тебя она еще ребенок. А на самом деле уже полгода как девица на выданье. И именно у нее нет никакого интереса во всей этой ситуации.

Гм. А ведь он прав.

Кто-то из малышей закапризничал, но тут же получил от мамы затрещину и залился оглушительным ревом. На них оглянулись все, даже дети, которые до этого липли к прилавкам с игрушками и леденцами, с криками бегали друг за другом, не смущаясь суровых окриков родителей. Только мальчишка лет семи указывал пальцем в небо. Проследив за ним, я увидела бумажного змея, подхваченного порывами ветра и стремящегося взлететь выше деревьев.

Взгляд в сторону леса разбудил воспоминания о встрече с Иваром. Стало немного грустно от того, что так и не получилось нормально попрощаться. Не знаю, можно ли назвать другом того, с кем вас свело... гм, задание. Но по нему я действительно скучала, по его шуткам, улыбкам и по нашим словесным дуэлям тоже.

Интересно, где он сейчас?

Мысли об Иваре плавно свернули на тему, от которой я упорно отгораживалась. От лорда Фрая вестей по-прежнему не было, но это не значит, что я о нем забыла. В последнее время, особенно после того, как Анри рассказал мне про Комитет, только и думала, как бы удачнее подойти к разговору про мое шпионское прошлое. В том, что оно прошлое, я ни капельки не сомневалась – если бы от меня еще что-то требовалось, не отозвали бы Ивара, а меня уже забросали бы инструкциями. Но пирамидка не оживала, и я убрала ее с глаз долой – пылиться на полке гардеробной вместе с сережками и зеркальцем. Подальше от недремлющей совести.

– Ты снова где-то очень далеко, – Анри улыбнулся, притягивая меня к себе.

– Думаю, что написать Лави.

– Напиши правду. Не бойся говорить о своих чувствах, Тереза.

Не так уж это и легко – говорить правду, особенно учитывая, что я проверяла кабинет мужа и передавала информацию о Лиге с его слов лорду Фраю. После визита Винсента и ссоры из-за Равьенн усугублять не хотелось: если он так отреагировал на подарок Эльгера, даже думать страшно, что сделает после такого признания. К тому же, Анри быстро сложит все переменные, и стрелочка укажет на Ивара. Не знаю, какие отношения между Комитетом и Королевской службой безопасности, но... имею ли я право так подставлять друга?

Нет.

– Если я напишу все, что думаю, Лавиния больше никогда не станет со мной общаться.

Анри рассмеялся. Ветерок трепал разноцветные флажки, натянутые между палатками, и мужу приходилось пригибаться, чтобы не задевать их головой.

– А ты попробуй.

Если я больше этим не занимаюсь, наверное, и не стоит ничего рассказывать. А я этим больше не занимаюсь! И так сделала все что могла для своей семьи и страны, читай, для лорда Фрая. Вот только переговорить с ним об этом я хотела во время зимнего бала.

Я посмотрела мужу в глаза и улыбнулась.

– Попробую.

«Дорогая Тереза,
простите, что не писала так долго. Мне тоже грустно из-за вашей с Винсентом размолвки. Так рада, что вы мне написали!»

После этих слов разом стало легче. Письмо от Лави принесли сегодня утром, но я все время находила себе занятия, чтобы его не читать, в итоге дотянула до обеда. Несмотря на случившееся, я продолжала надеяться уговорить брата помочь мне с золотой мглой. Поэтому чем больше времени утекало после отправленного в Мортенхэйм письма, тем больше становилось не по себе. Не знаю, чего я боялась – того, что Лави не ответит, или того, что ответит: все-таки Винсента сестренка любила больше. Но что бы там ни произошло, мне до ужаса хотелось повидать их всех. Четыре месяца со дня отъезда из Энгерии – не такой уж большой срок, а мне он показался чуть ли не вечностью. В каком-то смысле так оно и было.

«Вы спрашивали, как у нас дела. Долго думала, что ответить, но вы просили писать правду, поэтому расскажу, как есть. Винсент злющий, словно стадо демонов. Только рядом с Луизой немножко добрее, но стоит ему полчаса побыть без нее, разговаривать с его светлостью становится невозможно. Недавно я спрашивала у матушки, не помочь ли ей с приготовлениями – ох, мне бы так хотелось оказаться за праздничным столом рядом с Майклом – но тут вошел наш брат. Сказал, что зимний бал – это расточительство, и что на него съезжаются только бездельники, которым нечем заняться, да еще любители погулять, особенно за чужой счет, вроде «Эрдена и его семейки». Матушка ответила, что ему стоило бы попридержать язык и вспомнить, что ее величество с радостью приняла приглашение в прошлом году, на что он ответил, что это было удивительное исключение из общего правила. Разумеется, после такого меня выставили из комнаты, и что было дальше, не знаю – он набросил полог. Не сидеть мне, наверное, рядом с Майклом».

Я ожидала чего-то подобного, но сейчас мне с удвоенной силой захотелось отдубасить Винсента чем-нибудь потяжелее. Знает ведь, как Лавиния относится к виконту, и позволяет себе такие выражения в ее присутствии! А бал для матушки – единственная отдушина, она ждет его каждый год и готовится начинать чуть ли не после закрытия сезона, то есть с осени.

«После того случая Винсент с матушкой перестали разговаривать. Когда мы собирались за ужином или в гостиной, они общались через Луизу. Примерно так: «Луиза, скажите его светлости, что...» или «Луиза, передайте леди Илэйн...». Потом ее светлости надоело, и она сказала, что если его светлость и леди Илэйн не могут общаться по-человечески, пусть пишут друг другу письма. Теперь матушка не разговаривает еще и с Луизой. Только пожалуйста, не вздумайте ей об этом написать! Если узнает, что я вам рассказала, она меня убьет».

Мне вдруг стало не по себе настолько, насколько это вообще возможно. Да, наша семья всегда была далека от идеала, мы собирались вместе разве что по официальным поводам. После смерти отца эти встречи превратились в обязанность, и так было достаточно долго. До той поры, пока Винсент не представил нам Альберта, который немного растопил лед отчуждения. Луиза же окончательно отогрела наш каменный склеп своим солнечным теплом. И что теперь?

«Мне кажется, матушка злится на Винсента не только из-за своего праздника. Она очень по вам скучает, хотя ни за что этого не покажет. Недавно я видела ее выходящей из ваших комнат, матушка стояла в дверях несколько минут прежде чем закрыть их за собой».

Сколько себя помню, она всегда была одинокой. Оставалась такой даже среди шумной залы, когда все взгляды обращены на нее: раздавая улыбки и поддерживая светские беседы с небывалой легкостью. Это наша с ней общая черта, разве что матушка никогда не стеснялась внимания. Закованная в непроницаемую броню выдержанной как вино вежливости, словно в панцирь – который крепче самой сильной паутины некромага – она всегда и во всем была герцогиней до кончиков ногтей. И никто не смел усомниться, что в ее жизни все замечательно.

«Тереза, я на вашей стороне. Верю, что граф де Ларне любит вас так же, как вы любите его, и искренне желаю вам счастья. Надеюсь, что случившееся со временем забудется, и все станет хорошо. Я правда так думаю! Хотя Винсент убежден, что вас не оставят в покое, и что вы недальновидны».

Сомневаюсь, что Винсент употребил именно слово «недальновидны».

«Признаюсь, была немного удивлена, когда Винсент рассказал о Софии Фламель, кажется? Простите, если ошиблась с именем. Он говорит, что с помощью этой девочки граф де Ларне хотел привязать вас к себе, но я так не считаю. Расскажите о ней побольше? Я бы очень хотела с ней познакомиться! А она хочет познакомиться с нами?»

Читая эти слова, я улыбалась. Недавно для Софи нашлась гувернантка

– молодая и очень приятная девушка, которая при виде меня не прятала взгляд, не бледнела, не краснела и не заикалась, как ее предшественницы. К тому же, она знала энгерийский, что позволяло мне заниматься другими делами. В ожидании письма от Лави я училась танцевать харрим – точнее, пыталась учиться, изучала отчеты мадам Арзе и перепроверяла все не по одному разу, ездила в школу – при виде моего экипажа у директрисы наверняка приключался нервный тик. Когда стало понятно, что в Равьенн все хорошо, снова вернулась к занятиям магией. Так часто, как раньше, бывать в Ларне мне уже не требовалось, но в один из относительно свободных дней мы с Анри все-таки отправились туда.

Стоя посреди разрушенной бальной залы, позволяла глубинной тьме струиться и оплетать меня по контуру защитной паутины. Растрескавшиеся стены за гранью смотрелись картонными листами: казалось, дотронься – и рассыплется прахом. Яркое-синее небо потускнело и стекало на ощерившиеся изломы камня, тянущиеся ввысь. После случая с Евгенией управлять смертью стало проще, словно она окончательно признала во мне свою. Вот только так близко к себе я ее больше не подпускала: слишком свежи были воспоминания о существе, внутри которого оказалась заперта моя душа. Существо, в котором не было ничего человеческого, и которое было гораздо ближе к тьме, чем можно себе представить.

Не уверена, что если побываю там еще раз, смогу так просто вернуться.

«Ой, что-то я все жалею, хотя хороших новостей тоже полно. Луиза готовится стать матерью! Это случится еще не скоро, но она вся светится от счастья. Впрочем, вы же знаете Луизу, она всегда светится, а сейчас особенно. Даже удивительно, что ей не досталась магия, подобная моей. Мне кажется, она бы очень ей подошла! А я все думаю, кто у нее будет, мальчик или девочка?»

Представить Луизу матерью было совсем не сложно. Рядом с ней любой ребенок расцветет, как рядом с Лавинией цветочки.

«Мы с ней навещаем Луни и Демона (когда матушка занята, а занята она сейчас постоянно). С той поры, как Демон ее укусил, Луиза боится к нему приближаться без меня. Но даже рядом со мной он очень сильно тоскует. Мы все по вам скучаем, Тереза, даже наш вредный старший брат. Вы спрашивали, стоит ли приезжать, а я не представляю себе зимние праздники без вас. Надеюсь, что граф де Ларне не держит на Винсента зла, и все-таки согласится поехать.

Я вас очень-очень люблю, и жду.

Ваша сестра Лавиния Рианна Биго.

P.S. Мы все вас ждем».

– Что скажешь?

Анри подозрительно долго читал письмо: мне уже начинало казаться, что он учит его наизусть. Я неосознанно сжимала и разжимала пальцы, с трудом справляясь с желанием вцепиться ими в край стола. С тех пор как Ивар выдал мне эту привычку, старалась не показывать свое волнение. По крайней мере, таким образом.

– Думаю, кому-то придется съездить в Ольвиж за билетами.

Муж улыбнулся, а мое сердце забилося сильнее.

– И вы... – от волнения даже во рту пересохло. – Ты согласишься поехать со мной?

– А ты надеялась поехать одна? Вот это вряд ли.

Я откинулась на спинку кресла.

– Я вообще не собиралась туда ехать. Это ты кормил Софи напрасными надеждами.

– И вовсе не напрасными. Поездка в Энгерию для нее – лучший подарок.

– Ты читал, что пишет Лави? Там сейчас несколько... напряженная обстановка.

– Несколько? – Анри улыбнулся. – У меня есть идея.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Нам вовсе не обязательно смущать Мортенхэйм своим присутствием. Мы можем снять дом или остановиться в «Бомонде», в центре Лигенбурга. Побываем на зимнем балу, покажем Софи город, повидаемся со всеми, кто рад нас видеть, слепим несколько снеговиков и устроим бой снежками. Заберем Демона и Луни, а после вернемся домой.

Это звучало слишком сказочно, чтобы быть правдой. Так ярко представились наши маленькие семейные каникулы, что неожиданно стало нечем дышать.

– Тереза? – Супруг подозрительно быстро подскочил из-за стола и выдернул меня из кресла.

– А?

Глаза подозрительно пекло, поэтому я старательно их прятала: то уткнувшись взглядом ему в плечо, то разглядывая картину на стене. Он осторожно привлек меня к себе, поглаживая спину.

– Ну что ты, девочка моя. Все хорошо.

И столько нежности было в его голосе, что я вдохнула, а вышло так, будто шмыгнула носом.

– Угу.

Скоро я действительно увижу родных, а Винсент придумает что-нибудь, чтобы спасти Анри. Ведь магия армалов намного древнее, чем можно себе представить, и не идет ни в какое сравнение с силами современных целителей. А после мы наконец-то забудем про весь этот кошмар: Анри больше не станет мрачнеть, когда будем возвращаться из Ларне – потому что чувствовал истинную мощь моей магии и понимал, что случись что, уже не сумеет меня защитить. Я наконец-то смогу рассказать ему про лорда Адриана. Про то, что его отец сумел удержаться на грани столько лет и теперь собирается поведать какую-то тайну – если у меня все-таки получится открепить призрак покойного графа. А у меня получится, обязательно получится!

– Хочешь, вместе съездим за билетами? Или отправим Жерома?

– Тогда и Мэри тоже.

– Боюсь, если они уедут вместе, то уже не вернутся.

Договорить про влюбленных мы не успели: дверь распахнулась, и на пороге возник один из них собственной персоной. То ли из-за сошедшихся на переносице бровей, то ли из-за льда в светло-серых глазах на меня смотрел Жером, которого я в последний раз видела в Лигенбурге. Когда наши отношения еще были далеки от дружеских. Смотрел, с трудом сдерживая ярость, я это чувствовала – взгляд прожигал буквально насквозь, стихийная магия бурлила в его крови, готовая обрести выход по первому зову.

– Эльгер спрашивает Терезу. Говорит, что у него к ней особое дело.

Если бы на нас сейчас рухнул потолок, чувство было бы в разы приятнее.

На сей раз холодом повеяло уже от мужа. Я даже не успела спросить, как часто Симон заявляется в гости без приглашения, но похоже, это входит у него в привычку.

– Проводи его светлость в кабинет, – так же звенело лезвие шиинхэ встречая стихийную магию. – Все, что он хочет сказать моей жене, он может сказать и мне. Нам.

Взгляд Жерома стал еще жестче.

– Боюсь, я неправильно выразился. У нас в гостях Эрик Эльгер, и он уверяет, что Тереза обещала ему помочь.

Обстановка в кабинете стремительно накалялась – и почему-то мне думалось, что дело не в магии Жерома. Хотя в глазах камердинера сейчас полыхал ледяной огонь: не нужны даже тайные знания мааджари, чтобы понять с каким удовольствием он спустил бы Эрика со ступеней, вдогонку хлестнув пламенными плетью. Пару невероятно долгих мгновений мы молчали, а потом муж решительно отодвинул меня в сторону и шагнул к дверям.

– Анри!

Дверь ударилась о стену и хрустнула так, что я поморщилась.

– Анри, послушай!

Послушает он, как же.

Жером остался в кабинете, а мы летели по коридору, точнее, Анри шагнул впереди – так, что я едва за ним поспевала. На все мои попытки его остановить муж не реагировал, поэтому пришлось сделать то, что оставалось в этой ситуации последним и единственным возможным выходом: напрыгнув сзади, я обхватила его разгневанное графство за плечи, плотно сцепив руки на мощной груди. Движение немного замедлилось, потому что я обрушила на него весь свой вес. Не то чтобы для Анри это было страшно, но когда за спиной волочится тючок жены, загребая ногами по ковровой дорожке, идти становится самую капельку труднее.

– Послушай! – пробормотала, изо всех сил упираясь носками туфель в пол. – Остановись же... Анри, остановись!

– Сначала я вышвырну маленького змееныша из нашего дома, а потом выслушаю все, что угодно.

– Он сказал правду!

Анри споткнулся, и я поцеловала его в спину.

– Правду о чем? – меня развернули лицом к лицу.

– Я обещала ему помочь! – выпалила на одном дыхании, потирая нос. – Обещала, потому что он помог мне, потому что именно он нашел Натали.

– Ты сошла с ума? – поинтересовался муж до ужаса спокойно.

Так обидно, словно и впрямь разговаривал с умалишенной.

– Ты был без сознания, алаэрнит исчез, – я сложила руки на груди, потому что меня трясло. Все тело ходило ходуном даже в замке сцепленных

пальцев, который совершенно не спасал. – Евгения выставила меня истеричкой, не способной совладать с магией тьмы, а Эльгер-старший был счастлив. Что мне еще оставалось делать?

– Уж точно не бросаться за помощью к безумцу!

– Эрик – безумец, но он нас спас! Спас меня, и тебя, потому что...

– Ты настолько наивна?

Отшатнулась, словно он меня ударил. Щеки и пламенели, как если бы Анри влепил мне сразу две пощечины.

– Я осталась одна! – выкрикнула, нисколько не заботясь о том, что нас могут услышать. – Ты вообще представляешь, что я тогда пережила? Когда не знала, придешь ты в себя, или нет... когда...

Дыхания не хватало, я бросилась на него, колотя руками по груди – куда попаду, отчаянно и дико. Анри попытался меня перехватить, но я вырывалась и царапалась как тигрица. Когда муж поймал одну руку, вцепилась свободной ему в запястье, влепила пощечину и отпрянула. Его скула загорелась красным, повторяя след моей руки. Глаза Анри яростно сверкнули, он перехватил меня и прижал к себе – так крепко, что я пошевелиться не могла. Ребра только чудом не хрустнули, и тогда я зарычала ему в грудь:

– Почему я все время должна оправдываться? Я защищала тебя и себя, защищала нас...

– С помощью человека, который чуть не свел нас в могилу. Ты хоть понимаешь, что он мог быть с Евгенией заодно?

– Мне плевать, с кем он был заодно! Он мог мне помочь, и в ту минуту наши цели совпадали.

– Цели?! – его взгляд вонзился мне в макушку, словно хотел достать до мозга и посмотреть, что там творится, в моей голове. – Совпадали?

– Да! А теперь отпусти меня, или...

– Или что, Тереза?

– Не испытывай мое терпение!

– Чур, магией не драться.

– Боишься?

– Разве что за тебя.

Недолго думая, я вцепилась зубами ему в ключицу. Анри издал какой-то странный звук, словно подавился, отстранился с удивительной прытью, а я метнулась по коридору в сторону холла – раскрасневшаяся, растрепанная и злая. В самом деле, зачем меня благодарить – всего лишь поставила Евгению и Эльгера на место, выбралась из той ямы, в которой нас успешно заталкивали руками и ногами, но видите ли, сделала это не

так, как нужно.

– Тереза!

– Отстань!

Анри почти удалось схватить меня за плечо, когда я сжала кулаки и рванулась вперед, словно за мной гналось стадо разъяренных демонов. В холл вылетела первой и увидела Эрика, который устроился на корточках рядом с Софи, держал ее руку в своих и что-то негромко говорил.

– Отойди от нее!

Не сразу поняла, почему мой голос звучит мужским эхом – оказывается, мы с Анри выдали это вместе. Так, что Софи вздрогнула и попятилась, а Эрик вскинул руки и поднялся.

– Эй, они всегда такие нервные? Тогда я тебе не завидую.

– Где мадемуазель Маран? – голосом, способным расколоть скалу, поинтересовалась я у дочери.

А с Жеромом я еще поговорю! Прилетел как фазан на крыльях гнева, но умудрился оставить Эрика одного.

– Мадам Феро!

Из коридора справа уже спешила гувернантка, взволнованная и перепуганная. На ней были капор и накидка поверх теплого платья – так же, как и на Софи: видимо, они собирались гулять. В руках корзина, из которой выглядывало клетчатое покрывало.

– Я отошла, чтобы взять плед. На скамейках сейчас прохладно...

– Сесиль, буду вам очень благодарна, если вы будете брать все заранее и не оставлять мою дочь одну непонятно с кем!

Девушка побледнела, прижала корзинку к груди.

– Простите, мадам.

– Это я-то непонятно кто? – Эрик театрально приложил руку к груди. – Мое сердце разбито, а душа истекает кровью.

Глаза Софи округлились, а я подлетела к нему, схватила за локоть и буквально потащила за собой на улицу.

– Тесса! Как я рад тебя видеть!

– Заткнись, – прошипела я.

– Да, милая. Обожаю, когда ты командуешь.

Краем глаза ухватила довольную ухмылку и с трудом справилась с желанием придать маркизу ускорение ударом глубинной тьмы, чтобы летел с подскоком по ступенькам. За спиной хлопнула дверь: Анри спускался следом за нами. Ну ведь никто мне и не говорил, что будет легко, правда?

– Нравится чувствовать себя беспомощным, солнечный мальчик?

Муж прищурился.

– Сил, чтобы превратить тебя в скулящий комок соплей, мне хватит. Я набрала в грудь побольше воздуха и вздохнула. Глубоко.

Повернулась и заглянула Анри в глаза.

– Позволь с ним поговорить. Пожалуйста. Дай мне десять минут.

– Особенно рядом с ней... – Эрик сложил ладони лодочками и поднес их к лицу.

– Еще одно слово, маркиз, – процедила я, вставая между ними, – и я забуду о своем обещании.

Маркиз поправил длинный шарф, накинутый поверх черного пальто, и через мое плечо одарил мужа улыбкой, от которой заболели зубы. Солнце играло на его волосах, придавая им непривычный насыщенно-медовый оттенок. Столичный денди, как он есть: начиная от кончиков узконосых лакированных штиблет, длинных по моде брюк в полоску и заканчивая застегнутым на все пуговицы жилетом, поверх белоснежной рубашки. Даже не скажешь, что несколько месяцев назад умирал от выжигающей его кровь антимагии.

– Десять минут, – кивнул Анри. Стянул сюртук, накинул мне на плечи и направился к экипажу, на котором приехал Эльгер. Крикнул конюху: – Не распрягай! Тащи воду.

По-хорошему, лошадей стоило накормить и дать им отдохнуть, но я решила не вмешиваться. Неважно, что творится между нами наедине, но на виду я все равно буду с ним и на его стороне. Что бы ни случилось.

– Нравится ему подчиняться, милая?

А еще мне сполна хватает проблемы, которая сейчас стоит передо мной. С ней бы разобраться. Точнее, с ним. Потому что не ровен час, они на пару с отцом все-таки доведут меня до развода.

– Говори по делу. Или убирайся.

– Ну я же не могу молчать о том, что не дает мне покоя, – он закусил губу и бросил на меня смеющийся взгляд из-под ресниц. – Так когда мы с тобой снова наведаемся в склеп? Обещаю захватить плед сразу, устроим тихий пикничок на двоих.

– Не раньше, чем ты расскажешь, кто помогал тебе с Натали.

– Так нечестно, милая.

– Все честно. Я согласилась тебе помочь, и я ни слова не сказала твоему отцу. Но играть с тобой в игры больше не намерена.

– Расскажу, – Эрик потянулся к моим волосам, но я угрожающе вскинула руку, и он отступил. Кивнул в сторону Анри. – Если это будет наш с тобой маленький секрет.

– У меня нет секретов от мужа.

Ну ладно, есть. Но лорд Фрай не считается. Наверное.

Только сейчас я не готова чувствовать себя виноватой по этому поводу.

– Тебе, милая, я доверяю, – он сложил руки за спиной, и на миг стал очень похож на Симона – даже в привычно мягком, не по-мужски, взгляде сверкнула сталь. – Но вот твоему мужу... Однажды он уже нажаловался папочке, чем поставил нас всех в крайне неловкое положение.

– Прежде, чем я возьмусь тебе помогать, – сказала твердо, – я должна знать все. – Добавила, предупреждая все возможные возражения: – Только так, месье Эльгер. И никак иначе.

Какое-то время мы молчали, браслет обжигал яростью мужа, который сейчас стоял вполоборота рядом с каретой, и видела змеиную ненависть Эрика, искажившую мягкие черты тонкого лица – когда он взглянул на Анри.

– Хорошо, я расскажу, – он усмехнулся. – Прогуляемся?..

– У тебя есть десять минут. Хочешь тратить их на прогулки?

– Мне хватит и одной. Тебе нужна правда, Тесса? Ты ее получишь.

Он предложил мне руку, но я демонстративно указала ему налево. Софи и Сесиль сейчас отдыхают в парке, а чем дальше Эрик со своей правдой от моей дочери, тем лучше. Мы пошли вдоль дома, вдоль каменных ниш в изножье выступающего вперед балкона-крыльца. Взгляд Анри, следующий за нами, я чувствовала всей кожей, но не обернулась.

– Когда мне ввели кровь де Ларне, я не думал, что умру. Я хотел умереть, потому что все сосуды в моем теле словно натягивали на раскаленные прутья. Изнутри. Я утратил счет времени и забыл о том, кто я такой. Можешь себе представить, что это за чувство? Хорошо, что тогда я не помнил даже того, кто отдал приказ.

Я содрогнулась. Тем не менее когда заговорила, голос звучал резко и холодно:

– Какое это имеет отношение к делу?

– Тебе не все равно, Тесса. Как бы ты ни притворялась, тебе не все равно.

– Осталось пять минут.

– Когда я пришел в себя, меня окружало пламя. Золотое пламя, в котором я сгорал снова и снова. Вот только теперь я уже помнил все. И всех.

Мы почти дошли до конца дома. Остановившись, я резко развернулась и сложила руки на груди.

– Я услышу что-нибудь еще, или можно идти назад?

– Увидишь.

Эрик отступил в сторону, и солнце скользнуло с его волос в глаза.

Нет, не солнце... Забывая дышать, я смотрела в глаза Эльгера и видела в них то, что раньше видела только в глазах своего мужа.

Золотую мглу.

Просторный кабинет Анри для нас троих казался слишком тесным. По крайней мере, я чувствовала себя очень неудобно на диванчике рядом со стеллажами, хотя муж сидел на своем месте, а Эрик – за столом в кресле. Вытянув длинные ноги и скрестив их, он двигал ботинками влево-вправо, от чего у меня уже начинало рябить в глазах. Еще сильнее в глазах рябило от сочетания золота с изумрудной зеленью: с одной ладони Эльгера текла золотая мгла, а на другой между пальцами проскакивали искры магии искажений, которые он перебирал, словно струны. Каждый звук казался оглушающим – несмотря на то, что я сразу накинула полог, но тяжелее всего было выносить взгляд мужа. Когда он падал на меня, напряжение становилось густым, словно масло.

– Папочка меня убьет, если узнает, – сообщил Эрик таким тоном, каким в Энгерии приглашают на чай, а потом потянулся за тяжелой чернильницей.

– Поставь на место! – рыкнул Анри.

И в десятый раз проверил стопку бумаг на ровность, после чего спрятал их в ящик и закрыл на ключ. Эрик же картинно надул мягкие губы:

– Да пожалуйста.

Он убрал руки на колени и подмигнул мне. Кресло было развернуто так, чтобы Эльгер-младший мог видеть нас обоих.

– Странное чувство, правда? Мгла и магия в одном флаконе. То есть во мне.

Невозможно. Необъяснимо. Ужасно.

Но факт.

Если Симон и хотел ребенка, обладающего чудовищной силой, он его получил. Правда, не от нас с Анри, хотя Анри определенно приложил к этому руку.

– Что, даже не спросите, каково это? – Эрик потер ладони друг о друга.

– Помолчи, – холодно произнес муж.

– Да если я замолчу, мы все здесь помрем со скуки. Вон, как тот цветочек, – он ткнул пальцем в гибискус, сбрасывающий крупные красные цветы. – Последние полчаса только я и говорю.

Это была правда. Пока Эрик рассказывал, как пришел в себя и обнаружил, что в его крови золотая мгла уживается с магией, мы не проронили ни слова. Да и после – сложно что-то говорить, когда разум

пытается объять необъятное и принять невозможное. Золотая мгла медленно и мучительно выжигала магию из любого, но сейчас перед нами сидел живой пример того, что бывает иначе. Каким-то образом кровь Анри не уничтожила силу Эрика, а превратила его в хэандаме, обладающего магией. Точнее, не совсем в хэандаме. Кем он являлся, по сути было сложно сказать: не хэандаме, но и уже не маг.

Нечто новое.

Некто новый.

– Поэтому ты хотел узнать о матери? – жестко спросил Анри.

Эрик кивнул. Снова потянулся к чернильнице, но под взглядом мужа только фыркнул и спрятал руки в подмышки.

– Представляете, какой сюрприз? Я уже думал, что помру или превращусь в бесполезного человечешку, а тут такая радость!

– Как тебе удалось заставить Риалю молчать?

– Старое доброе внушение. Я чуть живот не надорвал, пока еле ворочаясь вложил в его целительскую голову, что превратился в бревнышко с глазами. Конечно, папочка не мог знать, что со мной случится, поэтому ему и в голову не придет проверять своего лекаришку.

– Но каким образом тебе могу помочь я?

– Уже думал, что не спросишь! – Эрик хлопнул в ладоши, наклонился ко мне, и Анри угрожающе подался вперед. – Ой, да успокойся ты, солнечный мальчик. Сейчас мы вроде как друзья, и если ты не решишь снова нажаловаться папочке, между нами все будет хорошо. Ты ведь не собираешься больше ябедничать?

Насмешка в светлых глазах сменилась жестким холодом, от которого мне захотелось поежиться. Анри же просто подался вперед, неосознанно потянулся к письменным принадлежностям, чтобы снова переставить еще более аккуратно, но опомнился и сцепил пальцы.

– Зависит от того, что ты сейчас скажешь.

Эрик сощурился – поразительно точно повторяя его недоверие, после чего повернулся ко мне.

– Так вот. В последние годы жизни – как я разузнал от прислуги, за маменькой смотрела одна мадам. Ее звали Джолин Эруа, и она была... как бы это выразиться, очень жесткая дамочка с сомнительными моральными принципами. После смерти матери уехала из замка, работала в Ольвиже, в клинике для душевнобольных – старшей сестрой. Потом ей все это надоело, и она решила переехать в тихий городок, неподалеку от столицы. Я искренне надеялся побеседовать с ней, но когда все-таки разыскал старушенцию, она уже покоилась под землей. Поэтому я подумал о тебе...

– Как давно она умерла? – перебила я его.

– Месяца два назад.

– Два месяца?!

– Ну-ну, милая, не прибедняйся. Опоздал совсем чуть-чуть, подумаешь. Некромагу твоего уровня под силу разговорить и более рассыпчатого покойника.

– Что именно ты надеешься от нее услышать?

– Что маменька умерла не от безумия, а от золотой мглы, например. Они же родня с твоей, правильно, солнечный мальчик? Или что ее убил папочка – потому что боялся не совладать с такой силой. Да мало ли что. Неважно. Ты обещала помочь, леди Смерть. Так что хватит с меня вопросов.

Прежде чем я успела раскрыть рот, Анри поднялся, схватил Эрика за локоть и рывком выдернул из кресла.

– Подожди снаружи.

Эльгер-младший выпрямился и стряхнул его руку.

– Потише, де Ларне. Ты же не хочешь снова испортить со мной отношения? Особенно сейчас.

Они замерли друг напротив друга – на краткий, но отчаянно напряженный миг. В чертах Эрика прорезалось что-то новое: неуловимо хищное и еще более опасное, чем безумие, к которому я почти привыкла. Но сейчас – глядя на стоявшего рядом с мужем не злого мальчика, но мужчину, я видела его совершенно другими глазами. Он изменился, и изменился сильно – насколько вообще способен измениться безумец, привыкший играть чужими жизнями так же, как и его отец. Да и насколько велико было его безумие, которым он прикрывался?..

От этих мыслей стало настолько не по себе, что я опомнилась лишь когда с треском захлопнулась дверь. Под пологом остались мы вдвоем.

– Демоны знает что! – прорычал Анри. – Как такое возможно?

– Леди Николь и леди Катарина ведь были дальними сестрами?

– Насколько дальними, что и представить страшно.

– Но ее кровь могла нести в себе частичку золотой мглы? Возможно, она была спящей...

– Мгла в спящем состоянии не способна причинить вред.

– Значит, Катарина умерла не от нее. Но это не отменяет того, что она могла просто удачно скрывать свою силу, – я сложила руки на груди и, наконец, поднялась. – Ведь о твоей матери тоже не многие знали. Иначе как объяснить, что антимагия хэандаме прижилась в крови Эрика? И не просто прижилась, но и позволила ему сохранить магию?

– Не представляю. Я не встречал упоминаний о таком. Никогда.

Анри вернулся к столу, чтобы снова поставить чернильницу поровнее. Я подошла и перехватила его руки.

– Я обещала ему помочь, и...

– Об этом нужно рассказать Эльгеру, Тереза. Немедленно.

– Ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Этот мальчишка за стеной...

– Этот мальчишка за стеной пережил кошмар!

Муж прищурился.

– Только не говори, что ты его жалеешь.

– Жалею? Да у меня волосы дыбом от того, что я видела! Но это не значит, что мы должны выдать его тайну отцу, который обрек его на медленную и мучительную казнь.

Анри усмехнулся и отошел к двери. Зачем-то запер ее на ключ.

Потом медленно приблизился ко мне. Положил руки на плечи – тяжело, впечатывая в пол.

– У тебя такая короткая память, Тереза? Уже забыла, что он сделал с Гийомом, с Жеромом, со всеми нами?

Нет, я не забыла, и при воспоминании об этом становилось не по себе еще больше.

– Ты не позволишь забыть, – заметила я. – Даже если очень хочется.

– Я в этом виноват?

– Никто не виноват! – Крикнула я – благо, мой вопль поглотил полог, и добавила уже тише: – В замке Эльгера я осталась одна, но именно Эрик протянул мне руку. Я... я представляю, на что он способен. Но что плохого в том, если я помогу раскрыть тайну гибели его матери?

– Ты уверена, что ему нужно именно это? – Муж как следует меня встряхнул. – Что это не очередная игра? Ты хоть представляешь, что я пережил? Когда чувствовал тебя в Лигенбурге, твой страх, отчаяние и боль, когда думал, что не успею!

Ой, мамочки. Кажется, разозлился по-настоящему.

Но ведь ему не объяснишь, что Эрик не мог быть с Евгенией заодно – хотя бы потому, что я слышала все разговоры графини с Альмиром. Если расскажу об этом, придется объяснять, откуда у меня взялось прослушивающее устройство, и для чего... точнее, для кого оно предназначалось. Ох, нет.

– И снова ты делаешь все за моей спиной!

– Я ничего не делаю за твоей спиной, Анри!

Вывалась и отступила на несколько шагов. Сможем ли мы начать

доверять друг другу по-настоящему? Сможет ли Анри доверять мне вообще? Он слишком долго был один и слишком долго играл, даже наедине с собой – когда заставил себя поверить в то, что не способен на глубокие чувства.

– Я не говорила тебе, потому что не представляла, о чем! Эрик просил о помощи, но не объяснил, что именно мне предстоит сделать.

– И ты согласилась непонятно на что.

– Да! – Я глубоко вздохнула и подняла руки. – Но я тогда не выбирала между сотней распрекрасных вариантов. Приняла его помощь и взамен пообещала свою. Хотела посоветоваться с тобой, как быть, когда все немного уляжется, но... последний месяц у нас выдался несколько насыщенным, не находишь?

Я покачала головой.

– Анри, я понимаю, как тебе тяжело. Но и мне нелегко тоже. Я не просила о такой магии, но она – часть меня. Смерть со мной на всю жизнь, и день ото дня будет становиться все опаснее и сильнее. Ты сможешь любить меня такой? Такой, какая я есть? – Грудь сдавило от нехватки воздуха, а может, дышать мешал вставший поперек горла ком. – Потому что если не сможешь, то...

– Глупая. Какая же ты глупая.

Меня сгребли в объятия и прижали к себе. Так порывисто и крепко, что даже вырываться не хотелось.

– Думаешь, дело в твоей магии?

– Тогда в чем? – запрокинув голову, посмотрела ему в глаза.

– В том, что ты – мое все, Тереза. Твой брат был прав, когда говорил, что мужчина в ответе за свою женщину.

– Нет, – я покачала головой. – Нет, Анри. Мой брат считает, что знает, как лучше, и всегда поступает по-своему, даже если это «лучше» сваливается на голову любимых и вколачивает их в пол. На самом деле построить что-то по-настоящему крепкое можно только вместе. И сейчас я прошу тебя быть со мной. Поехать вместе туда, где похоронена эта женщина. Закрывать тему Эльгеров раз и навсегда, потому что после ни одному из них я не буду ничего должна.

– Думаешь, они позволят о себе забыть? – Анри усмехнулся.

– Я не настолько наивна. Но мы вместе, и для меня это главное.

Он кивнул, по-прежнему крепко прижимая меня к себе.

– Это тебе не навредит?

– Нет. Общение с миром мертвых – суть некромагии. В худшем случае у меня просто ничего не получится.

Какое-то время мы смотрели друг другу в глаза. Первым нарушил молчание Анри:

– Попрошу Лиро все-таки накормить лошадей. Надо выставить Эльгера в Ларне до ужина, пока он не решил, что ему тут рады.

Я рассмеялась.

– По-моему, ты и так был весьма убедителен.

Муж улыбнулся в ответ – впервые за все время нашего разговора.

И я вздохнула с облегчением.

Когда я вошла пожелать Софи доброй ночи, она сидела на кровати, спиной к двери. Мэри уже помогла ей переодеться, но кажется, девочка даже не собиралась ложиться. Склонившись над разложенными на покрывале картами, по которым скользил тусклый свет светильника, была поглощена своим занятием настолько, что не заметила меня.

– Тебе не пора спать?

Она обернулась: судя по блеску глаз, заснуть у нее не получится еще долго.

– Сейчас. Я быстро, Тереза. Расклад нельзя оставлять незавершенным.

– И что там у тебя?

Я подошла и опустилась на край кровати – осторожно, чтобы не задеть выложенные карты.

– Смерть и Солнце, – пробормотала Софи, указывая на карты. – Вы всегда приходите вместе.

Смерть была символично изображена в виде нечеткой фигуры, с провалами вместо глаз и рта. Размытой настолько, что сквозь нее проступали очертания призрачного черного леса, окутанного туманом. Карта «Солнце» была повеселее – круг, лучики и выцветшее поле внутри, но от нее мне стало гораздо больше не по себе: если разрезать на две части, получится печать Эльгера. Рядом лежало еще несколько карт, рубашками вверх. Софи перевернула следующую: на ней была изображена дорога, бегущая между скал.

«Путешествие».

– Что это значит?

– Значит, что мы скоро поедem в Энгерию.

– А может быть, в Ольвиж? – поддразнила я.

– Нет. – Софи хитро улыбнулась и показала мне язык. – Именно эта карта приходит, когда дорога будет очень долгой. И чаще всего ведет в другую страну.

Очередная картинка оказалась «очаровательна»: на ней изобразили покойника – мертвенно-бледного, со сложенными на груди руками. Сама карта была с говорящим названием. Софи открыла дальше – по черному фону бежали огненные трещины. То есть подозреваю, что когда-то они были огненными, сейчас их цвет напоминал пламя, на которое смотришь через слабо закопченное стекло. Наверное, следовало заставить ее убрать

свои игрушки, но я как зачарованная смотрела на надпись.

«Катастрофа».

– Что это значит?

– Погоди, вскрою до конца.

Расклад дополнили «Любовники», непонятная для меня пустая карта, «Демон» и расколота молнией надвое скала – «Переход». Софи нахмурилась, закусила губу, но когда повернулась ко мне, уже беззаботно улыбалась. Пожалуй, подозрительно беззаботно.

– Все, вот теперь можно спать, – она сложила карты, поднесла их к губам и убрала в мешочек, который бережно завязала. После чего сунула его под подушку.

– Ты мне так ничего и не объяснила, – напомнила я.

– Разве?

Софи нагнулась, чтобы проверить, как себя чувствует Лилит: свернувшись крохотным серым шариком, мышь хрустела кормом рядом с поилкой, из опилок торчали только уши. Сунув палец между прутьями, девочка погладила ее по спинке, та посмотрела на нее блестящими глазками-бусинками, и продолжила есть. Похоже, мышь была счастлива, что пережила очередной день без визита Кошмара, который постоянно норовил проникнуть в комнату – сама девочка тщательно запирала дверь и окна, когда уходила, а всей прислуге было поручено смотреть за тем же. Убедившись, что ее любимица в порядке, дочь нырнула под одеяло, старательно в него завернулась и подтащила поближе куклу, которую мы ей купили на ярмарке. С того дня она расставалась с ней только на занятиях и во время прогулок.

– Ну да. Например, что значит пустая карта?

– А... это неопределенность. У нее два значения: то ли карты отказываются говорить о каком-то событии, то ли в жизнь людей войдет нечто новое, неожиданное. Оно может быть как хорошим, так и плохим.

– А «Демон»?

– «Демон» – человек с неясными намерениями. Хитрец, ведущий свою игру.

Почему-то подумала про Эрика. Разумеется, верить ему я не собиралась, да и вообще не собиралась вести с ним никаких дел. Он владеет древними знаниями мааджари, магией искажений, а теперь еще и золотой мглой – бр-р-р, мороз по коже. Нет уж, спросим покойницу о последних днях жизни его матери, и распрощаемся. Благополучно.

По крайней мере, я на это надеюсь.

– Софи, нам с Анри нужно уехать. Завтра вечером. – Девочка сразу

насторожилась. – Это ненадолго, всего на несколько дней.

Она сникла и повыше подтянула одеяло.

– Не хочу, чтобы вы уезжали.

Я погладила ее по руке.

– Обещаю, что мы скоро вернемся. А Сесиль и Мэри не дадут тебе заскучать.

– Вы уезжаете из-за этого человека? Который приходил к нам сегодня? Он симпатичный, хотя и чудаковатый... слегка.

– Он не очень хороший, Софи.

– Это я уже поняла, – девочка фыркнула. – Мадемуазель Маран после твоего выговора половину энгерийских слов перепутала, когда мы с ней повторяли тему про осенний лес. Деревья у нее росли сверху вниз, а вместо корней были листья.

Я прыснула.

– Ты так разозлилась, Тереза. Почему?

– Потому что когда мы жили в Лигенбурге, этот человек очень сильно навредил нам с Анри. И не только нам.

Софи нахмурилась. Надеюсь, с такими расспросами она не пойдет к Жерому.

– Тогда зачем Жером его впустил?

М-м-м...

– Потому что я ему кое-что обещала.

– А зачем ты обещала что-то человеку, который навредил тебе и Анри? Сговорила она со своим отцом, что ли?

– Так получилось. У меня не было выбора.

– Почему?

– Ты мне так и не рассказала, к чему были «Катастрофа» и «Переход»?

Софи зевнула – пожалуй, слишком широко, для того чтобы это могло быть правдой.

– Ой, я сегодня так устала...

Вот и ладненько. Значит, нам двоим не придется отвечать на вопросы, которые кажутся нам неловкими.

Как раз в это время в комнату заглянул Анри.

– Как поживают мои девочки?

– Хотят спать, – ответила я за двоих.

– Тогда почему до сих пор болтают?

– Это наши женские секреты, – с важным видом заявила Софи.

Я закусила губу, а Анри поднял руки.

– Уже ухожу! Только поцелую одну из секретниц на ночь...

Он наклонился и поцеловал Софи в щеку, а она обвила его шею руками.

– Спокойной ночи, маленькая.

– Спокойной ночи, Анри.

Я наклонилась к дочери, погладила ее по волосам, погасила светильник и тоже поднялась. Стоило нам выйти за дверь, как Анри притянул меня к себе и коснулся губами губ: властно и умопомрачительно горячо. Так, что дыхание прервалось, а сердце сразу забилось сильнее.

– Раньше ты только меня называл маленькой, – упираясь ладонями ему в грудь, заметила я.

– Ревнуешь?

– Вот еще!

– Раньше ты тоже секретничала только со мной.

Я улыбнулась, погладила мужа по щеке, готовая снова прильнуть губами к губам. Но потом вспомнила про Эрика и карты. Конечно, я не верю в гадания нонаэрян, но... мы едем поднимать Джолин, а в раскладе приходит «Покойник».

– Мне не нравится, что Софи балуется с картами, – сказала мужу, когда мы направлялись к своей комнате.

– А если она не балуется?

– Тогда все еще веселее. – Немного помолчала и добавила: – Ты им веришь?

– Картам? Никогда не увлекался, поэтому ничего не могу сказать. А ты?

– Винехэйш предсказал мне встречу с тобой.

Анри открыл передо мной дверь, весело подмигнул.

– Я так надеялся сделать тебе сюрприз.

– Ну знаешь ли... Тебе это удалось.

Глаза мужа сверкнули. Он подтолкнул меня вперед и захлопнул дверь. Его ладони скользнули по моим плечам, а я замерла, потому что пришли мы не в спальню. В ванной комнате было тепло – от стоящей на полу небольшой переносной жаровни, прикрытой крышкой. Свет исходил лишь от нее и от расставленных по полу свечей. Их были десятки: огоньки танцевали в темноте, раскрывая ее неброским чарующим полумраком.

Пламя заплясало подобие харрима в моем исполнении, когда я повернулась к мужу лицом, взметнула подолом возле ближайших свечей. Над стоявшей рядом с умывальником курительницей-водопадом клубился легкий дымок.

– Очередной сюрприз?

Вместо ответа он коснулся губами моих губ – мягко, играючи, дразня.

– Тебе не помешает расслабиться.

В наполненной ванной плавали крупные белые лепестки.

– Откуда? Сейчас же зима.

– Это Риавара, иньфайский водный цветок. Цветет раз в пять лет, поэтому его лепестки пропитывают специальным травяным составом и хранят для особых случаев.

– Цветок первой ночи?

– Он самый.

Иньфайская брачная церемония происходит в воде, и там же и продолжается. В смысле, продолжается она в другой воде, но именно в окружении лепестков Риавара невеста теряет невинность и становится женой.

Платье по энгерийской моде, с пуговицами на груди, Анри расстегивал медленно. Когда его пальцы коснулись обнаженной кожи, по телу прошла дрожь. Такая же сладкая, как витающий в воздухе тонкий ненавязчивый аромат, напоминающее о лете. Голова закружилась, то ли от прикосновения к ложбинке между грудей, то ли от любимых глаз, в которых все ярче разгоралось золотое пламя. А может быть, это была просто игра тени и огня, которые заходились вокруг нас в древнем бессменном танце.

Я положила ладони на плечи мужа, повторила пальцами вырез рубашки и потянулась к пуговицам. Мы смотрели друг другу в глаза и молчали. С тихим шелестом платье сползло вниз, за ним последовала его рубашка. словно подчиняясь негласной договоренности, мы избегали откровенных прикосновений и даже поцелуев. Губы горели, и все тело горело тоже – от невозможности почувствовать по-настоящему, насладиться бесстыдными ласками, вместе сойти с ума, раствориться друг в друге без остатка. Как если бы между нами стоял невидимый барьер, не позволяющий шагнуть за грань чего-то большего.

– Закрой глаза, – попросила я.

Анри подчинился сразу, и я последовала его примеру.

Было что-то странное, и до ужаса, до умопомрачения соблазнительное в том, чтобы заново узнавать его, не открывая глаз. Не видеть, только чувствовать. Повторять ладонями его бедра, стягивая брюки, и вздрагивать, когда сильные пальцы едва касаются спины, освобождая меня от корсета. Поднимать руки, позволяя освободить себя от нижней рубашки, почти касаться грудью его груди, напряженными сосками – желая шагнуть вперед и слиться с ним воедино. Чувствовать бедрами его наливающееся силой желание, и дышать через раз. С тихим звоном на пол падали шпильки, одна

за другой. Волосы скользнули на плечи, а потом и на спину.

– Ты всегда будешь моей единственной. Маленькой. Сладкой. Девочкой. – Голос мужа был одуряюще низким. Бархатным. Если голосом можно ласкать – откровеннее, чем руками, лентами, языком – то именно это он сейчас и делал.

Задохнувшись от пробирающих до дрожи интонаций, широко распахнула глаза.

И утонула во взгляде цвета солнечного затмения.

Во взгляде откровенного и бесстыдного желания.

– Ты бессовестный...

– Извращенец?

– Обманщик. Давно ты открыл глаза?

– А это имеет значение?

– Это было нечестно!

– Было. Но я не могу на тебя насмотреться. Особенно когда ты дрожишь и кусаешь губы...

– Замолчи, – выдохнула хрипло.

– Когда выгибаешься подо мной...

Муж провел пальцами по моей груди, не касаясь соска.

– Или когда стонешь мое имя.

Я ненадолго пришла в себя, когда Анри подал мне руку и повел к ванной. Осторожно ступая между расставленных по полу свечей, чувствовала теплую плитку. Вода сомкнулась, обволакивая нас, к запаху курительных трав теперь примешивался легкий аромат лепестков Риавары. Мы оказались лицом к лицу, и сдерживаться больше не было никаких сил. Муж потянулся к моим рукам, и наши пальцы переплелись, за миг до того, как я приподнялась – позволяя прохладе пробежать по спине, а после опустилась на него. Закусив губу, скользя телом по телу, медленно стекала вниз, чтобы вместе с Анри прочувствовать каждый миг первого слияния.

Тело плавилось, несмотря на воду. Мы снова ненадолго замерли – лаская друг друга взглядами, а после я так же медленно приподнялась. Почти касаясь губами его губ, непростительно близко.

– Мне тоже нравится на тебя смотреть, – прошептала, не отнимая взгляда. – Когда ты еле сдерживаешься, чтобы не запустить пальцы мне в волосы, заставляя запрокинуть голову...

Снова подалась наверх – самую чуточку, отмечая, как напрягаются его плечи, и так же дразняще легко двинулась вниз, немного. В единении наших тел, в этой близости рождалось сладкое, влекущее наслаждение: немалых усилий стоило удержаться на этой грани. Только потемневший

взгляд мужа и удержал – ненадолго, чтобы добавить:

– Или не подхватить под бедра, чтобы оказаться внутри еще глубже... насколько это возможно...

Повторяя свои слова, приподнялась еще, продолжая нашу сладкую пытку.

А после опустилась, перехватывая губами стон и вжимаясь ноющими от возбуждения сосками в его грудь. Анри прорычал нечто невразумительное, но так и не двинулся, позволяя мне задавать ритм. Наслаждение текло по венам, сплетая нас воедино, и мир раскачивался перед глазами. Четким было только лицо мужа, и капельки воды, блестящие на наших телах. И сбивающееся, сливающееся дыхание – тоже одно на двоих, и сладкая вспышка в самом низу живота, и еще несколько быстрых движений, рождающих пульсацию внутри, и сила сдавивших мои руки пальцев.

И громкое рычание:

– Тер-реза...

И тогда, по-прежнему чувствуя его внутри, я позволила себе расслабленно откинуться на грудь мужа.

Лежать так было уютно. Вода начинала понемногу остывать, но он согревал меня, обнимая руками и ногами. Намокшие пряди моих волос облепили нас обоих, в них запутались лепестки с бледно-голубыми прожилками. От них по белому шелку растекался едва различимый цвет, словно рисунок бросили в воду. Тело казалось легким, словно пушинка, а счастье – бескрайним, и ничего за его пределами не было. Узоры, бегущие по телам от сплетения рук – символ нашего единения, сияли так, что свечи напоминали лесных светлячков рядом со вспыхнувшим в ночи солнцем.

Я подняла руку, рассматривая их.

– Как так получилось? – спросила то ли мужа, то ли себя. – Настолько... сильно?

– Не знаю, – Анри покачал головой. – Тебя это пугает?

– Не знаю, – эхом отозвалась я. – А тебя?

– Нет, – ответил он. – Теперь уже нет.

Каждый раз, когда оказываюсь в поезде, вспоминаю встречу с Иваром. Казалось бы, именно первое путешествие на «Стреле Загорья» должно произвести на меня неизгладимое впечатление, но тогда я была в таком состоянии, что не замечала ни роскоши купе, ни вышколенных проводников, ни стремительно проносящихся за окном видов. А вот обратная дорога на простом паровозе запомнилась мне куда лучше. И почему-то я не могла перестать думать о Раджеке. Как он вообще умудрился пролезть в мое сердце? И не только пролезть, но и прочно там обосноваться.

Единственный друг.

Надеюсь, у него сейчас все хорошо, где бы он ни был.

– До сих пор не могу поверить в то, что я на это согласился, – хмыкнул Анри, взбивая подушки.

Я покосилась в окно, но там было так темно, что смотреть не на что: вместо леса лишь смутные очертания, а дорога представляла собой разлитые кем-то в спешке чернила. Вглядываться в эту бесконечную кляксу – бесполезное занятие, поэтому я просто опустила шторы.

– Ты же не мог бросить меня одну, – заметила я, хитро глядя на него, и поймала подушку, которой в меня прилетело. – Только не с твоим великодушием.

В меня прилетело второй, и я обе спрятала за спину. А вот пусть теперь спит без подушки!

– Мне кажется, графиня, или в твоих словах звучит явная издевка?

– Тебе кажется, – я показала ему язык.

– Ты в курсе, что это противозаконно?

– Это было противозаконно несколько сотен лет назад. Сейчас в мире нет некроманта, который на такое способен.

Анри хмыкнул.

– Вот как ты заговорила, женушка.

Я пожала плечами.

– К тому же, я не собираюсь делать это при свете дня на глаза скорбящих родственников.

На самом деле мне было настолько не по себе, насколько вообще возможно. То, что я могу поднять мертвеца, еще не значит, что для меня это легко и просто. Этот разрыв грани между мертвым и живым, обращение к

силе, природа которой чужда нашему миру. Нечто похожее я испытала во время схватки с Евгенией. Теперь же оставалось только надеяться, что мне не придется «нырять» так глубоко, чтобы вытащить Джолин Эруа и заставить ее рассказать правду о последних днях Катарины Эльгер. По хорошему, не факт, что вообще получится. Слишком долго она пробыла по ту сторону.

– Волнуешься? – Анри опустился рядом и приобнял меня за плечи.

– Ни капельки.

– Волнуешься, – заключил супруг и продемонстрировал свой браслет.

Ну и ладно!

– Ты можешь отказаться, Тереза.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что я дала слово.

– Ты дала слово лжецу и игроку, каких свет не видывал. – Анри нахмурился и привлек меня к себе так, словно не собирался отпускать вообще никогда. – Перед тем, как его приговорили, Эрик обещал уничтожить все, что мне дорого. Тогда меня мало волновали его угрозы, но сейчас, когда есть ты и Софи...

Я повернулась к мужу, заглянула ему в глаза.

– Он многое пережил, Анри. Он мог измениться. Особенно после того, что ему довелось испытать.

– Только не Эльгер.

– Ты сейчас говоришь так, потому что ненавидишь их всех.

От мужа повеяло холодом, и я прикусила язык.

Тем не менее Анри не отстранился, разве что черты лица его стали жестче, а уголки губ опустились вниз.

– Дело не в этом, Тереза. Евгения и Эрик терпеть не могли друг друга с самого начала, как Симон представил своего наследника Лиге. Он ждал несколько лет, чтобы ударить ее побольнее.

– Он говорил, что Евгения подписала ему приговор.

– Это правда. Ее голос был решающим.

– Естественно, что он хотел отомстить.

– Естественно. Но я был тем, с помощью кого приговор привели в исполнение.

Я потерлась щекой о плечо мужа.

– Думаешь, он раскрыл бы нам свою тайну, если бы собирался мстить?

Анри покачал головой.

– Только поэтому и согласился. Но я до сих пор уверен, что это его

очередная игра.

В дверь постучали: это был один из тех новомодных паровозов, попасть в купе которых можно только из вагона – все для удобства пассажиров. Впервые такая конструкция появилась в «Стреле Загорья», от первого отказались из соображений безопасности – все-таки путешествовали им состоятельные пассажиры. Анри говорил, что рано или поздно все поезда станут такими. Любому воришке гораздо проще попасть в купе с внешней стороны, чем пройти через вагон. И точно так же гораздо проще скрыться.

– Доставка чая! А так же любви и нежности специально для влюбленных.

Услышав голос Эльгера, мы подпрыгнули одновременно.

А потом ручка клацнула и Эрик шагнул в купе – сияющий, как новехонький антал. Муж взвился с сиденья подобно песчаному вихрю, следом вскочила и я.

– Ты что здесь делаешь, Эльгер? Мы договаривались встретиться в Тевинье.

– Договаривались, но мне стало скучно. И я решил поехать поездом, а не экипажем. Знаете ли, отбить себе пятую точку, ночевать в придорожных забегаловках – удовольствие ниже среднего. И вообще меня в последнее время укачивает в каретах. Возможно, из-за золотой мглы. Ты, кстати, ничего такого не чувствуешь?

– Изыди! – прорычал Анри.

Эрик укоризненно посмотрел на него.

– Разве так обращаются с партнерами? – потом перевел взгляд на меня и добавил: – Спорим, вы сейчас говорили обо мне?

Не дожидаясь ответа, указал в нашу сторону и хитро подмигнул.

– Угадал!

Он устроился на диванчике, хлопнул себя по коленям.

– Ну что? Какой у нас план?

– Вышвырнуть тебя отсюда, – Анри уже пришел в себя и шагнул к Эрику, но я схватила его за плечо.

Не хватало еще драки в поезде.

– План простой. Вечером приезжаем в Ольвиж, ночуем в гостиницах.

– В разных, – подчеркнул Анри.

– Да ну тебя, – отмахнулся Эрик. – Думаете, я за вами следил?

Скептический взгляд мужа подсказал, что именно так он и думает. Я сложила руки на груди. Посмотрела сначала на одного – очень выразительно, потом на другого – и, убедившись, что новой перепалки не

последует, продолжила:

– Утром едем в Тевинье, ближе к вечеру встречаемся у ворот городского кладбища. Поднимаем Джолин, ты ее расспрашиваешь, после чего мы благополучно расходимся и забываем друг о друге. Навсегда, маркиз. Договорились?

– Вряд ли я смогу когда-нибудь забыть о тебе, леди Смерть.

Анри шагнул к Эрику, схватил за плечо и рывком вздернул с диванчика.

– Проваливай. Из. Нашего. Купе.

Тот лениво сбросил его руку и прищурился. Они стояли друг напротив друга, и хотя Эльгер был ощутимо ниже... ох, как же они в этот момент были похожи! Но если ярость мужа мне подсказывал браслет, то ярость Эрика звенела в напряженной тишине и отзывалась в каждом слове. Которые тот выговаривал изнурительно-медленно, в темпе движущегося по зною песков каравана:

– Переставай. Меня. Лапать, де Ларне. Или я забуду о том, что у нас перемирие.

– Так, все, хватит!

Влетев между ними, я вцепилась в Эрика и лично подтолкнула его к выходу. Почему-то мне казалось, что если его буду «лапать» я, он будет не против. А то еще и добавки попросит.

– Жду тебя через два дня вечером, на городском кладбище Тевинье. И раздобудь лопату.

Приложив немного усилий, мне удалось все-таки оттеснить Эльгера к порогу, где муж уже успел распахнуть дверь.

– Лопату? – Тот приподнял брови. – Это еще зачем?

– Будете копать, маркиз.

– Раскапывать могилу?

– Закапывать Джолин. Откопается она сама.

– Закапывать? Я?

– Ну не я же. Без лопаты можешь не приходить.

Воспользовавшись кратковременным замешательством, промелькнувшим в жемчужно-серых глазах, я решительно подтолкнула Эльгера в коридор, Анри с грохотом захлопнул дверь и повернул задвижку замка.

– С каждой минутой мне все меньше нравится эта затея, – негромко произнес муж.

Я не стала говорить, что мне тоже.

Тевинье представлял собой типичный провинциальный городок... бы.

Если бы не вязкий, удушающе-тяжелый запах от многочисленных фабрик, которые были натканы в нем буквально повсюду. От него на языке становилось солоно и хотелось прикрыть рот надушенным платком – иногда создавалось ощущение, что вдыхаешь неразбавленный горьковатый дым. Собственно, это было не только ощущение: смог стелился над засыпающим городом, над домами, в которых одно за другим гасли окна, напоминая не лучшие дни в Лигенбурге – когда ветер начинал дуть в твою сторону и приносил с собой металлические, горькие, сухие примеси неестественного аромата прогресса.

Городок был большой и продолжал строиться: видимо, рабочей силы сюда требовалось много и люди приезжали вместе с семьями. Помимо промышленности в Тевинье насчитывалось множество магазинчиков – разумеется, к вечеру уже закрытых, я усмотрела два парикмахерских салона и четыре лавки гробовщиков. Кладбище располагалось на окраине, сразу за ткацко-прядельной фабрикой: мимо высокой ограды вела одна-единственная улочка – в приветливо распахнутые ворота, приглашающие в царство мертвых. Понятия не имею, что могло заставить нормального человека решиться переехать в Тевинье из Ольвижа. На ум ничего, кроме нужды, не приходило. Ну или возможно, Джолин к старости тоже стала не совсем нормальной.

Над воротами на ветру покачивался тусклый фонарь, тени от него ползали по стенам сторожки. За запыленным окном которой виднелась сутулая мужская фигура и огонек свечи. Я шагнула на грань и направила щупальца тьмы сквозь стекло, мягко заключая сторожа в кокон, вытягивая из него силы. Здесь нужно было быть очень осторожной, поэтому я вся взмокла, удерживая дорвавшуюся до жизни смерть. Сторож даже ничего не почувствовал – ну разве что легкий озноб и головокружение, просто сполз на стол, и я тут же увлекла тьму назад. Биение его сердца за гранью ощущалось даже на расстоянии: жив. Завтра проснется и будет думать, что задремал.

Анри внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Я тоже промолчала: напряженная, как натянутая до предела струна. Неосторожно тронь – и сорвется.

Мы подошли к воротам: запертым на ночь, разумеется. Муж достал что-то из кармана и спустя миг уже толкнул передо мной калитку, пропуская вперед. Тяжелый замок остался висеть на прутьях, Анри же сложил руки на груди и нахмурился.

– Если этот гаденьш...

– Тьфу на тебя!

Я не подпрыгнула только потому, что так и не вышла с грани. А на ней движения становятся более медленными, смазанными, голоса – приглушенными. Поэтому невысокая светло-серая тень, скользнувшая к нам из-за жавшихся друг к другу деревьев, выглядела заторможенной.

– Чего такие мрачные? – Эрик оперся на лопату и похлопал меня по плечу. – Здесь, кстати, другой вход есть. Правда для этого нужно через заросший пустырь продираться, грязищи там по колено.

Он указал на перепачканные ботинки и брюки. На грани подсыхающая земля смотрелась серыми струпьями.

– Веди, – холодно приказал Анри, прикрыл калитку и защелкнул замок.

Представляю, как мы смотрелись втроем: маркиз, граф и графиня ночью бодро вышагивают по ощерившейся выбоинами дорожке городского кладбища в Тевинье. Маркиз с лопатой, которая по ощущениям весит больше чем он сам, супружеская чета – с самыми темными намерениями и в отвратительном настроении. Да уж, отличный сюжет для любого журналиста. Они, наверное, в постелях сейчас волчками вертятся, не понимая, почему интуиция не дает покоя.

Могила Джолин располагалась в самом конце – там, где кованые ворота силились оттолкнуть обступающий кладбище лес. Тщетно: деревья напознали всем скопом, ветви тянулись сквозь прутья и над ними, как скрюченные пальцы мертвецов. Когда Эрик указал на невысокую, еще не покосившуюся от времени, плиту, я опустилась рядом с ней на колени и положила руки на землю. Пока что в перчатках.

Сквозь нависшие плотным саваном облака не удавалось просочиться даже слабому лунному свету, но мне все-таки удалось разглядеть выбитую надпись.

«Джолин Эруа, – значилось на камне, – женщине, посвятившей себя другим».

Ниже шли даты: в отличие от своей подопечной, сиделка дожила до глубокой старости.

– Простите, Джолин.

Вторгаться в покой человека, которого коснулась печать потустороннего мира, всегда чревато. Но сейчас я просила прощения именно у нее – у той, что еще несколько месяцев назад была жива. Там, где смерть повсюду, почувствовать одну оборвавшуюся жизнь сложнее. Особенно ту, что оборвалась не вчера. Для этого придется шагнуть немного глубже, чем обычно – возможно, и впрямь туда, где я «встречалась» с Евгенией. Хотя надеюсь, что до такого не дойдет.

Нечего тянуть.

– Анри, пожалуйста.

Муж протянул мне кинжал.

– Мне нужен круг, за которым останемся мы с Джолин. Вы будете по другую сторону. Что бы ни случилось, не нарушайте границу.

Противозаконным поднимать давно умерших считалось не просто по этическим причинам: не обладая достаточно сильной магией и точными знаниями, дел можно было натворить на всю округу.

– У-у-у, страшно-то как, – сообщил Эрик.

– Страшно, – подтвердила я. – Здесь сотни мертвецов, и все они почувствуют кровь некромага во время заклинания призыва.

Эльгер вскинул руки, но лихорадочный блеск в глазах сполна выдавал его возбуждение. Вот только Эрик меня сейчас не заботил, я смотрела на Анри, и во взгляде мужа читался единственный вопрос: «Ты уверена?» Хотя может, там еще было что-то вроде: «Если нет, то я прямо сейчас сверну шею Эльгеру, мы вместе его закопаем и забудем все, как страшный сон».

Поймала себя на мысли, что еще чуть-чуть, и начну нервно хихикать, как дебютантка перед танцем с понравившимся кавалером.

– Анри? Обещай, что не прикоснешься ко мне, пока я по ту сторону.

– Обещаю, – негромко ответил муж.

И тогда я кивнула. Стянула перчатки, холод радостно впился в кожу, равно как и стальное лезвие, из-под которого на ладони выступила кровь. Печать Лаа'тхарта, отгораживающую царство мертвых от мира живых, я помнила наизусть. Поднялась и пошла вокруг могилы, запирая нас с Джолин, рисуя узор. Отрезая не только от жизни, но и от смерти, что была повсюду. Моя кровь впитывалась в землю, соединяя меня с умершей. Волнение природы отразилось порывами ветра, швырнувшими в лицо пыль и сухие листья. Все вокруг противилось тому, что я делала. Все вокруг противилось моей магии и моей сути. Земля внутри печати взметнулась ввысь, замерла, а затем осыпалась. И тогда я перестала чувствовать холод.

Каждый раз, когда ее глаза застилала Тьма, Анри боялся того, что она не вернется. Каждый раз – с той проклятой ночи, когда едва успел вытащить ее с той стороны. Всякий раз, когда Тереза обращалась к магии, внутри что-то неуловимо натягивалось, а мгла бурлила в крови огнем. Если бы он мог избавить жену от страшной магии, которой ее наградила природа... но та давно стала ее сутью. Возможно, иногда она сама желала отказаться от Смерти, с которой засыпала и просыпалась, но сделать это, не

причиняя ей боли, Анри не мог. Да и не был уверен, что Тереза готова к жизни обычной женщины.

Поэтому сейчас просто смотрел на то, как черные вихри срываются с тонких пальцев, уходят в землю корнями. Он чувствовал биение сердца – сильные, глухие удары, и в такт им пульсировал на запястье браслет, от которого по руке растекался холод. Тереза стояла к нему лицом, но смотрела сквозь – если вообще что-то видела. Порыв сильного ветра хлестнул ее по лицу, срывая капюшон и отбрасывая за спину, но она этого не заметила. Даже не пошевелилась, замершая словно в трансе. Волны силы, расходящиеся от нее, чувствовались и в мире живых, но теперь Анри понимал, о чем она говорила: близость смерти тянулась по коже липким склизким холодом. Казалось, что земля вибрирует под ногами, что сотни упокоившихся на кладбище сейчас просыпаются – независимо от того, сколь долгим был их сон. И от этого волосы вставали дыбом, а мгла начинала жечь кровь, словно в сосуды заливали раскаленный металл.

– Твоя женушка – настоящее сокровище, де Ларне, – опираясь о черенок лопаты, Эльгер смотрел на Терезу. Положив ладонь на подбородок, слегка прищурился, словно пытаясь почувствовать то, что чувствует она. Или увидеть Смерть ее глазами. – Но ты ведь и так это знаешь, правда?

– Что тебе нужно? – холодно спросил Анри.

– Кажется, мы это уже обсудили. Узнать, как умерла Катарина Эльгер. Холеные пальцы легко постукивали по черенку.

– Зачем?

– А вот это уже не твое дело, солнечный мальчик.

Его губы дрогнули, лишь на миг обнажая хищную сущность.

Он не собирался задавать вопрос, он вообще не собирался с ним разговаривать, но слова сами сорвались с губ: возможно, именно потому, что глаза жены напоминали бездонные провалы небытия. Потому что именно ради нее отчаянно, безумно и невероятно остро хотелось жить. Ради нее и с ней.

– Что ты чувствуешь, когда просыпается мгла?

– Хочешь узнать, не становится ли мне плохо? – Эрик улыбнулся. – Не сгораю ли я в собственном огне, не идет ли носом кровь, не дрожат ли пальцы, не хочется ли рухнуть без сознания?

Анри спокойно встретил и его взгляд, и издевку.

– Нет. – Припечатал Эльгер. – Твоя сила любит меня, де Ларне.

Подумать о случившемся он не успел: земля под ногами Терезы шевельнулась, из-под нее донесся глухой стук. Озноб усилился, теперь не только рука напоминала ледяную плеть, но и грудь – сгусток холода.

Хотелось шагнуть в круг, вытащить ее из потустороннего царства, и увести отсюда как можно скорее, но он помнил и о ее словах, и о своем обещании. Стук и скрежет усилились, теперь уже они оба не отрываясь смотрели на вздыбившиеся вокруг могилы комья. Время замерло, а может быть, наоборот летело слишком быстро – до той минуты, когда сквозь черную толщу показались скрюченные белые пальцы.

Кое-где лишенные плоти, кости загребали землю, и она тонкими струйками утекала вниз. Сначала показалась голова – восковая кожа свисала с лица лоскутами. Глаз не было, лохмотья одежды прикрывали то, что когда-то было телом пожилой женщины. Согнувшись, словно от непосильной ноши, зомби с утробным прерывающимся рычанием бросилась к Терезе. Анри шагнул вперед, но покойница словно наткнулась на невидимую преграду и завывала, бессильно скалясь в лицо его жены.

– Джолин Эруа. – Родной голос сейчас звучал так, словно они оказались под водой: глухо, безжизненно, блекло. Плеть тьмы удавкой захлестнулась вокруг головы зомби. – Ты подчиняешься мне все время, что будешь по эту сторону жизни, и ты будешь говорить через меня. Ты расскажешь о последних днях Катарины Арсель Эльгер герцогини де ла Мер. Ответишь на все вопросы ее сына, а после вернешься туда, откуда пришла.

Рык перешел в прерывающийся приглушенный вой, который спустя миг затих окончательно. Лохмотья поползли вниз, вслед за согбенной фигурой, когда покойница ткнулась головой в землю у ног Терезы – в знак смирения.

А сама она повернулась к Эрику и произнесла:

– Спрашивай.

– Подержи, – Эльгер отшвырнул лопату к нему, сам шагнул ближе к кругу. – Я хочу знать, что случилось в ночь смерти моей матери. Как она умерла.

Зомби повернула голову – слишком резко, молниеносно, уставилась на него пустыми глазницами. С раззявленной безъязыкой пасти сорвалось не то чавканье, не то шипение. А вот Тереза заговорила – прерывающимся, хриплым голосом. Не своим.

– Исповедник... он отказался позвать ей исповедника... хотя я говорила. Я говорила о том, что так нельзя. Негоже это. Не по-человечески. Даже... для прелюбодейки...

– Почему?

Кукла запрокинула голову, и залаяла, по кладбищу эхом разнесся леденящий душу смех Терезы, отражающий пустоту покойницы.

– Не знаю. Этого он мне не сказал. Не сказал... Он вообще запретил о ней говорить. Запретил... – Зомби коснулась костяшками облезшего черепа со свисающими с него клочьями волос. – Нико-ому... Во-от так... моя голова взорвалась бы. Взорвалась бы, если бы я заговорила...

– Ментальный блок, – хмыкнул Эрик и сунул руки в карманы. Глаза его блестели, но лицо было напряжено: это выдавали заострившиеся, вмиг ставшие жесткими черты.

– Но теперь я могу. Мно-огое... Мадам Флао, ваш сын не придет, ему на вас наплевать!

– Это еще что?

– Обрывки воспоминаний, – сказала Тереза. Лицо ее по-прежнему оставалось бесстрастным, а взгляд был устремлен в никуда. – Из больницы, где Джолин работала, видимо. Она слишком давно умерла, я предупреждала.

– Что произошло в ту ночь? Что случилось с Катариной?

– Жар... жар, жар, жар... она сгорела.

– Ты сейчас говоришь о золотой мгле? Сила хэандаме? – прищурившись, Эльгер шагнул еще ближе, почти коснувшись носками круга.

– Внутренний огонь... внутренний огонь... Она умирала и звала его. Но он не пришел.

– Моего отца? Симона Эльгера, герцога де ла Мера, она звала его?

– Того, кого любила. Любила... не-ет... – голова зомби запрокинулась под неестественным углом. – Она не любила ... его... Она любила... другого...

– Кого она любила? Назови имя.

– Ад... Ад... ад повсюду. Он везде, и зде-есь... в этой комнате, только ад. Грустная, грустная, грустная, какая же она грустная... все время говорит о сыне, которого потеряла.

– О чем ты говоришь, демоны тебя раздери?

– Не-ет... я не могу говорить... моя голова взорвется... Месье Лурнье, это чепуха, ваша соседка давно мертва, так же, как и ее пес, он не мог вас покусать.

Анри чувствовал дрожь, расходящуюся по телу – дрожь от страшных усилий, которые приходилось прилагать его жене. Немалого труда стоило оставаться на месте, пальцы до боли сдавили кожу даже сквозь плотную ткань сюртука и рубашки. Тереза запрокинула голову, словно пытаясь вдохнуть полной грудью, текущая с пальцев тьма подрагивала, словно кто-то невидимый играл на этих жутких струнах.

– Эрик, она ускользает, спрашивай быстрее.

Эльгер опустился на одно колено, почти вплотную к покойнице. Сейчас он стоял лицом к лицу с зомби.

– Кого. Любила. Моя. Мать. Назови мне имя, ты, демонова трупятина! Та тоже подалась вперед. Еще чуть-чуть – и они поцелуются.

– Назови... назови... сам...

А потом зомби затряслась, словно ее насаживали на невидимые колья.

– Пятая половица справа... пятая половица справа... пятая половица справа...

И без сил рухнула лицом в землю.

Эрик выругался. Грязно.

Тереза вздрогнула всем телом, вскинула руку, предупреждая его следующий шаг.

– Не подходи. Пока еще рано. – И Анри замер.

Его трясло так же, как сейчас трясло жену, тем не менее он чувствовал, как закрывается переход между мирами – мертвых и живых. Стих ветер, природа больше не беспокоилась, растревоженная страшной неестественной силой. Больше не было чувства, что вот-вот из-под земли появится армия мертвецов, и загребая ногами, отправится в наступление на ничего не подозревающий спящий город. Черная крошка взметнулась ввысь, вихри магии подхватили обмякшее тело, погружая Джолин туда, откуда она пришла, с негромким стуком захлопнулась крышка гроба. Земля осыпалась, последние полотнища тьмы растаяли в воздухе, глаза Терезы очистились, взгляд стал ясным. Тогда она сама разорвала круг, шагнула к нему и буквально упала на руки – Анри едва успел подхватить, прижимая к себе и согревая.

– Все закончилось, маленькая. Все.

Она раскрыла глаза – с расширенными во всю радужку зрачками, немного безумно посмотрела на него, словно не узнавала. Анри протянул платок, но она покачала головой, вычерчивая на ладони исцеляющий узор сочащейся из глубоко пореза кровью. Рана затянулась на глазах, а Тереза повернулась к Эльгеру. Он так и стоял на одном колене, глядя на раскрытую пасть могилы. Погрузил пальцы в рыхлую землю, словно не мог поверить, что все закончилось.

– Мне очень жаль.

Эрик обернулся, взгляд его пылал злобой: той самой, что спонтанно разгорается в самом сердце безумия.

– Мне не нужна твоя жалость, леди Смерть. – Голос его дрожал от гнева. – Слышишь?

– Мне жаль, что ты так и не узнал ничего, что может тебе помочь. – Произнесла Тереза негромко. И добавила, обращаясь уже к Анри: – Пойдем.

Он мягко привлек ее к себе, поддерживая. И они вместе зашагали по дорожке, ведущей к воротам.

За ночь я так и не сомкнула глаз: ворочалась с боку на бок, а потом, чтобы не разбудить Анри, устроилась на подоконнике и глядела на узенькую мощеную улочку, петлявшую между домами. Гостиный дом, в котором мы остановились, был небольшим и скромным, но нам совсем не хотелось афишировать наше присутствие. Поэтому и выбрали его, тем более что задерживаться в Тевинье не планировали. Сейчас рассветет, позавтракаем внизу и найдем экипаж до Ольвижа. А оттуда на вокзал и сразу домой.

Низкое небо разразилось слезами дождя, пока еще слабого, словно тщетно сдерживаемые рыдания. Я подавила желание прижаться щекой к стеклу, поежилась, но слезать и идти за халатом не хотелось. Поэтому просто подтянула колени к груди, глядя как со скрежетом тащится под окнами повозка молочника. Унылая лошадь едва переставляла ноги – старенькая, как и правящий ей человек.

– Давно ты так сидишь?

Я вздрогнула. Все-таки с умением Анри подкрадываться незаметно мало кто сравнится.

– Не очень.

– Замерзла? – Голос мужа со сна был хриплым.

Он набросил мне на плечи халат, заворачивая в него чуть ли не с головой – теперь оттуда торчала только моя макушка и нос. Сильные ладони легли на плечи, поглаживая и согревая.

– Не могу перестать думать про Эрика.

Анри нахмурился.

– Он потерял мать, но даже не знает, как она умерла. Это... страшно.

Образ сына Эльгера, стоявшего на коленях на промерзшей земле, не шел из головы. И что с этим делать, я не представляла.

– Иногда знать гораздо страшнее.

Леди Николь и лорд Адриан.

Мой отец.

Он прав.

– Кто я, Анри? И кем был Дюхайм? Может быть, таким как мы, не стоит жить в этом мире?

– Это вряд ли.

– Не уверена.

Я знала о некромагии все или многое... или мне так казалось. Но последний год перетряхнул мою жизнь, мои представления о том, кто я есть. О том, что я. Сначала страшный приступ в Лавуа, последствия которого в окрестностях замка Ларне уже давно развеял ветер. Потом стычка с Евгенией, когда я заглянула в самое сердце Смерти, когда я сама была ею. И наконец Джолин. Она оказалась дальше, чем я предполагала – за гранью, в бесконечном потоке серых струпьев тлена и пустоты. Но мне не составило труда туда шагнуть, больше того – пальцы дрожали от предвкушения, нанизывая на нити небытия все новые и новые бусины. Мир живых с радостью меня отпускал, тогда как мертвые охотно принимали в свои объятия. А я не чувствовала себя среди них чужой, хотя мое сердце по-прежнему билось. Чем дальше, тем тише. Реже. Словно выбирая миг, чтобы остановиться.

– Тереза, я никому тебя не отдам. Даже твоей Смерти.

– Думаешь, ты сможешь ее удержать?

Закусила губу, но поздно: лица Анри коснулась тень. Та самая, значение которой мне было очень хорошо знакомо.

– Я сама не знаю, смогу ли. Иногда не уверена, что получится оттуда вернуться... прежней.

– Но ты всегда возвращалась.

– Из-за тебя. Там, в Шато ле Туаре, я почувствовала тебя, твою жизнь. Только поэтому смогла остановиться.

– Ты остановилась, потому что ты – это ты, Тереза. Я в жизни еще не встречал такой силы. И речь сейчас не о магии.

Крупные капли уже вовсю барабанили в окно, размазывая по нему пыль. Тем более что над городом сгустились тучи, и расползаться не собирались. В такое время летом уже рассвет, но сейчас нам еще несколько часов предстояло коротать в темноте. Анри подхватил меня на руки и отнес на кровать. Закутавшись в одеяло, мы прижались друг к другу. От наволочек пахло застиранным хлопком, чистотой, а от верхнего утепленного покрывала – старой шерстью. Муж взял мои руки в свои, мягко перебирая пальцы, притянул поближе.

– Как думаешь, Жером уже остыл?

– Не представляю. У него было предостаточно времени, чтобы подумать над своим поведением.

Перед отъездом камердинер смотрел волком. Особенно когда понял, что мы всерьез собираемся в Тевинье с Эриком. В последних разговорах со мной еле цедил слова, из-за чего сцепился с Анри чуть ли не до драки. На моей памяти они впервые так серьезно поссорились, и мне это не

нравилось. Совсем. Тем более что он был единственным другом мужа.

– Я бы хотела родиться другой.

– А я бы не хотел. Как знать, возможно, тогда я бы просто прошел мимо.

– Так уж и прошел бы?

– Ну да. До встречи с тобой мне нравились блондинки...

– Ну да. Вроде Камиллы Уитмор.

Анри фыркнул.

– Далась тебе эта Уитмор.

– Это тебе она... далась.

– Леди Тереза!

Я показала мужу язык.

– Так вот, представь мое удивление... Мне рисовали тебя как затюканную старую деву...

– Эй!

– Ну мы же договорились говорить друг другу правду.

Я сдавленно прыснула, потому что меня уже давно разбирал смех. Наверное, у нас и правда все хорошо, если мы можем над этим смеяться.

– И вот я являюсь, готовый покориться судьбе... но женщина, которую мне представляют, даже отдаленно не напоминает кошмар прирожденного холостяка. Платье по фигуре с по-взлейски откровенным декольте. Волосы убраны в высокую прическу и открывают изящную шею и плечи – мягкие, изящные линии. Двигается плавно и грациозно, не в пример даже некоторым девицам на выданье...

– Знал бы ты, сколько я училась так ходить.

– Сколько?

– Очень долго. А когда вошла в зал, думала только о том, чтобы не споткнуться и все сделать правильно...

– Тебя выдавали глаза.

– Да неужели?

– Взгляд, – Анри очертил пальцами мои брови, – может сказать о человеке многое. Особенно если этот человек не искушен. Но тебя сразу разгадать не получилось. Возможно, потому что вы с братом очень похожи, а в нем я видел сильного мага и талантливого политика, который недавно разнес Аддингтона в пух и прах, туда ему и дорога. Политики все игроки.

– Мы с братом настолько похожи?

– Больше чем ты думаешь. Только потом я понял, что это не ты притворяешься.

Я приподняла бровь.

– Что твой брат тоже не терпит притворства. Впрочем, при его статусе он может себе такое позволить.

Я улыбнулась.

– Ты озиралась по сторонам, а я тебя изучал: небольшую родинку на шее, гордо вздернутый подбородок и едва уловимо дрожащие руки. Совершенно забылась, неосознанно закусывала губу, словно была одна в этом зале или хотела, чтобы так было. Ты то ли искала кого-то, то ли боялась найти. Одно я понял сразу: я хочу сделать тебя своей.

Он говорил тихо, но чувства в его словах отзывались в моей душе. Я словно снова стояла посреди залы Уитморов – впервые за долгое время на балу. Глупая девчонка, которая думала, что знает все лучше всех, шагнувшая в пропасть, чтобы покорить сердце мужчины, которому не было до нее никакого дела. Смешно, но именно Анри в тот вечер протянул мне руку и удержал. Правда, тогда я этого еще не понимала, полностью заиклившись на другом. Мысли про лорда Фрая пришлились очень некстати, поэтому я быстро их прогнала. Потянулась, чтобы коснуться губ мужа в легком нежном поцелуе, счастливо улыбнулась. Покачала головой.

– Невероятно.

– Что именно?

– Ты все это помнишь.

– Как вчера.

Я потерлась щекой о его плечо, и он мягко привлек меня к себе.

– Спи, маленькая. Скоро снова в дорогу.

Улыбнулась и закрыла глаза. Хоть в дорогу. Хоть куда.

Главное, что с тобой.

– Ткани!

– Духи.

– Ткани, Анри. Это будут ткани.

– В Энгерии нехватка тряпок?

Я поперхнулась воздухом и чуть не свалилась с колен мужа, когда попыталась укусить мужа за ухо, а он увернулся. Благо, и поддержал меня с той же прытью, так что я оказалась полулежащей в его руках. Вокруг глаз Анри собралась тонкая сеточка морщин, он улыбался, и лицо его было светлым. Удивительно светлым, несмотря на сгущавшиеся за задернутыми шторами зимние сумерки. Темнело, но зажигать лампу мне не хотелось. Вообще не хотелось ничего, кроме как замирать от счастья в его руках.

– Вэлейские духи известны во всем мире, чтобы ты знала.

– Как можно дарить духи? Лави очень чувствительная к запахам, а Луиза...

– Будет рада.

Ну ладно, Луиза предположим, будет.

– Зато матушке очень сложно угодить! Ты даже не представляешь, насколько!

– Представляю, я неплохо знаком с ее дочерью.

– Ах ты...

Я брыкнулась. Тщетно, разумеется, только завалилась еще больше, как плюшевая игрушка. Анри рассмеялся, но обнял крепче и прижал к себе. Устроились мы на диване в кабинете, поэтому простор для таких маневров был. У одного бесстыжего графа, меня стеснял кринолин и пышные юбки, а его вообще ничто не стесняло. Даже совесть, которой у него и в помине не было!

– И все-таки я попытаюсь, – муж почти касался губами моих губ. – С тобой же у меня получилось.

– Как знаешь! Но потом не жалуйся.

– Мне не на что жаловаться.

Этот совершенно неконструктивный диалог завершился коротким нежным поцелуем. Вот уже с полчаса мы с Анри собрались обсудить, что еще подарить родным на Праздник Зимы. Я настаивала на отрезках тканей для нарядов и модных шляпках, он – на дорогих духах, которые и впрямь ценились во всем мире. Билеты в Лигенбург были куплены, а Софи считала дни до своего первого за долгие годы путешествия. С того вечера, как она увидела эмблему «Стрелы»: растянутое подобно тетиве кольцо и пронзающее бриллиант острие, разговоров только и было что об Энгерии и о поезде, на котором нам предстояло ехать. Признаться, дни считала не она одна. А оставалось их не так уж и много.

Скоро я увижу родных.

Обниму Луни и Демона.

И запущу снежком в этого самодовольного графа! Признаться, давно хочу это сделать.

– Если хочешь, можем выехать пораньше и задержаться на несколько дней в Ольвиже.

Заметил, с какой жадностью я разглядываю город, когда мы возвращались?

Проехали-то ведь всего-ничего, через центр, сразу к вокзалу, когда только успел!

Снег в столице Вэлеи выпадает чаще, чем в Лавуа – вот и в тот день было ощутимо прохладнее, чем у нас. Но красота города с лихвой искупала это упущение: вечерний Ольвиж напоминал праздничную ель. Повсюду

яркие огни, мишура, электрические фонари рассыпали свой свет, не позволяя зимним сумеркам воцариться над улицами. Витрины сияли, и ольвижский салон Хлои Гренье – в двухэтажном здании, принадлежащем ей, не был исключением. Между манекенами, наряженными в роскошные платья, стояли маленькие елочки. Наверху струились искрящиеся ленты гирлянд, а на двери висела омела. Под подолами стелился белый шелк, по которому было разбросано конфетти.

– Софи будет счастлива.

– А ты? – Анри погладил меня по щеке.

– И я тоже.

– Тогда решено.

Будет время не только погулять по городу, но и неспешно пройтись по магазинам: мы собирались вместе выбрать и отправить подарки его опекунам. Встречу с ними решили отложить до начала весны – как раз тогда в Маэлонии все уже цветет, повсюду яркие краски и умопомрачительные ароматы близкого лета. Которое длится там большую часть года, и лишь ближе к зиме ненадолго прерывается прохладой и редкими заморозками.

– Остановимся в «Ле Лантье», снимем самый роскошный номер...

– Тот самый, в котором ты собирался выставить меня из Вэлей?

Анри прищурился.

– Тот самый, в котором ты заявила, что хочешь испортить мне жизнь?

– В котором ты швырнул меня на кровать?

– В котором ты отбила мне ногу?.. Хотя с кроватью можно и повторить.

Я показала ему язык. Несмотря на то, что в кабинете было прохладно, как-то сразу стало жарко.

– И что же ты собираешься делать со мной на кровати?

– Например, наказать за «выканье».

Кажется, я никогда не перестану краснеть рядом с таким мужем.

– Даже не думай!

– Тебе понравится, – он провел пальцами по моей шее, а затем по груди.

Предвкушение – дикое, порочное – дрожью прошло по телу.

Так, надо срочно менять тему!

– Софи не поймет, если мы закроемся в номере на все время.

– Софи будет не до нас. Она будет сбивать ноги по ольвижским мостовым вместе с Жеромом и Мэри.

– И нам не помешало бы делать то же самое, – хмыкнула я. – Приехать

в столицу, и...

– Времени хватит на все. Не зря же существуют день и ночь.

Под жарким темнеющим взглядом думать о чем-то кроме «наказания» становилось сложно.

М-м-м... Ольвиж, Ольвиж, Ольвиж... елочки, фонарики, электричество... Эльгер!

О, сработало! Как в ледяную воду нырнула.

Что и говорить, осенью город посмотреть не удалось. Недолгое время, в которое я была предоставлена самой себе, разве что по галерее пробежалась и по центру, да еще по набережной Лане. Уверена, что Ольвиж гораздо ярче и объемнее, чем можно себе представить. Если знать, где искать, вот Анри наверняка знает.

– Поведешь меня в кабаре? – улыбнулась я.

Муж приподнял брови.

– Леди Тереза, вы продолжаете меня удивлять.

– Не в последний раз, – хмыкнула я.

– Интригуешь, моя дорогая жена.

Я улыбнулась.

– По мере сил и скромных возможностей.

– Предпочитаю, чтобы меня интриговали нескромно.

– Почему меня это совсем не удивляет?

Вместо ответа муж провел по моим волосам, перебирая длинные пряди, скользнул губами по губам, и сердце подскочило до самого горла. Нет, все, я сдаюсь... Противиться этому полубезумному искушению уже не осталось сил. Подчиняясь силе его рук, подалась вперед, сходя с ума от жаркого глубокого поцелуя. Еле слышно щелкнул крючок на платье, и тут же раздался стук в дверь. Который тут же повторился: сильный, настойчивый. Мы даже не успели отпрянуть, просто смотрели друг на друга шальными глазами, словно пытаюсь понять, что же произошло. По-прежнему касаясь губами губ.

– Анри. Миледи. – Голос Жерома. – Простите, что прерываю, но это срочно.

– Минуту.

Крючок щелкнул снова, муж мягко ссадил меня с колен.

Мы вскочили, я принялась поправлять волосы, пытаюсь представить, что же там могло стрястись такого срочного. Судя по выражению лица Анри, его мысли текли примерно в том же направлении. За время, пока я расправляла складки на платье, муж успел зажечь лампу. При таком свете сразу стало понятно, чем мы занимались – по покрасневшим припухшим

губам.

У меня что, такие же?

Я прикрыла рот ладонью, но определить это наощупь не представлялось возможным. Да и поздно уже, потому как Анри распахнул дверь.

Когда вслед за Жеромом в кабинет шагнул Гийом, я поняла, что случилось действительно что-то серьезное.

«Ольвиж сегодня» – бульварная газетенка, писака из которой скатился с наших ступеней и вприпрыжку бежал к своему экипажу, лежала раскрытая на первой полосе. Камердинер опирался о стол, не глядя на меня. Анри, прищурившись, смотрел на убористые колонки, венчал которые заголовок:

«ЧТО СКРЫВАЕТ ЗОЛОТАЯ МГЛА»

В статье рассказывалось об истории кровавого культа золотой мглы, об изгнании хэандаме. О возможных последствиях нашего с Анри брака: о ребенке, который способен сочетать несочетаемое. О деяниях некромагов, отринувших жизнь, об их опытах над мертвецами и походах за грань, об истории матушкиного рода, восходящего корнями к Роберу Дюхайму, и о страшном подвиге моего предка. Слишком много знаний – тех, которых обычному человеку не раздобыть без рекомендаций. Слишком много совпадений и слишком прицельный удар: журналист, некий Жак Аркур, ссылаясь на Маэлонский Фонд Знаний, доступ в который он получил с помощью «неравнодушного человека».

«Я не смогу раскрыть имя, – написал он в конце статьи, – но я могу лишь благодарить этого человека за то, что теперь мои глаза раскрыты. То, что долгое время держалось в тайне и оберегалось самым тщательным образом, теперь доступно нам всем. И мы имеем право знать, кто или что живет рядом с нами».

– Что ж, Аркуру явно повезло с осведомителем, – зло бросил Жером.

Гийом взъерошил темные волосы, и тут же снова скрестил руки на груди. Высокий, по-прежнему слишком худой и нескладный для мужчины. Разве что борода, которую он отпустил, придавала ему пару лишних лет и солидности.

– Ольвиж просто порвало, – негромко произнес молодой человек. – Сейчас эта новость обсуждается на каждом углу и в каждой кофейне. Она распространяется, как лесной пожар. Перед посольством Энгерии какие-то умники расхаживали с плакатами: «Забирайте свою ведьму обратно». Их, разумеется, сразу же арестовали, но...

Муж тяжело взглянул на него поверх сцепленных рук, и Гийом осекся. Внешне Анри оставался спокоен, и это спокойствие пугало меня больше самой неистовой бури. Если бы он кричал и рушил все вокруг, было бы проще. Но сейчас на родном лице застыла чужая маска, страшная и

жестокая. От его взглядов стыло сердце, в груди собиралась тугая ярость, скручивающаяся в комок и мешающая дышать. Эта грязь обрушилась на нашу семью с силой штормовой океанской волны! На моих близких!

– Просто Темные времена какие-то, – буркнул Жером.

– Люди во все времена одинаковы, – ответил муж.

В Темные времена в Вэлее маги не гнушались страшных заклинаний, но и казнили тогда многих, по доносам. Невзирая на старину рода, виновных и невиновных. Странно, что у них вообще аристократия уцелела, потому что страну в прямом смысле заливали магической кровью.

– Можем мы заставить их дать опровержение? – Гийом сунул руки подмышки.

– Бесполезно. Они сослались на источник, и в статье нет ни слова лжи, – холодно отозвался муж.

– Неужели мы не заткнем какого-то паршивого журналистишку? Просто так все это оставим?

– Если дойдет до суда и межнационального расследования, мы в очередной раз останемся в дураках и спровоцируем новый всплеск недовольства. Тот, кто все это придумал, прекрасно об этом знал.

– Ты тоже прекрасно знал! Знал, что так будет, что готовится очередная подстава, и все равно потащился туда, помогать этому убл... – Жером осекся. – Эльгеру.

– Что сделано, то сделано. Он за это ответит.

– Это не может быть он.

Ко мне повернулись все. Но если до этого я сидела на диване, разглаживая на подоле складки, то сейчас поднялась и спокойно встретила направленные на меня взгляды мужчин.

– Эрик не стал бы этого делать. Он пришел к нам за помощью, и он не...

– Не стал бы? – Жером схватил газету и потряс ей, словно надеялся ссыпать слова мне на платье. – Посмотрите на дату, миледи. Напомните-ка, когда вы были в Ольвиже проездом?

– Примерно в тех же числах, если мне не изменяет память.

– Она вам не изменяет, – резкий голос камердинера сочился ядом. – Считаете, что это совпадение?

– По-моему, ты забываешься.

Голос Анри заставил вздрогнуть даже меня. Он поднялся из-за стола и шагнул к побелевшему лицом Жерому.

– Забываюсь? Всевидящий, Анри! Да что она вообще тут делает? Это же не женский разговор!

– Неужели? – я повернулась к камердинеру. – С чего бы?
– С того, что ваша сентиментальность уже не в первый раз натворила дел.

– Выйди.

Я вздрогнула, хотя обращались не ко мне: таким тоном спокойно можно голову снести, как лезвием шиинхэ. Жером же только бросил на меня испепеляющий взгляд, швырнул газету на диван и вышел. Гийом последовал за ним, и когда за мужчинами закрылась дверь, Анри приблизился.

– Мы не можем опровергнуть статью, но можем попытаться доказать, что все это тщательно спланированная провокация.

– Спланированная кем?

– Сыном Эльгера, разумеется. Я достаточно терпел его выходки, но теперь... Для начала все станет известно его отцу.

– Анри, нет.

– Это дело его рук, Тереза. Кто еще мог дать рекомендации в Маэлонский Фонд?

– Да кто угодно! О Евгении ты не подумал?

Мысли о графине рождали не самые приятные чувства. Я представила ее трепыхающейся на натянутых нитях тьмы, и стало немного легче.

– Евгения заперта в Мелузе.

– Тем не менее, у нее могут быть сообщники. Тот же Альмир...

– Она не настолько глупа. Его величество Альтари на нее зол до трясушки, так и с головой можно распрощаться.

– А Эрик? Неужели ты думаешь, что собираясь проверить такое, он бы доверил нам свою тайну?

– Спрошу по-другому: кому действительно выгодно нас утопить? Этим выстрелом он бьет сразу по двум мишеням, мстит мне и рушит планы Симона.

– Я видела его глаза, когда он смотрел на Джолин. Для него это действительно важно, а еще...

А еще я чувствовала: боль, отчаяние, бессильную злобу, не имеющую к нам никакого отношения. Не знаю, как, не понимаю, почему. И не уверена, что хочу это знать. Но не все в этом мире поддается объяснениям.

– Он прекрасный актер, а ты видела то, что хотела видеть.

– Тебе не кажется, что ты готов его обвинить, только потому что...

– Потому что?..

– Потому что вы двое терпеть не можете друг друга!

– Прости, что я не готов доверить ему свою жизнь после того, как он

только чудом не убил тебя и моих друзей.

– Это осталось в прошлом!

– Люди не меняются так быстро, Тереза.

– Анри, ты же сам говорил, что...

– Я ошибался.

– Ошибаешься ты сейчас. Пожалуйста, не делай поспешных выводов.

Позволь мне поговорить с ним.

– Нет.

Это прозвучало как приказ.

– Нет? – я приподняла брови. – То есть снова запрешь меня в Лавуа?

– Если потребуется.

– Мы столько говорили о доверии. Неужели мы так ему и не научились?

– Я больше не стану тобой рисковать. Жером прав, это не женские дела. И если Эльгер не способен держать сына в узде, возможно, это стоит поручить кому-то другому.

Взгляд Анри сейчас напоминал кардонийскую сталь в огне. Крючья браслета впились в запястье, с каждой минутой обжигая все сильнее. Да он действительно готов бросить вызов Эльгерам! И всему миру.

Подошла ближе, заключила его руки в ладони.

– Это касается нас двоих, и решение мы должны принимать вместе.

– Так же, как ты в Шато ле Туаре?

Я отшатнулась.

Смотрела на него в надежде, что он скажет что-то еще, но Анри молчал. Даже в лице не изменился.

– Если пойдешь к Эльгеру, – сказала негромко, но твердо, – перечеркнешь все, что между нами было.

Развернулась и вышла, оставив его наедине с газетой. Не знаю, куда подевались Жером и Гийом, но я была рада: видеть их сейчас совсем не хотелось. Пусть ругаются, пусть спорят до хрипоты, пусть решают свои мужские дела.

А мне пора дочку укладывать.

Мы с Кошмаром на пару ожесточенно драли: он – мягкий пушистый ковер, что в другие времена ему строжайше запрещалось, я – волосы щеткой. От ковра во все стороны летел пух и шерстинки, от моих волос – искры. Кот нагло пользовался тем, что мне сейчас не до ковров, а я просто не знала, как еще справиться с волнением. Вот и доставалось волосам, которые, кстати сказать, прилично так отросли. Пусть и не до прежней длины, но уже к тому приближались: в детстве няни и гувернантки только

диву давались, как у меня это получается. Не знаю, как, но волосы и впрямь росли с небывалой скоростью.

За окном царил темень. Еще бы, ночь уже перевалила на вторую половину, хотелось забраться под теплое одеяло и свернуться клубочком, но вертеться юлой и протирать дыры в простынях не хотелось от слова совсем. Поэтому я продолжала расчесывать волосы, мечтая о хлебе с ветчиной. Просто это было последнее, что мне сегодня удалось перехватить из еды, бегом и на кухне. Тогда я запихнула в себя пышный мягкий хлеб и сочное мясо, даже не почувствовав вкуса... Дура! От ужина отказалась, потому что кусок в горло не лез, теперь вот искренне об этом жалела.

Негромко хлопнула дверь, но я не обернулась. Зато щетку приложила о туалетный столик так, что он чудом не треснул.

– Кошмар!

Кот напоследок дернул ковер и метнулся в сторону, с оглушительным мявом уворачиваясь от запущенного в него сюртука. Предполагалось, что он накроет его на месте преступления, но Кошмар оказался проворнее. Влетел серой молнией под кровать и забился поглубже, на всякий случай.

– Ха-ха! – победно воскликнула я, когда увидела, что Анри промазал. Но по-прежнему не обернулась.

– Тереза.

Муж прошел в комнату и нарисовался за моей спиной в зеркале, и я повернулась боком. Делая вид, что рассматриваю виньетки на шелковистых обоях.

– Тереза!

Он зашел с другой стороны, и я снова крутанулась на стуле.

– Прости меня.

– Вот с этого, – я резко развернулась и указала на него щеткой, в которую снова вцепилась, как в бревно на горной реке, – и стоило начинать.

– Я был на взводе. Но это меня совершенно не оправдывает.

– Вот именно!

Совесь цапнула меня за сердце: выглядел Анри уставшим и осунувшимся. И так хотелось подойти и обнять... что я и сделала, и только потом поняла это. Когда уже стояла, прижимаясь к мужу. Согревая, оплетая руками, пряча лицо у него на груди. Что-то я в последнее время стала подозрительно мягкой, как покойник на вторые сутки.

– О чем ты сейчас думаешь? – негромко спросил муж.

Я сказала, и он со вздохом покачал головой.

– Почему ты не могла подумать, как шапочка крема на бисквите?

– Я что, похожа на крем на бисквите?

– На покойника ты похожа еще меньше, что меня несказанно радует.

– Меня тоже.

Мы помолчали. Долго. Потом Анри со вздохом признался:

– Я есть хочу.

– Я тоже, – ответила я.

Словно в подтверждение моих слов, в животе громко заурчало.

– Может, совершим набег на еду? – предложил муж.

– Я в халате.

– Ну мы же не в королевский дворец собрались, а всего лишь на нашу кухню.

Я только рукой махнула.

Оставив Кошмара мучиться совестью – если, конечно, она у него есть – в одиночестве, мы спустились вниз. Анри отправился в погреб за ветчиной и сырами, а я устроилась за массивным столом для раскатки теста и принялась нарезать хлеб. Остатки сегодняшней роскоши пахли так одуряюще, что у меня рот слюной наполнился. Еле удержалась, чтобы не вцепиться зубами прямо в корку и не сгрызть ее. В шкафчиках обнаружилась посуда, куда и сгрузила нарезанное. Вот Анита завтра удивится, кто тут похозяйничал в ее отсутствие... Все-таки это ненормально, будучи женой графа и сестрой герцога по ночам совершать вылазки на кухню полураздетой. Ненормально, но как же увлекательно!

Анри вернулся, сгрузил на стол свертки, и мы принялись кромсать куски потолще, пока никто не видит. После чего устроились поудобнее и с наслаждением уплетали сэндвичи, по толщине не уступающие недавно упомянутым бисквитам вместе с кремом. Ничего вкуснее в жизни не ела!

– Завтра мы с Гийомом едем в Ольвиж, – сказал муж, когда в нас больше уже не лезло и получилось говорить не с набитым ртом. – Проконсультируюсь с лучшими адвокатами, нужно понимать, что мы все-таки можем сделать в этой ситуации. Как себя защитить.

Я кивнула.

– А вам с Софи лучше ехать в Энгерию. Прямо сейчас.

– То есть как это – прямо сейчас?

– Переждете бурю в Мортенхэйме, там вас никто не потревожит. А когда все закончится, я приеду к вам.

– Ты уверен в том, что все закончится быстро?

Сложила руки на груди и откинулась на спинку стула. Деревянного, жесткого, который мигом пересчитал все позвонки.

Анри покачал головой.

– И что, все это время прятаться?

– Тереза, мне спокойнее, если вы в безопасности.

– А мне нет, – отрезала я. – Мы семья, или просто вместе собрались?

Он удивленно посмотрел на меня.

– Софи не привыкать к сложностям, защитить ее мы сумеем. А я не собираюсь бежать и прятаться всякий раз, когда какой-то шавке вздумается рычать в нашу сторону.

– Тереза, на этот раз все серьезнее, – муж наклонился ко мне, опираясь о спинку стула. Когда он хмурился так, как сейчас, разом становился старше на несколько лет. И за каждую морщинку на его лице мне хотелось повозить Аркура по мостовым Ольвижа на «мертвой удавке». – Люди взбудоражены, для них твоя магия и сила хэандаме – нечто вроде страшилища или пожирателя плоти.

– Ты сейчас про кучку идиотов у посольства?

– Это только начало.

Меня передернуло, но я сложила руки на груди и спокойно встретила встревоженный взгляд мужа.

– Может быть.

– Ты не понимаешь? Скоро эта новость доберется и до Лавуа.

Страшнее будет, когда новость доберется до Энгерии.

Но ничего, первый всплеск мы пережили, переживем и второй. Я никому не позволю разрушить мою семью.

– Нет, это ты не понимаешь, – я заключила его лицо в ладони, почти касаясь губами губ. – Мы с тобой одно целое. Софи наша дочь. И либо мы едем все вместе, либо остаемся здесь. Третьего не дано.

Я оголила запястье, позволяя браслету сиять ярче, чем настенные светильники.

– Если его убрать, ничего не изменится. Мы все равно связаны, пусть даже эта нить никому не видна. Я люблю тебя. И я никогда от тебя не откажусь. Даже если весь мир будет против.

– Надеюсь, что до этого не дойдет, – муж взял меня за руки и поцеловал пальцы.

– Я тоже надеюсь.

Вместо ответа он привлек меня к себе, обнимая крепко-крепко, словно после долгой разлуки.

– И кстати, – сказала я. – Если ты еще раз напомним мне про Шато ле Туаре, я тебя выпорю. Но тебе это ни капельки не понравится.

Анри отстранился и посмотрел укоризненно.

– Я думал, что попросил прощения. И мы забыли.

– А я думала, что все тебе объяснила. И мы забыли.

– Всевидящий... Какая же злопамятная мне досталась жена, – пробормотал негромко. Наигранно-тяжело вздохнул, и вдруг резко поднялся, увлекая меня за собой. – И как же я этому рад.

Он смотрел на меня так, что я чувствовала себя пьяной. Не сделав ни глотка вина, ни чего покрепче. От чувств, от захлестывающей нас нежности, от тепла, вливающегося через брачный браслет. Сильная рука легла мне на талию, решительно уводя за собой – и вот мы уже снова кружились в беззвучном вальсе. Таком похожем на тот, что случился в мой первый вечер в нашем доме в Лигенбурге. И в то же время совсем другом. Вместе с нами кружились тени, подол моей сорочки взлетал в такт привычным движениям. Но в этом танце было больше слов и музыки, чем в самой пронзительной песне.

После отъезда Анри с Гийомом в Ольвиж я все свободное время посвящала сборам. Времени оставалось всего ничего, поэтому нужно было составить списки, подготовить сундуки и наряды, упаковать подарки и ничего не забыть. В частности, теплую одежду, потому что предсказать, как себя поведет погода в Энгерии, невозможно. Пару лет назад во время зимнего бала повалил снег, а на следующее утро растаял. Прислуга тогда с ног сбилась, расчищая дорожки и газоны парка, чтобы не позволить им превратиться в хлюпающие болотца. А в какой-то год мороз ударил так, что на фейерверк отправились только самые храбрые и стойкие.

Словом, скучать не приходилось. Оно и к счастью: мне нужно было чем-то занять каждую минуту, чтобы не думать о случившемся. Каждый день без Анри тянулся долго и мучительно, я по несколько раз смотрела на часы, но стрелки словно увязали в сдобном тесте и еле-еле двигались. Похожие чувства испытывала Софи – правда, немного по другому поводу. Чем ближе становился день путешествия, тем больше на нее жаловалась мадемуазель Маран. В конце концов пришлось пригрозить, что если кое-то во время занятий будет считать ворон, останется в Лавуа. Сработало. Правда, гувернантке пришлось оплатить новые туфли, потому что кое-кто залил в них тщательно стухшее яйцо. А потом кое-кому пришлось извиняться перед Сесиль в моем присутствии и обещать лично мне, что такого больше не повторится.

После этого в доме воцарился мир и покой. Ну, относительно.

Я упорно не замечала косых взглядов Жерома, которыми он меня награждал щедро и без устали. Мириться с ним первой не было никакого желания, а еще я дико скучала по мужу. Понимала, что такие дела быстро не делаются, поэтому когда спустя неделю получила весточку, что послезавтра он возвращается, прыгала до потолка. Буквально. Просто в тот момент, когда ко мне с этой новостью заглянула Мэри, я была одна в спальне и уже переоделась ко сну. Когда камеристка пожелала мне доброй ночи и удалилась, леди от души попрыгала на матрасе, после чего рухнула на него, раскинув руки и счастливо улыбаясь. Хотелось верить, что Анри возвращается с хорошими новостями, но главное – он возвращается!

На следующий день я развила бурную деятельность: вместе с Анитой составила меню, достойное званого обеда, отправила слуг в город за продуктами, а ближе к ночи вообще не могла заснуть. Вертелась и думала,

какой наряд мне выбрать и какую прическу сделать, как если бы собиралась на свое первое свидание. В итоге встречать мужа готовилась с распущенными волосами, в нашем синем платье.

Приехать он должен был как раз к обеду. Тайком дожидаясь его на чердаке – оттуда дорогу было видно лучше всего, я завернулась в шаль и подумывала о том, не купить ли сюда кресло-качалку. Неплохое место для раздумий, да и виды чудесные. Жаль, что оконца маленькие, а вот если чердак убрать – все равно им никто не пользуется, и сделать мансарду, м-м-м...

Экипаж долго не показывался, я устала стоять и решила еще раз заглянуть в одинокий сундук. Все эти вещи для мужа были отчаянно дороги, когда он мне их показывал, его лицо становилось светлым, как лик Всевидящего, иконку с которым леди Николь положила ему в дорогу. Одежда, из которой он вырос: крохотный камзол маленького графа, темно-синий, с золотой окантовкой, жилет и рубашка, брючки. Башмачки. Я смотрела на них и думала о том, каким мог бы быть наш сын. Возможно, золотоволосым с темными глазами – так похожими на мои, или же наоборот, темноволосым и светлоглазым, с невероятно притягательной улыбкой отца.

Очнулась на опасной мысли о том, какой цвет подошел бы наследнику графа де Ларне и племяннику герцога. Одернула себя, аккуратно сложила вещи назад в сундук и погладила шероховатую, пожелтевшую от времени, бумагу конверта кончиками пальцев.

«Моему Анри».

Почерк леди Николь – по-женски изящный, мелкий, был из тех, которые забыть невозможно. Аккуратный, буковка к буковке, с характерными завитушками у заглавных. Вздохнула и вернула письмо на место. Случись все иначе, я бы ей понравилась? Ведь она желала сыну такой же любви, как у них с лордом Адрианом, а мы с Анри были обручены, хотя друг друга даже не знали. Не говоря уже о том, что не сумели бы дать нашим родителям внуков.

Минуточку...

Я развернула конверт и достала письмо, быстро пробежала строчки глазами.

Последние – несколько раз.

«Надеюсь, что однажды рядом с тобой появится женщина, которую ты будешь любить так же, как я люблю твоего отца, и как он любит меня. Не обращай внимания на титулы и ранги, выбирай сердцем. Живи этим чувством, и пусть ваша жизнь пройдет в стороне от магии и дворцовой

роскоши, она будет принадлежать только вам».

И как это понимать? То, на что я изначально не обратила внимания, сейчас казалось, мягко говоря, странным. Лорд Адриан и леди Николь женятся по большой любви. У них рождается мальчик, которому они искренне и от души желают счастья, а потом внезапно заключают договор с моим отцом, согласно которому их сын по достижении совершеннолетия должен жениться на какой-то непонятной девице. Ну ладно, это была я, но они-то тогда не могли знать, что из меня вырастет что-то путное. Знали только, что я некромаг, и силы во мне немерено. Может, я была бы со вздорным характером, и...

Ладно, забыли.

С моим отцом все понятно, он таким вот странным образом искал для меня защиты. А чего искали граф и графиня де Ларне? И как тогда понимать это вот пожелание – «не обращай внимания на титулы и ранги, выбирай сердцем»?..

– Тереза? Мэри, ты не видела миледи?

– Нет, граф. Она собиралась вас встречать, была в спальне, а потом...

В этот миг я поняла, что прозевала возвращение Анри, поспешно сложила письмо обратно в конверт, быстро захлопнула сундук.

– Я здесь!

Эхо подхватило мой крик. Раздались шаги, муж взлетел по лестнице. Уставший с дороги, с привычно перехваченными лентой волосами, такой родной!

– Тереза!

Вскочила и бросилась к нему. Прильнула, обняла, утонула в глубоком поцелуе – пронзительно-нежном. Переплетенные пальцы и одно дыхание на двоих. Долгая упоительно-сладкая радость встречи. С трудом нашла в себе силы, чтобы оторваться от таких желанных губ, встречаясь глазами.

– Ты что тут делаешь одна?

– Тебя ждала.

Всевидящий, хорошо-то как! Наглядеться не могу. А когда поняла, что он смотрит так же – жадно, словно целый год не виделись, на сердце стало совсем тепло. Сейчас главное не растечься по чердаку неудачно выставленным на весеннее солнце снеговиком.

– Я наведался на кухню и немного не понял... Мы встречаем короля?

– Графа. Зато какого! Голодный?

– Самую малость, – Анри коротко улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. – Нам о многом нужно поговорить, Тереза.

Вот не понравились мне эти слова. Не понравились.

Не знаю, почему.

Но еще час-другой спокойной жизни рядом с любимым мужем одна леди точно заслужила.

– А обед? – негромко спросила я и сделала большие глаза.

Анри привлек к себе, перебирая мои волосы. Снова прильнул к губам в коротком поцелуе и ответил:

– Думаю, разговор подождет.

Перед кабинетом мужа мы столкнулись с Жеромом. Камердинер напоминал снеговую тучу, из которой вот-вот повалят крупные молочные хлопья, а когда увидел меня, стал еще мрачнее.

– Если у вас есть, что мне сказать, месье Шеар, можете сделать это прямо сейчас.

– Я уже сказал вам все, что думаю. История в Лигенбурге вас вообще ничему не научила. Добровольно лезете в самое пекло, да еще и графа подставляете.

– Чем именно, позвольте узнать?

– Не считая авантюры с Эльгером? Вечно встречаете не в свои дела, с которыми должно разбираться мужчинам.

– Вы случайно не из Энгерии родом?

– Нет, оттуда родом вы. Хотя иногда я в этом сомневаюсь.

– Вот как! Между прочим, оттуда родом еще и моя камеристка, а именно ко мне вы придете просить ее руки.

Жером осекся, я же быстро добавила:

– К тому же, это решение графа – держать меня в курсе всех дел!

– Еще бы. Он же хочет спать спокойно.

– Что вы сказали?

Камердинер сделал вид, что оглох. Я раскрыла рот, собираясь сообщить этому наглецу, что кое-кто зарвался, но тут из-за двери донеслось:

– Я все слышу.

Гм... Кажется, мы немного увлеклись и не заметили, как перешли на повышенный тон. Подавив желание показать язык, я вскинула голову, позволила Жерому открыть дверь и гордо прошествовала к столу, за которым нас уже ждал Анри. Демонстративно уселась в кресло рядом, предоставив камердинеру выбирать: устроиться на диванчике или стоять столбом.

За моей спиной щелкнул замок.

Анри подозрительно прищурился.

– Все? Я могу начинать?

Я кивнула, и над нами сомкнулся полог безмолвия. Камердинер прерывисто вздохнул и прошелся по кабинету – от окна к двери, и обратно. Отодвинул тяжелую портьеру и замер. Анри же старательно выровнял подставку для письменных принадлежностей, переставил чернильницу и переложил перья ровнее. После чего выложил на стол знакомую нам газету «Ольвиж сегодня». То, что ничего хорошего в ней нет, стало понятно сразу. Еще раньше, чем я увидела заголовок.

«РЕБЕНОК В РУКАХ ЧУДОВИЩА»

«Не так давно общество задавалось вопросом, на что же способна некромаг, не умеющая держать свою силу под контролем. Все мы спрашивали себя – что может сотворить эта женщина в приступе ярости или гнева? И пусть последствия ее первого деяния не столь катастрофичны, как могли бы быть, одну жизнь она уже разрушила. Сегодня у нас в гостях мадам Сандрин Горинье – женщина, посвятившая всю себя детям и оказавшаяся на улице благодаря чудовищной, вопиющей несправедливости, проявленной графиней де Ларне».

У меня похолодели руки и отчаянно захотелось убивать.

«С ранней юности и по настоящее время мадам Горинье была воспитательницей, последние несколько лет она провела в школе-приюте Равьенн, долгое время находившейся под патронажем его светлости герцога де ла Мера. Она не видит своей жизни без детей...»

Дальше следовали несколько абзацев, превозносящих достоинства мадам Горинье. Со слов журналиста она получалась чуть ли не светлой, исполненной кроткой радости от сознания того, что на земле ей предстоит дарить сиротам свое душевное тепло. После шло небольшое интервью:

«Они совершили ошибку, вручив ребенка в руки этой женщины. Она импульсивна и спонтанна, совершенно не умеет принимать чужое мнение и привыкла к тому, чтобы все и сразу было по ее. Очевидно, что в семье де Ларне заправляет она, и что муж исполняет все ее прихоти, пусть даже от этого зависит судьба ни в чем не повинной девочки. Девочки, которой должно дать достойное воспитание».

– Я оторву ему голову, – прошипела я, – все равно он ей не пользуется.

– Нос я ему уже свернул, – холодно заметил Анри. – И вот что из этого вышло.

Так это не Аркур... Я перевела взгляд на подпись.

Рено Фортискье!

– Жаль, что не шею!

В статье во всех подробностях расписывалось, как я появилась в Равьенн впервые и стала наводить свои порядки. Во что могут вылиться

мои послабления для детей-сирот в будущем, и как это отразится на их жизни, когда они ступят в большой мир.

«Разумеется, мне доводилось быть строгой – ведь любое дитя без направляющей руки превращается в неуправляемого и избалованного маленького человека, который не видит перед собой границ. Но это не значит, что мое сердце не обливалось кровью, когда мне приходилось прибегать к наказаниям, пусть даже достаточно мягким для тех проступков, что совершали эти дети...»

– Мягким? – прорычала я.

Хотелось вырвать газету из рук Анри, выбежать из дома, добраться до станции и сесть на первый поезд до Ольвижа. Найти эту «добропорядочную мадам с огромным сердцем» и отхлестать газетой по лживому жестокому лицу! А еще лучше – розгами по спине, и поставить на центральной площади голышом, чтобы все на нее глазели! После этого можно и поговорить о милосердии.

«Пока добропорядочные горожане задаются целью, что правда и что ложь, что может случиться, если импульсивность графини де Ларне вырвется из привычного нам обыденного мира и перейдет в сферу магии, мадам Горинье приглашает любого побеседовать с ней через нашу редакцию или лично. Она открыта для разговоров – в отличие от четы де Ларне, ограничившихся карамельно-сказочным интервью, которое все мы имели удовольствие читать в «Ольвижском вестнике...»

– Вот же...

За чтением я не заметила, что Жером подошел и стоит за моей спиной.

Рванула газету так, что в одной руке остался только отдельный клочок с уголком интервью и половиной физиономии мадам Горинье, перекошенной от внутренней злобы. А во второй – все остальное, включая адрес безработной вдовы, готовой принять всех желающих за чашечкой чая, чтобы рассказать о своей нелегкой доле и обо мне, остался у него.

– Я ее навещу. Лично! – Прорычала я.

– Тереза, в Ольвиже я встречался не с адвокатами.

– А...

Я даже вопрос задать не успела: до меня дошло. За спиной хмыкнули – вероятно, потому, что кое-кто был в курсе, зачем и куда именно ездил мой муж. Ладно-ладно. Об этом мы еще поговорим, попозже.

– Рекомендации Аркуру дал Флориан Вемуа.

Жером нахмурился, словно ожидал услышать совсем другое, я же только приподняла бровь. Анри облокотился о стол и пристально посмотрел на меня.

– Мальчишку допросили в присутствии его величества. Придворный целитель выяснил, что парень не под внушением, но на нем сильнейший ментальный блок. Вскрыть его не получится. Юный граф сам просил о таком, чтобы не подставлять тех, кто согласился ему помочь отомстить за мать. Альтари в ярости.

– Ну... мы могли бы его убить, а после я его подниму и допрошу.

После этих слов на меня как-то странно посмотрели.

– Не короля. Графа.

На меня посмотрели еще более странно.

Я пожала плечами:

– Шучу.

Хотя какие уж тут шутки.

– Аркур сознался, что рекомендации ему передала женщина. Он был основательно напуган... – муж потянулся к стопке неразобранных писем, но передумал. – Лицо ее почти полностью скрывал капюшон. Единственное, что удалось выяснить – у нее были зеленые глаза. Необычные зеленые глаза. Светящиеся, как у кошки. С его слов, она чуть ли не насильно вытолкала беднягу в Маэлонию и пинками пригнала в нижние архивы.

В голосе Анри слышался плохо скрываемый сарказм.

– Еще он вспомнил кинжал. Непохожий на те, что ему доводилось видеть. По описанию здорово напоминает шаанха.

Жером быстро шагнул к столу.

– А я говорил. Там, где Вероник, там и сын Эльгера.

– Или Альмир, – хмыкнула я. – У него тоже есть причина нас ненавидеть.

Камердинер одарил меня раздраженным взглядом.

– Это уже неважно, – муж повысил голос, привлекая внимания. – Расследованию все равно не дадут ход, потому что в этом замешана королевская семья.

– Превосходно, – мрачно сообщил Жером.

– Есть кое-что еще. Тереза, тебе придется уехать из Вэлеи.

Да я и не против. К счастью, у нас билеты готовы, и все вещи уже собраны.

– Вернуться в ближайшее время ты не сможешь.

Я широко распахнула глаза и вцепилась пальцами в стол.

– То есть... нам придется остаться в Энгерии?

– Это Веллаж так сказал?.. – камердинер осекся, но Анри только рукой махнул.

Сейчас он смотрел исключительно на меня.

– Сейчас это к лучшему. Больше, что мы можем – через суд потребовать материального удовлетворения за то, как их выпадки отразились на нашей семье. Суть это не изменит: на площадях собираются недовольные, требующие нашего развода и твоего отъезда, люди сходят с ума. Только за время, что я был в столице, прошло две демонстрации. Альтари не позволят этому продолжаться.

Начнем с того, что его величество – мой должник. Так что мы еще посмотрим, что он позволит, а что не позволит. А вот сведенные брови и четче обозначившиеся на лбу мужа морщинки мне совсем не нравились. Так же, как и разливающийся в груди холод. Воздух сгустился, словно под полог запустили запрещенное заклинание «пустой ловушки», запечатывающей людей в комнате и сжигающей кислород. Я вдруг поняла, что мне нечем дышать.

– Подожди... все это время ты говорил только обо мне.

– Верно, – Анри не изменился в лице. – Мне запретили выезжать.

С губ Жерома сорвалось грязное ругательство, но оно прошло мимо меня.

Я отказывалась верить в то, что услышала.

– Кто? – спросила холодно. – Комитет?

– Можно и так сказать.

Значит, прямой приказ его величества?

Вскочила, чувствуя, как изнутри поднимается волна гнева. Я сохранила честь королевской семьи, и это его благодарность? Хотя чего ждать от семейки Евгении. Будь она хоть трижды королевская, кровь у них все равно одна, ни о каком благородстве и речи идти не может. Сейчас королю нужно побыстрее унять народные волнения и недовольство. Когда нас с Анри будет разделять граница, люди успокоятся.

– Тереза, – муж поднялся и шагнул ко мне.

– Я никуда без тебя не поеду.

Анри кивнул камердинеру, и тот вышел.

– Тереза, даже если бы тебе разрешили остаться, это опасно. У нас могут попытаться отобрать Софи.

– Значит, уедем вместе. – Как ни странно, мой голос звучал спокойно. – Я обещала его величеству молчание взамен на одну услугу. Кажется, пришло время ему об этом напомнить.

Подъезд к «Ле Лантье» располагался сбоку от центрального входа. Здесь улица расширялась, чтобы экипажи могли беспрепятственно обогнуть круглый фонтан, выполненный в форме возвышавшихся друг над другом чаш, и остановиться прямо у выложенной камнем дорожки, ведущей к отелю. Несмотря на вечер перед нами было несколько карет, пришлось ждать, пока они отъедут, и только после этого кучер умело направил лошадей вперед, остановил экипаж и быстро распахнул дверцу.

Анри вышел первым и подал мне руку.

Служащий отеля, подбежавший к нам, чтобы распорядиться по поводу багажа, застыл на месте. Надо отдать ему должное, справился со своим удивлением он быстро, но все время что мы шли до центрального входа, я чувствовала на себе его взгляд. Точно таким же нас наградил человек, распахнувший двери. А спустя миг, шагнув под ослепительный свет в холл, поймала следующий: спешившая на улицу пышная особа в мехах, быстро опустила глаза. Впрочем, о ней я тут же забыла – взгляды сыпались на нас со всех сторон, один за другим, оседали на волосах и одежде. Скользили по коже, оставляя желание немедленно отправиться в ванную.

Мы шли через холл, а я чувствовала себя так, словно снова оказалась в замке Эльгера, под прицелом пристального внимания его светлости, Лиги и сотен приглашенных.

– Мамочка! Мамочка, это та ведьма, которая прячет у себя девочку?

Я вздрогнула и обернулась. Одновременно с Анри.

Кроха в меховой накидке указывала на меня пальцем.

– Амелия! – невысокая женщина со злым и нервным лицом схватила маленькую ладошку и поволокла ребенка за собой. Так быстро, словно я могла испепелить их на месте.

Девчушка оглядывалась, и теперь уже на нас глазели все. На миг, но люди словно застыли в густом вязком желе: даже расторопные служащие, снующие по холлу с багажом. Даже спускающийся по лестнице пожилой представительный джентльмен и его юная спутница. И гости, что вошли перед нами, у стойки, и консьерж – не месье Жуан, молодой человек с глазами навывкате. Очнулась я от того, что Анри подхватил меня под руку, увлекая за собой. Мир закрутился со всевозрастающей скоростью, точно кто-то щелкнул пальцами, и время пошло.

Пальцы снова заледенели и дрожали, не спасала даже широкая теплая

ладонь мужа. Сердце билось о подбородок, в груди стоял ком, как если бы нужно было дышать под землей. На меня нашло подобие ступора, поэтому Анри пришлось тащить леди Терезу к стойке примерно так же, как служащий тащил наш багаж, волоком и чуть ли не на себе. Одно дело просто знать, что тебя считают чудовищем, и совсем другое – столкнуться с этим лицом к лицу. Я не могла забыть взгляд ребенка: широко распахнутые глаза, в которых сквозь любопытство пробивался страх.

Ни забыть, ни понять.

– На наше имя записаны двухкомнатные апартаменты на верхнем этаже, – бесстрастно произнес Анри.

– Одну минуту, граф.

Молодой человек отлично владел собой, потому что ни словом, ни взглядом не выдал своих чувств по поводу случившегося.

– Вас не затруднит раздобыть для меня сегодняшний выпуск «Ольвижского вестника»?

Газеты? Почему-то я о них не подумала.

Случилось что-то еще? Хотя после статьи с мадам Горинье представить себе что-то еще достаточно сложно.

– Газеты принесут вам в номер, граф.

Консерж подвинул к нам ключ и опустил глаза. За миг до того, как это произошло, я уловила в них подобие сожаления.

– Буду благодарен.

Тот кивнул, Анри же направился к лестнице, увлекая меня за собой. За время, что мы поднимались по лестнице, он не проронил ни слова. Когда за нами захлопнулись двери, широким шагом прошел в гостиную. Проклятия, донесшиеся оттуда, сопровождал шум и грохот. Влетела в гостиную и обнаружила мужа, опирающегося ладонями о стену. Статуэтки с каминной полки валялись у него под ногами, одна из них – слоник, раскололась на несколько частей, хобот отлетел к коврику.

– Анри!

– Какого демона я согласился...

– Анри, мы столько об этом говорили! Может быть, уже хватит?

Он подошел ко мне, схватил за плечи, встряхнул.

– Может быть, уже хватит испытывать себя?

– О чем ты?

– Ты постоянно проверяешь себя на прочность, Тереза.

Анри с самого начала был против – против моей поездки, против встречи с его величеством. Уговорить его стоило немалых усилий, и, как ни странно, помощь пришла оттуда, откуда я меньше всего ее ожидала: меня

поддержал Жером. Несколько дней мы все ходили, как натянутые струны, но в этой ситуации камердинер встал на мою сторону и все возражения мужа сводил на «нет» с уверенностью адвоката со стажем. За что я была ему искренне благодарна. Да и свидетельницей их разговора я стала, потому что он «забыл» поставить полог.

– Не сдавайся, Анри. Только не сейчас, когда вы столько всего прошли вместе.

– У нее не будет нормальной жизни рядом со мной.

– О том, что у нее не будет нормальной жизни без тебя, ты подумал?

– Ты хоть представляешь, каково это – сунуться к Альтари сейчас, после выходки племянника?

– Он может быть в ярости, но это не отменяет того, что он давал слово. А слово короля многое значит.

После этого разговора муж уступил.

Уступил, но не отступил: сейчас я видела в его глазах всю гамму сомнений.

– Анри, за нас я готова сражаться со всем миром. Но пожалуйста, не заставляй меня сражаться с тобой.

Я положила руки ему на плечи.

– Мне очень нужна твоя поддержка. Сейчас как никогда, понимаешь?

Тишина. Какая же оглушительно громкая тишина.

– Не веришь, что у меня получится?

Я не боялась, когда садилась на поезд, чтобы отправиться на встречу с его величеством. Не боялась бросить вызов Эльгеру, отказавшись принять его покровительство. Но сейчас отчаянно боялась того, что могу услышать – как тогда, после опасного провала в Большой игре с Евгенией. Мне нужно было, чтобы Анри в меня верил. Жизненно необходимо, как воздух, чтобы дышать.

– Тереза. Посмотри на меня.

Когда я успела закрыть глаза? Не знаю.

Говорят, что казнят и милуют короли, но все это чушь. Казнят и милуют только любимые. Самые близкие люди.

Разомкнула веки и подняла голову, готовая увидеть свой приговор.

– Тереза, – легкое прикосновение пальцев к лицу. – Все хорошо, маленькая. Мы справимся. Вместе.

И тревога схлынула. Отступила, как прилив, унося за собой гальку последних сомнений. Я уткнулась лицом ему в грудь, пытаюсь подобрать слова, но слов не было. Не было слов точнее тех, что он только что сказал.

Мы справимся вместе.

Мы вместе, и поэтому справимся.

Вряд ли я могла представить, что буду дожидаться аудиенции его величества Вэлей, и уж тем более – что эта аудиенция состоится тайно. Секретарь старательно скрипел пером и не менее старательно делал вид, что меня нет. Остроносый, в расшитой золотом ливрее, он не отрывал головы от бумаг, предоставив мне рассматривать дворцовый парк через окно. В парке сейчас ничего интересного не было – то, чем так восхищались Уитморы, превратилось в облысевший до весны призрак красоты. Ухоженный, аккуратно подстриженный, в россыпи беседок, украшенный роскошными фонтанами, но от этого не менее холодный и пустой. Особенно под тяжелыми низкими тучами, грозящими вот-вот разразиться градом или густым снегом.

Впрочем, определенный интерес ко мне у секретаря все-таки был. Он не мог дожидаться, когда меня примут и я уйду. Быстрые взгляды – незаметные, как тот очевидно думал, отрывистые движения и дрожащее – едва заметно, но все-таки дрожащее перо. Страх не спутаешь ни с чем, и сейчас, чувствуя его, я понимала, насколько был прав отец. Случись мне родиться мужчиной, общество отнеслось бы ко мне куда как более снисходительно. Но женщина с наследием Дюхайма страшнее черного моря Темных времен.

Негромкий звон колокольчика заставил секретаря подпрыгнуть. Он отложил перо, поднялся и поспешил за тяжелые двери, украшенные лепниной и позолотой, в кабинет его величества. Впрочем, роскошь здесь была во всем – в высоких потолках, в атласной даже на ощупь обивке стен, в столь модных виньетках, которыми украшали обои. Привычная мне с детства и в то же время совсем другая. В Мортенхэйме, под его тяжелыми сводами я чувствовала себя в безопасности, здесь же вся эта яркая красота давила.

– Мадам Феро, – опомниться заставил голос секретаря, который распахнул створку и сейчас стоял, заложив руку за спину. – Его величество готов вас принять.

Я расправила плечи и прошла в кабинет. Широкий, просторный, в бело-золотых тонах. Натоплено здесь было так, что мне сразу же стало жарко, хотя пару минут назад я мечтала о чем-нибудь горячем. Секретарь предлагал кофе, но я побоялась, что он сию же минуту вылезет обратно.

– Ваше величество.

Этикет требовал глубокого реверанса, во время которого я изучала подол собственного платья и белый, с голубыми прожилками мрамор. От него становилось немного прохладнее, даже дышалось легче. Казалось,

целая вечность прошла, пока мне изволили ответить:

– Мадам Феро. Приятно видеть вас в добром здравии.

Я уже почти забыла, какой у него скрипучий голос.

– Взаимно, ваше величество.

Альтари сидел за столом – бурое дерево в отблесках каминного пламени становилось почти красным. Над креслом висел портрет его отца, а справа во всю стену раскинулась карта Вэлеи.

– Вам понравилось? – проследив мой взгляд, спросил король.

– Интересное решение.

– А главное удобное.

Думала, что он прикажет мне подойти, но его величество поднялся и шагнул навстречу, указав в сторону окна. Бесцветный, как моль, в повседневных одеждах он выглядел еще меньше ростом, чем был на самом деле.

– Полагаю, вы пришли просить за мужа, – проскрипел он, отодвигая шторы и разглядывая что-то в уснувшем зимнем парке.

– Да, ваше величество. Я прошу вас позволить ему уехать вместе со мной.

– Мы с вами оказались в очень неловкой ситуации, мадам Феро, – король отпустил портьеру, и она с мягким шелестом скользнула по стене, отрезая нас от мира.

Я же прикусила язык, чтобы не напомнить о том, по чьей милости мы в ней оказались.

– Вы с графом, ваша семья, повод для революции, – не позволив мне возразить, он поднял руку. – Да что говорить, вы сами по себе повод для революции. Наша кровь, кровь аристократии уже не та, что была когда-то. И вы, с вашей пугающей магией, для людей как красная тряпка. Вы не бывали на боях быков, в Лазурии?

Я покачала головой.

– Незабываемое зрелище. Позволяющее усвоить одну простую истину: если народ хочет крови, он ее получит.

Альтари нахмурился.

– Вы знаете, что Всевидящий не дал нам с супругой здоровых детей.

У королевы было несколько выкидышей, принцесса Жоан умерла совсем маленькой, а принц Бенуа был слабоумным. Поэтому на его брак с лазурийской принцессой никто не возлагал особых надежд. Все прекрасно понимали, что отдать страну чужестранке не позволят, равно как и потомству слабоумного короля.

– Когда меня не станет, начнутся бои пострашнее, чем на арене с

быками. И мне бы хотелось верить, что на троне останется моя кровь. Флориан – один из претендентов, дальних, разумеется, но он мой племянник. Я не могу позволить себе сейчас ни единой ошибки. Ни единого темного пятна на репутации. Особенно когда за моей спиной уже раскрыл крылья ястреб.

Альтари кивнул, и мы направились в другой конец кабинета. Он держался прямо, но ступал тяжело, как человек, уставший от жизни.

– Я помню о своем обещании, мадам Феро. Но я не могу отпустить вашего мужа. И я не могу позволить остаться вам.

Сердце ударилось о ребра и затихло. Я чувствовала, как холодеют пальцы, и понимала, что если позволю отчаянию сейчас завладеть собой, выбраться из него уже не смогу. Мысли метались как сумасшедшие, только усилием воли удалось унять предательскую дрожь, рождающуюся в груди и растекающуюся по всему телу. Мы как раз подошли к карте, и взгляд мой упал на границу с Маэлонией.

– Вы не можете отпустить графа в Энгерию. А если мы поедem в Маэлонию?

Альтари нахмурился и повернулся ко мне. Сцепил руки на животе, спрятанном под корсетом, который явно причинял ему неудобства. Тучность короля одежды не скрывали, и только некоторые ухищрения не позволяли ему окончательно раздаться вширь, как сдобное тесто.

– Между Вэлеей и Маэлонией нет политической напряженности, – я говорила быстро, чтобы голос не дрожал. – Ваши страны никогда не воевали, в Маэлонии мало интересуются новостями соседей, поэтому есть все шансы, что наш приезд останется незамеченным. Мы не станем выезжать, не станем заявлять о себе.

– Мадам Феро...

– В Маэлонии живут люди, воспитавшие моего мужа. Мы поедem навестить их и просто немного задержимся. Ваше величество, вы дали мне слово. Я согласилась защитить вашу семью, так помогите мне уберечь мою.

Альтари нахмурился еще больше, и разом будто постарел лет на двадцать. Обозначались и морщины на лбу, и уголки глаз подернулись сеточкой. Складки у губ опустились книзу. Король сцепил руки за спиной и направился к столу. Грузно опустился в кресло и указал мне на то, что стояло рядом. Голубой бархат и жесткая позолота подлокотников: в них я и вцепилась.

– Хорошо.

Я задержала дыхание.

– Но вы не сможете вернуться, пока я не позволю. Вэлея будет для вас

закрыта.

Я убрала руки на подол и с силой сжала пальцы. До боли.

– Вы дадите мне слово о невыезде в Энгерию. До того дня, как я сочту возможным ваш визит на родину. Если нарушите обещание, наше соглашение будет расторгнуто.

Внутри словно все заledenело, но ответ дался на удивление легко.

– Я согласна.

– Мадам Феро, – король посмотрел на меня раздраженно. – Вы понимаете, на что соглашаетесь? Месяцы, возможно годы вдали от Энгерии. Вы не сможете видеться с родными – если, разумеется, они не захотят сами к вам приехать. К чему такие сложности? Сейчас, когда вы просто можете забрать воспитанницу, спокойно уехать и стать свободной женщиной? Граф разумный человек. Он поймет, если вы попросите о разводе.

– Я люблю своего мужа, ваше величество.

– А он вас?

Вопрос мне не понравился. Так же, как и цепкий пронзительный взгляд блеклых голубых глаз.

– Об этом вам лучше спросить у него.

Альтари скривился, словно пожевал застывший на дне чашки кофе.

– Неужели оно того стоит, мадам Феро?

Я спокойно посмотрела на него.

И ответила:

– Да.

Создатели маэлонского экспресса, летевшего к югу Вэлеи, все ближе к границе и дальше от Лавуа, явно вдохновлялись «Стрелой». В просторном купе было две кровати – одна двуспальная, другая поменьше, застеленных атласными темно-красными покрывалами. Ширма, светильники и картины на стенах создавали почти домашний уют, и, если забыть о стуке колес, а главное, плотнее задернуть шторы, стирая плывущие за окнами пейзажи, можно забыть о том, что находишься в поезде.

Софи уже давно свернулась калачиком под одеялом: мы приглушили свет, чтобы не мешать дочери спать. Несколько часов назад она прыгала на вокзале, как заведенная, но стоило паровозу тронуться, начала клевать носом. Детского запаха и любопытства хватило на полтора часа: уезжали мы ночью, смотреть в окно было неинтересно, поэтому она ползала по кроватям и шкафчикам, покормила Лилит, потаскала на руках недовольного очередным переездом Кошмара и согласилась лечь спать.

Почти не расстроилась из-за того, что мы едем в другую страну – разве что полчаса переживала, что не увидит снег. Но когда выяснила, что путешествие нам предстоит не только на праздники, все переживания сразу вылетели у нее из головы. Еще бы – настоящий переезд, такое приключение! Софи радовалась так искренне, что даже мне стало легче. И я сосредоточилась на ней, на ее чувствах, поэтому несколько дней напряженных сборов пролетели быстро и незаметно.

Поэтому и еще благодаря Анри. Если бы не он, наверное, я бы превратилась в сгусток льда: и чувствами, и душой. Но он почти все время был рядом, а когда не был, Мэри приносила мне от него записки. Это было чудно и... невероятно тепло. Например, по списку проверяя вещи, уложенные в сундуки, неожиданно прочитать: «Если мы забудем Кошмара, он нам не простит. Ты его записала?» – Или ближе к вечеру: «Посмотри на небо. Удивительно красиво».

Перед отъездом я сидела на краешке идеально застеленной кровати, на которой еще долго никто не будет спать. Разглядывала нашу с Анри спальню, вспоминая каждый день – счастливый или не очень. Думала о том, что как-то незаметно упустила момент, когда Лавуа стал для меня домом. Но домом он мне стал из-за мужчины, который по-прежнему меня обнимал, и из-за маленькой девочки, которая сейчас сопела в подушку. Волосы Софи расплескались по одеялу, и в неярком свете отливали

синевой, как вороново крыло.

– Знаешь, что она сказала мне в день нашей первой встречи в Равьенн? – спросила шепотом. – Просто взглянув на мои ладони?

– Что? – так же еле слышно.

– У тебя в жизни одни сплошные путешествия.

– Не жалеешь?

– Ни капельки. Разве что буду скучать по Мэри.

Камеристка осталась в Лавуа вместе с Жеромом. Ему предстояло вести дела мужа, и он поспешил сделать Мэри предложение, чтобы не отпускать от себя. Самое забавное, что сначала она ему отказала. А потом явилась помогать мне перебирать платья с заплаканными глазами и красным носом. Пришлось в срочном порядке выяснять, что случилось. Оказывается, Жером подарил ей кольцо – по меркам Энгерии, слишком быстрые ухаживания, но иначе она не могла остаться в Вэлее. Мэри бормотала, что не бросит меня: «Как же, миледи, мы же с вами столько лет вместе!» – и при этом выглядела такой несчастной, что я схватила ее за руку и лично отвела к будущему мужу.

Вместе мы и правда были долго. Ее матушка, работавшая горничной в Мортенхэйме, была на очень хорошем счету у моей. Поэтому когда та привела дочь, совсем молоденькую девчонку определили ко мне в помощницы – сначала просто посмотреть, чего она стоит. С той поры мы ни разу не разлучались надолго.

– Ты все сделала правильно. – Анри подтянул меня ближе и поцеловал в шею.

Я улыбнулась.

– Долго нам ехать?

– Чуть больше суток. Завтра ночью пересечем границу, днем будем в Тритте.

– Потом на паром?

– Да, так быстрее. Утром уже сойдем на берег в Лации. Волнуешься?

Опекуны Анри жили в городе каналов, и добраться туда было проще всего на пароме. Экспресс, на котором мы ехали, уходил ночью и, что меня определенно порадовало, шел он через Лавуа: после «теплого приема» возвращаться в Ольвиж совсем не хотелось, даже проездом. А еще очень хотелось познакомиться с людьми, которые вырастили такое чудо, как мой муж.

– Немного.

– Они тебе понравятся.

– А я им?

– Обязательно.

– Ты писал им обо мне?

– Разумеется.

– И что ты писал?

Муж негромко рассмеялся.

– Это так важно?

– А ты как думаешь?

– Что ты самая невыносимая... Ай. – Я больно цапнула его за палец. – Самая желанная и родная на свете.

– Так-то лучше. – Сказала я и поцеловала укушенный палец.

Не волноваться перед встречей с родителями Анри, пусть даже они не были его родителями по крови, я не могла. Зато это отвлекало от других, совершенно ненужных мыслей. Например, о том, что сложишь все иначе, послезавтра мы бы выезжали в Энгерию. Вместо нас в Энгерию выехали подарки, которые я надеялась вручить лично и которые наверняка будут тщательно проверяться на границе. Да еще письмо матушке, в котором я долго подбирала слова, просила не беспокоиться и понять, что я не могла поступить иначе. Говорила, что я безумно их всех люблю и обязательно сообщу адрес, когда мы устроимся на новом месте.

Поразительно, сколько чувств можно уместить в рукописных строчках. Раньше у меня так не получалось.

– Тереза, ты обязательно их увидишь. Обещаю.

– Знаю, – сказала я и потерлась щекой о его ладонь.

Но думать о том, когда это случится, я не могла. Только не сейчас.

Мне хватило прощания с Мэри и ее дрожащего голоса: «Миледи, мы же еще увидимся?» – «Разумеется», – искренне возмутилась я. Хотя когда наступит это самое «еще», пока представляла смутно.

Ладно. Главное, что у них все хорошо.

Лави присмотрит за Демоном, а на Луни я перед отъездом набросила заклятие, постоянно поддерживающее в нем жизнь через смерть. Так что ему ничего не грозит.

Вздыхнула и повернулась в руках мужа. Похоже, в этом поезде спят все, кроме нас.

– Все будет хорошо? – спросила у Анри.

– Обязательно.

– Я сейчас про девочек в Равьенн.

Формально в мое отсутствие управлять школой будет мадам Арзе, но я все-таки оформила доверенность о подписи бумаг на камердинера. Настояла на том, чтобы мне регулярно пересылали отчеты, а еще

попросила Жерома изредка наведываться с проверками, чтобы никому не пришло в голову продолжить славную традицию воспитания в девушках благих качеств в стиле мадам Горинье.

– Жером проследит, чтобы их не обижали.

Софи засопела громче, и мы притихли. Молчали до тех пор, пока дочь не перевернулась на другой бок, завернувшись в одеяло, как бабочка в кокон. В поезде было прохладно: даже Кошмар, который сидел уже несколько часов, наблюдая за возней Лилит в клетке, все-таки решил покинуть наблюдательный пост. Запрыгнул к нам на кровать, повозился у меня в волосах, запутывая их еще больше, и окончательно устроился в этом гнезде на ночлег. Нет, все-таки стоит заплетать перед сном косу, пока из меня все волосы не повыдирали.

На этой мысли, под равномерный убаюкивающий стук колес, я провалилась в сон.

Софи вцепилась в поручни и отказывалась уходить с палубы. Несмотря на яркое утреннее солнце, желающих прогуляться или просто полюбоваться видами было немного. Она же с восторгом вглядывалась в ярко-синие, идущие бурунами волны, подставляя лицо колючему, перехватывающему дыхание ветру. Рядом попытался влезть на перекладины мальчишка, но был схвачен отцом за ухо, оттащен в сторону и награжден подзатыльником. Паром покачивало не сильно, но ощутимо, Анри то и дело смотрел в сторону закрытой части палубы, где осталась Тереза. Ей морское путешествие нравилось гораздо меньше, чем Софи – через час после отплытия жена была уже зеленого цвета, и подниматься из кресла категорически отказывалась.

– Софи, пойдем.

Он протянул девочке руку.

– Нет. Нет, нет, нет, ну пожалуйста, еще чуть-чуть!

Она обернулась, придерживая шляпку, хотя ленты под подбородком были плотно завязаны. Сделала большие глаза и выразительно посмотрела на него.

– Софи. Тереза там одна.

– А можно я побуду здесь одна?

Анри нахмурился – при желании, конечно, можно было разместиться так, чтобы ее видеть. Поручни здесь высокие, не то что на первом этаже, да и народу немного, в толпе не затеряется.

– Если ты пообещаешь быть здесь и не вставать на поручни.

– Обещаю! – Софи запрыгала на месте, хлопая в ладоши. – Обещаю-обещаю, обещаю.

Глаза ее сияли – судя по всему, море нравилось ей ничуть не меньше обещанного снега. Бескрайний простор, подернутый кружевом пены, сливающийся с горизонтом. Зимнее солнце слепило, бликами искрилось в воде, придавая волнам сказочный насыщенный цвет, совсем как в детских книжках с яркими картинками.

– Смотрите у меня, мадемуазель, – Анри поцеловал дочь и направился туда, где отдыхала Тереза.

Здесь было тепло, если не сказать душно. Столики с креслами расположились по всему залу, между ними сновали юркие темноволосые стюарды, разносящие завтраки. Несмотря на достаточно дорогие билеты, свободных мест не было – самый быстрый способ добраться из Тритта в Лацию оценили все. Позвякивали приборы, над просторным светлым салоном разносились негромкие голоса. Это был один из тех новомодных двухпалубных паромов, о которых писали в газетах. Отправлялся он раз в два дня, нижняя палуба предназначалась для пассажиров попроще, верхняя – для тех, кто мог себе позволить более комфортабельное путешествие. Хотя судя по лицу Терезы, сейчас она готова сидеть прямо по центру нижней, в толпе – лишь бы качало меньше.

– Совсем плохо? – спросил он, устраиваясь в соседнем кресле и накрывая ладонями ее ледяные руки.

– Нормально, – выдавила она.

– Прости, что втянул тебя в это.

– Я сама втянулась.

– Я про паром.

– Я тоже. Ты же не тащил меня сюда за волосы, я сама поднялась. По трапу.

Анри невольно улыбнулся. Чем дальше, тем больше он поражался силе этой женщины. Чем дальше, тем отчаяннее хотел, чтобы у них была самая обычная жизнь – та, от которой он всеми силами отгораживался долгие годы. И знал, что сделает все от него зависящее, чтобы вернуть ей все это.

– Где Софи?

– Осталась на палубе, – он указал за стеклянные двери, где дочь по-прежнему торчала у поручней, словно приклеенная. – Увести ее не было никакой возможности.

– Она умеет быть настойчивой.

На застеленном столе остывал нетронутый завтрак, и вид у жены был такой, словно само слово «еда» вызывало у нее желание сигануть за борт. Поэтому он кивнул стюарду и, пока тот шустро собирал все на поднос, просто смотрел на Терезу. Даже сейчас она умудрялась улыбаться –

бескровные губы на лице, которое по цвету напоминало ее платье, подрагивали. Словно она силилась сдержать смех. Такой редкий в последнее время, но такой заразительный.

– Что?

– Ничего.

– Ничего?

– Просто ты такой... трогательный, когда за меня волнуешься.

– Какой-какой?

– Трогательный, – жена подалась вперед, слабо сжимая его руки. – Так бы и трогала. – Подалась вперед и добавила уже шепотом: – Везде.

– Леди Тереза, вы сейчас меня соблазняете?

Она рассмеялась, но тут паром слегка приподняло на гребне, а после шустро опустило вниз, и Тереза резко побледнела.

– Боюсь, еще один такой прыжок, и выглядеть я буду ну совсем не соблазнительно.

– Ты всегда выглядишь соблазнительно.

– Да неужели?

Тереза отчаянно волновалась по поводу встречи с его опекунами – весь вечер и все утро расспрашивала о том, что им нравится, и какие они. Странно, но его эта мысль грела лучше самого теплого пледа.

– Именно, – он мягко потер руки жены, согревая. – Выйдем на палубу? На свежем воздухе должно стать полегче.

– Уверен? – она покачала головой. – Такое чувство, что если меня поднять из этого кресла, желудок выпрыгнет через горло.

– Тебе так просто кажется. Пойдем.

– Ох... – она оперлась о подлокотники, чтобы подняться, и Анри бросился к ней. Мягко поддержал, пока она выпрямилась.

– Ну как?

– Пока стою. Но если что, мой позор будет на твоей совести.

Он помог ей надеть накидку и завязать ленты, а после они медленно направились к дверям. Из-за яркого солнца и светлого шелка обоев внутри было невероятно светло, но это не шло ни в какое сравнение с сиянием, что сейчас растекалось над морем. Тереза запрокинула голову, жмурясь, пытаясь сквозь прищуренные глаза и вуаль ресниц смотреть на ослепительно-синее небо. Летом здесь почти нет волн, а легкий прохладный бриз несет долгожданную после маэлонского зноя прохладу. Анри уже забыл, каково это, но сейчас, рядом с ней, вспомнил. Так отчетливо, словно они из зимы шагнули в лето.

– Тереза! – Софи подлетела к ним, обняла, запрокинула голову. – Тебе

уже лучше? Пойдем, я покажу, там такая красота!

Не дожидаясь ответа, схватила за руку и потащила за собой, прямо к поручням, указывая на сливающийся с морем золотой горизонт.

– Смотри!

Они любовались морем, а он любовался ими. До той минуты, пока не почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Повернулся – и за лестницей, ведущей на нижнюю палубу, увидел мужчину. Привалившись к поручням, сунув руки в карманы пальто, он смотрел на него еще несколько мгновений, после чего ухватился за перила и ловко скользнул вниз.

– Девочки, справитесь тут без меня? – Анри обнял жену и дочь, заглядывая Терезе в лицо. Сейчас она и впрямь выглядела получше. – Я ненадолго.

– Справимся, – гордо заявила Софи.

– Возвращайся, – Тереза обняла его в ответ и тут же отпустила.

Анри легко поцеловал ее в губы и направился к лестнице. Народу даже на верхней палубе становилось больше, а внизу было не протолкнуться. Оглядевшись, он направился на корму – туда, где особенно многолюдно. Здесь от ветра укрывала только верхняя палуба, толпились мужчины, женщины, дети всех возрастов – в грязно-серых и темных одеждах сомнительной чистоты и свежести. Грузный толстяк намотал на кулак веревку, у его ног переминалась белая, с черными пятнами, козочка. Когда мимо протиснулась дородная дама, тот вдавил животное в поручни всем своим весом. Коза отчаянно заблеяла.

– Демоны знает, что такое! – прорычал стюард. – Дайте дорогу!

– Чая принеси! – донеслось ему вслед. – Час назад просили.

Мужчина в пальто обнаружился слева, стоял между невесомой просвечивающей на ветру девушкой, такой же худосочной и блеклой как ее мамаша или старшая сестра, и семейством, в котором участь козы грозила четверым детям, прижавшимся к перилам. Один из мальчишек выразительно ковырялся в носу и размазывал сопли по одежде брата. Над паромом тянулся дымный шлейф, растекаясь по небу чернильной полосой.

Анри пробился к поручням, не обращая внимания на окрики и тычки, которыми его награждали недовольные пассажиры. Остановился рядом с мужчиной – невысоким, с перебитым носом, не говоря ни слова. Тот тоже молчал, только когда очередная волна приподняла паром над морем, хмыкнул, покачнувшись и налетев на него.

– Извините, – буркнул по-маэлонски, оттолкнулся от поручней, позволив скользнуть туда старухе с корзиной.

И вскоре скрылся в толпе.

В кармане обнаружился конверт, который Анри вертел в руках, поднимаясь вверх.

Тереза с Софи прогуливались по палубе, и он обогнул ее с другой стороны – встал там, где двое представительных мужчин курили сигары и негромко переговаривались.

Капля крови проявила на абсолютно чистом листе заключенный в коронационный круг цветок аламеены – гербовая бумага, и личную магическую подпись его величества, перекрытую размашистым широким почерком Веллажа. Еще до того, как проступили первые строки, Анри почувствовал неприятный холодок, впивающийся в позвоночник цепкими крючьями. Тот, что не имел никакого отношения к ветру.

И чувство это только усилилось, когда он прочел выведенные магическими чернилами слова: «Ваша супруга, Тереза Феро, графиня де Ларне...»

Какое же счастье – оказаться на твердой земле! Когда под ногами ничего не шатается, а тебя не опускает и не подбрасывает постоянно, как мешок с крупой на ухабистой дороге. Когда при малейшем резком движении не хочется зажать рот рукой и быстро искать ближайшую уборную. Несмотря на волнение по поводу предстоящей встречи, на усталость с дороги, я была счастлива, как младенец. Софи озиралась по сторонам, дожидаясь возвращения Анри, и глаза ее горели восторгом. По-моему, последний раз она так радовалась в тот вечер, когда впервые приехала в наш дом.

Кошмар недовольно распушился – хотя я уже пересадила его из клетки на руки, кот продолжал дуться и всячески изображать оскорбленное достоинство, Лилит спала. А я любовалась видами Лации: с портовой пристани были видны мосты, перекинутые над каналами. Последние уходили в город, вспарывая его пронзительной синевой, напитанной солнцем. Домишки здесь ютились так тесно друг к другу, словно держались за руки, чтобы не потеряться. По описаниям из книг я знала, что здесь есть и роскошные дворцы, и великолепные соборы. Правда, знакомиться с красотами Лации сейчас не тянуло. Хотелось немного отдохнуть после изматывающего морского путешествия.

Вот уж не думала, что я такая неженка!

В порту не оказалось ни одного экипажа, зато было море лодок. Длинных, словно их растягивали за нос и за корму два великана. Больших, с высокими бортиками, с удобными мягкими сиденьями, как в карете, поверх которых были сложены пледы. И попроще, со скамейками или даже без. Кто-то из пассажиров садился в такие лодки, и тогда управляющие ими мужчины ловко отталкивались шестами от причала. Кто-то топал пешком, взвалив на плечи нехитрые пожитки и волоча за руки маленьких детей – в сторону узеньких улочек, жавшихся к домам.

К счастью, мы отдыхали под навесом, на скамейках – там, куда вся эта суета не доходила. Но плеск воды снова и снова вызывал у меня нездоровые чувства, когда желудок поднимается к горлу, и ты думаешь только о том, как бы не опозориться на глазах у всех.

– Тереза! Софи! – Анри помахал мне, пробираясь сквозь клубящийся народ.

Скользнувшие из-за спины мужа четверо крепких темноволосых

парней ловко сгрузили наш багаж на носилки, умудрившись сверху наложить еще шляпных коробок. Поднатужившись, приподняли тяжелую ношу и поволокли... в сторону другой, маленькой пристани, уходящей в город. Там уже покачивалась лодки: одна большая, другая попроще – видимо, для сундуков.

– Всевидящий, нет, – сказала я.

Лицо мужа на миг озарила улыбка, которая очень быстро погасла.

– В Лации не попутешествуешь на лошадях, – он указал на раскинувшееся за его спиной царство воды. – По крайней мере, в этой части города.

Опираясь о шести-весла, мужчины в «наших» лодках перекрикивались и смеялись. Маэлонская речь вообще была мне в новинку: быстрая, текучая как... вода... Бррр! И такая же эмоциональная. Кажется, придется нанимать учителя не только Софи, но и себе: больше половины слов я не понимала, а некоторые даже не успевала расслышать.

– А где попутешествуешь? – спросила с надеждой.

– Есть районы, в которых можно нанять экипаж. Но их мало.

Порадовал так порадовал!

Впрочем, предаваться унынию не было ни сил, ни желания. Я соскреблась со скамейки и, опираясь на руку мужа, пошла вслед за ним по каменному мостику. Кошмар вцепился когтями в грудь – к счастью, поверх платья, и теперь никакая сила не могла оторвать кота от меня по доброй воле. Софи шла рядом, грузчики волокли багаж, умудряясь расталкивать зазевавшийся народ локтями, ногами и рогами носилок. Ругательств – видимо, весьма колоритных, я не понимала, но догадывалась, что это они. Пристань стремительно пустела, лодок становилось все меньше – так же, как и окриков среди многоголосья.

– Устал? – спросила я у Анри, который стремительно шел вперед, глядя куда-то поверх залитых солнцем крыш.

Он кивнул, и я ободряюще сжала его руку.

Последние несколько часов мы почти не разговаривали – вернувшись после недолгой отлучки, муж облокотился о поручни и смотрел на море. Взгляд его был холоднее волн, а когда я спросила, что произошло, он ответил, что просто не выспался. Спали мы и впрямь мало: паром из Тритта отплывал рано утром, поэтому в гостинице вскочили ни свет ни заря. Удивительно, что Анри вообще на ногах держится – последние дни в Лавуа выдались для него не самыми легкими. Постоянно в разъездах, постоянно в напряжении.

– Подыщем дом где-нибудь, где... посуше, – сказал он, помогая мне

спуститься в лодку. – Хотя до Карнавала вряд ли удастся это сделать.

Учитывая, что до Карнавала осталось три дня, вряд ли. Но за «посуше» я была ему уже благодарна. В этот миг лодка пошатнулась, но мужчина ловко сунул шест подмышку и подхватил меня за руки.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Ruo clansa, vallella.

Я улыбнулась в ответ и покосилась на Анри, который подхватил Софи на руки и ловко ссадил дочь рядом со мной.

– Ему в удовольствие, – перевел муж и почему-то нахмурился. – Красавица.

Почувствовав близость воды, Кошмар втянулся под накидку и начал надрывно мяукать.

– Не бойся, – сказала я. – Не утоплю. Если будешь себя хорошо вести.

Хорошо вести себя кот не хотел, он хотел на сушу, и я его прекрасно понимала! Но все же устроилась на удобном сиденье, если не сказать кресле. Софи юркнула ко мне, и Анри укутал нас пледом. Сам сел по соседству, и мы поплыли – снова. Мужчина, орудующий шестом, насвистывал себе под нос какую-то мелодию, одаривал нас ослепительными улыбками и подмигивал дочери, когда она приподнималась, чтобы получше рассмотреть улочки.

Но какие же они были узенькие! Пешеходная часть, отгороженная перилами, лепилась к домикам тонюсенькими полосками. Теперь я понимала, что здесь не только экипажу, человеку пройти сложно. Особенно если кринолин надеть попышнее, поэтому с некоторыми платьями я уже мысленно распрощалась. Сами домики – солнечных, теплых цветов – украшали цветочные горшки, из которых торчали зеленые стебельки, выюнки зачастую свисали прямо из окон. А еще было тепло – значительно теплее, чем я ожидала. Я вывернулась из пледа, даже захотелось расстегнуть накидку, но там по-прежнему сидел Кошмар, который устал орать и теперь возмущенно сопел. Справедливо рассудив, что хватит с живности потрясений, решила оставить, как есть.

Город и впрямь был пронизан каналами: тонкими и широкими, но рассекающими дома и раскидывающими их по разные стороны от себя. Навстречу нам попадались лодки, и тогда управляющий нашей мужчина весело перекрикивался с теми, кто ими правил. Арки мостов и столбики перил, ажурные металлические узоры и каменные балясины. Несколько раз приходилось пригибаться, чтобы не зацепить головой камень, а потом мы вышли на один из центральных каналов, где лодочки сновали как муравьи в муравейнике. Широкий, напоминающий разлитую по весне реку.

Да и домики в этой части города были повыше, а издалека уже виднелся купол собора и дворец лаццианских правителей.

– Почти на месте, – сказал Анри, и у меня внутри все сжалось.

Захотелось съежиться и заползти в накидку, почему – и сама не знаю.

Я не боюсь герцогов и королей, но боюсь родителей... людей, воспитавших и любящих моего мужа. Определенно, со мной что-то не так.

– Анри, Тереза! Добро пожаловать! А это, должно быть, Софи? Ну-ка, дай на тебя посмотреть!

Мужчина, который едва доставал мне до плеча, протянул Анри руку, и они по-мужски крепко обнялись. После чего Софи оказалась у него на руках. Поразительно, но они были как родные дед и внучка: проседь в его волосах была едва заметна, а глаза черны как ночь. Смуглый и крепкий, он беззастенчиво поцеловал дочь в щеку и отпустил.

– Энцо! Анри! Что встали на пороге? Видишь, ballarangos втащить не могут!

Его жена была еще ниже, коротенькая толстушка с добродушным лицом и глазами темными, как маслины. Широко улыбнувшись, она с легкостью отволокла мужчин в сторону, попросту дернув их за рукава и притянула меня к себе. Так, что из меня разом вышел весь воздух вместе с заранее заготовленным приветствием. Потом та же участь постигла и Софи, которая не успевала здороваться и раздавать реверансы. Впрочем, вряд ли они кому-то здесь были нужны. Я знала, что у воспитавших Анри людей нет титулов, что они зажиточные люди, даже не особо богатые, и достаточно простые. Но оказалась к этому слегка не готова.

– Рада наконец с тобой познакомиться, детка! Пойдем-ка, покажу тебя комнату.

– Лорена, не торопись, дай девочке осмотреться, – фыркнул муж.

– Тебя не спросили! – беззлобно огрызнулась та. Приложив ладонь ко рту и понизив голос, добавила: – Пусть поговорят по-мужски, а то столько времени не виделись.

Глаза у Софи стали большие, как плошки. А еще она широко улыбалась – сразу видно, что ей здесь понравилось. И что она ничегошеньки не понимает, кроме искренних порывов души встречающих: маэлонский в программу обучения в Равьенн не входил. А говорили они тут быстро, мало того, что часть слов ускользала от моего сознания, приходилось еще поспевать за чересчур шустрым темпом.

– Там у нас кухня, – Лорена ткнула рукой в сторону невысокой дверцы. – Готовлю сама, иногда Селеста помогает, но это когда гостей много. – Она указала в другую сторону. – Она же гостиная, ничего

festallinco.

Заглянула: да уж, действительно ничего. Большую часть столовой-гостиной сейчас занимала пушистая елка, разряженная серебристыми и красными шарами, уткнувшаяся макушкой в потолок. Вообще дом очень напоминал наш в Лигенбурге. С той лишь разницей, что тот не удерживали соседние. Так плотно, словно двое пьянчуг пытаются куда-то оттащить менее выносливого товарища. Неудивительно, что Анри с детства привык к... простой обстановке. Надо бы только узнать, кто такая Селеста, и где можно нанять прислугу: под платьем Лорены не угадывалось корсета, а вот мне со своими нарядами надо как-то управляться. Не буду же я постоянно просить Анри: так мы из спальни не вылезем.

– Ну, как добрались? На пароме, говорят, не всем хорошо бывает.

Мне по-прежнему было не совсем хорошо, но к такой откровенности за пять минут не привыкнешь.

– Это было очень интересно.

В отличие от Лорены, говорила я медленно, подбирая слова.

– Да уж думаю! Анри говорит, ты *bellavelento* сидела за каменными стенами? Ничего, здесь у нас есть что посмотреть и *verna pescotti*.

Я мысленно пожелала мужу всего самого хорошего. Интересно, что он им еще говорил?

Кошмар высунулся из моей накидки, и тут же был обласкан широкой рукой Лорены – прямо между ушей. Такого надругательства не стерпел, просочился вниз, выскользнул вдоль платья и рванул по лестнице – туда, где остались Анри и Энцо. Снизу донеслось сначала шипение, потом отчаянный мям, заставивший меня подскочить и перегнуться через перила. Софи последовала моему примеру в тот миг, когда внизу раздался скрежет когтей по полу и что-то разбилось.

– Кьяра!

– Кошмар!

Вопли мужчин снизу слились воедино.

– Ничего страшного, – Лорена поймала мой взгляд и махнула рукой. – Это Кьяра, она здесь *rivenita*.

– Кьяра? *Rivenita*?

Лорена прищурилась, потом поняла.

– *Rivenita*, – обвела руками дом, из чего я сделала вывод, что это слово означает хозяйка. И что мне как можно скорее нужно учить маэлонский. – Иньфайская кошка, нам Анри ее привез во-от таким котеночком, – Лорена чуть развела ладони в сторону. – Но *messtola* устанавливает здесь она, так что вашему парню придется немного *sitci*.

Софи поплотнее прижала к себе клетку с Лилит, а я мысленно пожелала Кошмару удачи с sitci, что бы это ни значило, и взяла дочь за руку. Нам показали спальню – небольшую, но удивительно уютную комнатку с бледно-золотистыми занавесками и таким же покрывалом в цветочек. Вот все в ней хорошо, но я даже примерно не представляла, как в крохотный стенной шкаф уместить свои наряды. И как Анри поместится на этой кровати, если не по диагонали. В ширину она вполне себе ничего, а вот в длину...

Ладно, с нарядами мы, предположим, справимся. Необязательно доставать их все, потому что скоро нам снова переезжать.

– Это была комната Анри, – подсказала Лорена, словно мысли мои читала. – Правда, он немного farilla с тех пор.

Угу, farilla совсем чуть-чуть.

Но если вспомнить, что Маэлонию он покинул совсем мальчишкой, то ничего удивительного в этом нет. Окна нашей временной спальни выходили на улочку, где пешком было ходить нельзя. Совсем. Мостики – невысокие, под которыми даже лодке не пройти, перекинулись прямо между домами, уходили под арки и соединяли две стороны. В этом перехлестье каналов и впрямь гораздо проще было передвигаться по воде, но здесь даже это не представлялось возможным. Несмотря на подступающие друг к другу дома, солнце заливало светом канал, играло на перилах, золотило покрывало и стены. И я вдруг поверила, что это действительно была комната мужа в детстве – просто потому, что другой она не могла быть.

– Vallellerta улыбка, – неожиданно тепло произнесла Лорена, и я поняла, что и впрямь улыбаюсь.

А вот смежная дверь, вела, как выяснилось, не в ванную, а в комнату Софи.

Такую же небольшую, как наша, но в бледно-зеленых тонах. Удивительно, как такая теснота может быть уютной, и все же... я не чувствовала желания бежать отсюда, как в первый день в доме мужа в Энгерии. Наоборот – здесь хотелось задержаться, стало даже немного грустно, что вскоре мы подыщем себе другой дом и переберемся в него.

– Ну, располагайтесь, – широко улыбнувшись, Лорена сжала по очереди сначала мою руку, потом Софи. Я отметила, что улыбается она часто и от души. – А я пойду повидать своего мальчика.

И столько тепла было в ее словах, что я невольно улыбнулась в ответ. Кажется, я за всю свою жизнь столько не улыбалась, сколько рядом с этой женщиной. Стоило двери за ней закрыться, как Софи поставила клетку и

подбежала ко мне.

– Они похожи на нонаэрян!

– Правда?

– Правда. Только я ничего не понимаю, – призналась дочь. – Ни словечка. Но они хорошие, я это чувствую.

– Разве могут быть люди, которые воспитали Анри, другими?

Софи замотала головой, закусив губу.

– А маэлонским мы с тобой будем заниматься вместе.

– Вместе? – она воззрилась на меня так, словно я сказала что-то донельзя странное. – Ты разве...

– Тоже половину не понимаю, – призналась со вздохом.

Дочь хихикнула.

– Что?

– Поверить не могу, что ты чего-то можешь не знать!

Вот тут впору собой гордиться...

– Эти ballarangos сюда! – звучному голосу Энцо из-за двери вторили торопливые шаги и грохот прямо за стеной.

Кажется, я знаю, чем мы с Софи займемся до обеда: будем разбирать вещи. Потому что больше этим заняться некому.

Странно было садиться за стол, который накрывала сама хозяйка. Еще более странно, что она сама же и убирала. И не только она, муж поднялся, чтобы ей помочь, следом вскочила Софи и бросилась собирать тарелки. К ним присоединился Анри, и мне не оставалось ничего другого, как последовать его примеру. Складывая салфетки, а затем и скатерть, которая никак не желала складываться правильно, уголок к уголку и ровно, я думала о том, что это самый странный обед в моей жизни. А еще мне почему-то казалось, что весь этот бытовой ритуал, который прислуга каждый день проделывает раз за разом просто ерунда. Так вот, мне казалось.

– Это ты еще постель не перестилала, дорогая, – наблюдая за моим мучениями, добродушно сказала Лорена. – Давай помогу.

Я протянула скатерть, а она ловко выровняла края и убрала ее в шкаф.

– Когда-то я тоже была на твоём месте, – махнула рукой, заметив мое удивление, – да, да. Мой отец был очень богат, и прислуга у нас в доме не permestette, но потом я встретила Энцо, и...

Женщина развела руками.

– Отец был против, а мы себе могли позволить не так уж много, особенно в молодости.

Ее рассказ переполняли маэлонские слова, но я все-таки поняла, что отец Лорены не захотел поддержать брак с выскочкой из провинции, нанявшимся подмастерьем к сапожнику. Сейчас у Энцо была сеть обувных лавок, исправно приносящих доход. Обувь на заказ шили мастера, которых он обучил лично, но в годы, когда они познакомились, ее муж был просто мальчишкой с туманным будущим. Который мог вполне закончить свои дни в какой-нибудь сточной канаве. По крайней мере, именно так считал отец Лорены. Он отказался давать ей приданое, если она решит связать свою жизнь с ним, но она не побоялась выйти замуж за человека, которого полюбила всем сердцем. Наследство разделил между старшей сестрой и младшим братом Лорены, ей же не оставил ничего.

– Я знала, что если откажусь от него, откажусь и от себя тоже, от своего vaharte, – женщина приложила руку к груди. – А еще знала, что он меня никогда не facestano. Не то что этот богатенький talanccі, которого прочили мне в мужья.

Эта история подошла бы для романа Миллес Даскер. Хотя вряд ли у

нее хватило бы фантазии на такое. Я пыталась представить себе ситуацию, в которой помощник сапожника и его жена познакомились с супружеской четой де Ларне, и не могла. Но спрашивать о таком было бы крайне невежливо, лучше поинтересуюсь у Анри.

После того, как часть платьев была разложена, на улице припустил дождь. Софи рассчитывала на прогулку и поэтому скисла минут на пять. Ровно столько времени ей хватило, чтобы наткнуться внизу на шипящую Кьяру – белоснежную красавицу с ярко-голубыми глазами и гладкой шерсткой, загнавшую нашего Кошмара под шкаф с посудой. Тот переживал позор в одиночестве, в углу – раздувшись, обернувшись хвостом. Впрочем, Кьяра не благоволила не только к нему: замахнулась лапой на попытавшуюся погладить ее Софи и гордо прошествовала на подоконник, улеглась между цветочными горшками, свесив заднюю лапу и поглядывая на нас свысока.

«Пока что я разрешаю вам ходить по моему дому, низшие существа», – говорил ее взгляд.

Пока Софи пыталась найти общий язык с Лореной – видеть, как они объясняются жестами, было тоже очень непривычно, но ни одну из них это не смущало, я решила заглянуть в гостиную-столовую. Прислонившись к двери, наблюдала, как Анри разговаривает с отцом: изредка лицо мужа озаряла улыбка, но потом мрачная тень снова касалась его лица и по сердцу шел холодок. Это началось на пароме – возможно, прошлое, от которого он всеми силами старался отгородиться, снова воскресало в его памяти. Детство, отъезд из Вэлей, ожидание приезда родителей и осознание того, что они уже не приедут. Юность и встреча с агентами Комитета, которые без прикрас рассказали о том, что случилось в Ларне.

Теперь я верила, что растили его в любви. Но видимо, даже безграничной любви этих добрых людей не хватило, чтобы залечить шрам, оставленный на его сердце Эльгером. Хватит ли моей?

– Дорогая. – Лорена мягко коснулась моей руки и кивнула.

Кухонька была небольшая, в мойке возвышалась гора немытой посуды, на огне грелась вода. Заметив меня, кошка лениво приоткрыла глаза, но не пошевелилась, а вот Софи спрыгнула с высокого табурета.

– А мы с Лореной сейчас будем мыть посуду! Представляешь?

Я не представляла. Понятия не имела, как так получилось, что воспитанница графа собирает приборы, а сестра герцога складывает скатерти. Но если раньше сама мысль об этом заставила бы меня закатить глаза и покрутить у виска пальцем, сейчас я просто подтянула рукава повыше и решила, что буду помогать. Представила себе лицо матушки или

Лави, заставших меня за таким занятием, и с трудом сдержала смех.

– Ты у нас самая высокая, будешь laraskare в шкаф, – мне Лорена кивнула на шкаф. Сунула в руки Софи пару полотенец, повязала фартук и направилась к мойке.

Это было даже весело! Женщина ловко мыла и ополаскивала посуду, дочь вытирала, а я составляла все на полки – тарелки к тарелкам, бокалы к бокалам. После сытного обеда и изматывающего путешествия по воде хотелось немного поваляться, но поваляться я еще успею. Один только раз почувствовала на себе пристальный взгляд, обернулась, но увидела лишь спину Анри, скрывшегося в коридоре. По сердцу снова разлилось тепло, и в этот миг я решила сделать все, чтобы он был счастлив. Чтобы Эльгер, сама память о нем навсегда оставили его сердце.

А начну прямо сейчас.

– У Анри есть любимое место в доме? – спросила негромко, наклонившись к Лорене.

Та понимающе улыбнулась.

– На крыше.

– На крыше?

У домов в Лации были странные крыши: не покатые, а плоские.

– Да, частенько убегал туда, чтобы побыть в одиночестве. А иногда мы забирались на крышу все вместе – к примеру, посмотреть на bienfera.

– Bienfera?

– Карнавал, bienfera! – Лорена вскинула руки. – Внизу – красота, наверху – тоже.

Фейерверк! Праздничный фейерверк во время зимнего карнавала. В голове потихоньку начал складываться план. Главное, сделать все так, чтобы Анри не узнал заранее. А еще где-то найти шатер, где-то его спрятать на пару дней, и заранее приготовить праздничный ужин для двоих.

– Получится вытащить туда стол? – спросила заговорщицким шепотом.

Хотя скорее втащить.

Женщина непонимающе посмотрела на меня, а потом хитро прищурилась. И кивнула.

Так, кажется, один союзник у меня уже есть. Думаю, Софи тоже согласится помочь, а судя по любопытному взгляду – ей явно было интересно, о чем мы с таким воодушевлением разговариваем, с радостью согласится отвлекать Анри, чтобы не заметил приготовлений. Поскольку с посудой было покончено, а в голове роились тысячи идей, не терпелось

подняться наверх и как следует обо всем подумать. Так мало времени, и столько всего надо сделать.

– Он никогда ни о ком не говорил так, как о тебе, – донеслось до меня, когда я захлопнула дверцы шкафа и обернулась. Лорена успела стянуть фартук, ловко свернула его и пристроила на спинке стула. – И теперь я понимаю, почему.

Щеки едва успели вспыхнуть, а женщина уже махнула рукой.

– Пойдем. С *palciatto* ты уже разобралась. Покажу, как пользоваться другим краном, когда захочешь принять ванну. Он не всегда ведет себя предсказуемо.

Разбудил меня солнечный лучик, скользнувший на глаза, да чьи-то гортанные крики с улицы. Из того, что мне удалось разобрать, какая-то дама требовала вернуть ей одолженные до сегодняшнего утра кружевные салфетки, а вторая отвечала, что вернет чуть позже. Первой это не понравилось, и в результате разразилась такая драма, что спать под нее дальше просто не представлялось возможным. Повернувшись на другой бок, встретила с Анри взглядом. Приподнявшись на локте, он смотрел на меня. Так, словно не видел целую вечность.

– И давно ты не спишь?

– Со слов «супницу на твою брехучую голову».

Я хихикнула. Хочу как можно скорее выучить маэлонский, а то столько всего упускаю!

– Здесь всегда так?

– Сколько себя помню – да.

Сегодня от холодной задумчивости мужа не осталось даже следа, поэтому у меня отлегло от сердца.

– Сколько они здесь живут?

– Когда я приехал, уже жили здесь. В свое время Энцо купил этот дом ради Лорены. Платил за него долг, пока не вышел на такой доход, чтобы вернуть всю сумму целиком.

– Ему дали кредит?

– После свадьбы он только-только начинал свое дело. Мастеров у него, разумеется, не было, поэтому постоянно пропадал на работе. Отец предоставил супругам Фьоренчелли золотые слитки, которые пошли в качестве залога в банк. Они до сих пор хранятся в сейфе, Энцо настаивает, чтобы я их забрал.

Анри сел на кровати, и я последовала его примеру.

– Как они познакомились?

– Энцо спас маму. Во время медового месяца родителей в Лации

начались забастовки и беспорядки. Экипаж, в котором ехала мама с камеристкой, оказался отрезан взбешенной толпой. Тогда на богатых людей нападали без разбора... словом, Энцо вступился за нее и вытащил их из этого ада. Дворами вывел в ту часть города, которую уже оцепили войска. И потом месяц провалялся в больнице, потому что во время драки его серьезно ранили. Чудом выбрался, но... Отец оплатил лечение. Думаю, именно так на меня и вышел Комитет.

Он провел ладонью по волосам, а я подалась вперед и обняла его за плечи.

Вот так простые люди спасают жизни, а герцоги их разрушают.

– Я люблю тебя, – прошептала негромко.

Вместо ответа Анри привлек меня к себе и поцеловал. Упоительно-нежно.

Оторвавшись от его губ, я шальными глазами посмотрела на мужа.

– Они замечательные, – говорить с ним сейчас было сложно, но не сказать я просто не могла. – Энцо и Лорена. Даже жаль, что нам придется переехать.

– Они от тебя тоже в восторге, – Анри погладил меня по щеке. – Не ожидали, что ты им настолько понравишься.

– Думали, что буду нос воротить от всего? – улыбнулась.

– Конечно. Я же в подробностях расписал, какая ты избалованная девочка.

– Ах ты...

Ни договорить, ни возмутиться по-настоящему мне не позволили: запечатали рот поцелуем. Дыхание сбилось, а жар его тела через ночную сорочку просто обжигал. Муж подтянул меня ближе, усаживая к себе на колени. Подол треснул, пополз вверх, обнажая ноги, я подалась вперед, прижимаясь к его груди. Анри перехватил мои руки, сводя их за спиной и удерживая запястья, скользнул ладонью под сорочку, сжимая ягодицы. Застонала ему в рот и дернулась от томительно-жаркого предвкушения, собирающегося внизу живота. Кажется, целая вечность прошла с нашей близости в Лавуа.

– А еще ты очень нетерпеливая девочка. Кто бы мог подумать...

Муж коснулся губами бешено бьющейся на шее жилки: сердце колотилось часто-часто.

– Издеваетесь, граф? – я облизнула припухшие губы, и золото в его глазах потемнело.

Опрокинув меня на постель, Анри склонился надо мной, развязывая тесемки сорочки и высвобождая грудь. От прикосновения губ к

потемневшему, болезненно-напряженному соску тело прошило сладкой судорогой удовольствия. Я выгнулась, подставляясь под ласку, и в это время дверь в комнату Софи приоткрылась с тонюсеньким скрипом. Всевидящий! С несвойственной сестрам герцога и женам графа прытью нырнула под одеяло, натянула его до самых полыхающих ушей. Мужу достался уголок, поэтому он рывком завернулся в халат – благо, в этой комнате тянуться далеко не надо.

– Доброе утро, – Софи потерла глаза. – Кажется, мы проспали... Уже почти обед.

– Ну... разве что немного, – надеюсь, моя улыбка не выглядит слишком натянутой.

Щеки продолжали полыхать, да и не только щеки, поэтому я старательно делала вид, что только-только открыла глаза. Обняла подушку, даже зевнула для достоверности.

Немного проспали. До обеда. Что я вообще несу?

На выручку пришел Анри:

– Как спалось, маленькая?

– Хорошо, – дочь подошла к нам и уселась на краешек кровати. – А мы сегодня пойдем за подарками?

Поскольку собирались мы в спешке, почти ничего не успели купить для синьора и синьоры Фьоренчелли.

– Конечно пойдем, – Анри погладил ее по щеке.

– А погулять успеем?

Софи уже не терпелось все посмотреть.

– Разумеется. У нас целый день впереди.

– А на карнавал мы завтра пойдем?

– Посмотрим, – Анри обернулся на меня и снова взглянул на дочь. – А пока давай-ка умывайся и пойдем завтракать. Чем быстрее соберемся, тем больше успеем посмотреть.

– Ура!

Софи пружиной взвилась с кровати и выбежала из комнаты. Только пятки сверкали. После чего муж медленно обернулся ко мне: по ощущениям, теперь я напоминала пятнистую кошку. Щеки горели как-то избирательно – здесь жжет, а там нет. Анри с тяжелым вздохом поднялся и протянул руку.

– Нелегко быть родителями.

Мы переглянулись и захохотали. Смеялись до слез, у меня даже живот заболел.

– Я передумала, – сказала, когда вместо смеха уже выходило

похрюкивание. – Насчет переезда.

– Хочешь отдельную комнату? – Анри хитро прищурился.

– С дверью, которая запирается на ключ.

Устроилась у окна рядом с крохотным туалетным столиком и принялась расплетать косу. Пришлось быстро приводить себя в порядок и выбираться из спальни, потому что после слов «чем быстрее соберемся» Софи вряд ли оставила бы нас в покое. Анри спустился первым, я как раз прихорашивалась – пыталась закрепить волосы шпильками, чтобы оставить лицо открытым, когда услышала недовольный голос Лорены.

– ... у Селесты язык без костей!

Прежде чем я успела подняться, дверь приоткрылась и синьора Фьоренчелли заглянула ко мне.

– Тереза, девочка, давай помогу с прической.

– Спасибо, – я улыбнулась, и показала на волосы, – но кажется, я уже справилась.

– Разве? – она критически оглядела меня. – Вот тут торчит.

И, не дожидаясь ответа, вытащила шпильку, позволив пряди скользнуть на плечо, после чего еще минут пять пыталась вернуть, как было. Когда прическа, по ее мнению, обрела достойный вид, подхватила меня под локоть.

– Пойдем, – прошептала заговорщицки. – Пусть сегодня мужчины накрывают на стол, а я покажу тебе крышу. Посмотрим-подумаем, как все поставить.

Мы вышли в коридор, и тут в нас буквально влетела Софи. Я перехватила ее, чтобы девочка не упала.

– Софи! Сколько раз я тебе говорила – не бегай по дому, как демоненок.

– Хорошо! А с нами будет обедать Франческа! – выпалила дочь. – Она такая красивая!

Сердце кольнула ревность. Наверное потому, что «такая красивая» устами Софи прозвучало очень искренне.

– Франческа?

– Да! Они сейчас с Анри разговаривают.

Лорена всплеснула руками и покачала головой. Чувства она скрывать совсем не умела: на лице ее отразилось беспокойство, которое женщина тут же попыталась спрятать за привычной широкой улыбкой. Не знаю, от чего мне стало больше не по себе – от возникшей неловкости или от заявления Софи, что Анри разговаривает с какой-то там «такой красивой» Франческой. И Лорена сдалась, махнула рукой.

– Пойдем, все равно вас придется познакомиться.

Это «придется» не понравилось мне еще больше.

Я подхватила юбки и направилась за синьорой Фьоренчелли к лестнице.

– Давно ты выучила вэлейский? – первым услышала мужа.

– Времени было достаточно. – Не знаю, как насчет красоты, но голос у Франчески был глубокий и звучный, как у оперной певицы. – Пока я ждала тебя.

Глядя на Франческу Розатти, сложно было представить мужа рядом с Камиллой Уитмор. Да что там, его сложно было представить рядом с любой из наших воздушных белокурых леди, ни одну из которых он не обошел своим вниманием. Эта женщина оказалась полной им противоположностью: ослепительно-яркая, смуглая, с черными как ночь волосами, завивающимися в тугие колечки. Она не прятала их в прическу, носила распущенными, и сейчас они струились по плечам до самой талии. Платье на ней было в цвет глаз, как осеннее небо после заката. Портили это ходячее совершенство разве что выдающийся нос с горбинкой и слишком широкие брови. А еще она так много говорила, что мне хотелось заткнуть ей рот салфеткой. Может, даже двумя.

– Безумно рада познакомиться, Тереза, – поскольку за приветствиями и знакомством еда обещала остыть, мы все уже переместились в гостиную-столовую. – Обо мне ты уже наверняка знаешь.

Я покосилась на мужа, который оставался невозмутим, как стоявшая за спиной Франчески елка. Мне почему-то подумалось, что если чуточку тронуть тленом ствол, она завалится прямо на нее.

– Боюсь, что нет.

– Нет? Анри, как ты мог?!

– Действительно, Анри, как ты мог?

Теперь уже я с любопытством посмотрела на него.

– У нас с женой было слишком много других тем.

– О, не сомневаюсь, – Франческа ослепительно улыбнулась, как говорящая лошадь, и коснулась руки Лорены. – Мы с ним знакомы с детства, вот с таких пор...

Она показала расстояние до пола.

Сколько же ей лет? Неужели они с Анри ровесники?

– Синьора Фьоренчелли наверняка помнит, как мы изводили ее своей беготней по дому. И как однажды Анри спрятался в моей комнате под кроватью, чтобы остаться на ночь – мы собирались вызывать духов. А потом мой отец отводил его домой.

Лорена улыбнулась, но как-то быстро. Кажется, за этим столом было не по себе всем, кроме Софи и Франчески, и я уже начинала догадываться о причинах. Детская дружба, первая любовь, роман на расстоянии и обещание вернуться. Интересно, они были помолвлены? Судя по тому, что

я успела увидеть, Франческа искренне нравилась супругам Фьоренчелли, они были бы не против устроить этот брак, но... Но потом познакомились со мной, поэтому сейчас искренне смущались. Хотя если так подумать, синьорина Розатти идеально подходила на роль девушки, с которой Анри ждала долгая и счастливая жизнь вдали от всяких дворцовых интриг – как хотела леди Николь. Помимо прочего, у нее еще один несомненный плюс: она не наделена магией. Рядом с ней ему никогда не придется переживать по поводу золотой мглы.

Мне хотелось вытащить Анри из-за стола, отвести в коридор и расспросить обо всем – например, писал ли он ей о женитьбе на мне и как это объяснил. Что чувствовал, зная, что она его ждет, и что он должен стать моим супругом, но это было бы слишком. Поэтому приходилось делать вид, что я увлечена запеканкой. Пышный творог с хрустящей корочкой и яблочная прослойка. Что может быть лучше?

– Софи, тебе нравится яблочный пирог? Синьора Фьоренчелли просто волшебница!

– Офень! – позабыв про обещание не говорить с набитым ртом, дочь кивнула.

– Она учила меня готовить по своему рецепту, но я так все равно не умею. Должно быть, у нее есть особый секрет.

Франческа подмигнула, и Софи ослепительно улыбнулась: обращаясь к ней, та говорила только на вэлейском, хотя основной разговор за столом шел на другом языке. Дочь была в восторге – Лорена и Энцо ей нравились, но изъясняться жестами порой неловко.

– Ну а вы, Тереза? Как вы познакомились?

Уйметса она уже когда-нибудь?

– На балу, – за меня ответил Анри.

– На балу! Как романтично.

– Нет, правда! Я, конечно, была на балах, но не... – на этом часть ее откровений выпала из сознания, потому что неизвестные маэлонские слова полились сплошным потоком. – Знаешь, когда я узнала, что он граф, подумала, что это шутка. Потому что зачастую он вел себя совсем не как граф...

Франческа опустила глаза и улыбнулась. Я же начала прикидывать, как бы уронить елку так, чтобы не зацепить Лорену.

– Тетушка Ло, а вы помните, как мы устроили пикник на крыше, и как дядюшка Энцо ругался, когда мы попытались развести костер, чтобы запечь мясо?

– Помню, конечно, как не помнить, – Лорена повернулась к ней. –

Потом вы вдвоем отчищали сажу, что поломойки.

– Да!

– Как же мне тогда хотелось кое-кому всыпать ремня... – добродушно признался Энцо.

– Дядюшка, ты всегда был слишком благороден, чтобы поднимать руку на детей, – Франческа обернулась к Софи и заговорила на вэлейском. – Мы обсуждали, что Анри никогда не влетало за шалости всерьез.

Дочь хихикнула, Энцо ухмыльнулся в усы: они давно уже были семьей. Это были их общие воспоминания, от которых становится тепло. Мои остались в Энгерии: сейчас матушка уже встречала гостей, Лави готовилась к своему первому зимнему балу, Демон грустил в стойле, а Луни в подвале. Винсент наверняка занят политикой и Луизой, а лорд Фрай – чтоб ему икалось три дня и три ночи без передыха – безопасностью Энгерии, ради которой пойдет по головам. Подумать только, год назад все было совсем иначе... Мы с Луизой ссорились по поводу цвета моего платья, а я задыхалась при одной только мысли, что придется вливаться в толпу танцующих. И все-таки ради Альберта была готова на все.

Волшебное время, детские мечты.

– Тереза? – Анри наклонился ко мне. – Все в порядке?

Да, разумеется! Я в восторге.

– Все прекрасно. Просто она... слишком шумная.

Иногда у меня создавалось ощущение, что Франческа сейчас запрыгает и захлопает в ладоши, как малахольная. Но практика общения с Евгенией подсказывала, что не всегда женщина ведет себя так, какова ее истинная суть. А еще я слишком хорошо помнила, каким взглядом окинула меня эта чересчур разговорчивая особа – оценивающим, от макушки до подола. словно прикидывала, что же такого во мне нашел Анри. Впрочем, это выражение с ее лица ушло быстро, как талый снег по весне исчезает под горячими солнечными лучами. И дальше она только щебетала, щебетала и щебетала.

Птичка недоделанная.

– Когда Селеста сказала, что ты вернулся... я решила навестить к вам и спросить: мы давно уже не собирались на праздники вместе. Отец будет счастлив, да и матушка тоже. Карнавал в этом году намечается просто потрясающий, я готовила костюм полгода. А судя по тому, что я слышала, нас ждет просто невероятный... фееричный bienfèra!

Лорена и Энцо переглянулись.

– Мы бы с радостью, – пробормотал синьор Фьоренчелли в густые усы, – но...

– Ох, бросьте. Неужели мы позволим какой-то глупой неловкости испортить нам праздник?

Что-то подсказывает, что под неловкостью она имела в виду меня.

– В жизни всякое бывает, правда, Анри?

Франческа наклонила голову и посмотрела моему мужу прямо в глаза. Так откровенно не смотрят на случайных любовников или на бывших. Так, словно ждут подтверждения своей внутренней истории, в которой все совсем по-другому. Она совершенно не стеснялась моего присутствия, и уж тем более присутствия остальных. Скрывалось ли за ее вольностью желание показать, что меня не считают помехой или же она действительно так считала, не знаю. Просто желание уронить на нее елку стало непреодолимым.

– Правда, – негромко ответил Анри и поднес мою руку к губам. – Тереза не любит толпы, поэтому на карнавал мы вряд ли попадем.

Франческа передернула плечами, скользнувшее в ее глазах разочарование тут же прикрыла заслонка беззаботности. Она промокнула губы салфеткой, и как ни в чем не бывало продолжила:

– Что скажете, дядюшка Энцо? Тетушка Ло?

– Мы подумаем, дорогая, – Лорена мягко накрыла ее руку своей.

– Вот и прекрасно.

– Прошу меня извинить, – понимая, что еще чуть-чуть – и старания Энцо с Лореной по украшению дома к празднику пойдут прахом... и даже не в переносном смысле, а еще нам некуда будет складывать подарки, поднялась и вышла.

Кьяра возлежала на кухонном окне, и я пристроилась рядом с ней, разглядывая как служанка вытряхивает потрепанный половик прямо в канал. Вот почему я не кошка? Ей можно обшипеть Кошмара и загнать его под шкаф, а мне Франческу нельзя.

– Она ждала его десять лет, – негромкий голос Лорены заставил обернуться. – Дай ей время, она привыкнет... просто...

– Я все понимаю.

Не понимаю, и понимать не хочу.

Женщина покачала головой.

– Ты чудесная девочка, Тереза. И Анри без ума от тебя.

Только мне в этом чудится одно маленькое «но»?

– Наши семьи очень тесно дружили, их с Франческой действительно многое связывает. Все это очень и очень непросто, только вот... выбрал он тебя. Помни об этом, если вдруг твоего *vaharte* коснутся сомнения.

Из сомнений у меня сейчас только одно: ронять на нее елку или нет.

– Иди ко мне, – Лорена раскрыла объятия, и я вдруг – сама не зная почему, действительно шагнула к ней.

Чтобы обнять синьору Фьоренчелли, пришлось согнуться в три погибели. От нее пахло сдобой и яблоками, а еще... домом. Крохотная женщина с очень большим *vaharte*. Таким же, как и ее муж. В этот миг она стала для меня гораздо более надежной опорой, чем самая сильная магия в мире.

Поскольку первое знакомство с Лацией пришлось совместить с поиском подарков, мы достаточно быстро свернули с площади, где располагался самый знаменитый дворец. Пока Софи, раскрыв рот, слушала рассказы Анри, я мысленно витала поблизости. Вряд ли мне сейчас что-то могло показаться красивым, но справедливости ради, отметила изящные арочные вырезки. Впрочем, в этом здании все было арочным: и вход, скрывавшийся в тени под протянувшимся во всю стену балконом, и сам балкон, над которым возвышалась верхняя часть фасада из кремового камня, и даже окна. Здесь располагалась резиденция лацианских правителей и залы совета, где проходили заседания и проводились суды. В переводе на энгерийский это место сочетало в себе королевский дворец, парламент и центральный судный двор. Неудивительно, потому что на таком крохотном участке суши, изрезанном венами каналов, сложно уместить сразу все.

– А мы сможем побывать внутри? – запрокинув голову, Софи любовалась узорчатыми окнами и красивым оформлением крыши.

– Пока что дворец закрыт для посетителей. Но в конце весны, перед летним карнавалом, он открывается на несколько дней для всех желающих. Так что мы вполне можем туда попасть. Если постоим в очереди часов шесть.

Дочь хихикнула, я же только сложила руки на груди.

– Что, вот так просто открывается для всех?

– Это своеобразный реверанс жителям и гостям Лации от правителей. Они хотят показать, что не ставят аристократов выше простых людей.

Интересно, кто ставленник Эльгера в Лации? Мысль пришла неожиданно и отпечаталась на задворках сознания раскаленным клеймом. Кажется, я обещала себе больше не лезть в это дело, и я не собираюсь в него лезть. Эльгеры остались в прошлом, а в настоящем... гм, появилась Франческа. Вот от мыслей про нее я не могла избавиться, как ни старалась. И чем больше думала, тем больше злилась. На себя – потому что позволила ей это, на Анри – за то, что не предупредил о невероятно прекрасной возможности встречи с невероятно прекрасной Франческой. От которой

даже Софи осталась в полном восторге.

Мы как раз обогнули дворец и вышли на улицу, ведущую к Центральному каналу, когда Анри наклонился ко мне и негромко произнес:

– Тереза, все в прошлом.

Вот... хватит читать мои мысли! Почему-то от этого разозлилась еще больше.

– Да неужели? А у меня такое чувство, что у вас каждый камень в Лации напоен общими воспоминаниями.

Надеюсь, получилось не слишком издевательски. Впрочем, почему бы и нет.

– Даже если так, это ничего не меняет.

– Для кого?

На нас оглянулась Софи, и мы одновременно улыбнулись. Как близнецы, честное слово.

– Здесь поблизости есть большой детский магазин, – произнес Анри. – Думаю, кое-кто заслужил самую красивую куклу.

– Правда? – Дочь задохнулась от восхищения и даже перестала сворачивать голову на украшенные сосновыми ветками и мишурой носы лодок, снующих по каналу.

Удивительно, но в Лации Праздник зимы был повсюду – здесь традиция отмечать этот день укрепилась достаточно давно, хотя маэлоснкую зиму довольно-таки сложно назвать зимой. Солнце здесь припекало, заставляло то и дело ослаблять тесемки накидки. Лацианцы меня вряд ли бы поняли – судя по тому, как мужчины и женщины кутались в верхние одежды при малейшем порыве ветра, для них это действительно холодно.

– С этого канала начался город, – продолжил муж, когда мы вышли на центральную улицу, – изначально Лация строилась вдоль него. Первое время здесь не было ни одного моста, но потом...

Я снова мысленно нырнула в завершение нашего обеда. Франческа бросила помогать Лорене раньше, чем я успела подняться, на сотню слов ее болтовни девяносто девять были посвящены их с Анри воспоминаниям. Очень познавательным, надо отдать им должное: например, на Цветочном мосту через Центральный канал они любили встречать рассвет, а в рыночный район детьми наведывались за фруктами и зеленью по просьбам родителей. Как-то она потеряла деньги, мой муж купил для нее продуктов на те, что дали ему, а сам вернулся с пустыми руками.

После всех этих откровений мне как-то резко расхотелось устраивать праздник на крыше.

Мы перешли еще несколько мостиков и сменили несколько улочек прежде, чем добрались до магазинных рядов. Здесь все лавки были сосредоточены в одном месте: мелкие жались друг к другу, крупные выступали и возвышались над остальными – в некоторых магазинах было по два-три этажа. В одном из таких и располагался обещанный мужем магазин игрушек, волшебство в котором начиналось еще с витрин. Украшенный блестками и шарами за стеклом стоял огромный кукольный дом, рядом с ним пристроилась елка и две куклы в роскошных бальных платьях почти с Софи ростом.

– А я... Я что, и такую могу попросить? – спросила она, обернувшись к нам.

– Выбирай любую, какая тебе нравится, – улыбнулся муж.

Стоило нам шагнуть внутрь, как звякнул колокольчик. Народу в магазине было много, но к нам тут же подбежала девушка в воздушном розовом наряде с белым фартучком. Длинные красиво уложенные локоны и диадема намекали на то, что она сказочная принцесса. Софи даже не заметила, она осматривалась по сторонам, открыв рот – в Ольвиже мы так никуда ее и не сводили, поэтому сейчас взгляд дочери метался между большущими домиками, пряниками, елками и шарами, прыгал с кукол на железные дороги и мягкие игрушки.

– Устройте синьорине экскурсию? – обратился Анри к «принцессе» вкрадчивым бархатным баритоном. – Пусть выберет все, что захочет.

– Разумеется, – та слегка покраснела. – А вы...

– А мы с женой осмотримся. Где у вас готовые маскарадные костюмы?

– На третьем этаже.

– Ой, – это Софи вернулась в реальность и заметила «принцессу».

Она переводила взгляд с девушки на нас, и обратно, словно не верила, что такое бывает. Но стоило «принцессе» предложить ей посмотреть кукольный отдел, мигом забыла и о смущении, и о растерянности. Мы же направились к лестнице, время от времени уворачиваясь от снующих между полками и игрушками детей.

Чтобы попасть на третий этаж, пришлось пройти через весь второй. Который был заставлен готовыми крохотными кроватками с балдахинами. Крохотные одеяльца и висящие над ними погремушки оказались как удар под дых. Особенно когда я увидела стоявшую возле дальней стены пару. Темноволосые, смуглые и невысокие, как большинство лацианцев. Молодая женщина была в положении – под свободным платьем просматривался заметно округлившийся живот. У нас в Энгерии ее бы из дома не выпустили, но в Маэлонии все по-другому.

Паре показывали кровати, и девушка вся сияла. Сияла так, словно внутри нее поселилось солнце. Круглое лицо то и дело украшала невероятно светлая улыбка. В этот миг я отчетливо осознала, что у меня такой улыбки не будет. Никогда. Первой улыбки своей дочери или сына я тоже никогда не увижу. Не услышу первого крика. Мне никогда не держать на руках нашего малыша, а вот у Франчески с Анри вполне могли бы быть дети. Осознание этого накатило ледяной яростью и отчаянием: такими, что даже я сама испугалась. Тьма заворочалась внутри, холодом скользнула по позвоночнику и потекла к пальцам.

Я сжала кулаки, запирая в себе эти чувства, а тьму – за гранью.

– Я не представлял, что все случится именно так.

Мы, наконец, поднялись на третий этаж и пошли между вывешенных рядами карнавальных платьиц и костюмов, удивительной красоты масок – маленьких и побольше. Крохотные копии нарядов принцев и шутов, наместничьих шейхов или пиратов, принцесс и что-то похожее на одежды лесного народа элленари из легенд Энгери. К счастью, здесь было поменьше людей, только вдалеке у примерочных царили заметное оживление и суета. Малыши капризничали и шумели, но родители их даже не одергивали, потому что сами говорили достаточно громко. Из-за этого гомона можно было не бояться, что нас услышат.

– А как ты себе это представлял? – вышло неожиданно зло.

– По-другому, – Анри остановился и сжал мои руки. – Тереза, Франческа – мое прошлое.

– Непохоже, что для нее это прошлое, – руки я отняла и даже отвела их за спину. – Судя по тому, как хорошо она помнит все, что между вами было. А что между вами было, кстати? Женщина, которая ждала тебя десять лет, вряд ли довольствовалась воздушными намеками.

Лицо мужа стало непроницаемым. Терпеть не могу, когда он так закрывается – и не поймешь, что чувствует, и не увидишь. Сколько лет ему было, когда он уехал? Семнадцать? И как часто они встречались потом? Получается, когда Анри отправился в Энгерию, он знал, что она его ждет. Франческа продолжала его ждать, но он ей ничего обо мне не сказал. А еще она гораздо больше похожа на меня, чем на эту блондинистую курицу Камиллу.

– Ты права. Я должен был о ней рассказать.

– Не мне о ней. А ей обо мне.

– Тереза, последний раз я был в Лации три года назад. О таком не говорят в письмах.

– О каком? О том, что любят другую?

– Да.

– Ты крутил романы со всеми подряд, зная, что тебя ждет эта женщина?

– Это было несерьезно.

– Неужели? – хмыкнула я. – То есть когда ты увидел меня и решил сделать своей, это тоже было несерьезно? Или ты решил, что я достаточно похожа на нее, чтобы...

– С ума сошла? – прорычал он.

На лестнице слышались шаги, и нам пришлось медленно направиться в сторону примерочных.

– Тебе не кажется, что мы снова говорим о прошлом?

– Нет! – яростно прошептала я и тут же еще понизила голос. – Эта женщина не готова тебя отпустить, и это наше настоящее.

– Но я готов отпустить ее. Уже отпустил.

Анри понизил голос так, что я едва его слышала. Но все-таки слышала.

– Тереза, я люблю тебя. А от Франчески отказался в тот день, когда согласился на предложение Комитета.

– Очень на тебя похоже, – хмыкнула я.

Всевидящий, как низко я пала! Выясняю отношения... в магазине.

На нас уже обращали внимание, поэтому я подошла к стеллажам с самыми разными масками и сделала вид, что рассматриваю их. Были здесь и светлые, и темные, с колокольчиками, как у шутов, и с тонким кружевом на каркасе, украшенным позолотой или серебром.

– Ты знаешь, чем я был занят. Поэтому не думал, что вернусь. Я вообще не собирался возвращаться, – донеслось из-за спины.

– А она об этом знала?

– Знала. Я никогда и ничего не обещал.

Я взяла одну маску: белоснежную, отчаянно хрупкую, расписанную серебряными и золотыми узорами, с бледно-голубой каймой вокруг глаз. Настоящее произведение искусства – а ведь это детская! Представляю, какая красота будет на улицах в ночь праздника.

Повернулась к мужу.

– Разубедить ее ты не старался, конечно.

Анри шагнул ближе. Серьезный, даже мрачный.

– Старался. Еще до того, как меня представили Эльгеру, и я окончательно осел в Вэлее, но она ничего не хотела слышать.

Он говорил искренне. Умом я прекрасно понимала, что Анри прав, что переубедить женщину, которая готова тебя ждать – невозможно. Точно так же, как нельзя признаваться в чувствах к другой в письме. И все равно мне

хотелось что-нибудь разбить, а мужу нахлобучить на голову детскую шляпу с пером по самые уши.

– Я собирался поговорить с Франческой после праздника. Лично. И да, я просил Лорену и Энцо ничего ей не рассказывать о наших чувствах. Потому что решать такие вопросы на расстоянии и через других людей – трусость.

– Твои родители от нее в восторге, – буркнула я и направилась к лестнице.

– Они знают ее всю жизнь, а тебя пару дней. Но от тебя они тоже в восторге.

Мы спустились на второй этаж, где прибавилось посетителей. Я нарочно ускорила шаг, пролетела между полочек с пеленками и платяницами, только оставив все это за спиной, вздохнула свободнее.

– Тереза, – муж коснулся моей руки.

– Что? – вышло мрачно.

– Прости меня.

– Проси прощения у своей Франчески!

– Она не моя!

– Да ну?

Поскольку на лестнице кроме нас никого не было, я показала ему язык. Вышло по-детски, зато со вкусом. Неожиданно Анри подтолкнул меня к стене, запирая между теплым деревом и своим сильным телом. Сверху доносились шаги и голоса, снизу в них вливались детский смех и перезвон колокольчиков, гудки игрушечной железной дороги.

– Ты что творишь? Нас могут увидеть!

– И что дальше?

– Отпусти немедленно!

– Даже не подумая, – он вжимал меня в стену, почти касаясь губами моих губ, – пока не скажешь, что простила.

Попыталась упереться ладонями ему в грудь, но добилась только того, что мои запястья перехватили и впечатали в стены, по обе стороны от платья.

– С ума сошел? – прошипела ему в лицо. – Я тебе кто, чтобы зажимать меня где...

– Моя жена, – он смотрел мне в глаза или в самое сердце. – А с ума я сошел давно, и продолжаю сходить. По тебе.

Дернулась изо всех сил, но Анри держал крепко. В этом достаточно узком пространстве – между ажурными светильниками, между этажами, были только мы вдвоем. И этот ненормальный действительно не собирался

меня отпускать: я поняла это по опущенным уголкам губ и по тому, как стремительно темнело золото в его глазах. Если не присматриваться, на солнце они казались просто светлыми, но сейчас... Если это кто-то увидит... И он не может этого не понимать. В магазине полно людей, невозможно предугадать, когда и кто ступит на лестницу К счастью, она изгибалась и наверху, и внизу, что позволяло выиграть несколько секунд, если вдруг. Но легче от этого не становилось: сердце колотилось о ребра как сумасшедшее. Нас могли застукать в любой момент.

– Отпусти.

– Нет.

– Тебе мало того, что случилось в Вэлее?

– Более чем достаточно.

– Хочешь повторения?

– Нет.

Шаги и голоса наверху стали приближаться: видимо, кто-то из покупателей собирался спускаться вниз.

– Хорошенькие же у вас методы добиваться своего, граф.

– Когда дело касается тебя, графиня, методы для меня не важны.

Демоны!

– Ладно! – прошипела я. – Забыли.

– Не верю.

Наверху скрипнула первая ступенька, и я подалась вперед, впечаталась в его губы коротким яростным поцелуем.

– Все, – прошептала хрипло. – Забыли. Клянусь.

Хватка ослабла, мы едва успели отпрянуть друг от друга и начать спускаться, когда на лестнице появилась та семейная пара, что выбирала кроватку для будущего малыша. Женщина мне улыбнулась, и я улыбнулась в ответ. Анри выглядел абсолютно спокойным: и когда мы вышли в главную залу, и когда к нам подбежала счастливая, сияющая Софи. А вот внутри меня все переворачивалось.

Нет, ну каков нахал, а?

Ладно, граф, я вам устрою романтический ужин! И не только!

Гора подарков под елкой вызывала у Софи настоящий восторг. Ей доставляло удовольствие сидеть в гостиной и по десять раз перекладывать коробки – большие и поменьше, выравнивая и поправляя бантики. Наверное, есть в этом какое-то особое удовольствие – раскладывать их по цветам или по рисунку: например, плоские клетчатые складывать к однотонным квадратным, а маленькие выставлять узорами в форме сердечка. У меня ничего восторгов не вызывало, особенно ужин на крыше, на которой Франческа с Анри пытались развести костер.

В Энгерии подарки под елку не складывали, дети их раскрывали на следующее утро после праздника, взрослые – после фейерверка. Но Энгерия осталась в прошлой жизни, и только Всевидящий знает, когда доведется увидеть родных. А увидеть хотелось – отчаянно, вообще хотелось на край света сбежать. Промчаться верхом на Демоне по заснеженному парку, слушать щебетание Луизы и Лави, да даже с матушкой поругаться по поводу своего непристойного вида или поймать тяжелый хмурый взгляд брата. Уткнуться носом в сюртук Луни, а еще лучше – пригнать его в спальню Франчески, чтобы та всю оставшуюся жизнь заикалась и дергала правым, вне всякого сомнения таким же совершенным, как и левым, глазом.

Глупо портить себе и другим настроение в преддверии праздника, глупо – когда на улице то и дело слышатся возбужденные голоса и смех. Когда шляпы сменяются на красные колпаки, и даже плеск весел о воду поет: «Карнавал, карнавал, карнавал!» – но я ничего не могла с собой поделать. Закручивая в печенье бумажечки с предсказаниями, смотрела, как Лорена взбивает крем.

Ее стараниями муж отправился на рынок вместе с Софи и Энцо, якобы докупить продуктов. Свою миссию отвлекать Анри дочь восприняла на удивление ответственно. Если мне требовалось подняться на крышу вместе с синьорой Фьоренчелли, или перевязать в гостиной накрахмаленные салфетки ленточками, она тут же появлялась и уводила его куда-нибудь, забрасывая вопросами по поводу карнавала. Энцо с соседом вытащили наверх небольшой круглый стол, выдавший виды. Не страшно, потому что под скатертью, которую Лорена лично отглаживала, скроются все его мебельные тяжелые годы. Туда же вынесли жаровню – ночь обещала быть достаточно прохладной. Шатер лежал рядом, его предстояло только

поставить, чем и должен был заняться синьор Фьоренчелли. Оставалось приготовить пледы, стулья, ну и... все накрыть соответственно.

Мы как раз отправили в печку первую партию печенья, когда в дверь постучали.

Лорена недовольно глянула в сторону прихожей, без церемоний сунула мне миску в руки:

– Его нельзя оставлять без внимания. Взбивай по часовой стрелке.

По часовой так по часовой. Крем густел на глазах, становился перламутровым, и я едва удержалась от того, чтобы не лизнуть венчик. Выглядел будущий десерт крайне аппетитно. А еще я поймала себя на дикой мысли: отчаянно захотелось обмакнуть в него чесночный сухарик, обжаренный в масле с душистыми травами. Целая горка таких сухариков скрывалась под полотенцем в огромной тарелке, большей напоминавшей таз. Еще нам предстояло запекать угря вместе с икрой, поросенка, а ближе к ужину резать яблоки, сыры, разливать мед и украшать все это орехами и виноградом. Ну и конечно же, варить спагетти. Сами по себе они не представляли из себя ничего интересного, а вот разные соусы к ним – например, с грибами, которую нам тоже еще предстояло готовить, выглядели вполне аппетитно.

– Тетушка Ло!

Услышав голос Франчески, я чуть не выронила миску. Попятилась и чудом не наступила на Кошмара, который взлетел на шкаф, откуда обиженно поглядывал на меня. С Кьярой у них установилось холодное перемирие, примерно как у нас с Анри. Вот только ухо кота теперь украшал боевой шрам, и он по-прежнему чувствовал себя вторым лишним.

– На улице сегодня так похолодало, вы не представляете! На карнавал придется надевать плащ, а я столько шила это...

Она еще и шить умеет? Просто кладезь талантов.

Поскольку дальше этот кладезь талантов в привычном несмолкаемом ритме тараторил на маэлонском, я решила, что мне все равно. Нет, в самом деле все равно, не буду же я слушать их разговоры. У меня есть дела поважнее – например, крем сбивать.

В сердцах ляпнула с венчика на притаившуюся в стороне чистую тарелку приличный шмат крема, сунула в него чесночную гренку и откусила. М-м-м... Вкусно-то как! Они уверены, что крем лучше мазать на печенье с предсказаниями? Яростно хрустела сухариком, собирая остатки будущей глазури, и чувствовала себя почти в раю.

– ... не сможете прийти?

Вот почему она не стала оперной певицей? Ее голосом можно

барабанные перепонки взрывать!

Тем не менее почувствовала, как уши сами собой разворачиваются в сторону прихожей и холла. Подкралась к двери – благо, она тут сделана на совесть, и затаилась.

– Передай Альбе и Вито, что мы с радостью встретимся с вами завтра за обедом. Я принесу запеченного поросенка и бутылочку *lircolette*, а еще кекс с кремом.

– Ох, матушка и отец наверняка расстроятся. Они думали, что мы соберемся сегодня вместе, как всегда...

– Думаю, они поймут, милая. Нашим девочкам будет неловко встречать праздник с незнакомыми людьми.

После слов «нашим девочкам» мне почему-то захотелось потереть глаза. К счастью, платочка под рукой не оказалось, не в полотенце же нырять.

– Ох, вот как! Матушка и отец теперь незнакомые люди? – в голосе не слышалось обиды, скорее легкие игривые нотки.

– Фран, вы для нас как родные. Но и Тереза с Софи теперь наша семья, а им нужно время, чтобы привыкнуть.

– Конечно, тетушка! Надеюсь, они полюбят нашу Лацию всем сердцем! Хотя иначе и быть не может, они же любят Анри...

Голос ее весьма театрально сел, а я скривилась: наверное, крем был слишком сладким.

– Ладно, ладно, милая.

Они притихли, а потом, судя по звукам, расцеловались. Хлопнула дверь.

Я едва успела отскочить и сделать вид, что увлечена порученным мне серьезным занятием, когда синьора Фьоренчелли вернулась на кухню.

– Ну, как вы тут поживаете?

– Крем неплохо.

– А ты?

– Рука устала.

Лорена привычно широко улыбнулась.

– Давай-ка вернемся к нашему плану, девочка. Мы садимся за стол, а потом...

– Я передумала.

– Что? – женщина нахмурилась и отставила миску в сторону. – Почему?

– Потому что...

Ответ пришел сам собой, и он был искренним. Дело не в крыше, не во

Франческе, не в прошлом или в чем бы то ни было еще.

– Вы его семья. Так же, как и мы с Софи.

Синьора Фьоренчелли всплеснула руками.

– Но как же... ты ведь хотела...

– Я привыкла к тому, что наш мирок разделен на троих. Почти всегда... Но Анри будет по-настоящему счастлив встретить эту ночь с вами.

Они не виделись столько, сколько я даже представить себе не могу. Для меня несколько месяцев без родных – ужас, а он в последний раз приезжал три года назад.

– Надеюсь, вы не против? Мне бы тоже очень этого хотелось.

Я даже на Карнавал после ужина пойду, если придется. Подумаешь, стошнит на кого-нибудь.

– Что скажете?

– Скажу, что до ужина еще дел полно, а мы еще и половины не сделали, – синьора Фьоренчелли отвернулась – пожалуй, слишком поспешно, и промокнула уголки глаз фартуком. – Давай-ка продолжим, скоро уже наши должны вернуться.

И она принялась хлопотать так быстро, что я едва успевала со своей нерасторопной помощью. Впрочем, это было и неважно, потому что на сердце стало удивительно тепло.

– Не могу на тебя наглядеться, – Анри обнял меня за плечи и коснулся губами шеи.

Одеваться мне помогал он, и он же минуту назад защелкнул застежку тяжелого, притягивающего взгляд украшения. Сегодня я впервые за долгое время надела «наше» платье. Только к нему идеально подходил подарок мужа: кольцо с крохотными капельками бриллиантов и сапфиром. Хотя я и не была уверена, что когда-то снова смогу его надеть – после страшного бала в Шато ле Туаре. Точно так же, как не была уверена, что его вообще стоит надевать. Лорена и Энцо люди простые, зачем и для кого мне наряжаться?

– Давай снимем, – негромко сказала я и потянулась к колье.

За окном, в непроглядной ночной тьме, тихо плескалась вода. Ближе к вечеру город затих, словно затаился – перед тем как взорваться оглушительными хлопками фейерверка, множеством голосов, шуршанием платьев и подошв, радостными криками и смехом. В небольшом арочном зеркале над туалетным столиком мы отражались вдвоем: Анри в темных брюках и светлой, расстегнутой на две пуговицы рубашке, которая мало вязалась с небрежно накинутым фраком. И я, вся такая красивая, со шпильками в туго завитых волосах. Муж перехватил мои руки прежде, чем

успела коснуться замка.

– Не вздумай. У меня есть для тебя подарок.

– Но подарки разворачивают все вместе. После ужина в гостиной.

Еще одно отличие Маэлони от Энгерии: в Мортенхэйме, когда ее величество Брианна ввела традицию отмечать Праздник зимы подарками, их складывали в комнатах. Открывать их нужно было только следующим утром. Разумеется, их никогда не оставляли под елкой и уж тем более не открывали все вместе, потому что показывать свои восторги или открыто выражать радость считалось неприличным. Даже детям, получив подарок, полагалось присесть в реверансе – если ты девочка, либо склонить голову – если ты мальчик, и скромно поблагодарить. А потом радоваться сколько тебе угодно за закрытыми дверями.

– У меня их несколько, поэтому никто не узнает, что мы с тобой...

– Мы с тобой?..

– Пренебрегли традицией.

Прежде чем я успела ответить, на ладони мужа появилась небольшая бархатная коробочка с эмблемой «Колье Арджери», кольца с огромным бриллиантом.

– Что там?

– Открой.

Внутри оказались серьги... видимо, те самые, которые он заказал к колье. Когда только успел? Я смотрела на них со смешанными чувствами: ведь мы вместе должны были забрать их в магазине в Лигенбурге. Но это чувство не шло ни в какое сравнение с тем, что он все-таки нашел время... Подозреваю, что вторым подарком будет обещанный браслет.

– Тебе не нравится? – Анри нахмурился.

– Нравится. Очень, – искренне призналась я.

– Тогда в чем дело?

– Я буду как вторая елка. Софи начнет перетаскивать подарки ко мне.

Он рассмеялся.

– Так дело только в этом?

– А в чем еще? Мне неудобно, что я ...

Муж не дал мне договорить. Легко коснулся мочки уха губами – сначала одной, затем другой – перед тем, как надеть серьги. Сочетание ласки и прикосновения холодного металла, отозвались в теле приятной дрожью. Настолько, что все мысли об ужине и нескромных подарках вылетели из головы.

– Ну а ты что мне подаришь? – пальцы его играючи скользнули по плечам и ложбинке между грудей.

– Прекрати, – негромко сказала я, хотя сама невольно подалась назад, позволяя ему выписывать на коже невидимые узоры. Когда его пальцы подобрались к самой кромке лифа, закусил губу.

– Или что?

– Или мы пренебрежем не только традициями, но и ужином.

– Как скажете, графиня.

Муж нехотя отстранился и подал мне руку.

Графине не помешал бы графин холодной воды на голову. Но сдаваться так просто я не собиралась – тем более что помнила об обещании, данном себе в детском магазине. Сама я успела выбрать Анри несколько шейных платков, зажимы и заколки под них, а еще красивые запонки, которые однажды увидела в Ларне и не смогла отвести от них взгляд. Надо отдать должное, с подарками мужу мне здорово помог Жером.

Интересно, как сейчас дела у них с Мэри? Празднуют с остальными, или решили устроить романтический ужин на двоих?

Мы спустились вниз, и оказалось, что я стеснялась зря. Праздничный стол ломился от блюд, сама комната преобразилась еще больше – видимо, пока мы с Анри собирались, чета Фьоренчелли вместе с Софи занялись украшением. Повсюду протянулись гирлянды, стены были украшены снежинками с тонкими растопыренными пальцами. Энцо надел фрак, а Лорена роскошное темно-вишневое платье, в ткани угадывалась столь любимая матушкой парча. Под такое платье рубиновые украшения смотрелись не только уместными, но даже естественными.

– Подарок Анри, – немного смущенно призналась она.

Видеть ее с замысловатой прической было совсем странно, но я вдруг поняла, что все это было сделано ради меня: чтобы не выглядела среди них той самой пресловутой елкой. Софи тоже впервые надела длинное платье, в котором казалась маленькой взрослой, а еще... дочь вдруг шагнула к нам и удивительно точно сделала реверанс. Совсем как тогда, когда пыталась понравиться Винсенту. И улыбнулась, стоило Анри поцеловать ей руку.

– Юная мадемуазель, вы очаровательны.

На глаза снова попытались навернуться слезы. Пришлось быстренько подбежать к Лорене и сделать вид, что я люблю ее украшениями и оцениваю игру света на камнях. А потом Энцо привычно улыбнулся в усы, подал мне руку, чтобы проводить к столу, и все мы устроились рядом. Рыдать в соусницу было ну как-то совсем неприлично, поэтому решила сосредоточиться на еде. Поскольку ухаживать за мной принялись сразу с двух сторон, голодной остаться не грозило. Гораздо актуальнее был вопрос, как не лопнуть по швам от обилия той вкуснятины, которой наполняли

тарелку. А если еще вспомнить про горячее...

– Как-то во время праздника, – Энцо поднял бокал, в котором плескалось бледно-золотистое вино. Игристому в Маэлонии предпочитали обычное. – Анри решил, что хочет устроить нам самодельный фейерверк. Где-то он вычитал рецепт смеси... и вытащил нас на крышу, сказав, что приготовил сюрприз. Кажется, ему тогда было лет восемь или и того меньше. Словом, прежде чем я понял, что юный изобретатель собирается сделать, он уже все это поджег...

– Но фейерверк все-таки был, – с трудом сдерживая смех, произнес Анри.

– Был, – подтвердил синьор Фьоренчелли. – После чего мы весь оставшийся вечер кое-кого отмывали от сажи вместо Карнавала.

Теперь уже смех с трудом сдерживала я. Повернулась к Софи, чтобы перевести ей все сказанное и обнаружила, что дочь занята. В ее случае популярностью пользовалось печенье с предсказаниями, которых она утащила себе на тарелку сразу несколько и сейчас отколупывала крем-глазурь, когда думала, что никто не видит. Я негромко кашлянула, и девочка слегка покраснела. Отодвинула от себя запас предсказаний и сделала большие невинные глаза.

– Собственно, это я к чему... – Энцо откашлялся. – В детстве кое-кто обожал сюрпризы. Приятные...

– И не очень, – улыбнулась Лорена.

– Но самым приятным сюрпризом от этого оболт...

– Графа, – наигранно-мрачно напомнил муж.

– Графа, – легко согласился тот. – Стало знакомство с тобой, девочка. И с вашей очаровательной дочкой. За вас!

Софи вскинула бокал с апельсиновым соком так, что он чуть не выплеснулся.

– За Терезу и Софи! – хором поддержали Анри с Лореной.

Ужин оказался просто восхитительным. Готовила синьора Фьоренчелли потрясающе, причем делала это так быстро и легко, словно всю жизнь только этим и занималась. Хотя, может и занималась. Меня в детстве учили, как правильно держать приборы и делать реверансы, а ее... Впрочем, маленькую Лорену наверняка учили тому же. Но она выбрала совсем другую жизнь, и судя по сияющим счастьем глазам, ни разу об этом не пожалела.

Праздничный ужин и впрямь получался на удивление теплым. Наверное, я за всю свою жизнь столько не разговаривала за столом, и не смеялась. Даже путая слова, переводя дочери то, о чем идет речь на пару с

мужем. Софи уже несколько не смущалась общаться с супругами Фьоренчелли через нас, а поскольку эмоциональности ей было не занимать, никакой неловкости не возникало.

О том, что сейчас в Мортенхэйме за огромным столом собрались мои близкие и множество гостей, над которыми рассыпают свет огромные люстры, я не думала. По крайней мере, старалась не думать. Их праздник мало напоминал наш, а докричаться до того, кто сидел на противоположном конце стола, можно было только если заставить остальных замолчать. Общение с гостями становилось скорее обязанностью, чем приятным времяпровождением.

Еще старалась не думать о заснеженном парке Мортенхэйма, центральная аллея которого уводила прямо во внутренний двор. О припорошенных снегом живых изгородях и деревьях у самого входа, о каменной громаде, высящейся надо мной, особенно если идти пешком. О тоненькой цепочке следов, остающейся за спиной – помимо меня мало кто любил зимний парк, о коридорах фигурных сосен и кустарников, напоминающих детские пирамидки или спирали. Наши садовники всегда трудились на славу.

Не думала и о том, как мы гуляли бок о бок с Демоном, к кому любой из наших конюхов подходил с оглядкой. Я не держала его под уздцы, но он шел рядом, изредка всхрапывая, выпуская струйки пара из ноздрей.

– Тереза очень любит ездить верхом.

Я очнулась от этой фразы и удивленно взглянула на мужа.

– У нас, к сожалению, много верхом не поездишь. Тут и разогнаться-то негде... не то что в лесах под Триттом.

– Хочешь посмотреть столицу? – спросил Анри по-вэлейски.

– Я! Я хочу! – Софи даже подпрыгивала на стуле.

– В тебе я не сомневался, – весело ответил муж, и продолжил уже по-маэлонски, – а что насчет моей дорогой жены?

Представив, что мне придется пережить еще два путешествия на пароме, я не только расхотела любоваться красотами Тритта, но и есть украшенный гранатовыми зернышками паштет.

– Я... подумаю.

– Мы можем поехать на поезде, – заметил Анри, – правда, на лодке все равно придется добираться до другого клочка суши, где есть железнодорожная станция. И времени это займет побольше.

– Анри, не наседай на девочку! – возмутилась Лорена. – Дорогая, все в порядке? Ты побледнела.

– Все, – выдавила я. В руках едва заметно дрожали приборы, а холод

растекался по позвоночнику, собираясь в груди. Знакомое покалывание, хрупкие иголки – предвестники тьмы, стремящейся прорваться через тебя в мир.

– Тереза? – Анри наклонился ко мне.

Неприятное чувство отступило так же быстро, как и нахлынуло.

Кивнула и улыбнулась.

– Просто очень живо представила себе путешествие на пароме.

Все рассмеялись, а я откинулась на спинку стула. Кажется, пора возвращаться к занятиям магией. Вот только где это делать, пока нет собственного дома?.. В нашей с Анри спальне толком не развернуться. С другой стороны, занималась же я как-то в каморке, которую мне нашла Луиза, в Лигенбурге.

Решено: завтра начну.

Время летело незаметно, но вот попробовать все у меня не получилось. Да и вообще, больше в меня не влезет... Об этом я подумала, когда передо мной снова опустела тарелка. Многочисленные блюда и вазы, расставленные рядом в тесноте, по-прежнему ломились от еды и закусок. Представить, что такое количество еды может уместиться в нас пятерых было достаточно сложно, но синьора Фьоренчелли уверяла: если на столе меньше двадцати блюд, значит, хозяйка негодная. Что же, негодной хозяйкой ее точно никто не мог назвать. Да и год, судя по маэлонским поверьям, обещал быть крайне обильным и сытным.

– Нам не пора собираться? – обеспокоенно спросила Софи и снова стянула с тарелки печенье с предсказанием.

Которое по счету, не помню. Я к своему единственному не притронулась – решила дожидаться первого залпа фейерверка, который разобьет зиму на две половинки.

– Софи боится опоздать на Карнавал, – пояснил Анри родителям.

Энцо только рукой махнул.

– Вот уж куда она точно не опоздает...

Насколько я поняла, Карнавал начинался с той минуты, когда самые первые отужинавшие выходили на улицу в своих нарядах и масках. Потом все собирались на площади, чтобы в полночь посмотреть на главный фейерверк, а после гуляния продолжались до самого утра. Аристократы и простой люд прятались под масками, и до первого рассветного луча стирались все грани богатства и бедности – по крайней мере для тех, кто этого хотел. Под праздничным небом все были равны, а вот кошельки с собой брать не рекомендовалось – кто-то праздновал, а кто-то работал. Карманные воришки, например, умеющие срезать или вытащить кошелек

так, что ты даже ничего не почувствуешь.

Обо всем этом мне рассказали за ужином, из чего я сделал вывод, что украшения перед выходом на улицу придется снять.

– На улице еще похолодало, – заявила Лорена. – Что-то я не припомню такого, разве что лет десять назад, когда у нас снег посыпался... Так что придется одеваться теплее.

– Холодами нас не напугаешь, – теперь уже улыбнулась я.

– Так... Давайте разворачивать подарки, а после собираться! – Энцо хлопнул в ладоши и поднялся.

– Подарки! Подарки! Подарки! – Софи вскочила так, что чудом не опрокинула стул.

Матушку хватил бы инфаркт, но Лорена только рассмеялась, а дочь уже шелестела оберткой самой большой коробки. В которой обнаружился кукольный дом. Следующие полчаса были посвящены разворачиванию, открыванию, разрезанию бантов, восторженным вздохам и возгласам, а еще улыбкам. Кажется, Энцо остался доволен портмоне и зажиму для денег, а синьора Фьоренчелли пришла в восторг от постельного белья из тончайшего иньфайского шелка и вазе из лацианского стекла, которую даже в руки было взять страшно. Кошмару перепало радости – игры с ленточками и шуршащей оберточной бумагой, пока не появилась Кьяра. Его тут же загнали за диван и легли в самом центре среди бумажек и бантов.

Пока разворачивали остальные подарки, Анри отвел меня в сторону и легко поцеловал. С браслетом я, угадала, кстати. Жаль только, что его придется в самом скором времени снять, да и показать некому. Странное дело, раньше мне совсем не хотелось хвалиться украшениями, особенно на людях, но подарки мужа – другое дело. Хотелось, чтобы их видели все. Вот только мы вроде как есть в Лации, а вроде как и нет. По крайней мере, так я обещала его величеству Альтари.

– Тебе понравился ужин? – спросил Анри.

– Очень. А тебе?

– Безумно.

– А подарки?

– Невероятно, – наклонившись к самому моему уху, произнес он. – Веришь или нет, но теперь я начну носить шейные платки.

– На то и был расчет.

Мы рассмеялись вместе.

– Но с подарками я еще не закончил.

– Вот как? И где же...

– Наберитесь терпения, графиня.

Вот же... ладно, граф. Надеюсь, мой сюрприз вам тоже понравится.

После того, как с подарками было покончено, собрались все довольно быстро. Лорена и Энцо решили ограничиться просто масками – так же, как и мы. У меня была белая с голубым, тронутая завитками и росписью серебра, у Анри – черная с золотым. Софи выбирала сама, в детском магазине – полумаску с клювом и перышками по краям, от чего она стала похожа на хитрого маленького вороненка.

На улице и впрямь было холодно, а еще очень шумно. Разноцветные людские реки текли в сторону Дворца правителей.

– Что ж, мы пойдем прогуляемся, – прокричал Энцо, – заодно и вино выветрится перед фейерверком.

Пока я пыталась сообразить, что значит «мы пойдем прогуляемся», Софи помахала рукой, а муж неожиданно увлек меня в другую сторону. Я лишь успела обернуться на дочь и супругов Фьоренчелли, когда людской поток подхватил их и понес по улочке. Он разбрасывался людьми, как притоками – позволяя им течь по мостикам, вливаться в другие реки, и снова разветвляться перед арками домов.

– Эй! – сердито сказала мужу, пока мы шагали против течения. Маски и наряды сливались перед глазами в сплошное пестрое мельтешение, но Анри так крепко держал мою руку, что меня даже не тошнило. Ну, почти. – Ничего не хочешь объяснить?

Кажется, кто-то придумал заговор еще раньше, чем его придумала я.

А главное, я ничего не заметила!

– Куда мы идем?

– Скоро узнаешь, – меня увлекли в крохотную низенькую арку, скользнув через которую мимо заливающихся смехом девушек, мы оказались у невысокого причала. Там на черной воде, поблескивающей отраженными огоньками оконного света, покачивалась лодка. Большая, с черным носом и кормой, украшенная к празднику еловыми ветками, ярко-красными бантами и блестящими ленточками. Огонек масляного фонарика, прикрепленного к носовой части, покачивался под порывами ветра. На опиравшемся на шест мужчине тоже была полумаска, в эту ночь появляться на улице с открытым лицом – дурной тон. Заметив нас, он широко улыбнулся и пропел:

– Добро пожаловать!

Спустя минуту мы уже плыли – под звон колокольчиков, мерно покачивающихся за нашими спинами, смех и громкие голоса, под мягкий плеск волн. Вспомнила, что забыла на столе печенье с предсказанием, но

отмахнулась от этой мысли. Как ни странно, меня совсем не укачивало: особенно в объятиях мужа, на довольно уютном диванчике с высокой резной спинкой. От воды ощутимо тянуло прохладой, воздух звенел от свежести, и Анри завернул нас в плед. Ночную темноту разрывали огни и блеск масок, людей становилось все больше. Мы обогнули Дворец правителей и оказались посреди царства воды и... лодок. Множество лодок покачивались посреди самой широкой части канала. В темном зеркале отражались светлячки фонариков, даже отсюда было видно, сколько народу собралось на площади.

А потом гроыхнуло так, что у меня заложило уши, прямо над нами раскрылся первый огненно-золотистый шар, тонкими струйками стекающий по ночному небу, заключая нас в своеобразную золотую клетку. Рев толпы поглотил крики с соседних лодок, я же молчала. От восторга захватило дух: конечно, мне доводилось не раз видеть фейерверки, но сейчас чувство было такое, что мы оказались под сияющим дождем. Яркие цветы и фонтаны таяли прямо над нами, отражались в потустороннем окне реки – черном, как сама глубинная тьма – и осыпались вниз. Небо горело, сверкало, переливалось и падало, раз за разом, чтобы собраться заново. Сердце билось гулко и сильно, в такт ударам, и так же билось сердце мужа, которому я положила голову на плечо.

Не знаю, сколько это продолжалось, но последний залп разорвал темноту ярко-красной молнией, вслед за которой расцвели очертания разноцветной маски. А после воцарившуюся тишину – в те минуты, что маска плакала над водой огненными слезами, поглотил шум аплодисментов.

– Понравилось? – спросил Анри, когда восторги начали затихать.

– Очень.

– Я боялся за твою нелюбовь к воде, но все-таки решил рискнуть.

– Правильно сделал, – я прижалась к нему покрепче. – Чудесный подарок.

– Подарок? – он рассмеялся. – Нет, Тереза, это был отвлекающий маневр.

Удивиться не успела, плед съехал вниз, и я уставилась на кольцо: изящное, украшенное соцветием бриллиантов. Оно сияло на моем безымянном пальце – когда только успел надеть? Впрочем, учитывая, что муж все время держал мои руки в своих, привычно сплетая ладони воедино... Вот же... Не могла оторваться от изящных лепестков, в которых сверкали крохотные камни.

– Тереза, ты станешь моей женой... снова?

От неожиданности я чуть из лодки не вывалилась. Наверное, и вывалилась бы, не поддерживай Анри меня за талию. Он смотрел мне в глаза, в ушах шумело – то ли от недавнего фейерверка, то ли от бешено бьющегося пульса.

– Вам недостаточно браслетов, граф?

– Достаточно, – он улыбнулся. – Я просто хочу увидеть тебя в подвенечном платье. И снять его.

– А чего ты хочешь еще?

– Чтобы нас обвенчали по законам людей, а не древней магии. А еще чтобы ты чаще улыбалась.

Муж поцеловал меня раньше, чем я успела ответить: просто снял маску, отбросил ее в сторону и то же самое сделал с моей. В миг, когда его губы накрыли мои, лодка мягко тронулась с места. Плеск воды остался по ту сторону, так же, как и звон колокольчиков, и веселье. Весь мир перестал существовать – иначе как объяснить, что мы переплелись под пледом, словно лоза? Ладонь Анри мягко поглаживала мою шею: там, где тесемки накидки чуть ослабли, от прикосновений кожа горела огнем. Так же горели и губы под его – от ласкающих, дразнящих поглаживаний языком, мягких укусов и упоительно-сладких поцелуев, прерывающихся лишь на дыхание.

Стоило немалых усилий отстраниться, когда лодка ударилась о мостки.

Муж смотрел на меня сумасшедшими золотыми глазами, и, подозреваю, что я недалеко от него ушла. Холодный ветерок скользнул по разгоряченной коже, когда он помог мне выйти, но ни капельки не отрезвил. От этой колючей ласки еще больше хотелось чувствовать сильные руки и губы Анри... везде. Он протянул маску, и мне кое-как удалось ее закрепить. Поскольку мы остановились у того же причала, обратная дорога показалась вечностью. Вокруг мелькали наряды и маски, кто-то взорвал хлопушку совсем рядом, но я даже не вздрогнула. Только стряхнула оседающее на платье конфетти. Немного пришла в себя лишь когда за нами захлопнулась дверь, отрезая от царившего на улицах Лации веселья.

– Софи и Лорена с Энцо могут вернуться в любой момент... – сказала хрипло.

– Это повод не тратить время на разговоры.

Он подхватил меня на руки и понес наверх.

Накидка, платье и корсет полетели на пол нашей маленькой спальни, а в следующий миг я уже всхлипнула от прикосновения горячих губ к невероятно чувствительному соску. Второй муж издевательски-бессовестно ласкал через тонкую ткань сорочки. Грудь налилась и стала тяжелой,

колени дрожали, поэтому оказавшись на кровати, я с трудом вспомнила свой первоначальный замысел. Перехватила удивленный взгляд Анри и уперлась пальцами ему в грудь.

– Ложитесь на спину, граф.

– Что вы задумали, графиня?

Маленькую, но очень изощренную месть.

Мне было уже не до разговоров, поэтому я вывернулась и толкнула мужа на подушки. Ну ладно, он это позволил, но как же приятно устроиться на его бедрах и перехватить запястья над головой. Я почти касалась грудью его груди, а между разведенных ног ясно ощущала желание Анри – налитое, твердое и горячее.

– Не станешь меня трогать, пока я не разрешу, – прошептала ему в губы и в расширившихся зрачках увидела свое отражение.

А потом коснулась губами бешено бьющейся на шее жилки. Мягко, сцеловывая каждый удар сердца в упоительно-сладкой ласке. Мышцы под моими ладонями напряглись, соски болезненно ныли. Хотелось откинуться на спину, позволяя ему делать со мной все, что пожелает, выгибаться от яростных ласк, почувствовать его в себе... вместо этого я продолжала игру. Губами скользила от ключиц по груди, слегка прикусывая кожу, отстраняясь, чтобы подуть и снова опуститься ниже, выводя на ней узоры языком.

– Тер-реза... – хрипло прорычал Анри, запястья под моей ладонью дрогнули.

Я приподнялась только затем, чтобы посмотреть ему в глаза.

Долго, ужасающе долго – все внутри сводило от дикого напряжения. Но этот спокойный голос... он точно принадлежал не мне. Какой-то другой особе, хладнокровной и бессердечной.

– Сегодня все будет по-моему, граф. Или никак. Мне остановиться?

Анри хрипло втянул воздух, я же отпустила его запястья и скользнула ниже, касаясь губами напряженного живота. Положила ладони на грудь мужа, подушечками пальцев поглаживая соски, провела по бокам и ниже, по горячим бедрам. От нежности и полыхающего в самом низу живота желания сердце заходило в бешеном танце. Легко покусывая губы, выпрямилась и накрыла ладонями груди, лаская себя – неспешно, позволяя возбуждению разливаться по телу.

– Если не прекратишь издеваться... – голос мужа был низким и хриплым, а судя по характерному треску, что-то под его руками порвалось. То ли наволочка, то ли простыни за подушками.

– То? – продолжая ласкать ноющую грудь, другой рукой скользнула по

его животу и ниже, почти касаясь пальцами желания мужа.

– Дня два не сможешь ходить, – прорычал он.

– Неужели? – собственный голос сел и тоже был хриплым.

– Хочешь проверить?

– Пожалуй... – свои прикосновения не шли ни в какое сравнение с теми сладкими ласками, что дарил мне он. Даже в воспоминаниях это было так ярко и отчаянно горячо, что перед глазами помутилось. А если еще вспомнить, когда мы в последний раз были вместе... Я содрогнулась, чувствуя, что дальше просто не выдержу сама. – Да.

Прежде чем успела вдохнуть, уже оказалась на спине.

Сильные руки развели бедра, пальцы сменялись языком, а когда дыхание сбилось окончательно – все силы уходили на хриплые стоны, Анри одним движением вошел. Кажется, я кричала: так резко, сильно и яростно мы не сливались воедино никогда раньше. Тело пронзало сумасшедшим огненным удовольствием, с каждым рывком все жестче и безумнее. Теперь уже простыни трещали под моими пальцами, а когда внутри полыхнуло наслаждение, рассыпаясь в полумраке комнаты повторением увиденного фейерверка, я выдохнула его имя. Еще несколько движений – болезненно-сладких, и я начала дрожать вместе с ним. Второй раз, третий, четвертый... когда Анри, наконец, меня освободил, содрогнулась.

В этот миг раздался какой-то сдавленный хруст.

Одна из ножек надломилась, и мы рухнули вниз. Ну как рухнули, слегка завалились на бок, вместе с кроватью. Моя подушка шлепнулась на пол.

– Хм, – многозначительно сказал муж, перегнувшись через меня.

И тут я захохотала. Смеялась так, что из глаз брызнули слезы. Внутри все еще растекались волны умопомрачительно-сладкого тепла, которые постепенно поглотил сотрясающий тело смех.

– А я предупреждал, – заявил Анри, который даже не потрудился подняться.

– Ты предупреждал, что я не смогу ходить. Но не о том, что нам будет не на чем спать.

Анри продержался недолго: спустя миг мы хохотали уже вместе. При этом он еще умудрялся выбирать из моих волос конфетти, и сбрасывать его на пол. Разноцветные кружочки медленно оседали на ковер.

Отсмеявшись, муж все-таки решил осмотреть пострадавшую ножку. А я поднялась, завернулась в покрывало и по телу прошла легкая дрожь: ходить и впрямь было чувствительно, но стоило вспомнить о нашем

очередном безумии, как внутри все сладко сжималось. Перевела взгляд за окно и... Сначала подумала, что кто-то взорвал перед нашими окнами гигантскую хлопушку. Только потом поняла – окна спальни выходят на канал, где нет пешеходных улиц.

За окном, медленно оседая в густую темную воду, падал снег. Белые хлопья кружились в безветрии, крупные и поменьше.

– Невероятно, – сказал муж, обнимая меня за плечи. – Похоже, ее величество синьора Лация тоже решила сделать тебе подарок.

Я подалась назад, перехватила сильные ладони.

– Да, – сказала негромко.

– Что?

– Да, я выйду за тебя замуж... снова.

Анри крепче прижал меня к себе.

– Я рад.

Снег усилился, а мы стояли и смотрели на него, на мельтешение молочного роя. На разгорающиеся огоньки окон в других домах, на медленно гаснущие на нашей коже узоры. И не было в этот миг никого счастливее во всем бесконечно огромном мире.

– До свидания, Марко! Спасибо вам! – Софи четко проговаривала каждое слово.

Смуглый темноглазый маэлонец расплылся в широкой улыбке.

– До свидания, Софи. Ты моя умница!

Дочь разве что на месте не запрыгала от счастья. Впрочем, Марко всегда был щедр на похвалу – возможно, отчасти именно это заставляло ее с усердием корпеть над словарями и тетрадями для письма. Она и впрямь делала успехи в маэлонском, и в этом была наша общая заслуга. Дома мы говорили только на местном языке и никак иначе. Если кто-то из нас забывал слово, Анри подсказывал. Если же муж был занят, приходилось идти за словарем и вспоминать. Зато благодаря этому у меня почти не осталось пробелов, а Софи уже неплохо общалась и понимала большую часть из того, что ей говорят. Даже нараспев и очень быстро.

– Хорошего дня, синьора Феро, – к моей руке он склонился в поцелуе, зажав ее между ладонями.

Синьора, которая уже успела побывать и леди, и мадам, мягко, но настойчиво отняла руку и улыбнулась в ответ.

– Хорошего дня, Марко. До завтра.

– Жду часа, когда смогу увидеть вас снова.

К любвеобильности маэлонцев привыкнуть было нелегко, а если учесть, что меня еще и принимали за местную – из-за внешности, иногда возникали совсем неловкие ситуации. К понравившейся женщине мужчины здесь подходили без стеснения, причем самых разных сословий. Рассыпались в совершенно неуместных комплиментах, улыбались, болтали без устали. Их не смущало даже присутствие Софи. Да что там, их даже не смущало то, что я замужем, когда Анри не было рядом. Общались они так, словно знали друг друга всю жизнь, и никто это не считал неловким. Никто, если не считать меня. Софи было не привыкать.

– Всего доброго, Марко, – прохладный тон супруга однозначно говорил о том, что последние слова он услышал. – Завтра получите чек за неделю.

Улыбка учителя несколько померкла, он поспешил распрощаться. Я же прикрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной.

– Какое милое у вас вышло прощание, – хмыкнул муж.

– Анри ревну-ует, – пропела дочь.

– Софи, а ну марш заниматься!

Ее как ветром сдуло. Только тuffельки застучали по лестнице.

– Я бы с удовольствием прощалась с ним в комнате для занятий, если бы мы наконец наняли экономку или дворецкого.

Дом мы нашли быстро по здешним меркам, да еще в южном районе Лации. Это была самая высокая часть города, и самая сухая. Ну, если так можно выразиться про город, который напоминал труды многовековых усилий водного крота-переростка. Улицы здесь были шире, дома повыше, площади побольше. Мосты соединяли эту часть с центром, но сам район мне очень нравился. Уютные ряды жилых домов, привычный цокот копыт по мостовым и шум колес экипажей. Чуть поодаль располагался большой рынок, а в другой стороне собор и парк. Парк! Подумать не могла, что наконец-то увижу здесь место, где можно гулять и не слышать плеска воды, весел и гомона перекрикивающихся лодочников.

А вот с прислугой вышла незадача. Точнее, незадача выходила всякий раз, когда кто-то приходил к нам на собеседование. Анри не устроила ни одна из девушек, претендующих на горничную, ни достаточно степенный мужчина с рекомендациями, которого я рада была бы взять распорядителем, ни две кухарки. Благо хоть готовила и убиралась знакомая синьоров Фьоренчелли, Селеста.

– Пойдем, – муж кивнул в сторону кабинета.

– Не хочу я никуда идти, – сложила руки на груди и покачала головой. – За три недели можно было хоть на ком-нибудь остановиться. Анри, нам нужна прислуга!

– Как по мне, так Селеста вполне справляется.

– Справляется? Да она скоро пошлет нас по-маэлонски, и будет права.

Убираться в доме приходилось несколько раз в неделю. А еще составлять список продуктов, бегать на рынок, вести хозяйство, и...

– Мне нужна камеристка!

– Тебя не устраивает, как я тебя одеваю?

– Ты лучше меня раздеваешь.

Ну ладно, с одеванием проблем тоже не возникало. Но мне надоело самой делать себе прическу и копаться в гардеробе. Мэри всегда угадывала, что мне принести, как уложить волосы. Она лучше меня знала, что предложить под настроение и никогда не ошибалась. Сейчас же я могла на два часа зависнуть в спальне, выбирая платье, но так ни к чему и не прийти. Потому что одно казалось слишком ярким, другое – слишком тусклым, а третье вообще хотелось порвать на тряпочки и выкинуть куда подальше.

– Тереза. Пожалуйста, пойдем.

Хмыкнув, я все-таки направилась вслед за мужем.

Дом мне нравился, несмотря на скрипучие половицы перед гостиной и призрака, обитавшего в пустующей спальне. Не знаю, кто отправил на тот свет прежнюю хозяйку, или хозяина – определить уже не представлялось возможным, но обитать в нашем мире существу осталось недолго. Его присутствие стало едва ощутимым, а слепок с последнего вздоха отчаяния истончился настолько, что через него можно было спокойно читать книги. К тому же, он не пытался перемещаться по дому, а это уже верный признак последних дней призрака.

Даже жаль немного будет с ней расставаться. Или с ним.

Притворив дверь в кабинет, Анри указал мне на кресло. Сам устроился за небольшим столом, соседствовавшим с бюро, сгреб в сторону бумаги, которые прислал Жером. Кабинет был тесный – судя по всему, чтобы его сделать, в свое время просто оттяпали кусок гостиной и достроили стену. Теперь в этом закутке с единственным выходящим на улочку окном работал мой муж.

– Тереза, нас отпустили в Маэлонию, но вряд ли оставят в покое.

Взгляд Анри был тяжелым и хмурым.

– То есть...

– То есть я уверен, что за нами будут следить. И мне хотелось бы, чтобы в нашем доме мы все чувствовали себя спокойно.

– Ты сейчас говоришь про Комитет?

– Именно.

Я потерла подлокотники. Нет, я конечно не тешила себя надеждами, что в Маэлонии все наладится сразу, но...

– Все бумаги, которые мне отправляет Жером, вскрывают.

Бросила взгляд на кипу документов, покоящихся на столе. Час от часу не легче.

– И что, теперь так будет всегда?

Анри смотрел через мое плечо, словно увидел кого-то за спиной.

– Нет. Просто надо подождать, пока все успокоится. Если тебе тяжело, я попрошу Селесту перебраться к нам... на какое-то время.

– Анри...

Я поднялась, подошла к нему и взяла за руки.

– Но зачем это им? Ведь мы уехали, у нас договоренность с его величеством Альтари.

В его взгляде мелькнуло что-то очень колючее и жесткое. Что-то от незнакомца, каким муж был до встречи со мной. Возможно, от молодого

человека, которого впервые представили Эльгеру. Или того, кто скрывался от собственной бессильной ярости в иньфайских горах. Впрочем, это что-то мелькнуло и исчезло, как вспышка тьмы под пальцами неумелого некромага.

– Жером и Мэри скоро поженятся. Может быть, стоит пригласить их?

– Мне нужен человек в Вэлее, которому я могу доверять, как себе самому.

– А как же Гийом?

– Он совсем мальчишка, Тереза. К тому же...

– К тому же?

– Он тоже работает на Комитет.

Я потеряла привычно холодеющие в последнее время ладони, отошла к окну.

– Думала, он твой друг.

– Он мой друг. Но это не отменяет того, что я только что сказал.

Смотрела на стену соседнего дома, безжалостно выбеленную солнцем, и думала, что я его понимаю. К сожалению, теперь уже слишком хорошо. Ивар – тоже мой друг. Но случись ему выбирать между приказом лорда Фрая и мной, что выбрал бы он?

Надеюсь, я никогда этого не узнаю.

– Значит, Селеста, – подошла к Анри, обняла мужа вместе с креслом и положила подбородок на макушку.

Он взял мои руки, поглаживая ладони. Родные, уверенные, мягкие прикосновения рождали не столько приятное волнение, сколько тепло, которое растекалось по коже к самому сердцу.

– Ты не против?

– Главное, чтобы она не была против, – фыркнула я.

– Не будет. Она вдова, а сыновья давно живут под Триттом. Закроет дом на какое-то время.

– Значит, надо с ней поговорить.

– Мне досталась самая понимающая жена в мире.

– Цените это граф.

Анри по очереди поднес мои руки к губам.

– Ценю. Сейчас закончу дела, а ближе к вечеру можем сходить к Селесте.

– Вот и правильно, – я поцеловала его в висок. – А я пока немного попрактикуюсь.

Занятия магией стали для меня неотъемлемой частью жизни. По утрам я занималась с Софи, после обеда к нам приходил Марко. После

маэлонского, когда дочь отправлялась учить уроки, а муж – разбираться с делами, которые в Вэлее наваливались как снежный ком, несколько свободных часов у меня были отведены на некромагию. Обращение с силой стало чем-то вроде дыхания или умывания по утрам, этакий каждодневный ритуал, и надо отдать должное, чувствовали мы с тьмой себя превосходно. Каждая по свою сторону грани.

– Удачи, графиня, – он нехотя отпустил мои пальцы, и я направилась к двери.

Взявшись за ручку, обернулась, заметила скользнувшую по лицу мужа тень.

– Все будет хорошо, Анри. Главное, что мы вместе.

– Будет, – подтвердил он и добавил уже громче: – Обязательно.

Аккуратно растянув по комнате защиту, прикрыла глаза. Когда распахнула их снова, меня окружали только серые стены, тронутые тленом пограничья. По моей просьбе Анри вынес из этой комнаты всю мебель, а окна мы закрывали ставнями. Начала по привычке с проверки паутины. Серебристые нити дрогнули, отразив первую атаку, и я влила в них побольше силы. Еще удар – и крохотный сгусток тьмы отлетел, наткнувшись на мой щит.

Дальше я уже не сдерживалась, позволяя силе раскрываться на полную, и вскоре вся комната оказалась заполнена тьмой. Настолько густой, что рассмотреть сквозь ее клубы стены не представлялось возможным. Я пропускала ее сквозь себя, чувствуя текущий вдоль позвоночника холод, переплетая ленты и все глубже погружаясь в холод. Это стало настолько привычным, что теперь я умудрялась держать концентрацию и думать совсем о другом. Например, о письмах, что отправила матушке и Лави.

Я написала сразу по приезду в Маэлонию, сообщала, что у нас все в порядке. А потом повторно, когда мы нашли дом – с последними новостями и обратным адресом для ответных писем, но ответа пока не получила. Хотелось бы верить, что мой отъезд в другую страну не пошатнул уверенности сестры в том, что я поступаю правильно. И ее веры в наши с Анри чувства, потому что Винсент умел убеждать. А с его точки зрения это наверняка была величайшая глупость.

Письмо от Лави. Одно коротенькое письмо.

Но для меня это так важно.

– Вот так, – шагнула вперед и очутилась по ту сторону жизни.

Исчезли звуки и запахи, время замедлилось. Отсюда весь дом просматривался как на ладони. Стены истончились, становясь

полупрозрачными. Покрывало тьмы, укутавшее комнату, я разводила руками, и оно мягко облегалo контуры паутинки. Что бы еще такого сделать? Боевые навыки я отточила так, что хоть сейчас устраивай магическую дуэль. Вот только драться было не с кем – к счастью, а большей практики, чем в бою, все равно не сыскать. Рассеянно перекатывала сгустки тьмы с ладони на ладонь, плела удавки и распускала. Создавала ловушки и разрушала их.

Биение сердца Анри – внизу, Софи – в комнате справа, Кошмар снова сбежал на прогулку, а крохотное сердечко Лилит стучало, как игрушечные карманные часы. На грани смерти жизнь ощущалась настолько остро и отчетливо, что я слышала даже проходящих мимо людей, только вместо каблучков по мостовой, стучало в груди. Собственное сердце билось тихо и медленно, отзываясь тонкой пульсацией во всем теле. В середине ладоней. На кончиках пальцев. Внутри, у солнечного сплетения, и ниже. Странно... раньше я такого не чувствовала. С другой стороны, так глубоко – до просвечивающих сквозь серую кожу темных сосудов, до рождающегося внутри глухого голоса самой смерти, я не забиралась уже давно. Поэтому сейчас медленно потянула струящуюся с кончиков пальцев тьму назад.

А ведь я могу больше. Несоизмеримо больше.

Перед глазами стояло лицо Джолин – полуистлевшее, с разъявленным в нем криком и сползающей лоскутами кожей. Она говорила со мной. Женщина, умершая два месяца назад, вернулась, больше того, мне удалось коснуться ее рассудка, заставить двигаться и отвечать на вопросы. Путанно, но большего бы не сделал никто, никто из ныне живущих. Мой предок освободил мою страну. Целую страну, подняв захоронение магов! Куда катится этот мир, если такие как я, должны прятаться от толпы, от обезумевших от страха людей, которые не способны даже с собственной жизнью совладать, не говоря уже о смерти?

«Очаровательные мысли, Тереза. Симон Эльгер был бы доволен».

Вздрогнула, и плоть, сорвавшись с рук, хлестнула защиту, от которой посыпались серебряные искры. Которых становилось все больше и больше. Грудь обожгло сначала холодом, потом нестерпимым жаром. Серебряное сияние потекло по паутине, как движется по сосудам кровь, защита рухнула, и тлен охватил стены. Безобразные пятна, как отметины урской болезни, расцветали одно за другим – на полу, стенах и потолке. Кое-где тлен добрался до перекрытий, и сейчас деревянная труха сыпалась вниз тоненькими струйками.

Всевидающий, нет!

Я рывком втянула клубящуюся в комнате тьму назад и рухнула на

колени, пытаюсь перевести дух. Посмотрела вниз и едва удержалась от крика: на подоле зияли дыры размером с мою голову. Нижние юбки под ними превратились в лохмотья – все, до чего успела добраться тьма, обратилось в тлен.

Но... такого просто не могло быть.

Я училась держать защиту буквально с пеленок, это то, с чем я просто не могла ошибиться! Заклинание, укрепленное моей магией – чтобы наверняка, плетение которое могу спросонья создать, даже не открывая глаз.

Вот только сейчас мои глаза говорили о другом.

Защита не выстояла. Но если с заклинанием все было в порядке, значит, дело в магии. Увлеклась боевыми практиками и погружением, бросила все силы на них, а паутина надорвалась? Но нет, надорвись она, я бы почувствовала слабинку и успела восстановить до того, как комната осталась без защиты. Самое страшное заключалось в том, что рухнула она в один миг, подставляя меня и близких под удар тьмы.

Всевидящий, как такое могло произойти? Как?

Заперла комнату на ключ и быстро бросилась к себе – переодеваться. Не хватало еще, чтобы меня в таком виде застали Софи или Анри. От платья и белья пришлось избавиться окончательно: горстку тлена я аккуратно смела в кулек – потом развею в парке. К счастью, кринолин не пострадал.

Глянула в зеркало на самое себя – с побелевшими губами и глазами на пол-лица, после чего принялась старательно застегивать пуговицы на лифе.

Снова и снова прокручивала в голове случившееся, но не могла обнаружить слабое место. Просто потому, что его не было! Я ведь по десять раз проверяю защиту перед тем, как приступить к практике. С того самого дня, как допустила оплошность во время практических занятий с отцом, больше такой ошибки не повторяла. Но тогда я была совсем молоденькой, просто невнимательно выстроила заклинание. Этот урок научил меня все проверять и перепроверять.

Думай, Тереза. Что ты сделала не так?

Сама не пойму – никто не подскажет.

Я сидела в комнате наверное часа полтора, скрупулезно восстанавливая плетение, которое набросила на стены и последовательность вливания сил. Но добилась только того, что у меня заболела голова. Настроение испортилось окончательно – впрочем, в последнее время оно у меня скакало как кролик по лужайке, из солнышка в тень. Вероятно, причиной всему был очередной идиотский сбой из тех, что

случались у меня во время сильных волнений или кучи навалившихся проблем, вот как сейчас. Первый раз такое произошло через год после физических проявлений моей... гм, женственности.

Безумно переволновалась перед сдачей экзаменов отцу, и кончилось это тем, что все слуги обходили меня за несколько миль. А позже я долго валялась с грелкой на животе, потому что за два с половиной месяца отсутствия женский недуг решил отыграться на мне по полной. Потом такое повторилось после пунша и леди Энн, а в третий раз – когда я осознала, что влюблена в Альберта. И вот теперь снова.

Надеюсь, скоро все это закончится.

То есть начнется.

Отдубасив ни в чем не повинную подушку, я поднялась, расправила платье. Надо зайти к Софи и спросить, как у нее дела с уроками. Пока что дочь искренне радовалась, что мы обходимся без гувернантки, а мне в радость с ней заниматься. Да и что мне вообще было делать в Маэлонии? В Лавуа я хотя бы вела Равьенн, сюда же до сих пор не прислали ни единого отчета на проверку. Надо бы им о себе напомнить и поторопить.

Едва открыла дверь, услышала веселый голосок Софи, доносящийся снизу.

– Синьорина Розатти, очень рада вас видеть!

А следом – голос Франчески:

– Мое черноглазое солнышко! Ты так чудесно говоришь по-маэлонски. Мое?! Черноглазое?! Солнышко?!

Я вцепилась в перила до побелевших пальцев и буквально слетела по лестнице.

– Спасибо, Франческа! Марко тоже меня хвалит, и...

– Софи, ты что тут делаешь?!

От моего более чем резкого окрика дочь вздрогнула и виновато обернулась. Раньше я никогда не позволяла себе повышать на нее голос, сейчас же только сложила руки на груди и холодно посмотрела на Франческу. По-хорошему, этот вопрос был адресован ей. Ух, как же она меня бесит!

– Тереза, простите, что заглянула без предупреждения. Я проходила мимо, а Софи открыла мне дверь, потому что оказалась поблизости.

Мимо она проходила, как же! Интересно, кто сообщил этой девице наш адрес? Если Селеста, то я совсем не уверена, что так уж хочу видеть ее в нашем доме. И тем более каждый день. Может, логичнее было бы нанять агента Комитета, и то вреда меньше будет.

– Софи, ступай наверх. Я поднимусь и проверим уроки.

Девочка опустила голову, сделала реверанс и побрела к лестнице. Улыбка погасла, за одно это мне хотелось самой себе наступить на ногу. Вот только сейчас я напоминала комочек концентрированного зла, и ничего не могла с этим поделать.

Франческа же закусила губу и с сожалением посмотрела ей вслед.

– Вы несправедливы. Она просто спустилась за водой, и...

– Я сама решу, как мне воспитывать дочь, синьорина Розатти. Что вы хотели?

Ноздри Франчески дрогнули, она вскинула голову. Но все-таки ответила:

– Я пришла к вам, Тереза. Потому что хотела извиниться.

Я молча расправила плечи, с трудом удержав вертевшуюся на языке колкость.

– Понимаете, мои чувства к Анри... они...

Она сейчас что, серьезно?

– Я действительно его люблю, я ждала его много лет, и справиться с тем, что он любит вас оказалось не так-то просто, – Франческа приложила ладони к груди и шагнула ко мне. – Поверьте, я искренне раскаиваюсь. Я не хотела вас обидеть, просто не сумела совладать с чувствами. Мне было очень тяжело, но теперь все в прошлом.

Она замерла, глядя мне в глаза. Кроткая, как святая Миланея.

– Простите, Тереза. Вы сможете меня простить?

Она потянулась к моим рукам, но я отвела их за спину.

– Я с детства знакома с синьорой и синьором Фьоренчелли, наши семьи дружат.

Вот только увольте меня от очередного пересказа вашего детства в двух томах.

– Хотела, чтобы вы поняли, почему я так себя вела. Что для меня действительно важно, чтобы их добрая семья была искренне счастлива – они если еще и не полюбили вас всей душой, то вот-вот полюбят. И я подумала, что мы с вами тоже могли бы подружиться.

Искренне, говорите? Да вы сегодня просто в ударе. Случись им познакомиться с Луизой, та бы удавилась шнурком от корсета. От сознания собственной неполноценности в актерском мастерстве рядом с этой кладезью таланта.

– Теперь, когда нас больше не разделяет эта неловкость...

– Нет, – коротко сказала я.

Матушку удар бы хватил – потому что я не только не пригласила нашу гостью на чай, но еще и недвусмысленно потеснила ее к двери, шагнув

вперед. Франческе оставалось либо столкнуться со мной, либо отступить, что она и сделала. Наткнулась местом пониже спины на дверную ручку и ойкнула.

– У нас с вами не получится дружбы, синьорина Розатти.

– Вы всегда отталкиваете людей, которые приходят к вам с открытым сердцем?

– Только когда из раскрытых сердец тянет сквозняком.

Глаза Франчески гневно сверкнули. Вот это уже больше похоже на правду.

– Что ж, дело ваше! – задрал свой узкий подбородок, заявила она. – Надеюсь, в вашем сердце хватит любви к людям, вырастившим Анри, чтобы не показывать своей неприязни в их присутствии. Я это смогу пережить, а вот им будет неприятно, потому что для них я как дочь.

О, я ошибалась: она мало напоминала Евгению. Та изначально вела себя так, словно я недостойна целовать землю у ее ног, а синьорина Розатти предпочитала изображать добродетель. В данном случае – оскорбленную до глубины прозрачной как родниковые воды души. Хотя при этом на удивление тонко умудрялась вплетать в сладкие речи ядовитые ниточки на тему давнего знакомства с родителями Анри и их к ней расположения.

Впрочем, я давно уже считала наш милый разговор исчерпанным.

– Благодарю, что заглянули, синьорина Розатти. А теперь будьте так любезны. Мне нужно заниматься с дочерью.

Франческа вылетела за дверь шальной пулей, я же на всякий случай заперла дверь – мало ли кому там еще в голову взбредет передо мной извиниться, и направилась наверх.

Софи нашлась в комнате, которую мы превратили в учебную. Здесь было два стола и доска, на стене висела карта мира, шкаф для книг вмещал все необходимые учебники и рабочие тетради. У противоположной стены стояло пианино – сейчас мы как раз искали учителя музыки, и бюро, куда складывали бумагу, письменные принадлежности и все необходимое для рукоделия. День уже клонился к вечеру, закатное солнце врывалось в окно, золотило страницы раскрытой перед дочерью книги. Путалось в ее волосах и стекало по платью, она же вертела перо, чернила на кончике которого давно высохли. Так же, как и клякса на бумаге с арифметической задачей. Так и не решенной, насколько я поняла, перегнувшись через плечо девочки.

– Софи, – негромко произнесла я. – Прости. Я не должна была повышать на тебя голос.

– Мне не привыкать, – тихо сказала она.

Но в голосе звучала обида. Самая настоящая, искренняя, так только

дети умеют обижаться: глубоко, до колючек в душе. Что же, вот и первая семейная ссора, если можно так выразиться.

– Софи, – я взяла ее за плечо и попыталась развернуть лицом к себе, но девочка с удивительной силой вырвалась и вскочила.

Глаза сверкали, щеки горели – видимо, натерла их, пытаясь высушить слезы. И за эти детские слезы мне сейчас хотелось самой себе надавать по губам.

– Я ведь не сделала ничего дурного, Тереза. Просто открыла ей дверь.

– Понимаю. И я попросила прощения за свою резкость.

– Почему ты ее так не любишь? Она же просто... несчастна!

Вот только этого мне еще не хватало.

Я подвинула второй стул и кивнула Софи.

– Иди сюда. Сядь.

Девочка упрямо топталась на месте, но потом все-таки подошла. Упорно избегала моего взгляда, словно боялась увидеть в нем что-то способное свести вспышку искренней детской ярости на нет. И она дулась – дулась так трогательно, что я с трудом сдержала улыбку. А вот от объятий удержаться не получилось: стоило дочери опуститься рядом со мной, как я притянула ее к себе. Она недовольно завозилась, но потом притихла.

– Софи, – прошептала в темную макушку. – Мне сейчас очень тяжело, а Франческа этим пользуется. Она хочет получить Анри, и не остановится, пока мы не поссоримся всерьез.

Софи вывернулась из моих объятий и по-детски потерла глаза.

– Ты просто ее не любишь, Тереза!

Вот значит как?

– Но у меня есть на это причины, не находишь?

– Только твоя ревность.

Кто сказал, что быть матерью легко?

– Неужели? И почему же ты так в этом уверена?

– Я сделала расклад, – Софи глубоко вздохнула, подавив тихий всхлип, рвущийся из груди после долгих слез. – И карты говорят, что Франческа неплохая. Просто она лишилась любви.

Ну разумеется. Давайте ее дружно по этому поводу пожалеем. Терпеть не могу девиц, которые умудряются изображать из себя несчастных на ровном месте. Началось все с леди Энн, которой надо было вылить весь оставшийся пунш на голову вместо извинений, и с толпы причитающих вокруг нее.

– Еще они говорят, что ты ревнуешь. Очень сильно. Ты злока.

– Вовсе я не злока, – хмыкнула я. – С чего бы мне ревновать?

– Карты так говорят, – Софи упрямо сжала губы. – А карты не ошибаются.

– Все ошибаются, – чувствуя, что снова начинаю терять терпение, решила сменить тему. – Покажи, что ты сделала за сегодня.

Дочь протянула тетрадь. Здесь все было в порядке: ни единого пятнышка-кляксы, почерк ровный, ни одной ошибки. Впрочем, с грамотностью у Софи всегда было хорошо. В Равьенн учительница правописания была одной из немногих, кто ей нравился, поэтому она старалась. Так что сейчас я только бегло просмотрела переписанный из учебника текст и прочла небольшое сочинение, в котором требовалось описать вид из окна.

– Клеточки мостовых? – я невольно улыбнулась.

– Но тут камень и правда выложен так, что похож на клеточки.

– Вот здесь лишняя запятая.

Софи проследила за промокашкой, которой я указала на ошибку.

– А это предложение стоило бы разбить на два. В целом замечательно. Ты молодец.

Когда с разбором сочинения было закончено, Софи пересказала параграф по географии и истории Энгерии, а после мы обсудили две главы прочитанной книги. Немного поговорили о героях и их поступках, после чего взялись за арифметику. Самое сложное: ей она никак не желала даваться, потому что дочь считала скучным вычислять какие-то непонятные скорости движения дилижансов и расстояния между городами, терпеть не могла дроби и уравнения.

Задача, которая никак не желала решаться, стала последней непреодолимой преградой.

– Смотри вот сюда, – я по очереди указала дочери на важные цифры, но она упрямо покачала головой.

– Не понимаю.

– Хм... – тут мне в голову пришла одна идея. – А если заменить почтовые дилижансы на повозки?

– Повозки?

– Ну да. Повозки нонаэрян. Которые должны встретиться в одном городе во время ярмарки.

– Зачем?

– Допустим, дочь барона одного табора должна встретиться со своим возлюбленным из другого. Для этого нужно точно знать скорость и время, в которое они должны выехать. Смотри...

Глаза у Софи загорелись. Она слушала со всевозрастающим интересом

и следила за объяснениями, а после подтянула листок поближе, принялась вглядываться в цифры и что-то быстро писать. Зачеркивала и снова писала. Спустя минут пять передо мной лежала задачка. Решенная. Правда, цифры громоздились друг на друга, а из-за исправлений можно было сломать глаза, но она все сделала правильно. Ох, почему же мне эта идея раньше в голову не пришла?

– Молодчина, – сказала я, и Софи улыбнулась.

– Сейчас перепишу начисто.

– Обойдемся без этого. Завтра у нас история Вэлей, как обычно маэлонский, а еще будем учиться правильно ходить и делать реверансы. Немного отдохнем от арифметики и литературы.

– Ура! – Софи вскочила со стула и захлопала в ладоши.

– Думаю, стоит позаниматься только в первой половине дня.

Лицо ее просияло.

– Тереза, ты лучшая!

– Больше не считаешь, что я злюка? – улыбнулась.

– Ты лучшая злюка в мире, – хитро улыбнулась дочь.

– Ах ты...

Я запустила в нее скомканной промокашкой. Софи с визгом увернулась, и в ответ в меня полетел шарик из фольги: видимо, кто-то стащил с кухни конфету. Шарик из фольги отправился обратно, а меня стукнуло комком из промокашки в плечо. Я вскочила со стула и бросилась за дочерью, она с визгом удирала по всей комнате – до тех пор, пока я не зажала ее у стенки и не принялась щекотать. Софи визжала и отбивалась, но как-то вяло. А потом порывисто обняла и уткнулась лицом в платье.

– Никогда больше не кричи на меня, – попросила она.

– Обещаю.

В эту минуту я всем сердцем верила, что так оно и будет.

К супругам Фьоренчелли мы ходили каждое воскресенье. Эта неделя исключением не стала, и милый семейный обед был милым до той самой минуты, когда Лорена неожиданно сказала:

– Мне кажется, дорогая, что ты несправедлива к Франческе.

Я чуть не подавилась потрясающе вкусным кексом. Но когда возможность задохнуться крошками с морковной стружкой миновала, ответила:

– Мне так не кажется.

Я заметила, как напрягся Анри и как нахмурился Энцо. Мужу про Франческу я не рассказывала, решила, что этот визит несказанного благородства можно опустить. Но видимо у несказанного благородства вышел срок, потому что оно вышло за дверь и немедленно побежало жаловаться на жестокую меня. Смутно представляю себе такую загадочную любовь, которая превращается в преследование.

– Девочка пришла к тебе помириться, а ты...

– Лорена, ну зачем за столом, – недовольно пробурчал синьор Фьоренчелли в усы.

– Брось, Энцо, – та отмахнулась от его замечания, – мы здесь все свои, родные. Кто еще открыто скажет, если не семья? Тереза, вы должны помириться. Франческа не держит на тебя зла, но я бы не хотела рваться между вами душой. Она мне как дочь, а ты жена нашего дорогого Анри.

– Я не собираюсь становиться между вами, – сказала негромко. – Но если хотите, мы можем обсудить это наедине.

Привычка синьоры Фьоренчелли говорить прямо и без обиняков была довольно мила. Вот только Софи уже ерзала на стуле и с любопытством переводила взгляд с меня на Лорену. Не уверена, что в эти минуты дочь была на моей стороне. Не уверена, что я готова спокойно об этом говорить, особенно после того, как мы с ней чудом не разругались из-за этой «невинной простоты». А еще не хочу наговорить лишнего.

– Девочка, – женщина похлопала меня по руке. – Она пришла к тебе, хотя это далось ей ой как нелегко. Чувство, которому не суждено стать взаимным, разрывает Франческе сердце.

Слабенько как-то разрывает, если до сих пор не разорвало.

– Не думаю, что это вообще стоит обсуждать.

Слова мужа заставили поежиться даже меня. Анри редко повышал

голос, и уж тем более он ни разу не повышал его в присутствии родителей. Но лучше бы повысил, честное слово, потому что от жестких интонаций по коже пошел мороз. А в следующий миг над столом повисла напряженная тишина. Даже Энцо отставил чашку с кофе, хотя имел обыкновение потягивать его непрерывно, покачиваясь в своем любимом плетеном кресле-качалке.

– Тереза имеет полное право решать, кого ей принимать в своем доме, а кого нет.

Синьора Фьоренчелли всплеснула руками.

– Вот как ты заговорил! А ведь Фран тебе почти как сестра родная.

Поскольку Анри сидел с непробиваемым лицом, Лорена поджала губы.

– С вами двоими мне не справиться, а вы, как я погляжу, сговорились. Но если бы Тереза хотя бы на минуту поставила себя на ее место, она бы заговорила по-другому.

Терпеть не могу, когда обо мне говорят в третьем лице. Терпеть не могу, когда мне ставят в упрек бесчувственность. Терпеть не могу таких, как Франческа и леди Энн. Терпеть не могу, когда на моего мужа смотрят так, словно он во всех грехах виноват! Но так уж повелось в нашем мире: несчастных принято жалеть, весь спрос всегда со счастливых.

– Я была на ее месте, – сложила салфетку вдвое, потом вчетверо, потом вшестеро. И еще. И еще, пока она не превратилась в моих руках в крошечный тугой комок. – Когда мы с Анри только познакомились, я была влюблена в другого мужчину. Немногим более пяти лет. А потом узнала, что он женат.

Ну ладно, у лорда Фрая не было жены, но я этого знать не могла. Точно так же, как не могла сейчас остановиться: меня прорвало.

– Тем не менее я не побежала знакомиться с его женой, не стала его преследовать и жаловаться всем подряд.

Если после выпада Анри стало тихо, то как же стало сейчас? Софи замерла с зажатым между пальцами кексом: хотя я просила ее пользоваться приборами всегда, она умудрялась нахвататься послаблений и начинала вести себя как ребенок, не знающий слова «манеры». Лорена сверкала глазами, Энцо что-то рассматривал на дне своей чашки, и только Анри мягко накрыл ладонью мою руку. Салфетка выскользнула из пальцев и принялась раскрываться, как цветок. Тихонько скрипнуло кресло, когда синьор Фьоренчелли мягко подался назад. Его жена шмякнула сливочницу о поднос, а затем принялась так яростно помешивать кофе, что звон ложки напоминал бой маленьких часов.

Мне же стало дико стыдно. Да что со мной происходит на самом деле?

Раньше я скорее язык под корень отгрызла бы, чем сказала такое, а теперь вот... Стыдно было настолько, что хотелось провалиться куда-нибудь под пол или даже поглубже. Останавливало только то, что тут вода повсюду. Вскочить и убежать из-за стола помешала матушкина муштра. Я продолжала сидеть с расправленными плечами и ковырять ложечкой кекс, с каждой минутой все больше и больше отдаляясь от этой комнаты.

Неожиданно Анри вздернул меня со стула и усадил к себе на колени.

– Пусти, – зашипела я ему на ухо, стушевавшись еще больше. – Ты что творишь?

– Я люблю тебя, – сказал так громко, что вздрогнули все.

Прежде чем успела возразить, муж спеленал меня объятиями, не позволяя вырваться.

Энцо хмыкнул в усы и вернул пустую чашку на стол. Подхватил взвившуюся вихрем жену и повторил трюк Анри, из-за чего кресло жалобно скрипнуло и рывком качнулось назад. Лорена взвизгнула и вцепилась ему в плечи.

– Сумасшедший!

– А я люблю тебя, – заявил от души. – Воробушек мой боевой.

– Воробушек?! Ах ты голубь драный!

Дочь залилась смехом. Лорена пару минут отбивалась от мужа, пытающегося сгрести ее и подтянуть к себе ближе, полотенцем. Но потом сдалась, широко улыбнулась и положила голову ему на грудь. Глаза Софи радостно сверкнули, она подскочила из-за стола и бросилась к нам.

– А я? А меня? Меня кто-нибудь любит?

– Я люблю, – со смехом втянула дочь себе на колени.

– И я, – Анри наигранно-тяжело крикнул, из-за чего рассмеялись уже все.

– И я, – хором откликнулись Лорена и Энцо.

Посмотрели друг на друга и обменялись понятными только им нежными улыбками.

– А не пойти ли нам прогуляться? – предложил синьор Фьоренчелли. – Погода вон какая стоит.

За последний год я сменила столько домов, что к этому никак не получалось привыкнуть. Или просто не хотелось – знать, какие половицы откликаются в спальне скрипом, как шумит ветер в дымоходе или как шуршат занавеси, когда приоткрываешь окно. Поэтому я с размаху и наступила на самую скрипучую часть пола в спальне, старательно прикрытую ковром, но от этого не менее коварную. И Анри сразу открыл глаза. Теперь уже неизменно золотые, как его опасная сила.

– Тереза, что случилось?

– Мне просто захотелось пить.

Ну ладно, мне безумно захотелось пить, поэтому я спустилась, взяла самый большой графин, который только нашла. Жадно выпила – столько, сколько смогла – словно жидкий лед глотала. С чего бы воде быть такой холоднящей? Добавила до краев и притащила наверх, потому что жажда не становилась тише, только усиливалась.

– Ты могла бы попросить меня.

– Ты спал. Что я, за водой дойти не смогу?

Он только головой покачал, поднимаясь и принимая из моих рук графин. А потом нахмурился и дотронулся до моего лба.

– У тебя жар.

– Правда?

Удивление вышло вполне искренним, потому что я не чувствовала себя плохо. Даже потянулась пальцами ко лбу, но пальцы тоже были горячими, и ничего из этой затеи не вышло.

– Серьезный.

Светильник разгорелся быстро, и Анри помрачнел еще больше.

– А ну-ка, давай в постель. Живо.

На всякий случай заглянула в зеркало: оттуда на меня посмотрела красненькая я. С сумасшедшими глазами, раскрывшимся во всю радужку зрачком и пересохшими губами, очерченными яркой каймой. Пожала плечами, но все-таки легла. И впрямь странно: когда у меня случался сильный жар, я едва могла подняться. Мутило и болела голова, сейчас же я чувствовала себя легкой как перышко, разве что немного пьяной.

– У тебя что-нибудь болит?

– Ничего, – хмыкнула я. – Только голова кружится. Капельку.

– Нужно пригласить целителя, – Анри принялся одеваться.

При этом муж выглядел таким встревоженным и серьезным, что я невольно улыбнулась.

– Это всего лишь жар. Должно быть, не стоило снимать накидку.

Обманчивое маэлонское солнце сегодня припекало так сильно, что я и впрямь сначала расстегнула все пуговицы, а потом вручила плащ Анри. И шляпку тоже – такое тепло, как здесь, мне было в новинку. Шутка ли, посреди зимы гулять в одном платье и наслаждаться по-весеннему легким ветерком. Синьор Фьоренчелли рассказывал, что через недельку-другую, после череды солнца и дождей наступят короткие заморозки, а спустя месяц деревья переоденутся и порадуют нас цветением.

– Всего лишь? Да ты вся горишь.

– Ох, граф, не занудствуйте. Лучше идите сюда.

Муж сложил руки на груди, а я показала ему язык.

– Обещаю, что если простыни начнут дымиться, мы позовем целителя.

– Тереза, это не смешно.

– А по-моему, очень.

Я хихикнула и похлопала ладонью по покрывалу.

Анри все-таки подошел, но только после того как принес холодной воды и полотенце, одно из которых водрузил мне на лоб. И оно оказалось просто ледяным! Бр-р-р! Я сбросила его раньше, чем муж успел опомниться.

– Ты что, хочешь меня заморозить?

Вместо ответа полотенце вернули на место, после чего я в полной мере осознала суть слов «ты вся горишь». По сравнению с ним я казалась камином, который нерадивая служанка забыла потушить. Не только голова, но и все тело: грудь, живот, руки, ноги и кончики пальцев полыхали, словно я вышла из костра. Ткнув себе в ладонь, увидела белое пятно, которое стремительно сужалось и наконец уступило место «горению».

– Тереза, это ненормально, – муж принялся меня разворачивать, чтобы намочить сорочку. – Тебе нужно...

Представив, что меня сейчас завернут в этот ледяной кошмар, я взвизгнула и принялась отчаянно вырываться. Причем с силой, которой у тяжело больной быть ну никак не должно. От неожиданности руки мужа разжались, а я отползла на его половину кровати.

– Не смей, – прошипела, стягивая завязки на груди. – Мне же холодно!

– И хорошо! Тебе нужен холод, жар нужно срочно сбить. Поверь мне, я знаю, что говорю.

Он действительно знал: такого жара, как у него во время приступов золотой мглы, я еще ни у кого не встречала. Даже когда мы поссорились в Лигенбурге и меня зацепило силой хэандаме. Хотя тогда мне тоже дико хотелось пить. Прекрасно понимаю, что жар нужно срочно сбить, но завернуться в дикую, мокрую, ледяную сорочку? Бр-р-р, нет уж, спасибо, не надо. Я лучше сама как-нибудь. Силой, например, воспользуюсь.

Поскольку Анри был настроен решительно, ушла на грань и соорудила из тьмы подобие легкой ледяной корочки на собственной коже. Она жглась, как сумасшедшая, но по крайней мере от нее не хотелось выпрыгнуть из тела, как после тряпочки с водой.

– Вот, – показала ему руку, – доволен? Немного магии, и ничего больше не надо.

– Теперь я не смогу тебя обнять.

– Можно подумать, обниматься в мокрой насквозь сорочке было бы приятнее.

Анри сел рядом, я же дотянулась до воды и выпила еще парочку стаканов. Чувство было такое, что она высыхает во мне, не успевая добраться до желудка.

– На кого я сейчас похожа? – спросила, вытянув ладонь.

Мельчайшие кристаллики тьмы поблескивали на коже серебром, из-за чего казалось, что меня затянули в невесомую полупрозрачную вуаль, в точности повторяющую контуры тела. Вместо ответа Анри поднес ко мне зеркальце: бледная кожа мерцала искрами, как у обитателей недр морских. Сквозь сорочку с длинными рукавами видно было каждый изгиб тела, глаза манили провалами тьмы. Жуть да и только.

– Ты прекрасна.

– Ну да. Из меня получилась бы отличная натурщица для полотна «Смерть во всей красе».

– Если бы Смерть была похожа на тебя, люди перестали бы ее бояться.

Я откинулась на подушки, с трудом удержавшись от желания коснуться его руки: неизвестно, как мглаотреагирует на мои «целебные» процедуры. Хотя как раз известно, и это пугало гораздо больше жара. По-хорошему, ему даже рядом со мной находиться сейчас не стоит: черты лица стали острее, а золото в глазах ярче. Ох, если бы только знать способ, как заставить силу хэандаме отступить. Каждый раз, когда я уходила на грань, думала об этом. Но если бы такой способ существовал – разве не знал бы Анри о нем? Ведь он изучал свою силу не только по книгам.

– Тереза?

Пальцы его почти коснулись моего подбородка, замерли в каких-то дюймах.

Надо срочно сменить тему, пока он не прочитал мои мысли. Как делал это частенько, просто заглянув в глаза.

– Ты никогда не называл Лорену и Энцо мама и папа?

Он заставил себя отвести руку. Покачал головой.

– Почему?

– Потому что мои родители погибли.

– Но ведь они стали для тебя семьей.

– И я им за это благодарен.

Теперь муж смотрел в сторону окна, где тени от неяркого света расплескались по бесцветным сейчас обоям. А я вдруг поняла, что не могу вспомнить их настоящий цвет.

– Софи тоже никогда не назовет нас мамой и папой.

Он повернулся.

– Она любит нас.

– Ты прав. Но мне хотелось бы верить, что из меня получится мама... а не просто Тереза.

И еще мне отчаянно хотелось действительно стать ей матерью. Любить сокровенно, всем сердцем, беззаветно. Быть рядом всегда, когда дочь будет во мне нуждаться, понимать с полуслова. И поддерживать во всем, что для нее по-настоящему важно.

– Разве от того, что она зовет тебя по имени, что-то меняется?

– Наверное, да. Не знаю.

Прозвучало безразличнее, чем отозвалось в сердце. Просто другой дочери у меня не будет, а для Софи мамой всегда останется другая женщина. Та, что ее родила.

Как ни странно, теперь меня клонило в сон. Я выпила еще несколько стаканов воды перед тем, как сползти на подушки. И отпустила тьму, запечатывая ее в себе.

– Обними меня, – попросила мужа.

Анри подался ко мне, и я обхватила его руками.

– Почему у Лорены и Энцо нет своих детей?

– Когда они только поженились, у Лорены случился выкидыш. Через год еще один. Им посоветовали больше не пытаться, потому что это могло ее убить. И они решили, что не готовы рисковать. Точнее, так решил Энцо, потому что Лорена рвалась... в бой. Только когда появился я, немного успокоилась.

– А если бы у них все-таки получилось?

Анри хмыкнул.

– Энцо не стал бы рисковать любимой женщиной ради какой-то эфемерной возможности. И я его прекрасно понимаю.

Глаза закрывались, поэтому я провалилась в сон прямо в объятиях мужа.

Очнулась от страшного холода, на своей половине кровати. Все вокруг было мертвенно-серым: осознав, что ушла на грань во сне, стремительно подскочила. Чудом не кувыркнулась на пол и вдруг поняла, что до сих пор сплю. Это была не просто грань, нечто гораздо более глубокое и страшное. Гулками, сильными, яростными рывками билось в груди собственное сердце, перегоняя кровь. И вторило ему еще одно, не менее живое, но совсем крохотное. Внутри.

Нет, нет, нет, этого не может быть! Это невозможно.

Глубоко вздохнула и широко раскрытыми глазами уставилась в

потолок. Утреннее солнце только-только прокралось в комнату, понемногу заливая ее светом. Я же просто лежала, не в силах пошевелиться. От жара не осталось и следа, только насквозь мокрая сорочка и сбитые простыни напоминали о том, что он все-таки был. Да еще крепко спящий муж: должно быть, не сомкнул глаз, пока мне не стало легче. Покосившись на графин, воды в котором осталось на доньшке, тихонечко поднялась. Подхватила ключ от «своей» комнаты и, обогнув злосчастную скрипучую половицу, вышла в коридор.

Разумеется, это всего лишь сон, Тереза, ты прекрасно об этом знаешь. Всего лишь глупый сон, потому что ты сильно простыла, у тебя был жар, и...

Оказавшись за закрытой дверью, быстро ушла на грань.

Глубже, еще глубже – туда, где жизнь и смерть сливаются воедино, где смерть сильнее чем жизнь, но жизнь несравненно прекрасней. Сердце ударилось о ребра: тук. Глухо, ровно, спокойно. Чувствуя, как все дрожит от напряжения, положила руку на живот. Секунда, минута или час прошел? Ни-че... Тоненький удар отозвался в пальцах с такой силой, что я лишь чудом не отдернула ладонь. Мир вращался вокруг с бешеной скоростью, краски, тлен, тьма мешались воедино, биение крохотного сердца сливалось с моим настолько, что различить его было почти невозможно. И все-таки сейчас я ловила его пульсацию, чувствуя, как во мне отзывается жизнь... нашего ребенка.

Дочь старательно выводила предложение за предложением, я же украдкой положила руку на живот и замерла.

Ребенок. Невероятно. Наш с Анри маленький...

Как так получилось? Ведь муж уверял, что позаботился о том, чтобы у нас не было детей.

Стук в дверь заставил подпрыгнуть. Вместе со мной подпрыгнула Софи, из-за чего в тетради по чистописанию возникла жирная клякса.

– Что случилось? – шепотом спросила дочь.

– Девочки, я вам не помешаю?

Что случилось, что случилось... Анри случился. Сегодня я весь день старательно его избегала. Ну как бегала – в общем-то, делала то же, что и всегда: занималась с дочерью, потом маэлонским, потом закрылась в «магической» комнате и ходила из угла в угол, пока были силы. Хотелось то прыгать от счастья, то рвать волосы прямо из пучка. Как сказать мужу о своем неожиданном открытии, я пока не решила. Вот только как об этом молчать, не представляла еще больше. Наш заклятый браслет как артефакт истины, когда я волнуюсь, он это чувствует. Остается только одно – не волноваться. Но как это сделать, когда внутри тебя... маленький хэандаме!

Теперь становилось понятно, что никакой простуды у меня не было, а горячка – следствие золотой мглы, которая пробуждается в крови ребенка. Да и защита не выстояла скорее всего по той же причине.

– Тереза? Софи?

Так и не дождавшись ответа, муж вошел в комнату.

– Тереза уснула, – шепотом сообщила дочь.

Анри тут же оказался рядом и заглянул в глаза.

– Как ты себя чувствуешь?

– Все в порядке! – я подскочила. – Жара больше нет, и вообще у меня все превосходно.

– Ладно, ладно, – муж примирительно поднял руки.

Я улыбнулась. По ощущениям, как иньфайский болванчик, потому что на большее не хватило.

– Ты что-то хотел? Нам с Софи нужно разобрать еще несколько правил...

– Вообще-то да, – Анри вмиг стал серьезным. – Софи, попробуй разобраться самостоятельно, а потом я верну тебе Терезу.

– Хорошо! – дочь с готовностью кивнула.

Ну разумеется. Только вряд ли она будет без меня разбираться в правилах, скорее возьмется за свои расклады или просто на подоконник залезет – считать женщин в цветных платьях.

– К чему такая срочность? – спросила, когда мы спускались в кабинет.

Но Анри молчал до тех пор, пока дверь за нами не закрылась, и даже после этого попросил накинуть полог. Видимо, Селеста тоже не входила в круг его доверенных лиц, и неудивительно. Длинному языку этой очаровательной во всех отношениях женщины позавидует любая змея. При всей ей душевной доброте и простоте, которые у нее в отличие от Франчески были искренними, удержать новости в себе дольше пары минут она не могла. Выбалтывала все и сразу.

– Пришло письмо от Жерома. Они с Мэри теперь женаты.

– Ох... – вырвалось у меня.

Вот только вряд ли ради этой новости мы стали бы так срочно запирались в кабинете и тем более набрасывать полог.

– Эльгер сделал очередной ход.

У меня резко заболела голова. Настолько резко, словно я снова очутилась в крохотном кабинете в Равьенн, под пыткой герцога.

– Что именно? – спросила, вцепившись в подлокотники кресла.

Анри протянул мне газету. «Ольвижский вестник» недельной давности.

Интервью с Симоном было на первой полосе. Вел его тот самый журналист, которого мы с мужем пригласили в Лавуа и добровольно раскрыли ему свою историю. Тот самый, что подарил нам надежду, благодаря статье которого нас оставили в покое. Как я тогда наивно полагала, навсегда.

Интервью было небольшим, за ним газетчик лично ездил в Шато ле Туаре. Полагаю, проходило оно в кабинете, где я решительно отказалась от предложения Эльгера и согласилась принять Равьенн. Строчки мелькали перед глазами, складываясь в целостную картину, на удивление четкую несмотря на полубессонную ночь и невероятное открытие в себе.

«Вряд ли отъезд супругов де Ларне был чистой случайностью. История, в которую оказались вовлечены эти без преувеличения достойные люди – всего лишь начало».

«Позвольте уточнить, ваша светлость, что вы имеете в виду?»

«Я говорю о магии и ее роли в истории нашего мира. Силы – те, что жили в наших предках, сейчас уже не те. Несмотря на это мир продолжает отвергать людей, которые являются последним оплотом. Людей, которые

способны подарить нам новую жизнь и возродить цивилизацию. Мы боимся тех, на ком держится мир, и это прискорбно. Мы отвергаем их дары, их могущество как нечто ужасное, хотя именно благодаря их магии способны обрести новую жизнь».

Мне отчетливо вспомнилась шахматная доска, которую я нашла в тайнике мужа. Его светлость наверняка большой любитель шахматных партий, а пешками в этой оказались мы с мужем: Эльгер весьма удачно обернул провокацию графини д'Ортен в свою пользу. Вряд ли Евгения подходила на роль жертвы, но в тени герцога она казалась пылинкой под ураганным ветром. Альтари говорил о раскрывшем крылья ястребе, и он был прав. Вот только до исхода этой игры с доски слетит еще не одна фигура.

«О какой именно новой жизни вы говорите?»

«О той, благодаря которой мы до сих пор живы. О сильной крови и истинной магии».

«И все же вы поддерживаете развитие науки, вносите вклад в механизацию и промышленность...»

«Я – сын этого мира, и делаю все, чтобы обеспечить достойную жизнь каждому человеку, независимо от его происхождения».

«И все-таки магия для вас в приоритете?»

«Загляните в историю армалов, и вы поймете, почему. Пролилась кровь сильнейших магов, и мир рухнул. Цивилизация – одна из прекраснейших и сильнейших, была уничтожена».

«Разве не война стала началом конца?»

«Любая война – последний шаг отчаявшихся неудачников. В здоровом мире мир естественен, как дыхание».

– Грамотно, – сказала я. – И вашим, и нашим.

– Политика Эльгера никогда не распространялась только на магов. Он говорит для всех, и говорит складно.

– Думаешь, до переворота осталось недолго?

– Сложно сказать. Но день его коронации... вот что на самом деле станет началом конца.

Анри оперся о стол и посмотрел мне в глаза.

– Аркур мертв. Застрелился у себя в квартире.

Я вернула газету на стол.

– Комитет?

Муж покачал головой.

– Не знаю. Он мешал многим.

С трудом удержала руки, чтобы ставшим уже привычным жестом не

коснуться живота. Да, сейчас не лучшее время говорить о ребенке.

– Мне придется поехать в Тритт.

А вот это уже точно Комитет.

– Что они от тебя хотят?

– Мне не сообщили.

Я закусила губу, внимательно рассматривая мужа: сведенные на переносице брови делали его старше лет на десять. Болезненная худоба, которая так пугала меня первые дни в Лавуа, уже отступила, но воспоминанием о ней остались морщинки у глаз. Особенно заметные, когда он хмурился. Будет ли наш сын похож на него? Или у нас будет девочка?

– Я поеду с тобой.

– Почему я знал, что ты это скажешь? – Анри устало потер виски.

– Потому что ты знаешь меня?

Я перегнулась через стол и взяла его за руки.

– Видишь, даже возражать уже не пытаешься.

Муж хмыкнул.

– Доиграетесь, графиня, запру вас в подвале.

– Здесь нет подвалов.

– При желании можно найти что угодно и где угодно.

– Я серьезно, Анри.

– Я тоже.

Мы смотрели друг на друга: долго и выразительно, пока мне в голову не пришла потрясающая идея. На самом деле, не уверена, что она была такой уж и потрясающей, но... Пока Анри занят делами с Комитетом, я могла бы навестить Маэлонский Фонд Знаний в Тритте. Во-первых, так мне будет спокойнее. Во-вторых, это самая огромная библиотека мира, книг в ней в разы больше, чем в Мортенхэйме. Там наверняка найдется много всего интересного о магах и хэандаме. Если повезет, хотя на это надежда слабая, даже о некромагах и хэандаме. А мне сейчас точно не помешает подспорье в знаниях. Должна же я знать, к чему готовиться, пока во мне растет наше с Анри чудо. Расспрашивать мужа не получится, с моими талантами к интригам я себя выдам на втором слове.

– Я давно хотела навеститься в Маэлонский Фонд Знаний, – правда у меня получалась весьма убедительной. – Мне не хватает книг, Анри. Не хватает того, что я могла бы сделать, изучить, если бы у меня была такая возможность. Я целыми днями только и делаю, что занимаюсь с Софи или гуляю с ней. Мне это в радость, но...

Замолчала и улыбнулась.

– Что насчет моих записей и книг, которые мы привезли с собой?

– Да я их наизусть уже выучила.

Не наизусть, конечно, но «Клеймо Дюхайма» перечитала уже несколько раз. В своих мемуарах моя пра-пра-пра-и так далее-бабка не только делилась историей любви и жизни семьи, но предполагала, как именно ее муж мог поднять целое войско магов. По всему выходило, что он замкнул тьму на себе и стал источником магии смерти. На картинах и в книжках его изображали с длинными черными волосами – таким, каким Роберт Дюхайм был при жизни. Когда его обнаружили, он полностью поседел. Тьма выжгла из его глаз зелень, заполнив собой даже белки. Такими глазами он и смотрел в небо на поле боя. Мертвыми, если верить истории. Но Ильма Дюхайм считала иначе.

– Хорошо, – сказал, наконец, Анри.

– Вот и чудесно.

Должна же и от козней Эльгера быть хоть какая-то польза.

– И еще, – сказал муж, помолчав. – Ты была права насчет Эрика.

Не знаю, почему, но мне стало легче. Впрочем, ненадолго.

– Но это не значит, что рядом с ним стоит расслабляться.

– Не думаю, что он до нас доберется здесь. Анри, – я поднялась, обошла стол и устроилась у мужа на коленях, – признай: он просто хотел понять, что произошло с его матерью.

– Его мать лишилась рассудка, – холодно ответил он, – и это известно всем.

– Вот именно, что всем. Мы не знаем, что на самом деле произошло с леди Катариной. Точно так же, как мы не можем знать, почему твои родители настояли на нашем браке.

Анри поглаживал меня по волосам, но сейчас его рука замерла.

– Что ты хочешь сказать?

– Леди Николь и лорд Адриан любили друг друга. Они были женаты не потому, что так потребовалось их семьям, а по зову сердца. Да и в том письме, которое ты давал мне прочесть... помнишь? Твоя мама искренне желает тебе счастья рядом с женщиной, которую ты выберешь сам. Неужели ты никогда об этом не думал?

– Это был самый обычный династический брак.

Ну да, самый-самый обычный.

– Раньше я тоже так считала. Но сейчас у меня чувство, что он был заключен для кого-то, или... зачем-то. Но пока что я не могу понять, зачем.

– По-моему, ты слишком много думаешь, – Анри погладил меня по голове.

– Не могу перестать, – призналась честно. – С того дня, как ты показал

мне письмо.

И правда, после того случая я нередко возвращалась к разным домыслам, но увы. Лорд Адриан привел меня к медальону. Каким-то образом он успел подготовиться к смерти и сделал все, чтобы удержаться на грани так долго, словно... словно знал, что приду я. Та, что способна открепить его от места смерти и вместе с ним разгадать тайну, которую родители Анри забрали с собой в могилы. А может быть, муж прав, и я действительно слишком много думаю.

Но это у меня с детства вредная привычка такая.

– Как думаешь, мы когда-нибудь будем жить спокойно? – спросила я. – Безо всяких Комитетов, Эльгеров, королей...

– Не заскучаешь? – Анри улыбался, но взгляд его стал внимательным и цепким.

– Шутишь? Мое идеальное счастье – с тобой и Софи, где-нибудь на берегу моря. – Теперь еще и с нашим малышом, или малышкой. Только отдельно взятому графу необязательно об этом волноваться до возвращения из Тритта. – Где не нужно постоянно ходить на приемы, улыбаться всем подряд и танцевать.

– Это можно устроить.

Сомневаюсь, мысленно вздохнула я. Но помечтать-то можно.

– Только желательно перед отъездом ограбить Мортенхэйм на отдельно взятую библиотеку. Или сразу Маэлонский Фонд.

– Ты неисправима, – муж нежно коснулся губами моих губ.

Мы еще немного посидели, наслаждаясь уютной тишиной и покоем, в котором не было места никому, кроме нас двоих. Потом муж ссадил меня с колен и поднялся.

– Пойдем. Скажем Софи, что ей придется немного пожить с бабушкой и дедушкой.

С бабушкой и дедушкой? Не веря своим ушам, улыбнулась, Анри же открыл передо мной дверь. Он ничего не заметил, и я не стала уточнять. Пусть до спокойной жизни нам еще далеко, но с каждым днем сердце мужа оттаивало все больше. Возможно, наш малыш или малышка станет тем самым решающим лучиком в его жизни.

Возможно...

По крайней мере, мне бы очень хотелось в это верить.

Девушки, поздравляем со Старым Новым годом!

Всем отличных выходных!

Снаружи Маэлонский Фонд напоминал дворец, а внутри... о, внутри это было настоящее царство книг. Причем царством его можно было назвать без преувеличения: возносящиеся ввысь стены и лестницы, бесконечные ряды книг, перетекающие из одной залы в другую, сводчатые потолки со вкраплениями витражей, цветной свет из которых лился на выложенные плиткой полы. Витые колонны с позолоченными капителями, столы с массивными глобусами. И тишина. Тишина такая, что даже часы смущаются тикать.

Внизу располагались архивные залы, доступ в которые открыт только библиотекарям. Там хранились самые древние труды и фолианты, их нужно было выписывать заранее и получать на строго оговоренный срок. Разумеется, только в читальном зале. Для начала пришлось искать необходимую литературу в каталогах, и на это ушло полдня. Потом – делать заказ. И только после того, как заказ подтвердили, библиотекарь сообщил, что выдать его мне смогут только завтра, когда соберут все книги. Выбора у меня не было, поэтому пришлось согласиться. А заодно и закрепить за собой стол в дальней зале, сразу на несколько дней вперед: я сильно сомневалась, что мне хватит одного. На всякий случай заказала и труды о призраках – может быть найдется что-то, что наведет на нужную мысль, как освободить лорда Адриана.

Разобравшись с книгами, отправилась на прогулку по Тритту. Анри предупредил, что его не будет до вечера, а сидеть одной в гостиничном номере совсем не хотелось. Слишком много в голове бродило всякого: временами начинало казаться, что все это происходит не со мной, а мысли приходили одна другой краше. Особенно когда вспоминалась рухнувшая защита, бегущий по венам жар или наш с Анри разговор про Лорену и Энцо, о риске и эфемерных возможностях. А если о моей беременности после всего случившегося узнает Винсент? Да он меня выкрадет, прикует цепями к кровати и выстроит вокруг Мортенхэйма армию.

Так, Тереза, хватит! Ты приехала сюда, чтобы во всем разобраться. И ты разберешься, а потом обязательно поговоришь с Анри. Ведь если наши родители заключили этот брак, если у некромагов и хэандаме в прошлом рождались дети, чем хуже мы? Значит, и у меня все получится. Совсем необязательно, что наш ребенок будет таким, как хочет Эльгер. Скорее всего, он просто унаследует антимагию мужа, а уж с этим мы как-нибудь

справимся. Успокоив себя, быстрее зашагала по мощеной улочке. Сейчас мне хотелось парить над землей. Да и вообще, что я на самом деле! Расклеилась, как унылое нечто, хотя надо радоваться. Ведь во мне – теперь я каждое утро начинала с того, что слушала сердце малыша – бьется крохотная жизнь! Частичка нашей с Анри любви, которая с каждым днем становится все больше.

Древний город с роскошными мостами и старинными соборами, небольшие скверы встречались в каждом квартале, а в самом центре обнаружился огромный парк. Величайшим наслаждением было бродить по улочкам и знать, что в любую часть города можно спокойно добраться пешком: теперь я всеми силами стремилась избежать любых поездок. В поезде не могла заснуть, потому что меня постоянно мутило, а в дилижансе начинало казаться, что желудок сейчас выпрыгнет через горло.

Впрочем, и находиться можно так, что загудят ноги. К одному из соборов я поднималась, если не сказать ползла, по высоченной лестнице, разбитой надвое широкой клумбой. Сейчас она чернела землей, а фонтан за моей спиной спал, но ближе к весне это место обещало преобразиться и стать одним из самых красивых в городе. Я прошла примерно половину ступенек, когда меня скрутило так, что из груди разом вышел весь воздух. На глаза невольно навернулись слезы, каменная кладка собора поплыла, смазываясь, а воздух вокруг сгустился и стал жарким.

Уцепившись за перила, судорожно втянула воздух. А когда боль отпустила, почувствовала, как леденеет ладонь и стремительно отдернула руку: перчатка рассыпалась, как и краска под пальцами, камень покрылся щербинами тления. Ох, нет. Пожалуйста, только не сейчас. Только не здесь: народу в такое время не протолкнуться, особенно на оставшейся внизу площади.

– Синьорина, что с вами?

Ко мне склонялся молоденький, хорошо одетый парнишка, с едва пробивающейся над верхней губой ниточкой усов.

– Ничего. Просто... перехватило дыхание.

– Помочь вам дойти до скамейки?

– Спасибо, я сама.

– Бросьте, синьорина. Вы как смерть побелели. Обопритесь-ка на меня.

Как Смерть, вот именно. Судя по тому, что парень не убежал с воплями, с глазами все в порядке. И на том спасибо.

Пока мы спускались, в памяти воскресали яркие картинки горения и падения во тьму, когда я только чудом удержала магию в себе. Маэлонец

поддерживал меня за талию, а я старалась не касаться его ни рукой, затаенной в перчатку, ни тем более обнаженной. Сила, с которой мы давно сроднились, снова оборачивалась против меня. Но почему? Ведь я делала все, чтобы ее успокоить: постоянно тренировалась, пропускала через себя, ни дня не проходило без магии! Неужели это все из-за ребенка? Неужели мне снова придется носить алаэрнит и каждую минуту смотреть на него?

К счастью, магия подчинилась. Отступила, как только я резко потянула ее за грань.

Паренек усадил меня на скамейку, поинтересовался, не проводить ли меня домой, но получив заверения, что со мной все в порядке, все-таки ретировался. Я же сидела, откинувшись на спинку, разглядывая прохожих и пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Анри говорил, что не хочет детей. Говорил, что у нас их никогда не будет. Не потому ли?.. Он знал гораздо больше меня, а может быть, даже больше наших родителей. Может ли стать, что нерожденный ребенок-хэандаме способен сокрушить любую даже самую сильную магию... изнутри?

Завтракали мы на балконе, с которого открывался вид на залитые утренним холодным солнцем шпили и крыши Тритта. Сейчас мне было не до любования видами: придерживая края пледа одной рукой, другой задумчиво крутила кофейную чашечку. И смотрела поверх нее гораздо дальше, чем можно себе представить – в архивы Маэлонского Фонда Знаний. Туда, куда мне предстояло сейчас ехать. На испещренные убористыми страницами строки, которые мне еще только предстояло прочесть. С чем я вернусь? Пальцы задрожали, и я поспешно отняла их от ручки. Не хватало еще, чтобы фарфор начал дребезжать.

– Что не так?

Анри сидел напротив, непривычно молчаливый. С завтраком, в отличие от меня, муж справился быстро, мне же кусок в горло не лез. Еле справилась с кашей, не говоря уже о большем.

– Все так, – поспешила заверить я и потянулась за первой попавшейся булочкой с начинкой.

Поспешно отломила кусочек, запихнула в рот и принялась жевать, не чувствуя вкуса. Под пристальным взглядом Анри полила ее ягодным соусом и взяла вилку.

– Учитывая, что вчера, когда я вернулся, ты даже ничего не спросила...

– Не хотела ставить тебя в неловкое положение. Это твоя работа, я все понимаю.

– Тереза, вчера тебе было плохо. Ты уверена, что хочешь поехать в библиотеку?

– Мы говорили об этом вечером. Я переоценила свои силы и слишком долго гуляла.

– ... а сейчас ты полила булочку с сыром и ветчиной клюквенным соусом.

– Правда?

Анри скептически хмыкнул, я же опустила взгляд на тарелку, и поняла: правда.

– Вся эта ситуация с Эльгером сводит меня с ума, – на самом деле я даже не лгала. – Мне кажется, что мы далеко, потому что он так хочет. Сейчас. И что когда ему понадобится, мы снова окажемся там, где нужно ему. А еще я не могу перестать думать про брата. Я боюсь за Винсента, и не спрашиваю тебя ни о чем, потому что боюсь, что однажды ты скажешь – мне нужно уехать. Одному. И мне придется тебя отпустить.

Странно это, начать говорить, чтобы ответить хоть что-то. А потом осознать, что все это правда. Настолько правда, что все внутри сжимается от ледяного холода.

– Тереза, – муж обошел стол и опустился на корточки рядом со мной. – Разве я не обещал тебе, что все будет хорошо?

– Обещал, – тихо сказала я.

– И, кажется, уже говорил, что если твоей семье будет грозить опасность, ты об этом узнаешь.

– В Шато ле Туаре, – отозвалась я.

– Тогда доверься мне. Доверься мне и просто будь рядом. Хорошо? Я сумею защитить не только тебя, но и нас. Нашу семью.

Он поцеловал мои пальцы.

– Так что они тебе сказали? – я слабо улыбнулась.

– Возможно, действительно придется уехать, – предупреждая мой вопрос, муж поспешно добавил: – Не сейчас. И не одному. Как ты смотришь на то, чтобы завтра покататься на лошадях?

– Ты серьезно? – фыркнула я.

– Вполне. Мы же собирались выбраться в леса под Триттом, так зачем упускать такую возможность.

Наверное, в другое время я бы обрадовалась, но сейчас только покачала головой. Если у меня от долгих прогулок ребенок буянит, то что будет, когда я сяду на лошадь? Нет, лучше не проверять. Не хватало еще с нее свалиться в лучших традициях романов Миллес Даскер. Со всеми последствиями.

– Лучше посижу лишних пару часов в библиотеке, – сказала я, – когда еще дорвусь до такого источника знаний?

- Моя жена – книжный червь, – негромко пробормотал Анри.
- Можно подумать, ты об этом только что узнал.
- Все никак не могу понять, что я в тебе нашел.
- Эй!

Я ткнула его в плечо – ощутимо, от чего он покачулся, а потом серьезно указал мне на стол, где булочки только чудом еще не закаменели.

– Ешьте, графиня. Симон Эльгер не достоин того, чтобы терять из-за него аппетит.

Аппетит ко мне так и не вернулся. Утром. Зато вернулся, когда библиотекарь провожал меня к рабочему столу. Пока мы шли сквозь боковую анфиладу, эхо подхватывало шаги и разносило по дворцу. Изредка кто-то из читающих поднимал голову, но большинство даже не отрывались от работы. Невысокий лысый мужчина в униформе провел меня в самую дальнюю читальную залу, как я и просила. Здесь было холоднее всего, а еще достаточно темно: всего один боковой витраж, свет из которого падал в самое сердце помещения. Над столами зависли магические светильники, спящие – активировали их сами посетители, либо библиотекарь, если кто-то попадал сюда по рекомендации.

Заказанные книги аккуратными и весьма внушительными стопками стояли на тумбочке в специальных подставках, напоминающих небольшие книжные полки. Мне объяснили, как с ними обращаться, сухим голосом зачитали свод правил, указали на колокольчик – если понадобится помощь, вручили специальные перчатки и пожелали плодотворной работы. После чего удалились, оставив одну.

Я зажгла магический светильник, бегло проглядела корешки и вытащила сразу несколько толстенных томов. Назывались они «Хэандаме и магия», и первым делом я полезла в оглавление. Влияние общества на смешанные браки, политическая подоплека и прочая общая информация меня интересовала мало. Тоже мне, хэандаме и магия! Я искала отсылки к детям, и к тому, каково приходилось женщинам-магам во время беременности. А находила кучу занудных сведений, исторических дат и прочей ерунды, не имеющих никакого отношения к тому, что нужно. Увы, о таком не писали – ничего, кроме уже известного, что в браке между магом и хэандаме рождался ребенок, наделенный золотой мглой. Новорожденные хэандаме, с непроснувшейся силой, как-то мало всех интересовали. Что уж говорить о тех, кто еще не родился. Откладывая книгу за книгой, я мрачнела все больше, и все больше хотела погрызть стол: в животе урчало, словно Анри морил меня голодом неделю.

От запаха сохранных магией печатных страниц слегка мутило. Но я

все-таки упорно перебирала книгу за книгой, пока не наткнулась на неприметный однотомник. Который и заказала-то исключительно по наитию – «Золотая мгла: исследования Амерса Лоури III». Быстро пролистала автобиографическую справку и комментарии признанных ученых-историков с лестными отзывами. В небольшой вступительной статье рассказывалось, что этот Амерс Лоури принадлежал к знатному, но обедневшему роду, с детства был одержим хэандаме и считал, что однажды их цивилизация обретет вторую жизнь и возродится. Всю жизнь провел в поисках по миру и умер от какой-то экзотической лихорадки в своем бесконечном путешествии.

Пожалуй, такому источнику можно доверять. Увлеченные люди скорее переломают себе все пальцы, чем позволят хотя бы маломальское допущение.

Открыла оглавление и поняла, что нашла: глава «Дети-хэандаме» занимала целых двести страниц. Быстро открыла нужную, жадно вчитываясь в строки...

Лучше бы я ее не находила. Потому что знания эти читались как приговор, как подтверждение самых потаенных страхов.

«Набирающая силу кровь ребенка-хэандаме влияет на магию матери, провоцируя внезапные всплески, вследствие противодействия того, чему не должно существовать в одном теле. Ребенок способен выжечь материнскую силу в течение первых нескольких месяцев после зачатия».

Библиотекарь-архивариус посмотрел на меня и устало вздохнул. Передвинул стопку бумаг с одного места на другое, закрыл чернильницу. Осуждение явственно читалось даже в его сединах, аккуратно зачесанных назад и стянутых в хвост. В глазах же было сказано прямым текстом: «Проводить столько времени в библиотеке для женщины – дурной тон. Услаждать своим видом взоры мужчин, озарять красотой улицы – другое дело». Ну да, вполне себе по-маэлонски.

Примерно так же, наверное, думал Анри, потому что сегодня мы с ним чуть не поругались. Он предлагал вместе прогуляться по Тритту, но я отказалась. Муж заявил, что не отпустит меня в библиотеку, а я заявила, что пусть попробует меня удержать. В итоге расстались мы довольно прохладно. Но мне во что бы то ни стало нужно было найти опровержение прочитанному вчера. По всему выходило, что ребенок выжигал мать, а ведь в те времена магия была очень сильной. Не может быть, чтобы это происходило со всеми. Не может быть!

Увы, в списке литературы, которую автор использовал при написании труда, были книги с такими названиями и на таких языках, что я бы при всем желании не додумалась искать что-нибудь там. Но все, что нашлось в Маэлонском Фонде, и все, что я смогла прочитать, их подтверждало. И вот теперь я терзала библиотекаря по поводу того, когда мне выдадут последнюю книгу – ее поиски со вчерашнего дня затянулись.

– Синьора Феро, мы делаем все что можем. Один наш сотрудник напутал с каталогом, а вы сами понимаете, что в нашей библиотеке...

– Но после обеда вы мне ее предоставите?

Тот развел руками.

– Не могу сказать. Возможно. А может быть, ближе к вечеру.

Скрипнув зубами, я повернулась и направилась к лестнице. На удивление, внизу оказалось даже теплее чем в зале, где я занималась. В подвальных помещениях Фонда не было привычной сырости – заклинание поддерживало тепло и смягчало воздух, чтобы сохранить книги. Даже несмотря на специальную обработку, фолиантам и древним рукописям так спокойнее. Маэлонскому правительству и библиотекарям тоже.

Даже представлять не хотелось, как отреагирует Анри.

Я рассчитывала закончить до обеда, вернуться с мужем в отель, немного посидеть в ресторане, а потом все-таки отправиться на прогулку.

Но нет! Похоже, все против меня. Кто бы мог подумать, что Анри со своими делами в Комитете разберется раньше, чем я найду хоть что-нибудь мало-мальски полезное в такой огромной, без преувеличения, библиотеке! Теперь придется задержаться: возможно, даже до ужина. Ох, и как это все объяснять, интересно?

Хотя... почему я вообще должна что-то объяснять. Я дорвалась до книг, могу я эту неделю посвятить знаниям?!

Поднимаясь по знакомым лестницам и шагая уже знакомыми переходами, чувствовала, как бешено колотится сердце. Глаза не закрывались только на каком-то упорстве: сегодня полночи проворочалась без сна, но даже не проспала. Вскочила, едва забрезжил рассвет, а пока дожидалась завтрака, стояла у окна, смотрела на просыпающийся Тритт. Как же не похож этот город на мой родной Лигенбург! Даже с Ольвижем у него мало общего – в последнее время я только и делаю, что меняю страны, города, дома. Успела побывать замужней леди и мадам, теперь стала синьорой. Что дальше?

С такими мыслями вылетела в пустой зал и похолодела.

Сердце ткнулось куда-то в ребра и на миг затихло. А потом заколотилось так, словно в ушах у меня стучали молоточками.

За моим столом сидел Анри. Сидел и смотрел в книги, которые я оставила раскрытыми. Услышав меня, обернулся и наградил таким тяжелым взглядом, что я чудом не подавилась судорожным вздохом, рвущимся из груди. На негнущихся ногах подошла к столу и вернула мужу его жесткость.

– Так вот чем ты занята, Тереза, – хмыкнул он, поднимаясь.

Ненавижу, когда он так делает! Медленно вырастает надо мной, подобно горе и смотрит точно так же – сверху вниз. Я вскинула голову и сложила руки на груди. Невероятных усилий стоило выдавить из голоса предательскую дрожь до того, как начала говорить.

– А что здесь делаешь ты?

– Решил приехать пораньше и разузнать, чем же занята моя жена. Настолько, что даже отказалась разделить со мной красоты Тритта.

– Что с того? Я не могу почитать о детях-хэандаме?

– Мне казалось, мы все обсудили, – если бы голосом можно было убивать, я бы уже опрокинулась навзничь. Как от выстрела в упор.

– Обсудили. Но...

– У нас не будет детей, Тереза. Кроме Софи.

– Замечательно!

– Замечательно? – угрожающе-тихо произнес Анри. – Если бы ты

сейчас видела свое лицо.

– А что не так с моим лицом?

– Ты хочешь разорвать меня на части или сожрать живьем?

– Как поэтично!

Памятуя о том, где находимся, мы говорили негромко. Но наш звенящий шепот отражался от стен и бил рикошетом. Больно и хлестко.

– Что ж, – Анри захлопнул книгу так, что я вздрогнула.

Увидевший это библиотекарь заработал бы сердечный приступ.

– Теперь ты знаешь, почему.

– Я искала опровержение этому, – сдерживалась из последних сил, потому что внутри меня уже выстрелила пружина, с которой летели брызги расплавленной ярости. Уверена, что муж это чувствовал, ну и пусть! Пусть! Он даже не догадался, почему я это искала, даже не задумался – ни на миг! Так заостенел в своем нежелании иметь детей, даже подумать не может, что его проверенное годами средство не сработало. Хотела бы я знать, что это было!

– Зря искала, Тереза. Ребенок хэандаме лишает мать магии. А зачастую лишается и матери при рождении. Выгорание изнутри подтачивает здоровье настолько, что роды не всякая женщина способна пережить.

Горло сдавило, словно перед приступом кашля. Неужели я правда лишусь магии?

– Замолчи, – хрипло сказала я. – Замолчи, Анри.

– Зачем? Чтобы ты продолжала тешить себя надеждой?

– Но некромаги...

– Некромаги тоже маги, Тереза. За счет связи с обратной стороной жизни более могущественные. Только не перед хэандаме.

– Эрик пережил слияние с золотой мглой, – тихо сказала я.

– Снова Эрик. – Анри нахмурился. – Исключение. Чудо. Хотя скорее чудовище. Я не знаю, что он такое, и как это произошло. Как и почему. И если единичные случаи, когда выгорания у женщины не случилось...

– Что ты сказал?

Начинавшая было угасать надежда вспыхнула с новой силой.

– Чушь, – муж поморщился, – потому что за всю историю лишь несколько женщин-магов выдержали испытание беременностью хэандаме. И эти случаи тоже можно отнести к чудесам. Но никак не к законам нашего мира.

– Но ведь они остались живы! И остались магами!

Ликование оттеснило даже нашу ссору. Я вдруг поняла, что готова разреваться от радости. У меня есть шанс! Шанс выдержать месяцы, что

буду носить под сердцем нашего малыша и остаться собой. Шанс подарить новую жизнь и не лишиться магии. От счастья захотелось броситься на шею мужу и все ему рассказать прямо сейчас. Но не в библиотеке же... Хотя какая разница где. Подалась вперед и взяла Анри за руку, заглядывая в глаза.

– Пожалуйста, – сказала тихо, сглотнув подступившие слезы радости. – Давай не будем ссориться. Я...

– Тереза, я тоже не хочу ссориться. Но и не позволю тебе подвергать опасности свою жизнь. Не стоит травить себе душу тем, чему не бывать.

– Ты не можешь решать за нас двоих, – произнесла негромко, поглаживая сильную ладонь. – Я готова рискнуть, Анри.

– Мы обсуждали этот вопрос. У нас не будет детей.

Да что же он упертый-то какой!

– А если вдруг такое случится?

Взгляд его заledenел. Такое случалось редко, но все-таки случалось. Больше всего на свете я не любила, когда в золоте любимых глаз играют кристаллики льда.

– Это невозможно. Настойка, которую я пью, которая помогает мне сдерживать мглу, не позволит этому случиться.

Ага, теперь понятно. Два в одном, значит. Но видимо, мгла в его крови стала сильнее настолько, что средство уже не действовало... или почти не действовало.

– Ну а если на минуточку предположить, что твое чудо-средство не сработает? – улыбнулась. – Тогда что?

– Для таких случаев существует зелье, которое поможет все исправить.

Я отпрянула. Если минуту назад держала его руку в ладонях, то сейчас даже думать о том, чтобы к нему прикоснуться, было страшно. Признание застыло на языке, в горле, в груди, в самом сердце. Где-то там, откуда достать его я просто не смогла.

– Уходи, – сказала негромко. – Уходи, Анри.

– Тереза, нам скоро возвращаться, – устало произнес он. – Ты хочешь просидеть здесь все оставшееся время?

Да, хочу. Только чтобы тебя не видеть. Как можно дольше!

– Разыскивая информацию о том, чего не было, нет и не будет?

Не было, нет и не будет? Во мне растет твой ребенок, идиот несчастный!

Желание запустить в мужа одной из бесценных книг Фонда, или просто расцарапать ему лицо стало непреодолимым. Лицо, которое неожиданно смягчилось, в глазах мелькнул даже намек на раскаяние. Вот

только мне этого было мало, хотелось вцепиться ему в волосы и выдрать пару клоков. Чтобы заставить почувствовать то, что почувствовала я.

– Мне нужно еще почитать о призраках.

Сказала первое, что пришло в голову и кивнула себе за спину. Там на подставке и впрямь стояли ни разу мной не раскрытые труды по природе призраков и работе с ними.

– Скоро уже обед. Мы договаривались, что вместе посидим в ресторане, – Анри шагнул ближе, но я отступила, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. – Потом вместе прогуляемся по старому городу, а потом...

Муж понизил голос.

При мысли о «потом» мне захотелось пнуть его под коленку. Значит, как «потом», так всегда пожалуйста, а как дети – зелье, да? Стоило немалых усилий удержать в себе вопль: «Убирайся, проваливай с глаз моих, видеть тебя не могу!» Остаться на месте, не затопать ногами в лучших традициях эмоциональных маэлонских синьорин. Запереть в себе чувства настолько, чтобы ему не досталось ни капельки даже через браслет.

Запереть... так, кажется, он это называл.

– Я останусь, – повторила твердо. – Вернусь, когда закончу.

– Я подожду.

– Устанешь ждать.

Лицо Анри снова стало жестким, но больше он ни слова не сказал. Развернулся и пошел в сторону дверей, шаги его гулким эхом разносились по залу. До тех пор, пока не затихли окончательно.

Слезы застыли в груди вместе с несказанными словами. Видимо, именно они мешали вздохнуть.

Мне нужен лорд Адриан! Только он может пролить свет на этот брак, хоть как-то объяснить, почему они с леди Николь на него согласились. Но лорд Адриан в Вэлее, куда мне закрыт путь. Когда я до него доберусь, он будет еще в состоянии указать хотя бы на что-то, как в свое время произошло с медальоном? Да и будет ли это важно? Через месяц, два, три... когда муж так или иначе узнает. У меня нет этих месяцев. А в Маэлонии мы, возможно, застряли на несколько лет!

Оттолкнула книги в сторону, с силой ударила по столу.

Колотила по нему, выплескивая отчаяние, страх, боль, пока ладони не загорелись огнем. Удары звенели в ушах, металась между стен и под сводами, разрушая тишину залы. Но я продолжала лупить ни в чем не повинную мебель, пока не выдохлась. Пока сердце не ускорило бег до сумасшедшего, пока не начала задыхаться. Тогда я медленно опустилась на

стул.

Замерла, выпрямилась и расправила плечи, как учила матушка.

Для начала нужно успокоиться. Сейчас действительно лучше побыть в одиночестве: почитать о призраках, сделать все важные записи. Решу одну задачу, а потом разберусь с проблемой въезда в Вэлею. Направлю прошение Альтари, если потребуется. А пока в Лации даже призрак для тренировки есть, на котором я смогу проверить свои теории и заклинания. Полуживой, правда, но мне и такой сгодится. Еще нужно поискать практики для поддержания магии и быть очень осторожной, чтобы не позволить тьме вырваться, как это случилось на лестнице перед собором.

Перевела взгляд на безмолвные фолианты, корешки некоторых поблескивали от сияния светильника.

Боюсь, ни одна книга мне не расскажет о том, как защититься от собственного мужа. От того, что может случиться, когда он узнает... От того, что услышав от меня правду, он повторит свои слова. Про зелье.

Не знаю, чего я боялась больше.

Все-таки услышать от него окончательный приговор?

Или себя?

Муж молча подал мне руку, чтобы помочь выйти из лодки, и я так же молча ее приняла. Напряжение и ребенок давали о себе знать: меня снова тошнило, а перед глазами мельтешили разноцветные искры. Хотелось, чтобы Анри меня обнял, чтобы привлек к себе, и все стало по-старому. Но когда поймала его взгляд, только вздернула голову и направилась к дому.

Прохлада между нами нагрянула одновременно с заморозками в Маэлони, поэтому в Тритте мы не задержались. Хотя большей частью не задержались мы потому, что делать там больше было нечего. Ни мне, ни ему, а воцарившаяся между нами напряженность, односложные вопросы и ответы заканчивались одинаково: разрастающейся пропастью отчуждения.

Я чувствовала себя ужасно, но первой мириться не собиралась. Так же, как не собиралась ни о чем ему говорить. Периоды, когда хотелось прижаться к его плечу и выплакаться всласть сменялись желанием запустить в мужа чем потяжелее. К счастью, хотя бы труды о призраках оказались полезны.

Я узнала много нового о привязке к месту смерти: такого, от чего волосы просто дыбом вставали. Существовало запрещенное заклинание, одно из самых черных и страшных заклинаний в мире. Его использовали, чтобы после смерти обречь жертву на осознание смерти и долгие метания на грани, в момент гибели запечатывая человека с помощью крови некромага. А некоторые еще и управляли «пойманными призраками», терзая их или случайных жертв. Мерзкая магия, недалеко ушла от создания Агольдэра, которого считали одним из опаснейших колдунов Темных времен.

Мог ли лорд Адриан переработать заклинание, то есть «запереть» себя еще при жизни?

Подозреваю, что в лабораториях Эльгера творилось много всего интересного, особенно учитывая, что прародителями расы мааджари были некромаги и хэандаме. Знания «полубогов» включали в себя множество заклятий, древних и опасных искусств, переплетающихся достаточно тесно и принимающих бесконечно причудливые формы. В частности, пространственная и боевая магия искажений и искусство управления снами. Но ради чего отец Анри так рисковал, ради чего добровольно обрек себя на столь страшную участь? И если он увяз в «дружбе» с Эльгером по самые уши, почему решился выступить против герцога?

– Тереза! Анри! – Софи вылетела нам навстречу, с разбегу запрыгнула на руки мужа.

Анри ее закружил, и дочь залилась счастливым смехом, хозяева дома тоже бросились к нам. За время общения с синьорами Фьоренчелли я привыкла к крепким объятиям и широким улыбкам, поэтому сейчас позволила по очереди утопить себя сначала на пышной груди Лорены, потом в крепких руках Энцо. Высвободиться не очень-то хотелось: это значило, что надо улыбаться в ответ, рассказывать, как мы съездили и как замечательно отдохнули. Ну да ничего, Анри справится. Он у нас мастер обходных маневров.

– Мы не ждали вас так рано. Что-то случилось? – Лорена взволнованно посмотрела на нас.

– Погода испортилась, – будничным тоном сообщил муж.

А я что говорила? Профессиональный, первостатейный враль.

Он привлек меня к себе и поцеловал в макушку. Я мило улыбнулась и больно его ущипнула. Анри поморщился, а мне немного полегчало.

– Вы как раз к обеду успели, – Софи потащила меня в столовую.

– Как к обеду?

– А! – Энцо махнул рукой. – Селеста забыла, что мы ее попросили купить кое-какие продукты. Пришлось самим бежать на рынок.

«Полегчало» растаяло, как снег под весенним солнцем: за столом сидела Франческа. Она взглянула сквозь меня и расплылась в улыбке, когда вслед за мной в комнату вошел Анри. Вспорхнула со стула со словами приветствия, подхватила Лорену под пухлый локоть:

– Не переживайте, тетушка Ло! Садитесь, я принесу посуду и приборы.

Лорена и Энцо привычно засуетились, заскрипели стулья.

Меня же обдало ароматом ванили, настолько сладкой и густой, что разом затошнило еще сильнее.

– С возвращением, – проворковала Франческа, как бы невзначай коснувшись пальчиками руки Анри. И проскользнула на кухню.

«Воткни прибор себе в пробор», – подумала я.

Опустилась на свое место и уставилась в стол. Меньше всего на свете хотелось, чтобы для меня накрывала Франческа. Но кажется, у меня и выбора-то особого не было: счастливое лицо Софи, улыбки родителей мужа... гостиная вдруг поплыла перед глазами, меня повело, и я схватилась за край стола, чтобы не упасть.

– Что с тобой, девочка? – Лорена еще не успела сесть, поэтому сейчас склонилась надо мной. – Голова закружилась? Тошнит?

Всевидящий! Не хватало еще, чтобы Анри о чем-нибудь задумался.

– Устала с дороги.

Это прозвучало резче, чем я рассчитывала, и синьора Фьоренчелли удивленно на меня посмотрела. Надо извиниться, но сил не было. Ни говорить, ни улыбаться не хотелось, хотелось домой.

– Давай уйдем, – негромко сказала я, наклонившись к Анри.

Знаю, невежливо. Знаю, но нас не ждали, это только в Маэлонии можно с разбегу сесть за стол, даже не предупредив заранее о своем приезде. По-хорошему, мы рассчитывали забрать Софи после обеда, но супруги Фьоренчелли сегодня решили сесть попозже. И вот, пожалуйста – где это вообще видано, на полтора-два часа сдвигать время обеда? Матушка рассчитала бы всех, если бы его на пять минут задержали. Ну или теперь вот Луиза... хотя Луиза бы не рассчитала, у нее странные представления о приличиях.

– Хочешь их обидеть?

Не хочу я никого обижать, просто хочу домой! У меня там призрак.

А еще там нет Франчески.

Впрочем, ответить я не успела: передо мной уже мелькнули тонкие запястья. Тарелка для меня, тарелка для Анри. Франческа разложила приборы и салфетки на удивление ладно, а после вернулась за стол и подперла кулачками подбородок. Глаза ее сверкали, она рассмеялась, когда Софи ткнула ее в бок, и ответила тем же. Дочь хихикнула, стащила из-под ее тарелки салфетку, которую та попыталась поймать за край. Не успела.

– Софи.

Я не повысила голос, но над столом мигом воцарилась тишина.

– Ты за столом, а не на прогулке. Выпрямись, приведи себя в порядок. Верни салфетку синьорине Розатти.

Дочь перестала улыбаться.

– Прости, Тереза.

Франческа нахмурилась и подхватила блюдо с пастой.

– Сколько тебе положить, солнышко?

Какое счастье, что никто не мог читать мои мысли. Потому что я ей уже положила на голову все содержимое, а сверху надела посудину. Но для всех остальных просто потянулась к мужу и поцеловала в губы. Прямо за столом. Ну а что, мы же здесь все свои, семья, и все такое. Только «сестру» почему-то перекосило слегка: видимо, в соусе перчинка попалась. Очаровательно улыбнулась напоминавшей снеговую тучку Франческе.

– Синьорина Розатти, передайте мне салат с креветками, пожалуйста.

– Пожалуйста.

Судя по ее голосу, в мыслях синьорины Розатти салат уже путался в

моих волосах.

Ну да и пусть ей. Анри мой муж, а Софи – моя дочь, сколько бы ты ни высказывалась из декольте!

– Что ж... рассказывайте, как съездили, – напомнил Энцо. – Что интересного привезли нам из поездки?

Он подмигнул, а я поперхнулась. Почему, ну почему они все упорно намекают на то, что я хочу сохранить в тайне? Хотя бы пока!

– Тереза все время просидела в библиотеке, – заметил супруг. – Поэтому она привезла нам множество знаний по магии.

– Анри все время пропадал непонятно где, – не осталась в долгу я. – Поэтому что привез он, остается только догадываться.

Мы наградили друг друга многообещающими взглядами, после чего принялись за еду.

– Неужели даже на лошадях не покатались? – изумилась синьора Фьоренчелли.

– Лорена, я же предупреждал, что это деловая поездка.

Голосом мужа можно было порубить хлеб быстрее, чем шиинхэ.

– Совсем времени не было? – вздохнул Энцо. – Помнится, я по молодости столько работал... думал, Лорена меня из дома выгонит.

– Дурень ты, – рассмеялась та. – Я по тебе скучала, конечно. Но если бы выгнала, скучала бы еще больше.

Энцо широко улыбнулся, от чего щеточки его усов приподнялись. Взял руку жены и поцеловал.

– Эй! – рассмеялась та. – Ну не за столом же...

– А чего такое?

Вот уж не думала, что Лорену можно смутить. Но она сразу захлопотала, начала спрашивать, добавить ли кому соуса и что еще положить на тарелку. А потом и вовсе поспешила перевести тему на то, как готовится паста, и что Селеста в последнее время на удивление рассеянная – уж не ждет ли нас сюрприз в виде неожиданного романа.

– Не думаю, – вмешался Энцо. – Селеста любила Вито и до сих пор не может его забыть.

– Он был бы рад, если бы она себе кого-нибудь нашла.

– Вот только ей больше никто не нужен.

– Такая любовь приходит лишь однажды, – негромко заметила Франческа.

И опустила свои пронзительно-синие глаза. Впрочем, ненадолго:

– У матери с отцом в Тритте был медовый месяц, они частенько рассказывают о...

И снова сплошной поток воспоминаний, перемежающихся междометиями и восхищенными вздохами с небольшими перерывами на еду и ответы супругов Фьоренчелли. Эта женщина говорила столько, что я удивлялась, как она до сих пор не охрипла и не набила на языке мозоль. Слова в ней никогда не заканчивались, равно как и улыбки, порхание рук и вопросы, не полить ли Софи вафли карамельным соусом. Дочь ей разве что в рот не заглядывала, из чего я сделала неутешительный вывод: пока нас не было, Франческа времени не теряла. Интересно, каждый день навещала в гости?..

– Дорогая, разве ты сама не была в Тритте? – Лорена слегка подалась вперед.

Та почему-то резко покраснела.

– Да, мы ездили с Адрианой. Ее муж держит цветочную лавку, где я работаю.

– И с ее братом, если ничего не путаю? Такой милый молодой человек...

А вот это уже интересно. Что там за милый молодой человек?

Я вперила в синьорину Розатти цепкий взгляд, которому мог бы позавидовать даже Винсент.

– Но я почти ничего не успела посмотреть, – затараторила Франческа. – Мы пробежались по магазинам – глядели, какие букеты модны в столице. Вы же знаете, тетушка Ло... в том, что касается моды, всегда надо быть на шаг впереди остальных.

– Цветочная лавка Розарио лучшая в Лации, – махнул рукой Энцо.

Интересно, они все тут друг друга знают?

– Ох, он же выкупил весь второй этаж... жильцы сейчас съезжают, а после ремонта там будет магазин живых цветов.

– Что насчет брата синьорины Адрианы? – невинно поинтересовалась я. – Он, наверное, частенько навещается в лавку, чтобы... помочь семейному делу.

Франческа наградила меня злым взглядом, я ответила милой улыбкой.

Ну не только же ей играть нечестно.

– Анри, ты будешь в этом году отмечать Рожденье? – синьорина Розатти дотянулась до творожного рогалика и как бы невзначай облизнула губы. – Так давно мы в последний раз собирались все вместе...

При этом она наклонила голову так, что один из локонов скользнул ей аккуратно в декольте.

Ах, так?

– У нас разница в несколько дней, – я опередила мужа, ласково

погладила его по плечу. – Будем отмечать вместе. Дома. С семьей.

На последнем слове я сделала ударение.

– А мне на Рожденье Франческа подарила настоящий кукольный дом! Только его надо забрать из магазина. И торт испекла! Во-от такой!

Звонящий радостью голос Софи заставили меня вздрогнуть и замереть. Я смотрела на разведенные руки, изображающие величину торта и даже не моргала. Муж медленно повернулся ко мне. Под его взглядом захотелось провалиться на месте. Точно так же, как под недоумевающими взглядами супругов Фьоренчелли. Хотя дело было вовсе не в них, по коже пробежал озноб.

– Солнышко, мы же договаривались, что это будет наша маленькая тайна, – негромко прошептала Франческа. – Пока я не переговорю с твоим отцом.

– Ой.

Дочь покраснела, Франческа же выглядела смущенной. Хотя в глазах ее мелькнуло злое удовлетворение.

А я вдруг с ужасом поняла, что вчера у Софи и правда был день рождения. О котором мы с Анри... просто забыли.

Пока мы плыли и шли домой, меня мучила только одна мысль – почему я сразу не выкинула Франческу через окно прямо в воду, или хотя бы не спустила с лестницы, как того журналиста. Пожалуй, это серьезно осложнило бы отношения с супругами Фьоренчелли, но оно того стоило. Стоило, чтобы раз и навсегда вышвырнуть эту дрянь из нашей жизни. Сейчас же я могла только швырнуть брошь через всю спальню, что и сделала.

В доме царила страшная тишина. И так хотелось на миг представить, что ничего не было. Ни этого ужасного скандала, когда Лорена высказала нам, что мы завели ребенка, а не собаку. Ни смазливой физиономии Франчески и ее причитаний: ах, я так сожалею!

Но оно было, и оно кипело во мне. Бурлило все это время, что выслушивала претензии Лорены, нытье этой дряни и ловила сочувственные взгляды Энцо и напуганные – притихшей Софи. До сих пор в ушах звучал жесткий голос Анри, который говорил, что со своей семьей способен разобраться сам и возмущенное: «Как можно про Рождение дочери забыть?» Даже синьору Фьоренчелли не удалось утихомирить жену, продолжалось это до той минуты, пока Софи не выбежала в центр комнаты и не закричала: «Хватит!» Лицо ее было залито слезами, и я – до этой минуты хранившая ледяное молчание, подхватила дочь под руку и увела. На этом мы распрощались. Причем я с явным намерением больше никогда в их дом не возвращаться.

Хлопнула дверь. Анри поднял брошь и шагнул ко мне – он как раз вернулся из ванной.

– Я не хочу больше видеть эту дрянь, – прошипела я. – Никогда. Никогда больше рядом с нашей дочерью. Если увижу ее еще раз рядом с Софи – мало ей не покажется. Так ей и передай.

Всю дорогу Софи молчала, а едва мы переступили порог, убежала к себе. Когда мы попытались войти и поговорить, накрылась одеялом с головой и закричала, чтобы ее оставили в покое.

– Тереза, хватит.

– Хватит? – Я рванула ворот платья так, что одна пуговичка отлетела. – Неужели ты не видишь, что она делает? Вместо того, чтобы сразу сказать Лорене и Энцо, она потащила ее к себе домой. Устроила праздник со своими родителями так, чтобы никто не узнал. А потом спровоцировала

этот скандал. Думаешь, про твое Рожденье она просто так заговорила?

– Неужели? – холодно спросил муж. – Как по мне, так она как раз пыталась этого скандала избежать. Зная, как Лорена относится к детям.

– Неужели? – в тон ему передразнила я, продолжая расстегивать платье. – Тогда почему она не поговорила с ней и не объяснила все помягче, а устроила этот спектакль?

– Она хотела поговорить со мной. С глазу на глаз.

– О, не сомневаюсь!

Франческа и впрямь уверяла, что хотела поговорить с Анри наедине, но я не верила ни малейшему ее слову. Кроме, пожалуй, желания остаться с ним вдвоем. Она же прет как зомби, у которого подстрелили создателя. Я выпуталась из платья, только чудом не споткнувшись, перекинула его через спинку стула.

– Опомнись! Это мы забыли про день рождения Софи.

Анри мягко обнял меня за плечи, но я вырвалась и отступила.

– С меня хватит. Хватит, Анри! Это ты тешил свою девицу надеждами на долгую счастливую жизнь. Так объясни ей уже, что ей ничего не светит. Или это сделать мне?

– Тереза, при чем здесь вообще Франческа? Это мы забыли про свою дочь.

Он был прав. Он был прав настолько, что и представить страшно. Именно это заставляло меня злиться. И чем больше я об этом думала, тем больше злилась – на себя, на него, на весь мир. Пусть даже для Софи это не значило ровным счетом ничего: в семьях бродячих нонаэрян, где по целому выводу детей, не принято справлять Рожденье. Не говоря уже о Равьенн, где даже Праздник Зимы обходили стороной. Но для меня это было важно, так важно, что чувство вины душило изнутри ледяными руками. Ведь я хотела сделать ее жизнь другой! Наполнить теплом, любовью и вниманием. От осознания собственного бессилия хотелось переколотить всю посуду в доме, хотя ее было не так уж много. Но я ничего, ровным счетом ничего не могла с этим поделать! Не могла ничего изменить.

Конечно, в последнее время голова у меня была забита совсем другим, но это не оправдание.

Осознание захлестнуло, как ураган во время грозы. Теперь, когда я разрешила себе об этом думать. Опустившись на край кровати, обхватила себя руками и уставилась в зеркало. Оттуда на меня смотрела женщина с диковатым взглядом потемневших глаз, тьма потекла к ладоням, и я сжала кулаки.

– Знаю.

Это все, на что меня хватило.

Анри подошел и сел рядом, мягко привлек к себе, но тело казалось деревянным. Я никак не могла расслабиться даже в его руках.

– Тереза, все поправимо.

– Нет, – сказала я. – Ты не понимаешь.

– Ну разумеется.

– Разумеется! И перестань разговаривать со мной, как будто я слабоумная. Я... я так хочу быть хорошей матерью, но забываю о дне рождения ребенка.

– Нас немного отвлекло известие про Эльгера, не находишь?

– Это не оправдание.

Я так и не положила голову ему на плечо, застыла в руках мужа подобно статуе.

– Тебе стоит научиться прощать, Тереза. В первую очередь себя. То, что случилось – наша ошибка. Наша общая, но это не конец света.

– Она не сказала нам.

– Что?

– Она не сказала нам, хотя знала, насколько мы уезжаем. Даже не напомнила, – глухо произнесла я.

– Потому что для нее это не так важно, как для нас с тобой. Она выросла совсем в другом мире.

– Но она сказала Франческе.

Анри вздохнул.

– Тереза, Франческа для нее как подруга, которой можно доверить все тайны. Неужели ты не понимаешь? Она привыкла быть среди детей...

– У Софи не было друзей в Равьенн.

– Вот именно! Но то, что у нее не было друзей, не значит, что ей этого не хотелось. Вспомни, как вы познакомились. Вспомни себя, в конце концов! Ты хотела объездить весь мир, но заперла себя в Мортенхэйме. Мы выдернули ее из привычного окружения и увезли демоны знает куда. Как только у нее появилась гувернантка, нам снова пришлось переезжать. А она только-только успела подружиться с Мэри и Жеромом, с Мариссой.

Я все-таки высвободилась из его рук, и Анри принялся расшнуровывать корсет.

– Я понимаю, как тебе тяжело, – негромко произнес муж. – Этот переезд... и все остальное.

О да. Если бы Винсент увидел, в каких условиях я живу – без камеристки, сама хожу на рынок за продуктами, он от стыда бы сгорел. И честно говоря, не уверена, что стала бы его за это винить. А я сама в кого

превратилась? Сестра герцога, которая живет непонятно где, меняет дома как бродяжка и вынуждена выслушивать всякое непонятно от кого! Да будь они хоть трижды родителями Анри, я им этого прощать не намерена.

– Но давай не будем срываться на людях, которые не имеют никакого отношения к нашим проблемам.

Не имеют? Это он сейчас о Франческе, что ли?

Рванулась с такой силой, что шнур от корсета вжикнул и наполовину выскользнул из петель.

– Не желаю больше ничего слышать о ней! – процедила я. – Она взрослая женщина, и не могла не понимать, что делает. Сунется к нам в дом – вылетит из него в одних панталонах.

Поскольку корсет меня больше не держал, вывернувшись из него через голову, отбросила на кровать. Стянула нижние юбки, швырнула на стул. Накинула халат и вышла из комнаты. Внутри все переворачивалось от ярости, руки леденели, и тьма трепетала на кончиках пальцев. Только этого мне еще не хватало – утратить контроль и оставить от дома один остов. Хорошо, если остов останется. Куда потом переезжать будем? На Лагуанские острова?

То, что мне удалось вычитать в Тритте, в той самой книге, которую я все-таки дождалась, внушало мало надежды – под воздействием маленького хэандаме магия могла прорываться, когда я не выспалась, волнуясь или переутомляюсь. Женщина, повелевающая огнем, сожгла свой дом, потому что магия вырвалась из нее во сне. Муж успел спасти ее и себя только чудом. Мне же совершенно не хотелось в один прекрасный день спровоцировать золотую мглу Анри, оказавшись рядом с ним и плеснув через себя тьмой.

Так что пусть Франческа держится подальше.

От меня, мужа, от нашей дочери и нашего дома. Целее будет.

Потому что – Всевидящий знает – я уже готова наглядно объяснить, насколько ей здесь не рады.

Я остановилась рядом с дверью Софи и постучала.

– Софи, можно войти?

Тишина. Из-за двери не доносилось ни звука, но я для себя уже решила, что не уйду, пока не поговорю с дочерью. Если понадобится, через новую ссору и слезы, но только так можно преодолеть то, что стояло между нами. Решительно открыла дверь и вошла: девочка сидела на кровати. Разложенные на покрывале карты золотили последние полосы заходящего солнца.

– Софи.

Дочь подняла голову – глаза у нее были красные, нос распух. На щеках застывали потеки слез, и сердце болезненно сжалось. Ни разу не видела нашу храбрую малышку в таком состоянии... до сегодняшнего дня. Ни в Равьенн из-за жестокости мадам Горинье, ни после того как Евгения вложила в голову дочери мысль о побеге, и магия искажений терзала ее сознание. Даже когда случилась ужасная ссора с Винсентом, она держалась. Но не теперь.

– Софи, прости нас, – опустилась на край кровати осторожно, чтобы не задеть карты. – Прости, пожалуйста.

Глаза дочери снова наполнились слезами, и впервые в жизни я не знала, как поступить. Обнять? Сказать – что-то еще, но что? Чтобы не сделать еще больнее...

Я попросила мужа дать мне время, чтобы поговорить с ней наедине, но сейчас уже сомневалась в правильности своего решения. Надо было прийти вместе, у Анри всегда получалось общаться с женщинами лучше, чем у меня. А Софи тоже женщина, только маленькая.

– Вы поссорились из-за меня, – сказала она тихо, глубоко вздохнула и всхлипнула. – Вы из-за меня поссорились!

А потом разревелась. По-детски, отчаянно, громко, и теперь уже не было вопроса, как поступить. Я просто притянула дочь к себе, гладила по спине, по волосам и шептала все-все-все, о чем так хотела ей сказать. Что вовсе мы не поссорились, просто у взрослых всегда все сложно. Что для меня забыть о ее Рожденье было ужасно, и что я никогда в жизни больше не совершу такую ошибку. Софи плакала так горько, что в комнату приманился Кошмар и начал орать дурным голосом, как по весне.

А муж все не шел.

– Мы сейчас зальем твою спальню, – сообщила я, глубоко вздохнув. – А в Лации и так скоро наводнения ожидаются.

– Очень смешно, – буркнула Софи мне в плечо.

Икнула и прижалась еще крепче. А потом заговорила быстро-быстро:

– Я не расстроилась из-за Рожденья, правда. Только пожалуйста, не ссорьтесь больше из-за меня... И не кричите друг на друга.

– Не будем, – тихо сказала я.

– Поклянись! – упрямо сказала дочь.

Я удивленно отстранилась, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Пожалуйста, Тереза. Я... я боюсь.

– Чего ты боишься?

Софи сжала губы, но потом все-таки вытолкнула, через силу:

– Что вы снова отдадите меня в приют, и я больше вас не увижу.

Наверное, стоило бы. Из-за меня одни только проблемы...

Ох.

Так вот почему она ничего не сказала перед отъездом. Боялась, что нам придется задержаться из-за нее. Боялась, что станет обузой. Что мы захотим от нее избавиться. Всевидающий! Неужели она всерьез так думает? Неужели все из-за слов Винсента? Или мы сами дали ей повод так думать? Но чем и когда?

– Софи! – воскликнула я так громко, что сама вздрогнула. И добавила уже мягче: – С того дня, как ты появилась в моей жизни, я уже не могу представить себе ее без тебя. Без тебя, родная моя, без твоей улыбки...

Поднесла ее руки к губам и поцеловала.

– Без твоих сияющих глаз. Я люблю тебя. Мы с тобой связаны, слышишь?

Девочка подняла глаза.

– Пусть не по крови, но сердцем. А эти узы гораздо крепче любых других. И точно так же мы связаны с Анри.

Странно, наверное, мне надо было проговорить все это вслух. Для нее, да и для себя тоже. Мне даже Франческу убивать расхотелось. Да что там, убивать – даже думать про нее, время на нее тратить – и то. По сердцу растекалась нежность, а внутри тепло. Тепло от осознания того, насколько я их люблю. А совсем скоро в нашей семье будет бесценное прибавление, крохотное сердечко которого бьется во мне.

– Я очень хочу, чтобы ты мне доверяла. Чтобы со всеми своими страхами ты могла прийти ко мне. И вместо того, чтобы молчать, уперла руки в бока и сказала: куда это вы собрались, у меня через несколько дней Рожденье. Почему ты промолчала?

Софи опустила глаза и нахмурилась.

– Эй, – мягко взяла ее за подбородок. – Мы же договорились быть откровенными друг с другом.

– Потому что теперь, когда у вас будет свой ребенок... вам будет не до меня.

Во мне кончился воздух. На миг показалось, что даже сердце перестало биться.

– Что ты сказала? – Голос предательски сел.

– То, что ты слышала! – выкрикнула девочка. А может быть, просто громко сказала, но мне почудилось, что это слышал не только Анри, но и вся улица. – Карты говорят, что...

– Продолжаешь верить картам? – мне все-таки удалось взять себя в руки. Хотела, чтобы прозвучало беспечно, но вышло холодно,

непростительно холодно, и Софи отпрянула.

– Да! Я им верю! Верю, Тереза.

В горле пересохло, в груди растекался холод. Я не представляла, что делать: с минуты на минуту сюда войдет муж, и тогда... Всевидящий!

– Вынуждена тебя разочаровать: на этот раз твои карты ошиблись.

– А вот и нет!

– Замолчи. – В голосе зазвенела сталь. – Достаточно с меня гаданий. Ты немедленно отдашь карты и больше к ним не притронешься.

– Нет!

Софи сгребла их с покрывала и подтянула к себе.

– Софи, – я протянула руку. – Отдай мне карты.

– Не отдам! – девочка прижала их к груди. – Почему ты не признаешься, Тереза? Ведь это прав...

Изнутри плеснуло холодом. С силой рванула карты из ее рук, и в этот миг с пальцев сорвалась тьма. Я даже не успела ничего сделать: бумага обратилась в тлен и осыпалась на покрывало. Потянула на себя щупальца тьмы, глядя, как кружится уцелевший уголок, и как Софи меняется в лице.

– Софи, я не...

– Не тронь!

Дочь больно вцепилась ногтями в мою ладонь, как дикая кошка. А потом оттолкнула мою руку, сорвалась с кровати и стремглав бросилась к дверям. Внутри бушевала сила, которую я тщетно старалась удержать. Мир перед глазами менялся, то обретая краски, то покрываясь серым налетом грани. Тьма снова рвалась на свободу, к горлу подкатил ком, вместе с желудком.

Резкий звук открывшейся за спиной двери, голос мужа:

– Софи, что случилось?

И крик дочери:

– Пусти меня! Ненавижу ее! Ненавижу!

Последнее, что я запомнила – яркую вспышку перед глазами. Мне все-таки удалось запечатать тьму до того, как Анри шагнул в комнату.

В комнату, которая закрутилась каруселью, перевернулась, и я упала в этот водоворот.

«Моя дорогая,

Это письмо я пишу в вашей комнате, где все напоминает о вас.

Год назад я и представить не могла, что наша жизнь настолько изменится. Что вы окажетесь так далеко, что я не смогу видеть вас и встречаться, когда мы обе того пожелаем».

Матушкины письма, как и ее разговоры, всегда отличались лаконичностью. Она все держала в себе, а то, что открывалось для других – представлялось крайне сдержанно, на грани вежливости и тех допустимых чувств, что в Энгерии не принято выставлять на всеобщее обозрение. Возможно, именно поэтому она всегда была идеалом и образцом подражания. На нее смотрели с восхищением, к ее мнению всегда прислушивались, считали радушной хозяйкой и достойной женой его светлости Уильяма де Мортена. К сожалению, мало кто знал, какие именно чувства скрываются за этим фасадом. А может быть, и к счастью. Матушка со стыда умерла бы, нежели призналась кому-то в том, о чем рассказала мне.

«Но я ничуть не удивлена вашему выбору. Пусть я всегда боялась это признать, но вас ждала особая судьба, полная испытаний и отличная от той, какую мне хотелось бы для своей дочери. Ваш отец тоже об этом знал; возможно, поэтому он и был с вами так строг и не позволял мне заниматься вашим воспитанием. Ведь я хотела видеть вас леди, а не воином».

Да уж, леди из меня не получилось. Но и воина, судя по всему, тоже. Потому что воины не валяются в постели, когда перевалило за полдень. И уж совершенно точно воинов не посещают такие мысли, какие посещают меня. Вчера сорвавшаяся с рук магия уничтожила хрупкое, едва зарождающееся доверие между мной и Софи. А может быть, я сама его уничтожила. Но главным было не это: я могла зацепить тьмой нашу девочку. Могла выплеснуть ее на Анри. Возможно, мне действительно стоит ему обо всем рассказать и согласиться с тем, что зелье – наилучший выход. Но почему же во мне все сжимается при одной только мысли об этом?

Положив руки на живот, я слушала биение маленького сердечка, и становилось спокойнее. Несмотря на окружавшие меня серые стены и бесцветное солнце. Несмотря на мысли о том, что Софи меня никогда не простит. Нет, я не смогу это сделать. Не смогу ни за что на свете. Даже если

мне придется спать с открытыми глазами и контролировать каждый свой вздох.

«Судьба порой преподносит нам неприятные сюрпризы, и чтобы выжить, приходится опираться на руку тех, кого мы любим. В свое время именно вы стали моим спасением. Маленькая Тереза, за одну улыбку которой я готова была простить вашему отцу все».

Поразительно, что матушка, ничего не зная обо мне, писала такие вещи. Поразительно, но я давно перестала удивляться незримой связи между душами самых близких. Поразительно, что это письмо пришло именно тогда, когда я уже перестала надеяться его получить. Сегодня утром, вместе с пакетами для мужа и отчетами из Равьенн, на которые даже смотреть не хотелось.

«Я рада, что у вас с мужем отношения складываются иначе. Цените это, моя дорогая, и не позволяйте никому и ничему разрушить ваше счастье».

Про Мортенхэйм она написала несколько коротких строчек – видимо, Винсент по-прежнему придерживался иного мнения по поводу моей борьбы за счастье. Разве что рассказала, что сердцем Лави окончательно завладел Майкл Эрден. То есть написала она конечно об этом в обычном завуалированном ключе, но все и так было понятно.

«Виконт регулярно наведывается в Мортенхэйм вместе с сестрой, леди Маргарет, и вот-вот решится поговорить с вашим братом. Пока что не представляю, что из этого выйдет – время он выбрал не самое лучшее».

В переводе на матушкин: не представляю, что ваша сестра нашла в этом чванливом трусоватом молодом человеке, в котором из достоинств только титул. Впрочем, тут я была согласна и с ней, и с Винсентом. Можно было бы из чистого упрямства поддержать Лави, но этот тонконогий продуваемый всеми ветрами виконт казался на редкость неприятным и скользким типом.

Дальше матушка благодарила за подарки: достаточно сдержанно, но видно было, что мы с Анри ей угодили.

«Должно быть, вам уже известно, что скоро я стану бабушкой».

Дважды. Интересно, обрадуется ли матушка такой новости?

Хотя скорее схватится за сердце и потребует нюхательных солей.

«Это вызывает немало хлопот, но и смягчает сердце вашего брата. Искренне надеюсь, что после рождения ребенка вы с Винсентом найдете в себе силы для примирения. А до того, моя дорогая, мне очень хотелось бы повидать вас. Напишите, будет ли вам с графом удобно принять меня и леди Лавинию погостить в вашем доме в ближайшие месяцы.

Остаюсь вашей любящей матерью,
Леди Илэйн Биго».

Хочу ли я?..

Ох! Она что, правда хочет приехать? Матушка, которая не любит путешествия практически так же, как я балы, леди Энн, графиню Уитмор и Франческу?

Я даже перечитала последние строки несколько раз, чтобы убедиться, что глаза меня не обманывают. Но они не обманывали. Они действительно хотят приехать! Хотят приехать... ко мне. Больше того, если зашел такой разговор, скорее всего, Винсент уже дал добро. Ну, или матушка поставила вопрос ребром – перечить ему способны только она да Луиза. У остальных инстинкт выживания посильнее будет.

Радость вытеснила чувство вины, некрасивую ссору и все страхи.

Они приедут! Приедут ко мне! Мои родные!

Показалось, что я сейчас взлечу под потолок вместе с покрывалом. Как раз в этот миг – счастливой, с дурацкой улыбкой до ушей, меня и застал Анри.

Тереза улыбалась. За время, что они были вместе, он изучил все ее улыбки – от холодных, словно родниковая вода, до самых светлых, по-детски искренних. Эта могла означать только одно: весточка от родных оказалась доброй.

Анри шагнул в комнату, и радость в глазах жены сразу уступила место настороженности. В последние дни она всегда смотрела так. После разговора в Тритте, раскинувшегося между ними пропастью. После разговора, за который он ругал себя последними словами, но никак не мог начать новый. Просто потому что не знал, с чего начать. Золотая мгла не позволит ему дать ей родных сына или дочь. Никогда в жизни он так не жалел об этом. Никогда до той самой минуты, пока не увидел нежность в ее глазах.

Возможно, Тереза этого даже не замечала, но как она смотрела на детские кровати или крошечные платья... как она это чувствовала. И как это чувство отзывалось в нем, хотя именно сейчас было лишним. Настолько лишним, что позволить ему поддаться казалось преступлением. Но он поддался, и за это злился на себя еще больше. На нее – за то, что рядом с ней рассыпались все принципы и логика – как волна разбивается о берег, укутывая его призрачным покрывалом. Возможно, не будь его, этого самого нелогичного, лишнего чувства, он бы не стал говорить так резко. Но случившегося уже не исправить.

– Что было в письме?

Он подошел и сел рядом. Тереза все еще сжимала в руках листок, но больше не улыбалась.

– Матушка и Лави хотят приехать к нам погостить.

Удивительно. С позволения де Мортена или без, но Илэйн Биго все-таки решилась повидать дочь. Впрочем, они с Терезой удивительно похожи. Если что задумали, уже не отступятся.

– В таком случае нам остается только побыстрее подготовить комнаты.

– Значит, ты не возражаешь?

– А разве я должен?

На миг в ее глазах снова сверкнула радость, но она тут же пожала плечами и отвернулась. Сложив руки на животе, смотрела в окно, и снова отдалялась. Мгновение за мгновением, минута за минутой. Он уже забыл, когда был так далеко от нее. И вспоминать не хотел, поэтому сейчас подался вперед и взял ее ледяные пальцы в свои. Поднес к губам, согревая дыханием, глядя на оплетающий тонкое запястье браслет. Привычный, в точности повторяющий его. Перевел взгляд на нее: Тереза побледнела и осунулась – неудивительно после всего, что пришлось пережить. Постоянное напряжение, второй переезд за полгода и встряска за встряской.

Поэтому сейчас он думал о том, как все изменить, поэтому ездил в Тритт. Поэтому и еще из-за строк, которые до сих пор горели перед глазами. С той минуты, как он прочел послание Веллажа на пароме, жизнь превратилась в обратный отсчет.

Но сейчас кто-то должен был нарушить продолжающее разделять их молчание.

– Тереза, я говорил с Софи. – Она вздрогнула и посмотрела на него, упрямо сжав губы, словно снова готовилась сражаться. Он хорошо помнил их первые дни в Лигенбурге, когда каждый день ловил на себя такие взгляды, но возвращаться к этому не хотел. Не для того они столько всего прошли вместе, чтобы так просто сдаться. – Понимаю, что она ударила больно. Понимаю, почему ты сорвалась. Но так дальше не может продолжаться. Мы семья, и если мы станем биться между собой, ничем хорошим это не кончится. Ты хочешь детей, но Софи и есть наша дочь.

Тереза глубоко вздохнула, но руки не отняла. А это уже хороший знак.

– Ты прав, – негромко сказала она. – Я сорвалась. Прости меня, и... я попрошу прощения у Софи. Если она захочет меня слушать.

Анри отпустил ее руки только затем, чтобы притянуть к себе.

– Прости за то, что я наговорил тебе в Тритте. Это было жестоко, но... Я с ума схожу, когда думаю, какую опасность может представлять для тебя

наш ребенок. Для тебя это важно, но для меня это важно не меньше. Я люблю тебя, Тереза. И не хочу, чтобы ты подвергала опасности свою жизнь, чтобы каждую минуту сходила с ума из-за нестабильной магии. Не хочу, чтобы наш ребенок испытал все то, что в свое время испытал я. И уж тем более я не хочу того, что может случиться, если он станет тем, кем его видел Эльгер.

Она ощутимо напряглась, но отпускать ее он не собирался. Не сейчас, когда вытащил из себя все, о чем молчал даже в мыслях.

– Не говоря уже о том, если такое случится, и об этом станет известно Альтари или Комитету.

Они сочли ее угрозой – из-за пристального внимания Эльгера, из-за того, кем ей довелось родиться, из-за тайны Евгении, или же из-за всего вместе. Но для того, чтобы объяснить ей все, потребовалось бы раскрыть слишком многое. А зная Терезу – ее прямолинейность и неопытность в такого рода играх, это было слишком рискованно. Особенно сейчас, когда на карту поставлено все. Не только их счастье и совместное будущее, но даже их жизни.

– Все в порядке, – сказала она. – Я понимаю.

И, наверное, впервые за последние несколько дней искренне обняла. Прижалась крепче, потерлась щекой о щеку.

– Софи очень на меня злится?

– Немножко.

Тереза вздохнула.

– Значит, очень.

– Ей нужно время. Предлагаю сегодня выбраться в кондитерскую за пирожными. Но будь готова к тому, что тебя станут показательно не замечать.

Вчера Софи отказывалась разговаривать даже с ним, а сегодня заявила, что никогда больше не заговорит с Терезой. Причем так яростно, что Анри чудом удержался от готовой сорваться с языка резкости. Этой девочке тоже многое пришлось пережить, поэтому сейчас в ней говорят боль и обида. Именно потому, что она любит Терезу всем сердцем.

– Я знаю. Эти карты были ей очень дороги. Видимо, мне придется отправиться в путешествие в поисках бродячих нонаэрян, чтобы раздобыть такие же.

– Поедем все вместе. А пока... будь с ней помягче.

– Думаешь, я не виню себя за то, что случилось? Я просто...

– И с собой тоже.

Анри улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. Запустила пальцы в его

волосы, стягивая ленту, потянулась к губам.

После дней холодов этот поцелуй показался самым горячим на свете.

А с Франческой, видимо, придется поговорить снова. Жестко, если иначе она не понимает.

Подумать о том, что та воспользуется их отъездом, чтобы подобраться к Софи, он не мог. Анри помнил ее смешной девчонкой – с ярко-синими лентами в длинных волосах, в цвет глаз. Веселой, говорливой и кокетливой. С ослепительной улыбкой и сияющими глазами. Наверное, эту же девчонку он видел всякий раз, когда ему доводилось оказаться в Лации, вот только образ этот с каждым годом все больше тускнел. С каждым годом он все реже о ней вспоминал, и все реже задумывался о том, как закончилась их первая ночь в лодке, в одном из небольших лацианских каналов. Ненависть, которая горела в его сердце, потушила цвет ее глаз и яркость лент.

Он встречался и прощался с ней так же легко, как и со всеми женщинами.

И только одна женщина заставила его остановиться.

Та, которую он сейчас сжимал в объятиях.

Та, которую ему приказали убить.

Как же мне сейчас пригодился гардероб, к которому я привыкла в Мортенхэйме! Кольцо с алаэрнином было надежно спрятано на цепочке, под глухим воротом платья. Пока что я не придумала, как объяснить мужу, с чего вдруг снова ношу камень мага, поэтому такой вариант – единственное, что мне оставалось. В случае опасности он начинал не только сиять, но и слегка нагревался: случись что, почувствую сразу. И успею остановиться до того, как будет слишком поздно.

В кондитерской я набрала пирожных больше, чем Софи. Правда, потом половину попросила отложить, пока увлеченный дочерью Анри не заметил. Софи ему все разболтала, но к счастью, он ничего не понял. Сейчас мы могли наговорить друг другу много такого, о чем впоследствии очень сильно пожалеем. Возможно, все происходит так, как и должно быть. Возможно, когда придет матушка, она сможет мне подсказать, как правильно поступить. Она знает о жизни гораздо больше меня, хотя сейчас мне кажется, что я совсем ничего не знаю. Моя голова – бесполезное скопище глав из магических трактатов, основных формул плетений и заметок путешественников.

Я даже не знаю, как помириться с собственной дочерью.

Пока улыбчивый пекарь складывал покупки в две большие коробки, Софи не смотрела в мою сторону. Она не смотрела на меня и когда мы шли по улицам, и дома, лишь сухо поздоровавшись во время обеда. Мы с Анри договорились, что трогать ее не будем, и что я постараюсь с ней поговорить ближе к вечеру. Но с чего начать даже не представляла. Я ведь действительно не хотела, чтобы так получилось, сила сорвалась с моих пальцев случайно, вот только сказать об этом я не могла.

В кондитерской одуряюще пахло выпечкой и сдобой.

Воздушные пирожные с заварным кремом или с белковым, покрытые разноцветной глазурью и шапочками взбитых сливок – раньше меня замутило бы от такого количества сладкого. Сейчас же мне не терпелось попасть домой и попробовать все. Хотя это и был подарок Софи, для меня подарок вышел не меньший. Не припомню, чтобы я когда-то так сходила с ума по сладкому. И... это что, теперь так будет все время, пока я ношу нашего ребенка? Да я же в размерах увеличусь втрое!

Вот уж чего мне совсем не хочется.

– Отнесем пирожные домой, – Анри наклонился к дочери, которая

рассматривала что-то в витрине. – Куда ты хочешь пойти вечером? Сегодня твой день, Софи.

– К Франческе.

Внутри все заледенело, поэтому я положила руку на грудь и сжала кольцо. Нельзя позволять себе расслабляться. Ни на минуту.

Муж нахмурился:

– К Франческе мы пойти не сможем.

Софи фыркнула.

– Почему? Потому что она ее не любит?

Это было сказано так громко, что даже пекарь и его помощник отвлеклись от перевязывания коробок лентами и посмотрели в мою сторону. А вместе с ними и две молоденькие девушки со своими спутниками.

– Софи. – В голосе Анри зазвенел металл.

Тихо так, как гудящее лезвие шиинхэ.

– Что? – девочка вызывающе вскинула голову. – Сам же сказал, что сегодня мой день. Почему я не могу провести его так, как хочу? Хотя бы вечером побыть с той, кому действительно есть до меня дело!

Она бросилась к дверям, мимо меня.

Тоненько зазвенел колокольчик, вторила ему закрывшаяся дверь.

В ушах до сих пор звучали слова Софи: «С той, кому действительно есть до меня дело».

Что же, в чем-то она права.

Анри подошел и мягко обнял меня за талию.

– Думаю, сейчас самое время с ней поговорить.

Я легко коснулась его руки.

– Надеюсь, ты прав.

– Иди, пока я разбираюсь со сладостями.

Софи сидела на скамейке и болтала ногами. Навесы лавочек, располагавшихся на первых этажах, уходили вправо и влево. Чего тут только не было, в этом районе: маски и наряды соседствовали с булочной, с другой стороны устроился магазинчик с книгами, а напротив продавались разные крема и зелья для красоты. Плеск воды, доносящийся с соседней улицы, привычно звучные голоса маэлонцев и холодное солнце, которое в последние дни отказывалось согревать город на воде. Сможет ли оно согреть нас?

Подошла и опустилась рядом с ней. Дочь тут же вскочила, но я мягко удержала ее за руку.

– Софи, пожалуйста. Ты знаешь, что я этого не хотела.

– Хотела! Хотела, ты всегда этого хотела. Тебе они не нравились с самого начала.

– Почему они должны были мне не нравиться?

– Потому что карты никогда не лгут, а у тебя слишком много тайн, Тереза.

По ладоням снова пробежал холодок. То ли от того, как она произнесла мое имя – так меня раньше называл Эрик, до того, как прозвал Тессой. То ли от мыслей про лорда Фрая, от той тайны, которую я никогда не собиралась раскрывать Анри. То ли от холода в темных глазах дочери. Холода, адресованного мне.

– О чем ты сейчас?

– Ни о чем, – буркнула Софи, словно поспешила свернуть с темы.

– В таком случае прошу тебя больше не говорить со мной в таком тоне.

– Да я вообще с тобой говорить не хочу!

Как раз в этот момент из кондитерской вышел Анри. Судя по стремительно холодеющему браслету, последние слова он услышал.

– Софи, немедленно извинись перед Терезой.

– И не подумаю! – дочь сложила руки на груди.

– Хочешь сидеть весь вечер дома?

– Хочу, – язвительно заметила она. – Учитывая, что мое рождение все равно прошло, лучше я посижу одна дома, чем буду гулять с ней!

– Что ж, это твое право, – сухо отозвался Анри. – Пойдем.

Софи вздернула голову и направилась было вперед, когда я услышала собственный голос. Будто со стороны.

– Можешь идти к Франческе.

Не знаю, кто удивился больше – муж, дочь, или я сама. Но уже спустя миг удивление пропало, на смену ему пришло спокойное осознание: да, я действительно это сказала. Да, я действительно собираюсь отпустить дочь к ней. Несмотря на то, что все во мне противилось такому решению.

– Тереза, ты уверена? – негромко спросил Анри.

– Более чем. Если Софи хочет провести этот вечер с Франческой, не вижу смысла возражать. Если ты не против, конечно.

Муж покачал головой.

Готовившаяся уже сражаться до последнего Софи даже не нашла, что сказать. Глаза у нее расширились, а брови невольно подскочили вверх. Она недоверчиво покосилась на Анри, но тот только указал ей в другую сторону. Вместо того, чтобы направиться домой, мы направились в сторону дома Розатти. Честно говоря, я понятия не имела, где он находится, но дочери и мужу уже доводилось там бывать. Оставалось только надеяться,

что я не сорвусь и не откручу Франческе голову. И не утоплю ее в канале на глазах у родителей. Но и удерживать Софи силой я не стану. В конце концов, что мы сейчас можем сделать? Запереть ее в комнате? Или силой усадить с собой за стол, а потом волоком тащить на прогулку?

Нет уж.

Говорить не хотелось, поэтому я просто рассматривала дома.

Разноцветные, в обнимку выстроившиеся по обе стороны улицы. В Лации непривычно ходить там, где не видно воды, но торговый район по большей части состоял из таких вот собранных на суше лент, щедро заполненных лавками или рыночными рядами.

Улочка поднималась вверх выщербленными ступенями. Я же прикидывала, чем займусь вечером. Нужно будет просмотреть записи, которые привезла из Тритта: о призраках и контроле над магией. Я выписала несколько заклинаний, которые помогали запираť силу на время – обычно их использовали для только что раскрывшихся детей, наделенных очень сильным даром, но пока еще не умеющих с ним совладать. Конечно, плетения под детский уровень сил и под мой – совершенно разные вещи, но за основу их взять можно. Выведу заклинание под себя и стану накладывать его перед сном. Что ни говори, а в прошлом осталось много полезных знаний.

– Скоро будем встречать весну.

Мы как раз вышли к каналу, и муж указал на лодки, украшенные живыми цветами. Насколько я поняла, в Лации поводом для праздника могло послужить все, что угодно. От рождения первенца высокопоставленного чиновника, которому вздумалось закатить по этому поводу гульбу на весь город, до прихода первого месяца весны. До которого еще прилично времени, кстати. Интересно, матушка с Лави успеют приехать? Вряд ли. Сегодня я напишу письмо, завтра отправлю. Пока оно дойдет, пока они ответят, потом еще сборы...

– Будет карнавал? – глаза Софи мигом загорелись.

– Нет, карнавал будет ближе к лету. А весной просто объявляется два праздничных дня, и происходит много всего интересного.

– Например? – теперь уже заинтересовалась я.

– Например, запуск бумажных фонариков.

Мы как раз проходили мимо свободной лодки, но Анри махнул рукой.

– Прогуляемся еще чуть-чуть. Вы не против?

Я так точно была не против, чтобы идти, а не плыть. Софи тоже кивнула: сейчас ее гораздо больше интересовали бумажные фонарики.

– Это как?

– По принципу волшебных магических шаров.
– Это когда все загадывали желания, и запускали в небо магические светильники?

– Не совсем светильники, – улыбнулась я. – Просто тающие искры, вокруг которых создавался небольшой полупрозрачный купол. Запускать светильники в небо было слишком расточительно даже для очень сильных магов. Кроме того, они не созданы, чтобы взлетать слишком высоко.

– А-а-а... – дочь задумчиво покосилась на небо, едва тронутое белоснежными мазками облаков.

Но тут вспомнила, что она со мной не разговаривает, и отвернулась.

Я же переложила коробку из одной руки в другую: две похожие нес Анри, и пахли они просто умопомрачительно. Решено. Приду домой, и буду есть пирожные с чаем. Потом – письмо, потом магия.

– В каналы тоже запускают бумажные фонарики, – муж указал на колышущуюся под работой весел и ветерком воду. – Разноцветные, со свечами внутри.

– И тоже загадывают желания?

Анри кивнул.

– Считается, что отпуская свою мечту в воздух или в воду, ты освобождаешься от задуманного и тем самым позволяешь стихии воплотить ее как можно быстрее.

– А что еще будет на празднике?

Улочка, на которую мы свернули, была совсем узенькой. Достаточной для того, чтобы вышагивать по одному и даже изредка тесниться, когда навстречу попадают прохожие. Подобно знакомому мне виду из окон супругов Фьоренчелли, здесь мосты тоже были перекинuty между подворотнями, а дома вливались в канал.

– В последний вечер правители города обязательно устраивают сюрприз. Что-нибудь магическое, и всякий раз – что-то новое.

– Ух, – Софи даже развернулась и теперь вышагивала лицом к мужу. – А мы пойдем на праздник?

– Посмотрим, – уклончиво ответил тот.

– Ну пойдем! Пойдем, пойдем, пойдем, мы обязательно должны пойти!

– Зависит от того, как кое-кто будет себя вести.

– Я буду! Буду вести себя хорошо! – глаза дочери блестели от возбуждения. – И вообще, вы мне обещали праздник!

– Скромнее, юная леди, – Анри приподнял коробки со сладостями. – Ваш праздник мы сейчас несем домой.

Все-таки есть в моем муже одна особенность: провернуть все так, что опомнишься ты в момент, когда все уже свершилось. Если вообще опомнишься. Софи, кажется, так ничего и не поняла, я же мысленно улыбнулась.

– Мы обязательно должны пойти, – заметила негромко. – Очень хочу посмотреть, что такого придумали лацианские правители.

Анри наигранно-тяжко вздохнул.

– Ну что ж с вами делать... значит, пойдем. Но правило про хорошо себя вести никто не отменял.

– Ур-ра! – дочь подскочила и захлопала в ладоши.

А мы, тем временем, незаметно прошли еще несколько свободных лодок. Из-за тени сдвигающихся домов вода здесь была темнее по краям, зато с лентой солнца посередине. И лента эта сияла так, что глаза слепило. В отражении застыли фасады и прижавшиеся к камням лодки, в одной из таких дремал мужчина: укрывшись пледом, положив на лицо шляпу с широкими краями.

Мы бодрым шагом прошагали еще несколько кварталов – Анри рассказывал историю, как в один год на улицах Лации появился огненный великан в маске, здорово перепугавший нескольких впечатлительных горожанок. Зато дети за ним бегали гурьбой, да и влюбленные парочки тоже – кто-то пустил слух, что дотронуться до его башмака и не обжечься – значит быть счастливыми в любви всю жизнь. А ближе к ночи, к концу второго праздничного дня он вышел прямо на воду, и взмыл в небо, рассыпавшись тысячами огненных искр. Говорил он и про звездный дождь, и про то, как над каждым домом распускались цветы, символ наступающей весны. Софи слушала его, раскрыв рот. Замолчал, только когда мы вышли к центральному каналу.

– Ну что, дальше тоже пешком?

Если честно, сейчас я хотела только одного: где-нибудь сесть. Находилась так, что мало не покажется. По моему лицу Анри все понял правильно, поэтому повернулся к дочери:

– Софи?

Она смущенно уставилась себе под ноги.

– Я немного устала.

– Ты и устала? Не верю.

– Ну... совсем чуть-чуть, – дочь покосилась на коробки в его руках. – И пирожных хочется.

– Значит, домой?

Софи кивнула. А потом вскинула руку и крикнула:

– Лодка! Вон там!

На центральном канале сесть было в разы сложнее, но кажется, нам повезло.

– Спасибо, – негромко прошептала я, когда дочь убежала вперед. – Осторожно!

Наклонившись ко мне, муж чуть не зажал между нами коробку со вкусностями. Проследил мой взгляд, рассмеялся, но все-таки поцеловал меня в щеку.

Задача с призраком сдвинулась с мертвой точки. По крайней мере, теперь я видела, где допустила просчет, и создание заклинания пошло быстрее. За несколько дней я почти разложила плетение до конца, теперь оставалось только подумать над завершающей частью, то есть привязкой к себе. Вспоминая о том, чем чревата неправильная привязка куклы, этой части я решила уделить побольше времени и подумать над ней на свежую голову. Спустя несколько дней, чтобы если что, углядеть все ошибки.

Тьма вела себя неплохо: каждую минуту я напоминала себе о том, что во мне ребенок Анри, и это срабатывало. Стоило немного закружиться голове или похолодеть пальцам, я тут же ставила блок. Доработала найденные в Фонде заклинания под себя и спать ложилась, не опасаясь, что проснусь от прорывающейся тьмы. На ночь алаэрнит прятала под матрац, а утром, когда оставалась одна, быстренько надевала под платье. Пока что не возвращался и жар, который так напугал мужа перед отъездом, из чего я сделала вывод, что все не так уж и страшно. Разве что в холодный пот бросало, да сердце иногда принималось частить. А еще во мне проснулся просто волчий аппетит.

Чтобы не возбуждать подозрений, ела я мало. Ну, или старалась, по крайней мере – по старой памяти. Зато потом, когда Селеста уходила за покупками, бежала на кухню и жевала все, что находилось на полках, пока никто не видит. Особенно меня тянуло на сладкое – на сахарную глазурь или пирожки.

Письмо матушке я написала сразу, и в свободное время занималась отчетами по Равьенн. А времени стало много: несмотря на краткую оттепель в тот вечер, Софи продолжала меня сторониться. Она готовилась к занятиям вдвое усерднее прежнего, даже перестала отвлекаться на то, что творится за окном. Но в остальном словно отдалялась, с каждым днем все больше. Нет, дочь не дерзила и не заявляла, что не хочет со мной разговаривать, но вела себя подчеркнуто вежливо.

Как с чужой.

Если раньше она дожидаться не могла, чтобы выйти со мной на прогулку, теперь вообще не рвалась из дома. На улице расцветала природа: заморозки отступили, и теперь кратковременные дожди сменяло уже начинающее пригревать солнце, но Софи охотнее просиживала над книгами по маэлонскому. Даже над учебниками по ненавистной

арифметике, которая давалась ей сложнее всего. Или у себя в комнате, рядом с кукольным домом, который ей подарила Франческа. На мое предложение поиграть вместе она всегда отвечала согласием, но наши игры затухали довольно быстро. То ли я была не сильна в куклах, то ли обида дочери пустила корни слишком глубоко в ее сердце. Конечно, прошло не так уж много времени – около недели, но с каждым днем это беспокоило меня все больше. Потому что в свое время я точно так же вела себя с отцом.

Последней каплей стал миг, когда я слишком резко потянулась, чтобы закрыть чернильницу, а дочь вздрогнула и отпрянула. Бросила на меня быстрый взгляд и снова уткнулась в тетрадь для чистописания, принялась старательно выводить слова – почерк у нее становился все лучше и лучше.

– Софи, – негромко позвала я.

Но дочь старательно скрипела пером.

– Софи!

– Да, Тереза, – не прекращая писать.

– Прервись, пожалуйста. – Все-таки поймала ее руку и накрыла ладонью. – Я хочу с тобой поговорить.

– Да, конечно. – Она подчеркнуто аккуратно, как я ее учила, промокнула перо и отложила на специальную подставку.

– Ты боишься меня?

– Вовсе нет.

Сказала уверенно, но опустила глаза.

– Мне кажется, я попросила прощения за то, что случилось. Это была случайность. Я не хотела портить твои карты, и тем более не хотела обидеть тебя.

– Хорошо.

Хорошо?

Я вздохнула.

– Софи, пожалуйста, давай поговорим нормально.

– Но мы же сейчас говорим, разве нет?

– Нет! – Невольно повысила голос, но тут же взяла себя в руки. – Ты все еще злишься на меня?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

Софи пожала плечами.

– Тебе не нравится, как я себя веду, Тереза?

– Ты ведешь себя замечательно, Софи. Но временами мне кажется, что тебе со мной... неприятно.

– Тебе кажется.

Еще мне кажется, что наш разговор зашел в тупик.

Понимая, что от дочери ничего не добьюсь, решила вернуться к урокам. Вечером поговорю с мужем – возможно, он что-нибудь посоветует. Ну, или мне самой в голову придет что-нибудь умное, потому что Анри последние несколько дней не вылезал из кабинета. Видимо, дел в Лавуа накопилось множество. Ни про Комитет, ни про Эльгера он со мной не заговаривал. А значит, пока все в порядке.

– Отпустишь меня завтра на рынок с Селестой? – как бы невзначай спросила Софи, когда мы закончили.

Завтра выходной, поэтому смысла возражать я не видела.

Разве что с большей радостью сама сходилась бы с дочерью в парк. Весна пришла раньше календарной и понемногу вступала в свои права, на деревьях уже набухали почки, которые вот-вот раскроются. Интересно будет посмотреть на раннее цветение в Лации, все-таки я привыкла совсем к другому.

– Может быть, сходим с парк?

– Я бы с радостью, но... Обещала Селесте помочь кое-что выбрать.

– Что именно?

Софи сложила руки на груди, закрываясь.

– Это значит нет?

Ну вот, снова. Меньше всего мне хотелось, чтобы дочь снова замкнулась или стать для нее тюремщицей, вроде мадам Горинье.

– Разумеется, если ты обещала помочь, сходите вместе.

– Здорово!

Софи оживленно разложила учебники и тетради по стопкам, закрыла пенал и вскочила.

– Идем обедать?

Анри обложился бумагами со всех сторон – не подступишься. Вечером нам так и не удалось поговорить, он работал допоздна, даже уходил срочно отправить почту. Сегодня же я дождалась, пока Софи с Селестой уйдут, и сразу направилась к нему. Сосредоточенный и серьезный, он оторвался от документов, стоило мне войти. Поднялся и шагнул ко мне.

– Найдется минутка поговорить?

– Вообще-то я надеялся успеть все до обеда, а выходные посвятить своим девочкам.

– У тебя есть выходные?

Анри улыбнулся.

– Так о чем ты хотела поговорить?

– О нас с Софи. Мне кажется, что она начинает от меня отдаляться, а я

ничего не могу с этим поделать.

Муж нахмурился.

– Она снова дерзила?

– В том-то и дело, что нет. Но уж лучше бы она дерзила, потому что сейчас я чувствую, что рядом со мной она становится какой-то другой. Такое ощущение, что она... терпит меня ради праздника.

Анри развернул мои руки ладонями вверх и поцеловал.

– Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? Чувствуешь себя виноватой, поэтому и придумываешь всякое?

Покачала головой.

– Не кажется. Анри, я помню, как она вела себя раньше. Сейчас мы будто чужие, и когда я пытаюсь с ней об этом поговорить, она делает вид, что все в порядке. Но только еще больше закрывается. Поэтому я пришла к тебе. Как мне ее вернуть? Как снова стать для нее родной?

– Ты и так для нее родная, – муж устроился на стуле и усадил меня к себе на колени. – Карты для нее были связью с миром, в котором она родилась. Сейчас, когда эта связь прервалась, она чувствует себя обиженной. Злится на тебя за то, что это случилось, злится на себя за то, что позволила этому случиться. Отсюда и такое поведение.

– Думаешь, ей просто нужно время?

– Разумеется, – муж перебирал мои волосы. – Нам просто нужно больше времени проводить вместе. Как ты смотришь на то, чтобы завтра снова побродить в парке?

– С удовольствием.

– Можно захватить мяч и поиграть.

Я улыбнулась.

– Надеюсь, Софи согласится.

– Не будет же она сидеть дома. Особенно в такую погоду.

Дни и впрямь стояли чудесные. Но было кое-что еще, что не давало мне покоя. Завтра воскресенье, а это значит, что мы идем к синьорам Фьоренчелли. Точнее, мы должны были идти к ним, как всегда, на обед. Но я не уверена, что готова пока видеть Лорену и спокойно сносить ее настроение, если та снова вспомнит про рождение Софи.

– Мне бы хотелось провести этот день только с вами.

Анри внимательно на меня посмотрел.

– Из-за ссоры с Лореной?

– Из-за нее в том числе. Не уверена, что сдержусь, если она снова решит показать свой темперамент.

– Для них это в порядке вещей, Тереза. Они всегда так жили.

– Для меня нет. Я не хочу, чтобы моя дочь с детства становилась свидетельницей таких сцен.

– Не могу обещать, что это больше не повторится. Но могу обещать, что серьезно попрошу их об этом.

– Спасибо.

– А завтра мы вполне можем провести день втроем. Уговорим Селесту приготовить нам обед, а сами отправимся на прогулку.

– Жаль, что дворец откроется позже. Софи очень хотела там побывать.

Муж потянулся ко мне, и я легко поцеловала его в губы.

– Тебе не кажется, что мы становимся больше родителями, нежели чем мужем и женой?

– С чего вдруг такие подозрения, граф?

Он провел пальцами по моим губам.

– Я уже начал забывать о том, какой ты бываешь... игривой.

– Это потому, что кто-то слишком много работает.

Я проворно вскочила с его колен, уворачиваясь от очередного поцелуя.

– Ох, и доиграетесь вы когда-нибудь, графиня... – наигранно-мрачно сказал он, поднимаясь.

Вместо ответа я показала ему язык и выбежала за дверь. Настроение было просто превосходным и в точности отражало погоду, которая в считанные дни пришла в Лацию. Дождика, судя по безоблачному небу, не намечалось, поэтому решила немного прогуляться. Магия вела себя спокойно, а над плетением призрака я вдоволь поработала вчера. Поэтому и решилась пройтись. Поэтому ноги сами принесли меня в парк, готовый вот-вот одеться в молодую зелень.

Утро было уже не ранее, но свежесть еще звенела в воздухе. Капельки влаги поблескивали на земле и на спинках скамеек, под ногами на ухоженных, присыпанных гравием дорожках. Подставляя лицо подобревшему солнцу, я наслаждалась минутами покоя, и все проблемы казались далекими-далекими. Мимо с визгом носились дети: здесь ни родители, ни няни не дергали их постоянно резкими окриками. То и дело в меня кто-нибудь врезался, бормотал: «Простите, синьора», – ослеплял улыбкой и бежал дальше. Девушки беззастенчиво висли на руках у молодых людей, а те совершенно не стеснялись обнимать их за талию или что-то шептать на ухо.

Невольно вспомнился Милуотский парк, и как мы встречались с Луизой. Могла ли я тогда подумать, сколько всего повидаю в ближайшее время? Столько интересных мест, столько городов, узнаю столько обычаев! Сейчас в Лигенбурге еще только-только начинает таять снег. Если начинается,

конечно: иногда холода затягивались до середины весны. Вот матушка и Лави обрадуются, когда из зимы приедут в лето!

Свернула с центральной аллеи, направляя вглубь, поближе к небольшому озеру. Прошла по широким, слегка покосившимся ступеням, мимо неработающего фонтана, когда мое внимание привлек знакомый девчоночий смех на соседней аллее. Из-за того, что деревья еще не оделись, отлично просматривались дорожки со скамейками. На одной из таких и устроились Софи и... Франческа. Дочь держала в руках букет с оранжерейными цветами – небольшой, но из кулька оберточной бумаги все равно выглядели пламенные бутоны.

Франческа что-то говорила, а Софи заливалась смехом. Счастливым смехом, которого не было слышно уже давно.

Попятившись, я чудом не наткнулась на молодого маэлонца. Пробормотала: «Извините», – и опрометью бросилась назад, игнорируя возглас: «Синьора, вы очаровательны!»

Бежала, не разбирая дороги, только ветер шумел в ушах. Подальше от Софи и Франчески, подальше от искушения увести эту наглую девицу на грань и напугать до седых волос. Подальше от желания накричать на Софи и запереть ее в комнате на всю неделю. Лицо обжигали злые слезы: злые, отчаянные слезы. За что она со мной так? Что я такого сделала, что Софи начала мне лгать? Что я такого сделала, что с Франческой она смеется, а со мной... вот так?

В ярости шагнула на лестницу, хрустнул по ступеньке попавший под ботинок крупный камень. Нога подвернулась, я вскинула руки, стараясь удержать равновесие, но уже полетела вниз.

Падение оказалось недолгим и закончилось в крепких мужских объятиях... Раджека. Солнце привычно купалось в его темных волосах, расцветивая пряди медью. Серо-голубые глаза весело сверкали.

– Вы-то что тут делаете?! – взывала я, от неожиданности замерев в его руках.

– Ловлю вас, это уже становится традицией, – сообщил он. – Ваши приветствия – это нечто, Тереза.

– Ваши появления тоже, можете мне поверить. Не хотите меня отпустить?

– Нет.

Я наступила ему на ногу, после чего он поморщился и все-таки разжал руки.

– Для Маэлонии это в порядке вещей, злючка.

– Я уже заметила.

- Куда вы так торопитесь?
- Вы за мной следили?
- Учитесь грамотно уходить от ответов?

Понимая, что это может продолжаться до бесконечности, сложила руки на груди. Ивар повторил мою позу, и мы застыли друг напротив друга, у лестницы. Не знаю, сколько мы так стояли, он не выдержал первым. Широко улыбнулся, но сказал серьезно:

- Безумно рад вас видеть.
- Заметно.
- Даже не скажете, что тоже рады?

Я вглядывалась в него, пытаюсь понять, что же сейчас чувствую. Неожиданная встреча перебила даже обиду на Софи, хотя скорее, загнала ее поглубже в сердце, как неосторожный плотник шершавую занозу. Но с этим будем разбираться потом, сейчас мне главное понять, что здесь делает Раджек. Его же вроде как отозвали.

- Пока вы не объясните, как случилась наша встреча.
- Вы совсем не меняетесь.

Вот не сказала бы. Все-таки замужняя жизнь с двойным агентом накладывает свой отпечаток. Потому что раньше я бы сначала обрадовалась, а потом подумала о столь внезапном появлении мужчины, который работает на лорда Фрая.

- Почему это?
- Слишком много думаете.
- Простите, но у меня иначе не получается.
- А вы пробовали?

Я стянула перчатку и шлепнула его по локтю. С трудом сдерживая улыбку.

– Ладно, ваша правда. Пойдемте, пока нас не приняли за замену статуй для фонтана.

Уголки губ все-таки поехали вверх. Ивар предложил мне руку, и мы направились в сторону центральной аллеи.

– Лорд Фрай серьезно обеспокоен тем, что творится вокруг вашей персоны.

- И что же такого творится вокруг моей персоны?

Раджек бросил на меня испытующий взгляд, который я ему вернула.

- Вся эта суeta с вашей магией. И пристальным вниманием Комитета.
- С этим я как-нибудь сама справлюсь.

Он холодно улыбнулся.

- Боюсь, придется смириться с тем, что я буду незаметно за вами

приглядывать.

Мне вдруг стало стыдно. Все-таки Ивар не виноват в моих проблемах с дочерью. И в нелегкие отношения с лордом Фраем он меня тоже не толкал. Ох, если бы можно было откровенно поговорить об этом с Анри, но ложь – она как снежный ком, который растет не по дням, а по часам. Невозможность раскрыться до конца, тайны-тайны-тайны... все это заставляло меня так отчаянно злиться.

Но это не причина срываться на единственном друге.

– Ивар, я правда рада вас видеть. Просто мне порядком поднадоело, что моя жизнь у всех на виду.

– Могу себе представить, – голос его смягчился. – Как вы?

– Пережила встречу с Эльгером и надеюсь, что второй не будет. А вы?

– Пережил очередное задание и жду следующего.

Да... в наших кругах очень сложно быть откровенным.

– Разве я не ваше задание? – улыбнулась.

– Вы для меня не задание, Тереза.

Неловкое молчание перебил детский визг, когда мимо нас пронеслись двое мальчишек, размахивая ветками.

– Расскажите лучше, что происходит в Энгерии. Те сведения, что я передала, они как-то пригодились?

Помнится, вот мне очень пригодились прослушивающее устройство, которое лорд Фрай передал, чтобы я могла шпионить за Анри. Сведения, полученные от Евгении – о заговоре на весенней презентации в Лигенбурге, отправились прямым ходом в Королевскую службу безопасности. Поскольку это напрямую касалось моего брата, было бы очень кстати узнать, что угрозы уже не существует.

– Пригодились.

Ну вот что за привычка! Всякий раз когда речь заходит о деле, мне приходится клещами тянуть слова из мужчин. У них там встроенный механизм «не говори Терезе», что ли?

– Та девушка, дочь Фрэнка Пирса. Ее освободили?

Если я все правильно поняла, одного из самых перспективных ученых Энгерии и знакомого моего брата, Фрэнка Пирса, Лига использовала для отвода глаз.

– Нет.

– Но почему?

– Она под внушением. Случись Фрэнку Пирсу вернуться к проекту, над которым он работал, Джулия покончила бы жизнь самоубийством.

– Кошмар.

– Ваш брат... он мог бы ее освободить или обезопасить, но это значило бы раскрыть карты. То есть подсказать Лиге, что мы в курсе их планов. Точно так же в заложниках близкие или возлюбленные других ученых, которых вы видели в списке.

– И что же, все они отказались от каких-то важных проектов?

– Нет. Один пытался продать важные чертежи в Гердэнию и сейчас арестован. Другой совершил покушение на намийского купца, фаворита одного из шейхов, с помощью собственноручно собранной бомбы. За остальными пока ведется наблюдение.

– Покушение удалось?

– Ну как сказать. Купец остался жив, но ослеп. Отношения между Намией и Маэлонией не пострадали, но поставок тканей и драгоценных камней из тех мест маэлонским модницам не дожждаться.

И он еще может об этом шутить? Я сдала виски. Неизвестно, развяжет ли Эльгер мировую войну, но кровь уже льется.

– И вы позволите подобному повториться?

– Когда речь заходит об одном человеке или о судьбах коронованных особ, вывод очевиден. На презентации в Энгерии соберутся не только главы пяти государств, но и главы семей, особо приближенных... в частности, ваш брат. Сейчас все силы брошены на расследование того, что должно произойти.

Очаровательно. То есть разведки... или в данном случае как минимум небезызвестная Королевская служба безопасности предпочтет позволить умереть людям, нежели чем выдать себя перед Эльгером. Ну или ослепнуть, что тоже очень приятно. Или позволить покончить с собой невинной девушке, если вдруг с ее сознанием что-то случится. Если кто-то – например, Эльгер – решит, что проще ее убить, чем оставить как живое доказательство собственных деяний. Но что самое пакостное, Винсент наверняка в курсе всех дел. Как бы мне ни хотелось думать, что это не так, Фрай не мог не рассказать ему о том, что готовит Эльгер.

Как же я была счастлива, когда жила в подземелье с Луни и ходила рисовать кровавые каляки-маляки, чтобы понять, светит ли мне вечная любовь лорда Фрая.

– Тереза, не смотрите на меня так. Не я отдаю приказы.

– Да что там за презентация такая?

Ивар промолчал.

– Понятно. Леди Тереза, не для ваших ушей.

– Она держится в строжайшем секрете. Презентация изобретения, позволяющего людям передвигаться по воздуху.

От неожиданности я даже рот раскрыла.

– То есть летать?

– Именно. Все испытания уже пройдены, но перед людьми первыми на борт поднимутся монархи и знать. У нас есть подозрение, что показательный полет дирижаблю не пережить.

Название-то какое странное.

– Он настолько ополоумел, что хочет убить всех разом?

– Не уверен, что все так просто. Эльгер не психопат, он политик. Но каков его план на самом деле, предугадать невозможно. Этим занимаются лучшие агенты и аналитики.

– Разве не проще ее отменить?

– Вы не в курсе того, что он недавно устроил в Ольвиже?

О да, я в курсе. Особенно приятно, что сама послужила марионеткой.

– То есть вы хотите утопить его на том, что он готовит весной? Сейчас или никогда?

– Вроде того. Прежде чем низвергнуть его самого, нужно низвергнуть его имя. Это то, чем все это время занимался ваш муж. Единственный агент, которому удалось так близко подобраться к Эльгеру и остаться в живых.

Мой муж... Я вздохнула.

Анри работает на Комитет, и то, во что ввязался мой муж, закончится только со смертью Эльгера. Если вообще закончится.

– Скажите, Ивар... агенты становятся бывшими? Его когда-нибудь отпустят?

Этот вопрос сводил меня с ума. Но кажется, ответ я знала еще до того, как Раджек покачал головой.

– Тереза, позвольте своей хорошенькой голове отдохнуть. Хотя бы немного. За кем вы все-таки гнались, когда упали в мои объятия?

– Почему вы решили, что я гналась за кем-то?

– Потому что мне сложно представить того, от кого вы бежите.

Ну почему же.

Наверное, не стоило этого говорить, не стоило воскрешать в памяти смех дочери и Франческу, перебирающую ее волосы. Букет цветов и солнце, рассыпающее над ними свет, пока я пряталась в тени. Но Ивару можно было рассказать, зная, что дальше оно не пойдет. Что Софи не лишат праздника и что я не пожалею об очередных жестоких словах, сказанных сгоряча. Об очередной преграде, возведенной собственными руками. Поэтому я остановилась. И негромко произнесла:

– Я бежала от своей дочери.

До праздника оставалось несколько дней, когда приехали матушка и Лави. Признаться, распахнув дверь, я слегка оторопела: ведь ответного письма с заверениями, что они выезжают, не последовало. По этому поводу мне даже довелось всплакнуть пару раз в перерывах между решениями «призрачной» задачки, которая, кстати сказать, сложилась. Теперь у меня был ручной призрак, который сейчас маячил за спиной. Он ходил за мной по улицам, витал в спальне, и даже слабо подвинул щетку для волос – все, на что хватило его сил по моей команде. Питать его тьмой я не решилась... пока. Но у меня все еще впереди. Или было впереди?

Но как такое возможно?

– Тереза, дорогая моя!

– Сестрица.

Лави сделала реверанс и улыбнулась. Тут только я поняла, что так и не пригласила их войти, поэтому резво отступила в сторону.

– Ох... проходите!

Матушка величественно вплыла в дом, оглядывая наш скромный холл, как военачальник поверженную армию противника. Сестренка скользнула следом, если не сказать – влетела. Яркое платье делало ее похожей на лесную фею. На улице громоздился багаж, который еще нужно будет куда-то разместить, камеристки незаметно озирались по сторонам, не зная, как себя вести. А еще... мы же не успели подготовить спальни! Прежде чем я успела додумать, матушка шагнула ко мне и сдержанно обняла.

– Почему вы встречаете нас лично? – леди Илэйн отстранилась.

– Потому что Селеста ушла на рынок.

Брови матушки поползли вверх. Впрочем, ненадолго: очевидно, она вспомнила свой визит в нашу скромную Лигенбургскую обитель и решила воздержаться от комментариев. В отличие от Лорены, из которой мнение выливалось сразу и сплошным потоком, леди Илэйн предпочитала несколько раз подумать и сформулировать, прежде чем его озвучить. Ох, как же я скучала по родной энгерийской выдержанности!

– Мы не успели приготовить вам спальни, – пробормотала я. – Потому что...

– Не страшно, – матушка улыбнулась – удивительно мягкая улыбка для ее тонких губ. – Мы решили сделать вам сюрприз, поэтому вполне можем подождать несколько часов.

Я махнула мужчинам с лодки, которые переговаривались – чтобы заносили сумки, шляпные картонки и сундуки. Сама же отступила в сторону, сцепила руки за спиной. Прошло-то около полугода, а чувство такое, что целый век. Я так ждала их, но сейчас мной овладело странное смущение, подобие ступора, сквозь который пробивались первые неуверенные ростки неожиданной радости. Я смотрела на своих родных и не могла наглядеться. Если матушка совсем не изменилась, то Лави казалась более взрослой и... женственной, что ли. Возможно, дело было в повороте головы, или в кокетливо сцепленных руках. Или в любопытных взглядах из-под ресниц, которые любвеобильные маэлонские парни восприняли по-своему.

– Эй, красавица, прогуляемся вечером?

Лави ничего не поняла, но смутилась. А вот матушка поняла и поджала губы.

– Вдвоем прогуляйтесь, – привычно ответила я на маэлонском, и указала им на дверь.

Моему ответу вторил дружный хохот в две глотки, после чего лодочники и впрямь вывалились за дверь, не преминув по очереди подмигнуть молчаливо замершим у стен камеристкам. Последние вели себя в точности как Мэри, которая впервые оказалась в доме Анри в Лигенбурге. И глаза у них были такие же. Каждый размером с антал.

– Невозможная страна, – сухо сказала матушка, когда я заперла дверь.

И посмотрела на меня так, что я прикусила язык. Надо же было такое ляпнуть!

– К ней просто нужно привыкнуть.

– К такому невозможно привыкнуть.

Не сказать, что мне не хотелось порассуждать на эту тему, но я подозревала, что рассуждения могут затянуться. А Лави с матушкой наверняка устали с дороги, да и девушкам-камеристкам неплохо бы отдохнуть.

– Анри вот-вот вернется, – сказала я. – И я попрошу его найти помощников, чтобы подняли багаж. Проходите пока в гостиную. Чая у нас нет, но...

– Нет чая?!

Похоже, в глазах матушки это было преступление похуже того, что я лично встречаю гостей и помогаю им снимать накидки. Которые были с моей же легкой руки водружены на вешалку, по-простому – накинуты на крючки.

– Да. Его здесь очень мало. Но думаю, мы это решим.

– Какой кошмар.

– Кошмар! – забыв обо всем, Лави протянула руки вальяжно спускавшемуся по лестнице коту.

Тот немедленно приблизился, чтобы ее обнюхать, доверчиво взобрался на руки, после чего наша странная процессия двинулась в сторону небольшой гостиной. Камеристки смотрели на леди Терезу во все глаза: видимо, запомнилась я им по вздернутому носу и сжеженным на бегу словам. Сейчас же они не могли взять в толк, как такое возможно, что сестра герцога и жена графа носится с гостями, как служанка.

Ох, быстрее бы Селеста с Софи вернулись. Тогда бы я не чувствовала себя настолько странно. При мысли о дочери ощутила едва уловимый укол ревности, но тут же прогнала это чувство. Разговор с Иваром помог мне успокоиться и не наделать глупостей. В свете проблем, которые вырисовывались, Франческа казалась наименьшим злом. Возможно, поэтому я ни словом не обмолвилась Анри об обмане дочери, что позволило нам неплохо провести выходные вместе и избежать очередной неприглядной ссоры. Избежать-то избежала, но забыть не смогла.

Каждый раз, когда Софи с Селестой возвращались с «прогулки на рынок», каждый раз, когда от дочери пахло цветами, внутри поднималась волна ярости, которую я гасила мыслями о нестабильной магии и о ребенке. Несмотря на то, что царапающая обида вылезала частенько не к месту и не ко времени, я старалась не обращать на нее внимания. Софи действительно очень похожа на меня, упреки или запреты, не говоря уже о наказаниях, ее только ожесточат или заставят замкнуться еще больше – и я тому прекрасный пример. Воспитание отца не лучшим образом сказалось на моем характере.

Возможно, матушка подскажет, как поступить?

– Как здесь прохладно, – Лави поежилась.

Мысленно выругалась и отправила призрака наверх – нечего ему тут холод наводить. Не успела дымка растаять в рукаве коридора второго этажа, как я почувствовала на себе пристальный взгляд Гардении, матушкиной камеристки. Эта темноволосая высокая женщина была уже в возрасте и держалась соответственно своему статусу – с достоинством, с которым могла поспорить сама леди Илэйн. Разве что Гардения всегда оставалась в ее тени. Но это совсем не мешало смотреть на меня вопросительно, испытующе, даже в чем-то изумленно. Я что, о чем-то еще забыла?

– Простите, графиня... – подала голос камеристка Лави, невысокая темноволосая девушка. – А где разместиться нам?

Всевидящий! Если я посажу их в одной гостиной с нами, матушку точно удар хватит.

– М-м-м... на кухне. Я вас провожу.

Девушка неуверенно посмотрела на Гардению. Я же взметнула юбками и кивнула им, предлагая следовать за мной. Не знаю, кто в этом случае переживал большее потрясение: прислуга, матушка с Лави или моя гордость. Подозреваю, что досталось всем одинаково. Пока Гардения осматривалась по сторонам с таким видом, словно не представляла, куда ей сесть на этой ущербной кухне, я указала на графин с водой и дверцу в стенной холодильник, где хранились продукты.

– Вот. Если хотите перекусить, там можно найти все.

На меня посмотрели, как на сухопутного осьминога. Примерно с тем же осмысленным выражением полного непонимания – то есть как, им самим доставать продукты и себе готовить?

– Ну или подождите Селесту. Она скоро вернется.

– Ох! – тоненько пискнула камеристка Лави, когда я уже выбежала за дверь.

Кто мне сказал, что приезд матушки – это будет легко?

Если бы они не решили сделать нам сюрприз, комнаты уже были бы готовы. Скорее всего, я убедила бы Анри нанять на несколько дней прислугу. Комитет или не Комитет, но леди Илэйн Биго требовалось встретить со всевозможными почестями. А сейчас... о, Всевидящий! Не представляю, что мне скажут. Хотя нет, представляю. Нет, не представляю, и представлять не хочу!

Ненадолго задержалась перед дверями гостиной, чтобы пригладить волосы и оправить юбки. Сомневаюсь, что это поможет, но вдруг. Или не поможет?.. Прислушалась: в комнате стояла гробовая тишина. Даже Лави не щебетала, а это очень, очень плохо. Правда, отступить все равно некуда, в этом доме я вроде как хозяйка. Глубоко вздохнула и вошла.

Сестренка устроилась на диванчике, обитом расписной бледно-голубой парчой. Гладила Кошмара и делала вид, что ее тут нет – еще один не самый приятный признак. Разумеется, Лави бы здесь и не было, но леди Илэйн просто не знала, куда ее выставить. Сама же матушка стояла у окна: расправив плечи и сложив руки на груди, а заслышав меня, обернулась.

– Леди Тереза! Как вы могли до такого докатиться?

– Матушка! – возмущенно пискнула я.

– Это не дом. Это сарай.

Кажется, на тему энгерийской сдержанности я погорячилась. Да и обидно стало как-то за свой сарай... э-э-э... то есть дом. Между прочим, я

здесь живу, и вполне успешно.

- Хороший дом! – искренне возмутилась я.
- Очень. Его сдует первым же порывом ветра.
- В Лации не бывает столь сильных ветров.
- Что ж, это обнадеживает.

Леди Илэйн приблизилась, медленно и величественно.

– А как вы двигаетесь? У вас походка служанки! И что это... – она поддела мой воинственно топорщившийся локон, выскочивший на лоб. – За непозволительная небрежность?

- Матушка, хватит!

Я попыталась приладить локон к остальным, но он не прилаживался. Наоборот пружинкой выстрелил вверх и потянулся к небу. Ну что я сделаю, если прическа от Эрика мне до сих пор аукается.

– Когда я приезжала к вам в Лигенбурге, обратила внимание на малочисленность ваших слуг и скромные условия. Но я и подумать не могла, что этот... ужас прочно войдет в вашу жизнь. Возможно, Винсент был прав, когда отказывался одобрить ваш брак. Этот мужчина, видимо, не способен понять, чего вы достойны.

- Достаточно!

Я рыкнула так, что Лави забыла о том, что ее здесь нет и слегка подскочила. У матушки даже глаза расширились, что случалось очень и очень редко. А вот не надо было задевать Анри!

- Это моя жизнь, матушка. И она такая, какая есть.

– Разве это жизнь, моя дорогая? – она окинула взглядом более чем скромную комнату. – Вы достойны гораздо большего.

– У меня есть все, что нужно, – я сложила руки на груди, неосознанно холодея.

Неужели и с ними придется сражаться?

– Я люблю своего мужа, – добавила уже спокойнее. – И свою дочь. Да, возможно я привыкла к другому, но мне достаточно знать, что они рядом. Что с ними все в порядке, и что они счастливы. А я всем сердцем надеюсь, что они счастливы. Надеюсь, вы не станете уверять меня, что я хуже прочих знаю, что такое счастье.

Выпалив все это на одном дыхании, замерла. Зная матушку, сейчас мне выскажут все что думают. В сдержанной, но достаточно жесткой манере, от которой захочется рассыпаться в тлен и не собираться до завтрашнего вечера. Но вопреки моим предположениям леди Илэйн не сказала ни слова. Просто смотрела на меня и молчала. Смотрела так, словно видела впервые в жизни.

– Что? – недовольно буркнула я. – У меня пятно на щеке?

– Моя дорогая, как же я скупала по вам!

Прежде чем я успела хоть слово вставить, матушка шагнула вперед и обняла меня так, как никогда в жизни. Порывисто и отчаянно меня притянули к себе, с такой нежностью и в то же время с такой силой, что перехватило дыхание. В хорошем смысле слова. Лави загадочно улыбалась – так она поступала всегда, когда приходилось делать вид, что она что-то не заметила или не услышала. Кошмар растворился в ее внимании, и тогда я обняла леди Илэйн в ответ. Так проникновенно-искренне, как только была способна. Казалось, в эти объятия мы вложили все несказанные слова. Все годы, в которые были гораздо дальше друг от друга, чем в последние несколько месяцев.

Краткие мгновения уютной тишины разорвал стук входной двери и быстрые шаги.

– Тереза, мы верну... – Софи влетела в гостиную и замерла. Глаза ее, потухшие и грустные, расширились. – ... лись, – все-таки закончила дочь.

Она смотрела на леди Илэйн и Лавинию, изумление сменила растерянность, а затем испуг. Догадалась, кто они такие – не отметить внешнее сходство Биго невозможно, а воспоминания о Винсенте в ее памяти еще слишком живы. Поэтому сейчас я неспешно отстранилась и подошла к дочери, мягко положила руки на худенькие плечи. Та напряглась еще сильнее, словно я собиралась волоком тащить ее к дивану.

– Матушка, позвольте представить вам Софи, мою дочь. Софи, это моя матушка, леди Илэйн Биго, а это моя сестра, леди Лавиния.

– Приятно познакомиться, Софи. – Голос матери звучал на удивление мягко.

Лави же вспорхнула с дивана, к явному неудовольствию Кошмара, которому пришлось быстро спрыгнуть на пол. Подошла к нам и улыбнулась – так светло и легко, как умела только она.

– Рада встрече, Софи! Какое у вас очаровательное платье!

Немалых усилий стоило убрать руки, но спокойно выдохнула я только в ту минуту, когда дочь сделала реверанс и негромко произнесла:

– Рада знакомству, леди Илэйн. Леди Лавиния, очень приятно с вами познакомиться.

На губах мелькнуло солнышко неуверенной улыбки, которое быстро спряталось за тучкой сомнений, но тут Лави взяла дело в свои руки. Сверкнув глазами, наклонилась к Софи и протянула ей ладонь.

– Мне тоже очень приятно! Покажете мне дом?

С утра алаэрнит устроил мне веселую жизнь: точнее, веселую жизнь мне устроила моя сила не без помощи будущего лорда или леди. Я нещадно проспала, а проснулась в ледяном поту. Меня трясло так, что зуб на зуб не попадал, но к счастью, Анри уже ушел: из-за визита матушки и Лави подолгу валяться в постели не получится. Благодаря Всевидящего за такую помощь, я сунула руку под матрац и вытащила кольцо с сияющим камнем. О-ох, ну как же так? Я ведь ставила запирающее магию заклинание! Впрочем, сейчас было не до выяснений, поэтому пришлось быстро уходить на грань и перекрывать потоки подступающей тьмы.

После этого я дошла до зеркала – бледно-зеленая, как листья салата, подождала, пока вернется нормальный цвет моих глаз и начала привычно одеваться. Матушка предлагала мне Гардению в помощь, но я отказалась. Вряд ли благопристойной энгерийской камеристке стоит заходить в нашу с Анри спальню. Словом, я успела надеть нижние юбки и даже ступила в обручи неширокого кринолина, но тут меня скрутило вполне по-человечески: к горлу подступила тошнота. Она, конечно, стала частой спутницей по утрам в последнее время, но так далеко дело не заходило. Сегодня я рванула в сторону уборной с неподобающей прытью, и еще минут двадцать провела там. А когда вышла, столкнулась с Анри.

Увидев меня, муж побелел и поспешно подхватил на руки, хотя падать я не собиралась. Ну правда не собиралась, а стены пусть себе крутятся.

Меня внесли в спальню, вернули на кровать и встревоженно положили ладонь на лоб.

– Тереза, что случилось?

– Женское недомогание, – мрачно отозвалась я.

И ведь даже не слукавила. Почти.

Анри же только нахмурился. Ну и с чего? Я, между прочим, идеально сочетаюсь с нашими бледно-зелеными обоями и нежным покрывалом, напоминающими летнее утро в туманной дымке. Или нет?

– Что не так?

– Мне не нравится, что с тобой творится в последнее время.

– А что со мной творится?

– Сначала у тебя был жар.

– Это просто усталость сказывается.

– Потом ты сорвалась на Софи и упала в обморок...

– На две секунды.

– А сейчас ты напоминаешь молодой огурец.

Ладно, если шутит, значит, все не так страшно.

– Я приглашу целителя.

Э-э-э... это еще зачем?!

– У меня все в порядке, – я попыталась было подняться, но на лбу тут же выступила испарина, а желудок снова задержался.

Ой, нет. Нет, не надо, хватит с меня.

Рухнула обратно на, а если быть точной, в подушки.

– Тереза, это не обсуждается, – хмуро сказал Анри.

– Хочешь устроить очередное веселье? Пожалуйста, – я сделала вид, что мне все равно и натянула одеяло до подбородка. – Матушка будет рада.

Словно это могло меня спасти: по позвоночнику снова скользнула ледяная лента темной магии.

– При чем тут леди Илэйн?

– Хочешь вдобавок ко всему выслушивать, что ты довел меня до полного истощения? Тогда я за. Приглашай.

Анри выпрямился и сложил руки на груди. Вчера ему уже досталось за сарай, то есть за дом. В отличие от Лорены, матушка переговорила с ним наедине и довольно сдержанно. Только воспитание урожденной энгерийской леди, привычной, что мужчина решает все, спасло его от суровой расправы. Во время пересказа их разговора я хохотала как сумасшедшая – так, что муж пытался зажимать мне рот и был безжалостно укушен. Зато потом я целовала пострадавшую ладонь, а потом целовали меня... в общем, вечер перед ужином удался.

– Будет лучше, если ты продолжишь падать в обмороки?

– Я не падаю в обмороки! Один раз ненадолго глаза прикрыла.

Взгляд мужа выражал явное недоверие.

Ну ладно, падаю. Особенно во время занятий магией, но он об этом не знает.

– Хорошо, – негромко произнес Анри. – Но когда леди Илэйн и леди Лавиния уедут, целителя мы все равно пригласим.

– Вот тогда – пожалуйста, – хмыкнула я.

Особо спорить не хотелось: отсрочку я уже получила, поэтому сейчас только вздернула нос. Пока и тому рады, а дальше посмотрим, как быть. Тошнота понемногу отступала, так же, как и запертая мной тьма, зато накатила слабость и руки мелко подрагивали.

– Что тебе принести на завтрак?

Прислушалась, но нет, желудок больше не прилипал к спине и не

карабкался наверх в неположенное место.

– Омлет и булочки. Ветчину, еще можно побольше клубничного джема или варенья из лепестков роз. А еще попроси Селесту сделать ее фирменный соус из морепродуктов.

Удивительное все-таки дело. Пару минут назад я готова была все свое наследство отдать, чтобы из моей памяти исчезло слово «еда», а сейчас перечисляла с воодушевлением. При мысли о соусе с булочками и омлете с джемом мутилось перед глазами. К счастью, Анри не догадывался, как я собираюсь их сочетать. Если он не решит меня покормить лично, хотя...

– А еще попроси матушку ко мне зайти, – я потерлась щекой о его ладонь с самым умильным видом. – Я так по ней соскучилась... мы вчера почти не поговорили.

Что правда то правда. Как только суэта от внезапного визита улеглась, а Селеста приготовила комнаты, матушка и Лави поднялись отдыхать с дороги. Разумеется, они спускались к ужину, после того как камеристки разобрали багаж, но за ужином только светские разговоры вести. Да и после особо ничего не вышло: они все равно были уставшие, а к тому времени я уже так переволновалась, что сама еле держалась на ногах. В итоге заснула в объятиях мужа, как только голова коснулась подушки, и спала без снов. Лишь призрак витал над нами незримой тенью. Кстати, надо бы его вывесить за окно, что ли. Он, конечно, вреда Анри не причинит, но здесь все равно становится прохладно.

– Приглашу, – муж поцеловал мои пальцы. – А пока отдыхай.

Я изобразила самую невинную улыбку, и, когда он вышел за дверь, облегченно вздохнула. Сегодня мне опять повезло, но на сколько еще хватит везения? И почему тьма почти прорвалась сквозь блок? Прикрыв глаза, воссоздала схему плетения и принялась ее изучать. Вроде все верно: во время сна она окутывала меня тончайшим невидимым слоем, запечатывая магию еще до того, как малейшая искра смерти попытается вырваться в жизнь. Но что тогда произошло сегодня?

Разочарованно развеяла заклинание и ударила кулаком по кровати.

Ну почему у остальных все как у людей, а у меня как у... некромага?

Матушка явилась ко мне вместе с мужем: Анри принес завтрак, а заодно поухаживал за леди Илэйн, подвинув ей кресло, чтобы она могла устроиться рядом со мной. Честно говоря, я сама почувствовала себя неловко, когда он расставлял на столике тарелки, соусники и прочее, но Анри выглядел так, словно занимался этим каждый день. Что касается матушки, она сидела с самым непроницаемым лицом, которое только можно себе представить. Привычно прямая, хоть линейки сверяй. Только

после того, как за мужем закрылась дверь, слегка подалась вперед.

– Приятного аппетита, моя дорогая.

– Благодарю, матушка.

Я старалась делать вид, что есть мне совсем не хочется. Но получалось плохо: от дымящейся еды и аппетитных запахов голова шла кругом. Так же, как от врывающейся в окно весенней прохлады, налитанной жарким солнцем и свежестью.

– У вас вне всяких сомнений потрясающий муж, – негромко произнесла матушка. – Он пригласил меня сегодня на прогулку. Хочет показать Лацию и покатать меня по каналам.

– И вы согласились? – с трудом удержавшись от того, чтобы запихнуть в рот кусочек булочки побольше, отрезала малюсенький и намазала его капелюшечкой джема. Что-то внутри меня такому издевательству отозвалось жалобно-недовольным урчанием. Улучив момент, когда матушка отвернулась к окну, я запихнула в рот кусок ветчины и омлет, щедро политый сладким соусом.

О-о-о... подумать не могла, что это та-а-кое наслаждение! Я почувствовала себя обжорой, но остановиться не могла.

– Разумеется. Он приглашал вашу сестру, но она отказалась, хочет остаться с юной мисс Фламбель и вами.

– С Софи?

Мне было радостно знать, что несмотря на осторожность, с которым дочь восприняла гостей, она нашла общий язык с сестренкой.

– Да, она по всей видимости чем-то очень сильно раздосадована и никуда не хочет идти. Поэтому леди Лавиния тоже предпочла остаться дома.

Я нахмурилась. Состояние Софи в последнее время меня тревожило, потому что оживала она только рядом с Франческой. Но вчера после прогулки «с Селестой» вернулась пасмурная, как осень в Энгерии. Тогда я не придавала этому значения, потому что была занята другим. Подумала: вдруг ей просто не хотелось расставаться с Франческой. Но сейчас тревога за нее всколыхнулась с новой силой.

А матушка еще и подлила масла в огонь:

– Негоже юной леди расти в таких условиях.

– В каких – в таких? – сразу же ошетибилась я.

– Вы даже не наняли ей гувернантку. Сами с ней занимаетесь.

– А что в этом такого? Мне нравится проводить много времени с дочерью.

– Софи милая девочка, достаточно вежливая, хотя и чересчур простая.

Если не ошибаюсь, – матушка посмотрела на меня внимательно, – она ваша воспитанница. А это совершенно иное. В Энгерии такое давно уже было бы у всех на устах.

К счастью, мы не в Энгерии. К счастью, я удержала это у себя на устах.

– Софи давно уже наша дочь, – сказала я, – и то, что Анри не сможет передать ей титул, ничего для меня не меняет. Пожалуйста, матушка, хватит об этом.

Леди Илэйн вздернула бровь.

– Если вам так угодно.

– Спасибо.

Ну хоть здесь можно выдохнуть с облегчением.

– Как вы себя чувствуете?

– О, замечательно, – привычно сообщила я, повторяя трюк с омлетом, когда матушка опустила глаза, чтобы расправить складки на платье. – Просто немного проспала и... вы же знаете, как это бывает в такие дни.

Да, я собиралась говорить с матушкой о ребенке, но почему-то под привычно спокойным и величественным взглядом начать казалось еще сложнее, чем в присутствии Анри после его слов.

– О да. Помню, когда я носила вас, по утрам тоже не могла оторвать голову от подушки. Только ради Всевидящего, Тереза, объясните, почему ваш супруг до сих пор не знает? Я вчера спросила его, рад ли он стать отцом, но он заговорил о Софи.

Я закашлялась и долго пыталась прийти в себя, пока матушка не похлопала меня по спине – довольно участливо, надо признать. И очень мягко. В ответ на мой взгляд она только улыбнулась.

– Дорогая моя, это же очевидно. Сегодня с утра вам стало дурно. Вы никогда столько не ели. И уж тем более вы не отличались особой сентиментальностью. Кроме того, вы немного округлились, что меня несказанно радует.

Не сказать, чтобы меня это тоже несказанно радовало. Для вершины счастья не хватает только стать похожей на плюшку. Я украдкой покосилась на свое запястье, но оно вроде выглядело так же, как обычно. Косточки выступают, все как положено.

– А еще у вас так сияют глаза! Несмотря на всю эту... странную обстановку и отсутствие нормальных условий. Сегодня же поговорю с графом, что так продолжаться не может.

– Не надо! – рыкнула я. – Матушка, давайте оставим наш быт в покое!

Леди Илэйн поджала губы.

– Когда это я успела отличиться сентиментальностью? – спросила я, чтобы выиграть время на раздумья и критически осмотрела свой поднос.

Разве тут много еды?

– Ну как же, вчера, за ужином. Вы чуть не расплакались, когда я рассказывала, как на охоте юный виконт Арстон подстрелил крольчонка.

На глаза вдруг навернулись слезы, которые я немедленно заставила отступить.

– Но он же совсем маленький, – заметила негромко.

– Виконт Арстон? Да, ему еще нет и двенадцати.

– Крольчонок.

Леди Илэйн приподняла брови и испытующе посмотрела на меня.

Чем больше мы об этом говорили, тем отчетливее я понимала, что с темы свернуть не удастся.

– Матушка, неужели это настолько заметно?

– Для женщины – более чем, моя дорогая. Особенно если эта женщина знает тебя с детства.

Теперь уже мне пришлось опустить глаза. Всегда казалось, что матушке нет до меня никакого дела, и в прошлом году причина этого стала мне ясна. Но может ли мать отказаться от ребенка, даже если запирает в себе малейший намек на чувства? И разве она сумеет отказаться от того, чтобы даже тайком – вот как я за Софи, наблюдать за взлетами и падениями, за горестями и радостями. Сколько раз вот так, в детстве, я ловила на себя ее взгляд – зачастую холодный и отстраненный, но никогда не думала, что за ним скрывается что-то кроме вежливого внимания. Какой же я тогда была глупой! Наверное, понять такое можно только когда сама становишься матерью.

На глаза снова навернулись слезы, и теперь уже я не смогла их сдержать. Они хлынули сплошным потоком, смывая годы собственной глупости и одиночества, в которое я сама себя загоняла.

– Девочка моя! – Матушка поднялась из кресла и опустилась на постель.

Я же отставила столик и теперь рыдала прямо ей в плечо, нисколько не сдерживаясь.

– Анри не хочет своих детей, – пробормотала сквозь слезы.

– Не хочет? Кто вам это сказал?

Такой простой вопрос почему-то спровоцировал очередной всплеск отчаяния, которое отразилось в тихом шепоте:

– Он сам.

Я прерывисто вздохнула, не решаясь поднять лицо. Стыдно было до

невозможности – развела тут сырость. Ужас! Просто ужас ужасный и кошмар. Кошмарнее не бывает.

– Граф такое сказал? – матушка отстранилась и пытливо заглянула мне в глаза.

– Да. И на то есть причины.

Пришлось рассказать все с самого начала – о силе хэандаме и о том, что мне предстоит. О том, как категорично Анри отзывался о возможности выносить ребенка, об опасностях и последующем более мягком разговоре. Когда я все-таки дошла до воспоминаний про зелье, матушка приложила палец к моим губам.

– Достаточно. Не терзайте себя, – она снова притянула меня в объятия и теперь гладила по волосам, как если бы я была маленькой девочкой. – Понимаете, моя милая Тереза, не все здесь так просто и однозначно. Он говорил о ребенке, которого нет. Для него нет.

– Но он и не хочет, чтобы он появлялся.

– Спорное замечание. Особенно если учесть, как он ухаживает за Софи и как ведет себя в ее присутствии. А как он на нее смотрит! Неужели вы не замечали?

– Софи – другое дело. Она не угрожает моему здоровью.

Матушка напряглась: я почувствовала, как закаменели ее плечи, но спустя недолгое время расслабились.

– Как ваша мать я готова поддержать его в том, что касается зелья, – вот тут уже напряглась я. – Но в то же время как ваша мать я не смогу этого сделать. Я понимаю, что сейчас вы очень сильно рискуете, но зная вас, не представляю, что вы выберете другой путь.

Да что со мной сегодня такое творится? Не успела отойти от первого слезокапства, как уже наметилось второе. Украдкой потерла уголки глаз, надеясь, что во мне наконец-то кончатся слезы. Должны же они кончиться.

– Хотите, я с ним поговорю?

– Нет! – тут же вскинулась я. – Нет, только не это. Я должна это сделать сама.

Матушка отстранилась и внимательно заглянула мне в глаза. Сейчас ее прищур напоминал кошачий: внимательный, изучающий, и хитрый. В сочетании с зелеными глазами выглядело довольно подозрительно.

– Вот это вы совершенно точно заметили, моя дорогая. Но если граф не будет знать о наследнике или наследнице до дня моего отъезда, я сама сообщу ему радостную новость.

От неожиданности замерла, глядя на бывшую герцогиню широко раскрытыми глазами.

– У вас достаточно времени, целых две недели. Но все-таки не советую тянуть так долго.

– Вы... вы этого не сделаете! – рыкнула я, когда матушка поднялась и расправила юбки.

– Сделаю, и вы прекрасно это знаете.

– Тогда я не буду с вами разговаривать!

– Что ж, думаю оно того стоит.

Она поцеловала меня в макушку и направилась к двери. Взялась уже было за ручку, но тут обернулась:

– Ах, да. Я составлю вашей Селесте список, что вам лучше есть в ближайшие месяцы. Вам необходимо нанять камеристку немедленно! И пригласить целителя, в самом скором времени. Желательно, до моего отъезда, чтобы я успела услышать заключение из его уст. А пока не смейте вставать с кровати. Берегите себя.

Выдав мне все указания, бывшая герцогиня выплыла за дверь. А я поняла, что сама себя загнала в ловушку: если не скажу я, матушка расскажет Анри. Она не бросается пустыми угрозами – так же, как и мой брат. Что же, теперь... теперь, похоже, мне надо придумать, как это сделать в самые ближайшие дни, чтобы угроза появления целителя в этом доме стала неактуальной. Потому что если муж узнает об этом не от меня... ой.

Матушка и Анри действительно ушли вскоре после обеда. Я же повалялась некоторое время – для вида, после чего решила выйти из комнаты. Слова леди Илэйн о Софи не давали мне покоя, и я хотела – пусть даже как-нибудь очень осторожно, узнать, что же творится с дочерью.

Девочки нашлись в гостиной, где Лави держала на руках Кошмара, а Софи – Лилит. При этом кот не проявлял никаких намерений откусить мышке голову, а та спокойно сидела в ладонях дочери и шевелила усиками, принюхиваясь. Удивительно, но светлая магия сестры всегда творила чудеса. В отличие от моей, которая творила ужасы.

– Тереза! Вам уже лучше? – Лави широко улыбнулась, продолжая поглаживать лоснящуюся шерстку.

Кошмар был счастлив. Столько внимания, сколько за последний день, ему не уделяли уже давно. Улучив минутку, пока Софи отвлеклась на меня, Лилит шустро сбежала вниз по ее платью и взобралась к Лави на плечо. Ну это обычное дело – где сестра ни появится, животные ведут себя одинаково. Даже Демон с его диким необузданным нором, который подпускал к себе только меня, а конюхов терпел, относился к ней терпеливо и по-доброму.

– Да, я чувствую себя замечательно.

– Но вы бледны, сестрица.

– Не бледнее обычного.

Лави лукаво улыбнулась.

– Хотите посидеть с нами?

Я взглянула на Софи, но та только равнодушно поправила юбки и улыбнулась. Спокойно и как-то отстраненно. Улыбка ее была только на губах, глаза оставались безучастными, погасшими, от чего мне стало совсем не по себе. Да что же с ней происходит, с моей девочкой? И ведь не расскажет ничего.

Заметив мой взгляд, Лави ссадила с колен разомлевшего Кошмара, а Лилит, подчиняясь едва уловимой ласковой магической искре, перебежала с одного плеча сестры на другое, скользнула по рукаву на запястье и снова оказалась в ладонях Софи. Это вызвало недолгое оживление: в темных глазах дочери тоже мелькнули искорки. Искорки, которые я так отчаянно любила.

– Как ты это делаешь?

– Они сами этого хотят.
– Но ведь они все бегут к тебе.
– Они бегут ко мне, потому что чувствуют мою магию.
– Магию жизни, – мечтательно пробормотала Софи. – Хотела бы я уметь так же...

– А хотите, я вам кое-что покажу? Правда, для этого нам придется пойти в парк.

Кажется, я начала понимать, о чем она: в этом доме нет ни одного растения, а магия сестры способна помочь любому цветку распуститься в считанные минуты.

– Сестрица, вы не против, если мы с Софи вас ненадолго оставим?

– Разумеется, нет.

– А вы, Софи? Хотите в парк?

Софи недолго поколебалась, но потом все-таки ответила:

– Да.

– Вот и чудно! Тогда собирайтесь, а я пока тоже приведу себя в порядок.

Дочь скрылась за дверью, и я с благодарностью посмотрела на сестру.

– Спасибо за то, что возитесь с ней. У нас сейчас не самый легкий период.

– Ой, что вы такое говорите, Тереза! – Лави вспорхнула с дивана. – Мне это только в радость!

Тогда как весь мир считал меня не от мира сего, я то же самое думала про сестру. Она и по полу то ходит неслышно, словно летает, едва касаясь туфельками ковров. Удивительно, но наши силы настолько непохожи друг на друга, что порой становится странно. Ведь ее родство с природой по-настоящему удивительно, она как продолжательница рода легендарных элленари – лесного народа. Согласно фольклору, этот народец мог заставить зазеленеть заснеженный лес. Думаю, если Лави постаралась бы, со временем ей бы это тоже удалось. Правда она никогда не сделает ничего такого, что может навредить растениям или животным. Для нее это табу.

Пожелав сестре удачной прогулки, я направилась на кухню. Пришла пора серьезно поговорить с Селестой, потому что только она могла пролить свет на то, что происходит с Софи. К счастью для меня, помощница по дому оказалась на кухне одна. Она перемыла посуду и сейчас составляла тарелки на полки, ловко орудуя полотенцем и что-то напевая себе под нос.

– Доброго дня, синьора.

– И тебе доброго дня. – К делу перешла без промедлений, пока на кухню не заглянула Гардения или камеристка Лави. – Мне известно, что

Софи встречалась с Франческой.

Селеста – плотно сбита и полностью седая, немногим старше Лорены женщина, замерла. Ноздри ее раздулись, словно она готовилась защищаться, но я пришла сюда не ради ссоры и не для того, чтобы бросаться обвинениями.

– Я не собираюсь вас ни в чем упрекать, – подняла руку, пресекая все возражения. – Сейчас мне нужно просто понять, что творится с дочерью. Почему она сама не своя. Что-то произошло?

– Нужно понять, – проворчала та себе под нос. – Дите скоро зачахнет, а они только понимать собрались.

Она поставила тарелку поверх других с таким воодушевлением, что вся стопка чудом не разлетелась на черепки. В ответ я просто сложила руки на груди и приподняла бровь. Интересно, насколько еще моего энгерийского воспитания хватит, чтобы противостоять маэлонскому?

– Я жду.

– Переживает она, что не нужна вам. А после того, как у Франчески ухажер завелся, вдвойне переживает. Считает, что никому нет до нее дела.

– Минуточку. Говоришь, Франческа с кем-то встречается?

Как-то это не вязалось с упорством, с которым синьорина Розатти преследовала моего мужа.

– Да вот, познакомилась недавно. Голову ей совсем вскружил. Они ведь с этой подготовкой к празднику совсем с ног сбились, в цветочной лавке отбоя от покупателей нет. Вот времени на ребенка и не остается, когда выбирать приходится.

Селеста говорила быстро, как все маэлонцы, но из того что мне удалось уловить – Франческа закрутила роман и дважды не смогла прийти к Софи, хотя и обещала. Но как-то так получалось, что всякий раз ее свидание намечалось на часы встречи с дочерью, и переносила она именно ее. Наверное, стоило порадоваться, но в этот момент ко мне вернулось желание найти Франческу и повыдергивать ее кучерявые патлы. Могу себе только представить, как чувствовала себя Софи в последнее время.

– Где я могу найти синьорину Розатти в такой час?

Селеста подозрительно на меня покосилась, но все-таки ответила:

– Да как же... у себя в лавке, где она работает. Выходных у них сейчас нет.

– Как туда пройти?

Пока мне объясняли, куда завернуть, и как срезать путь по каналам, чтобы не платить хитрым лодочникам больше, я немного успокоилась. Пожалуй, из этой встречи не получится ничего путного, если останусь

такой же взвинченной. Если честно, я сильно сомневалась, что из нее получится что-либо путное в принципе, но и оставаться в стороне не собиралась. Франческа хотела приблизиться к Анри через Софи, это понятно и младенцу, но она дотянулась до сердца моей дочери. Я буду не я, если позволю ей его разбить.

Цветочная лавка, где работала Франческа, располагалась в одном из торговых рядов. Мне пришлось пробираться по узкой улочке вдоль канала: народу здесь сейчас было не протолкнуться. То и дело подходили лодки, к которым тут же бросались люди, чтобы занять свободную. Я уже настолько привыкла ко всей этой суете, что не обращала на нее внимания. Только изредка отдергивала платье, чтобы не лишиться подола, когда кто-то из особо шустрых горожан, спешил занять место.

Надо отдать должное, богатые районы Лации отличались более широкими улицами и богатым оформлением особняков, которые не цеплялись друг за друга, как выводок утят за мамашу. Напротив – чинно и мирно устраивались на достаточном расстоянии друг от друга, в объятиях кованых оград с прилегающими садами, которым вот-вот предстояло зазеленеть. Здесь в принципе было не в пример больше деревьев и суши, что делало эти места похожими на Тритт. Но мы с Анри редко сюда забирались, потому что должны держаться в тени. Очень надеюсь, что матушка вняла моим просьбам и не станет заводить разговор с мужем на эту тему. Впрочем, она привыкла, что в Энгерии все решает мужчина, на это и остается уповать. И еще самую малость на то, что ей не захочется рассказывать о том, какие тяготы и лишения переносит ее дочь, которая росла в роскоши.

Лавку было видно издали – такие яркие краски мало где можно найти. Каких только цветов тут нет: и розы, и лилии, и гладиолусы, и фрезии... Огненные, сиреневые, алые, белоснежные лепестки, море которых колыхалось под легким ветерком, и отражение в витринах вторило им.

Рядом с невысокой блондинкой – видимо, Адрианой, толпилось много покупателей, я же решительным шагом направилась к дверям – как раз в тот момент, когда из лавки выпорхнула Франческа, а следом за ней... Ивар. Единственное, что успела сделать – нырнуть под навес бакалейного магазинчика: дом, в котором он располагался, был словно вдавлен между двумя другими. Спряталась за выставленные на улицу бочки, там и замерла, растерянно моргая на то, как Раджек сжимает руки синьорины Розатти.

Не знаю почему, но в этот миг желание придушить Франческу

сменилось желанием придушить Раджека. А еще друг, называется! Вместо того, чтобы держаться от нее подальше... Встречаться с ними двумя в мои планы не входило, поэтому я медленно попятилась. А потом резко развернулась и чуть ли не бегом бросилась назад. От ближайшего причала только что отошла свободная лодка, а к следующей бросилась дородная женщина с тремя ребятишками, поэтому я быстро зашагала вперед. Все дальше и дальше от цветочной лавки, от увиденного. Обида жгла сердце, хотелось что-нибудь испепелить. Пролетела поворот, свернула в ближайший проулок, выводящий к более спокойному каналу, когда за спиной раздался голос Ивара:

– Тереза, вы бы не могли бегать помедленнее? За вами не угонишься!

– Это вы так за мной присматриваете? – хмыкнула, обернувшись. – Возвращайтесь, а то слишком быстро распрощались с возлюбленной.

– Только не говорите, что вы ревнуете.

– Ревную? Я? Да мне просто противно! Вы...

– Я вот уже неделю делаю все, чтобы вернуть вашу дочь в семью. Хорошенькая благодарность.

Я замерла.

– Вы... что?

Ивар приблизился, медленно. Но все-таки не вплотную. И правильно сделал! Руки чесались вцепиться в щеку.

– Я слегка занял синьорину Розатти, чтобы переключить ее внимание на себя.

Поверить не могу!

– Вы с ума сошли? – холодно поинтересовалась я.

Ивар приподнял брови.

– Благодарность? Вы ухаживаете за женщиной, играете ее чувствами!

– Эта женщина играла чувствами вашей дочери, не задумываясь. – Раджек подошел еще ближе и остановился рядом, жестко глядя мне в глаза. Тень и солнце разделили его мощную фигуру надвое. – Чтобы спровоцировать вас, Тереза. Заставить вас проявить вашу магию на глазах у других, заставить вас обратить свою силу против нее и выставить себя жертвой. Она знает, почему вы были вынуждены уехать, она следила за ним все это время. Выписывала газеты из Вэлей, отмечала каждый его шаг.

– Вы с ума сошли? – тихо повторила я.

– Нет, – отмахнулся Ивар. – А вот Франческа одержима вашим мужем. Она даже меня использует, чтобы привлечь к себе внимание.

– Не бойтесь, что привлечет? – язвительно спросила я. – То-то мой муж удивится!

– Не боюсь. Ее одержимость не мешала ей крутить романы с другими мужчинами, и вашему мужу об этом известно не хуже меня.

– Откуда вы все это знаете? Она живет с родителями, и не могла...

– Живет она и правда с родителями. Помимо прочего, у нее есть квартира, куда она приводит любовников, и где она собирала статьи о вашей семье, в том числе последний выпад Аркура, который привел к вашему отъезду.

Пытаясь отойти от услышанного, я тем не менее складывала в уме то, что рассказал Ивар с тем, что видела и слышала сама. Франческа выучила вэлейский, чтобы читать газеты. Она изучала жизнь Анри, как в свое время Эрик – мою жизнь. Разумеется, с поправкой на свои возможности, но тем не менее. Все ее жесты, полупафосы, ее поведение. Она действительно играла с Софи. Ее чувствами, ее сердцем, ее доверием! У-у-у...

Резко развернулась, но Ивар перехватил меня за плечи.

– Куда это вы собрались?

– Устрою ей то, что она хотела.

– А она только этого и ждет, – Раджек посмотрел на меня укоризненно.

Его слова были не лишены смысла. Если вспомнить, что их обманные прогулки начались после того, как я не сдержалась и уничтожила карты дочери... возможно, Франческа надеялась, что однажды я застану их вместе и сорвусь. Сорвусь и тем самым подставлю себя, свою семью, а заодно дам ей повод подать на меня в суд за нападение. А главное, ей ведь почти это удалось. Не так, но иначе.

– Она играла моей дочерью! – прорычала я. – Как куклой, которую...

– При всем уважении, Тереза, для вашей дочери это тоже неплохой урок.

Я рванулась, но Ивар держал крепко.

– Она не остановится, – прошипела я. – Могу предположить, что одержимость так быстро не проходит. А вы не пускаете меня решить эту проблему раз и навсегда. Неужели вы подумали, что я наброшусь на нее с магией?

– Позвольте мне позаботиться о вас, – негромко произнес Раджек. – Обещаю, что в ближайшее время она вас не побеспокоит. Ни вас, ни вашу семью, которой и так досталось. Мне уже удалось прочно вложить в ее голову мысль о том, что ревность – верный способ привлечь внимание мужчины.

– По собственному опыту говорите? – хмыкнула я.

– Именно.

Он коснулся пальцами моей щеки, словно забывшись, но тут же

отдернул руку.

– Возвращайтесь домой, Тереза. Вы нужны своей дочери.

Прежде чем успела сказать хоть слово, Раджек шагнул на свет и затерялся в толпе. По крайней мере, когда я выглянула на торговую улицу, его уже найти не смогла. Некоторое время смотрела на цветочную лавку, а потом вернулась в проулок и вышла с другой стороны. Махнула рукой первому свободному лодочнику, и он кивнул, приглашая меня сесть.

Осадок, оставшийся от этой встречи, по-прежнему был слишком горьким. Франческу жалеть не хотелось, особенно в свете того, что открылось сейчас. Но если до нее мне не было никакого дела, то до Ивара было. Сегодня я смотрела в глаза друга и видела, каким он может быть – жестким, практичным, если не сказать жестоким. Лорд Фрай ничего не делает просто так, а Раджек крепко сидит у него на крючке. За такие мысли я себя ненавидела, но поделать ничего не могла. Если бы только можно было обо всем рассказать Анри, спросить совета... Но рассказать нельзя.

Подставляя лицо легкому ветерку, несущему дыхание весны, ненадолго закрыла глаза. Я редко обращалась ко Всевидящему, но сейчас просила его помочь. Защитить мою семью и уберечь от того, что я надеялась навсегда оставить в прошлом.

Легкий плеск воды за бортами лодки казался умиротворяющим, пригревающее солнце ласкало щеки и лоб. Минута за минутой, удар сердца за ударом сердца. Мне и правда становилось легче.

Не знаю, права ли я, что ушла, но Ивар прав.

Софи я сейчас нужнее.

Лация расцвела в считанные дни. От тепла, пришедшего в город, почки на деревьях раскрывались, укутывая их в пышные бальные наряды. Софи тоже оживилась: приезд Лавинии заставил ее воспрянуть духом. В последние несколько вечеров, когда я заходила к ней, наши разговоры не ограничивались скупыми пожеланиями доброй ночи. Дочь с воодушевлением рассказывала о том, как сестра помогает раскрываться совсем еще плотным бутонам и в каком восторге от Лави Лилит. Что когда они сидели в парке, птицы подлетали совсем близко и не боялись. Я нарадоваться не могла этой кратковременной оттепели и надеялась только, что она не закончится с отъездом родных. Но говорить с Софи пока не решалась: пусть сначала снова привыкнет к мысли, что я ей не враг.

В вечер перед праздниками Селеста принесла записку от Лорены и Энцо. Супруги Фьоренчелли приглашали нас к себе – впервые после ссоры. Если честно, я не знала, как поступить. С одной стороны, я уже немного остыла и готова была с ними увидеться. С другой – не желала, чтобы случайно или не очень матушкино энгерийское воспитание, закреплённое суровым замужеством, наткнулось на маэлонскую простоту Лорены. Что из этого получится, я даже представлять не хотела. С другой, я прекрасно понимала, что Лорена и Энцо вырастили Анри.

Поэтому после часовых раздумий я все-таки направилась к мужу – посоветоваться, а заодно и спросить, может ли он как-то переговорить с Лореной о том, что леди Илэйн Биго не привыкла к маэлонским нравам и обычаям.

Анри нашелся в кабинете, куда редко заглядывал после приезда моих родных. В его умении быть душой компании я убедилась еще в первые месяцы замужества, но столько внимания, сколько он уделял матушке и сестре, ни один мужчина не уделял ни одной женщине. В последние дни он вообще на удивление сдружился с матушкой. Даже Софи, которая поначалу восприняла ее очень настороженно, уже не каменела и не начинала глотать слова, когда входила строгая леди Илэйн. А леди Илэйн расцветала на глазах – то ли на нее так действовала ранняя весна, то ли мой муж. Словом, в нашей маленькой семье все было настолько хорошо, что портить это совсем не хотелось. Особенно на праздники, которые обещали стать чудесными.

– Не помешаю?

Анри отложил бумаги и поднялся мне навстречу.

– Ты мне никогда не мешаешь.

– Так уж и никогда? – Впрочем, долго отвлекать его я не собиралась. Сразу протянула сложенный вчетверо листок.

Пробежав его глазами, муж вопросительно взглянул на меня.

– Что думаешь?

За все время, что прошло после некрасивой размолвки, он ни разу не настоял на том, чтобы пойти к ним. Ни разу меня не упрекнул, что я не хочу заглянуть в гости, даже не пытался оправдать Лорену. Видимо, его это тоже серьезно задело, а может быть, он просто не хотел лишний раз напоминать о том, что привело к нашей с Софи ссоре. Вот только эти люди были для него важны, и я решила, что прошло достаточно времени, чтобы кто-то из нас сделал первый шаг. Это сделала Лорена, и отвечать отказом не хотелось. С другой стороны, мне хотелось бы устроить семейный праздник для родных у себя. Правда, спокойнее мне от этого не станет: случись что, синьору Фьоренчелли не остановит тот факт, что она в гостях.

– Я бы очень хотела с ними увидеться, – призналась я, – но не знаю, как быть.

– Если ты думаешь, что она не сожалеет...

– Она сожалеет, – кивнула я. – В этом даже не сомневаюсь. Но для нее сказать что-нибудь... такое проще, чем мне развеять тленом этот листок. Я просто боюсь, что матушка тоже не промолчит.

Анри притянул меня к себе.

– Леди Илэйн Биго и Лорена Фьоренчелли не такие разные, как ты думаешь. Так позволь им узнать друг друга.

– Я бы хотела пригласить их к нам, – сказала твердо.

– Думаю, они будут рады.

– Думаешь?

– Почти уверен.

Не знаю, я вот уверена не была. Лорена любит, чтобы все было по ее.

Но все-таки сказала:

– Хорошо. Тогда я напишу записку и попрошу Селесту ее отнести.

– Вот и чудно, – Анри поцеловал меня в макушку. – И еще...

Прежде чем успела удивиться, муж вернулся к столу и достал из ящика что-то, завернутое в серую грубую тряпицу.

– Хотел отдать тебе завтра утром, но завтра, судя по всему, намечается много суеты, поэтому...

– Что это?

– Посмотри.

Развернула и уставилась неверящим взглядом на карты. Гадальная колода, не настолько потрепанная, как была у Софи, с другими рисунками, но все-таки это карты нонаэрян. В том, что они настоящие, сомнений нет. Старшие и младшие арканы, в которых я разбиралась сомнительно, были сложены вразброс: очевидно, ими пользовались, и не раз. Конечно, это не то же самое, что подарок, который она получила из рук в руки, но это ведь тоже подарок. От отца.

Хотела спросить, где он их достал, как, но поняла, что все это не имеет значения.

Главное, что он их достал.

Ради нее. Или ради нас?

– Отдай ей сама, – с улыбкой сказал Анри.

– Ты пойдешь со мной?

– Это вам нужно решить между собой.

– А если она их не примет? – мне вдруг стало страшно. – Или скажет, что они ей не нужны, или...

Муж хмыкнул.

– Куда делась моя решительная и уверенная в себе Тереза? И что это за ее невнятный двойник сейчас лопочет непонятно что?

– Сам ты невнятный, – обиделась я. – С карт началась наша ссора. Ты можешь обещать, что так мы не сделаем хуже?

– Я могу обещать, что хуже мы сделаем только бездействием, – негромко произнес он. – А наша ссора началась в тот день, когда мы уехали и оставили Софи одну на Рожденье. Карты здесь дело десятое.

Пока я размышляла, чтобы еще возразить, Анри легонько подтолкнул меня к двери.

– Иди. Не стой столбом.

Вот тут даже обидеться не получилось, потому что я и правда стояла столбом. Там, где поставили. Но после его слов слегка ожила.

– Думаешь, ей понравится?

– А ты проверь, – коварно усмехнулся он. – И не бойся, что вы помиритесь. Просто тогда тебе придется любить ее еще больше.

А потом вытолкнул меня из кабинета и, пока я не успела возмутиться, захлопнул дверь, отрезая последний путь к отступлению. Иначе меня было не пронять, но даже сейчас несколько минут стояла в коридоре, собираясь с силами. Только когда из-за двери донеслось грозное: «Тереза, тебя отнести на руках?» – решительно направилась к лестнице.

Софи была у себя, они с Лави устроили Лилит в кукольном домике. Точнее, мышь устроилась там сама и мирно спала. Кошмар лениво ловил

кисточку, которой с ним играла сестра, но стоило мне шагнуть в комнату, сделал вид, что она его совсем не интересуется. Вытянул вперед лапы и задрал голову, словно вопрошая, зачем я нарушила их уютный мирок.

– Как у вас дела? – поинтересовалась скорее для храбрости, чем потому что меня это действительно волновало.

– Уложили спать Лилит, – серьезно заявила Лави. – Сейчас заберу с собой одного серого разбойника и тоже пойду собираться ко сну.

Время и впрямь было если не совсем позднее, то около того. Матушка уже давно легла, но пониманию и чуткости Лави я не переставала удивляться.

– Когда вам потребуется Элинора, сестрица?

Леди Илэйн все-таки настояла на том, чтобы камеристка Лави прислуживала мне и Софи. Пришлось согласиться, потому что если матушка на чем-то настаивала, проще было ее послушать. Хотя бы из сострадания к камеристке, которой могло влететь ни за что не про что. Просто потому что она с недостаточным рвением угождала мне или дочери и тем самым оттолкнула нас от выбора в ее пользу. Но я все-таки старалась сильно девушку не загружать.

– Чуть попозже.

– Хорошо. Тогда пока ее займу я. Доброй ночи, Софи!

– Доброй ночи, леди Лавиния!

Оставшись наедине с дочерью, я вдруг поняла, что смелость леди Терезы совсем не распространяется на такие вот случаи. Возможно потому, что для меня это было по-настоящему, очень-очень важно, а может быть потому, что Софи в последние дни снова стала ко мне чуточку ближе, и сейчас я понимала, что не готова этого лишиться. Просто не смогу. Как раз в тот момент, когда я уже собиралась под благовидным предлогом удрать к себе, а вернуться без карт, Софи заметила сверток.

– Ой! Что это? Ты что-то мне принесла?

Глаза ее загорелись любопытством.

Наверное, это меня и добило: еще несколько дней назад Софи промолчала бы, если бы я вкатила за собой буфет на колесиках или коробку размером с кукольный дом.

– Да, – сказала негромко. – Это...

Поняла, что продолжить не смогу, поэтому просто протянула карты ей.

Дочь вскочила, взяла сверток и быстренько развернула. Я же сцепила пальцы за спиной – так, что ногти впились в ладонь, и даже дышала, кажется, через раз.

Вот Софи подняла голову. В расширившихся глазах – удивление,

недоверие, и... что-то еще. Что еще, я понять не могла, поэтому закусила губу.

– Знаю, что они непохожи, – прошептала я. – И что те были подарком. Дорогим твоему сердцу подарком. Я не хотела, чтобы так случилось, Софи, но так случилось. Изменить этого я уже не смогу. Но я могу попросить прощения. И я прошу прощения не только за то, что случилось тогда, но и за те дни... в которые мне так тебя не хватало.

Дочь молчала. Кусала губы и молчала.

Глупо было надеяться на то, что карты что-то изменят. Лучше было бы позволить ей забыть, и...

– Мамочка!

Софи бросилась ко мне раньше, чем я успела вздохнуть. Обняла и прижалась, уткнувшись лицом в платье. Я даже не сразу поняла, что она плачет: не просто плачет, захлебывается рыданиями, так похожими на взрослые – беззвучными, но глубокими, горькими, очищающими.

– Это я должна просить прощения, – пробормотала она сквозь слезы. – Прости, пожалуйста... я была такой мерзкой... Но я так боялась, что стану тебе не нужна. И я сейчас боюсь, просто... мне уже не так страшно. Главное тебя обнять. Я так хотела тебя обнять...

Вместо слов, которые застыли в груди, я просто крепче ее обняла.

Так мы и стояли. До тех пор, пока я все-таки не нашла в себе силы пробормотать:

– Я тоже. – Тихо, еле-еле слышно, на выдохе. – Я тоже очень-очень хотела.

Я даже плакать не могла: только чувствовать ее в своих руках. Только гладить по волосам. Успокаивающе, нежно, до дрожи в пальцах. Понимала, что все, что сейчас скажу, будет лишним, поэтому просто опустила вниз, целуя заплаканные щеки, глаза, лоб. Потому что нет в этом мире ничего искреннее, чем кричать о своей любви всем сердцем.

Праздничный день был в самом разгаре. После обеда мы отправились погулять в парк – там в соединяющейся с каналами заводи должны были пускать бумажные цветы. Покупали такие у уличных торговцев, либо же делали сами. Мы выбрали первый вариант, потому что времени на поделки не нашлось. Зато семейный обед удался на славу: никогда не видела Лорену и Энцо такими красивыми и утонченными. Синьора Фьоренчелли была удивительно тактична и очень быстро нашла общий язык с матушкой.

А еще она передо мной извинилась. Точнее, передо мной, Софи и Анри – искренне и от всего сердца – как в общем-то, делала все в своей жизни. И в нашей маленькой семье окончательно воцарился мир.

Теплый ветерок играл выбивающими из прически волосами, принося с собой ароматы цветов, которыми украсили город, и ароматы остывающих морковных пирогов, которые пекли на ужин чуть ли не в каждом доме. Даже в легкой накидке было жарко. Отовсюду доносились веселые голоса, птицы пели так, что хотелось подпевать. Казалось, все жители Лации высыпали на улицы, но я вдруг отчетливо поняла, что меня это больше не пугает. Не пугает толпа, смыкающаяся вокруг меня плотным кольцом. Не пугают резкие возгласы и летящие в небо воздушные змеи. Не раздражают окрики: «Жаркой весны, красавицы!»

Все это стало частью моей жизни. Сейчас, напротив, казалось невероятным представить, что когда-то было иначе.

Уже давно не было так спокойно и легко на душе, как после примирения с Софи. Вчера мы с ней просидели до поздней ночи, а потом я вернулась к себе и заснула в родных объятиях. Крепким, спокойным и счастливым сном, какого на моей памяти не случалось с самого раннего детства.

– Тереза, мне не терпится с вами поделиться, – возбужденно прошептала Лави.

Удивительно, но за несколько суматошных дней нам ни разу не довелось остаться наедине. Большую часть времени сестра проводила с Софи, а когда мы собирались вместе, вели светские беседы да делились общими воспоминаниями о жизни в Мортенхэйме. Сейчас же Энцо, Лорена и Софи как раз направились к лотку, где толпился народ, покупающий бумажные цветы. А муж рассказывал матушке историю возведения возвышающегося над домами небольшого собора. И делал это так, что

завладел ее вниманием безраздельно. Я же вопросительно взглянула на сестру.

– Давайте отойдем туда, где нас никто не услышит.

Сегодня это было сделать проблематично, но мы все-таки нашли укромный уголок. Спрятались под навес закрытой лавки стекольщика.

– Представляете, Тереза, Майкл сделал мне предложение!

Вспомнилось письмо леди Илэйн и ее слова по поводу намерений виконта.

– А вы?

Привычно невозмутимо-воспитанная Лави сейчас чуть не прыгала, как мячик под рукой малыша. Она закусила губу, покраснелась, глаза ее сверкали.

– Разумеется, я согласилась! Ох, сестрица, я так его люблю! Вы не представляете! Он такой милый, такой нежный... такой...

Я не была уверена, что эпитеты «милый и нежный» подходят мужчине, но решила промолчать. Радость сестры была настолько яркой, что затмевала даже солнце, заливающее ее волосы.

– Только это секрет, – поспешно оговорила она. – Я никому, кроме вас не рассказывала, и он тоже, только своему близкому другу. Скоро Майкл попросит у Винсента моей руки, и тогда мы объявим день помолвки, а пока... ох, вы не представляете, как я счастлива!

Лави заглянула мне в глаза, но не позволила вставить и слова, тут же заговорила вновь:

– Правда, ко мне еще собирается свататься граф Легри... этот самоуверенный назойливый тип, который старше меня на целых десять лет. Я ему говорила, что у нас с ним ничего общего, но если бы он слушал! Вот только Легри из Гердэнии, не думаю, что Винсент согласится отдать меня ему. А если даже и согласится, я все равно не пойду ни за кого другого, только за Майкла.

Гердэния – небольшое государство, граничащее с Энгерией. Говоря откровенно, не государство даже, а так, малюсенькая страна, которая когда-то была частью Энгерии. Но потом они отвоевали свою независимость, а если быть точной – один из наших королей отдал свою дочь за принца Гердэнии и отписал земли своему зятю. С тех пор официально мы две страны, а неофициально... ну, кого волнует это неофициально. Главное, что ее величество Брианна в курсе всех дел, что происходят в гердэнских горах.

– Поздравляю, – я невольно улыбнулась.

– Спасибо, сестрица, – Лави сияла. – Я боялась, что вы тоже начнете говорить всякое... Но потом поняла, что только вам и могу довериться.

Ведь вы же любите, и знаете, каково это.

Счастье Лави было написано у нее на лице, поэтому излагать свои сомнения показалось мне сейчас жестоким. Как по мне, Майкл Эрдэн действительно не представлял из себя ничего особенного. Таких много, но они обычно проходят мимо и забываются, как едва заметный ветерок в разгар пышущего зноем дня.

Несмотря на весьма смазливую внешность и чересчур мягкие для мужчины черты лица, он неприметный. Никакой. Но возможно, это нам так кажется, со стороны. Ведь Лави что-то в нем разглядела, а моя сестра – умница.

– Поздравляю! – горячо прошептала я и сжала руки Лави в своих. – Очень за вас рада! Надеюсь, Винсент быстро согласится, и вы будете очень счастливы.

– Я тоже надеюсь. Так...

– Вот вы где!

Голос Анри заставил сестру поспешно замолчать и закусить губу. Но я все-таки успела пожать ее пальцы через перчатку, а она – заговорщицки мне улыбнуться. Это не укрылось от матушки, которая пристально на меня посмотрела, но я сделала вид, будто ничего не произошло.

– Все хорошо? – муж заглянул мне в глаза. – Если устала, можем вернуться домой.

– Все замечательно, – я подошла к нему. – Меньше всего мне хочется сидеть дома в такой день.

Анри широко улыбнулся.

– Не представляешь, как я рад это слышать. Пойдем, Софи уже не терпится запустить цветок в заводь и загадать желание.

Словно в подтверждение его слов, ко мне подлетела дочь. В руках у нее была охапка бумажных игрушек самых разных цветов.

– Смотрите! – воскликнула она. – Мы купили на всех!

Суть сего действия сводилась к тому, что вырезанный из бумаги цветок нужно было согнуть по краям и расправить лепестки так, как хочется тебе. После чего опустить в заводь, и если вода унесет его в канал – значит, желание сбудется. А если нет – не судьба. С гаданиями у меня как-то не складывалось, но я все равно взяла цветок. И залюбовалась профилем мужа – резким, в чем-то даже суровым. Если бы не он, как знать, сколько времени потребовалось бы нам с Софи, чтобы снова друг друга обрести.

Невыносимо захотелось привстать на носочки и коснуться губами его губ. Вместо этого я только положила руку на сгиб локтя и улыбнулась. Сердце припустило, ненадолго – на отчаянной, сумасшедшей мысли. Зато

теперь я знала, о чем буду просить цветок: чтобы все прошло хорошо. Чтобы наш с мужем разговор прошел хорошо.

Сегодня вечером обязательно скажу Анри про ребенка.

Цветок у меня уплыл, что определенно внушало надежду. Особенно учитывая, что десятки так и плавали в заводи, собираясь разноцветными островками. Мы еще немного погуляли, после чего отправились домой отдыхать и ужинать, а потом Анри предложил выбраться на площадь. Градоправители Лации готовили горожанам сюрприз. По традициям, он начнется поздним вечером и закончится ранним утром следующего дня. Матушка сообщила, что останется дома, Лорена ее поддержала. Энцо вызвался побыть с ними, а вот Софи и Лави не терпелось посмотреть, что же такого придумали.

– Вдруг опять запустят огненного великана? – дочь приплясывала от нетерпения, когда мы шли к лодке.

Лодочники сегодня были уставшие, но счастливые: от веселых хмельных горожан им порой перепадала двойная, а то и тройная сумма, которую можно было положить себе в карман.

– Это вряд ли, – весело сообщил Анри. – Градоправители не любят повторяться.

– Но нельзя же все время изобретать что-то новое и не повториться?

– Зависит от того, подходишь ли ты к делу с душой, – муж погладил Софи по голове.

Глядя на него, я не могла унять легкую дрожь в пальцах. Предположим, бумажный цветок уплыл, ну и что? Это просто бумажный цветок, который уплыл. Да, Анри готов ради меня на все, готов на все ради Софи, но... Плеск воды под веслами, привычный слуху, сейчас не успокаивал. Наверное, стоило остаться дома, с матушкой, а когда они вернулись бы, я бы уже спала. Мысленно обругав себя трусихой, сосредоточилась на настоящем. В конце концов, меня никто не заставляет говорить это прямо сейчас, вечер большой.

– А что будет завтра? – спросила, чтобы отвлечься.

– Завтра состоятся благотворительные ярмарки, на которых народ сможет полакомиться бесплатными угощениями, а ночью небо раскрасят фейерверки.

– А обычные ярмарки будут? – у Софи загорелись глаза.

Ее тянуло ко всему, что воплощало свободу нонаэрян: к шумным ярмаркам, балаганам и уличным пляскам. Сегодня в парке она с легкостью влилась в толпу танцующего простонародья, но двигалась так легко и непринужденно, так грациозно – дикая, свободная, счастливая, что даже

матушка не сказала ни слова. А я снова вспомнила про харрим и тщетные попытки выучить нарийский танец первой ночи. Вряд ли в ближайшее время мне это удастся. Но может быть, после рождения ребенка Софи научит меня танцевать?

– Разумеется.

Голос мужа вернул в реальность, заставил опомниться. А мы тем временем уже плыли по центральному каналу, площадь была видна впереди. Над водой раскинулся прозрачный купол, по которому змейками бежали разноцветные искры, напоминающие светящийся дождь. Под куполом, едва касаясь чернильной глади, застыли несколько круглых каменных платформ. От воды шел легкий пар, смешиваясь с тающими лентами магии, из-за чего платформы казались замкнутыми в светящихся столпах.

– С ума сойти, это же левитация, да? – Лави посмотрела на меня. – Как красиво!

Я кивнула. В самом деле, прогресс так стремительно отделял прошлое от будущего, что сейчас заклинание левитации казалось чем-то из ряда вон. Оно хоть и требовало вложения сил и особой осторожности, было одним из основных, его знали взрослые и дети, и обучали ему даже самых маленьких. Сейчас гигантские машины способны легко поднимать тяжести, а вскоре состоится запуск дирижабля, способного перевозить людей по воздуху. Не знаю, найдется ли в нашем мире место магии спустя несколько столетий. Скорее всего, она ослабнет еще больше. А после исчезнет совсем.

– Сестрица, вы грустили?

– Нет, – я покачала головой. – Просто задумалась.

– О чем же? – Анри приобнял меня за плечи.

Не рассказывать же, что я тоскую по безвременно ушедшей магии. Тем более что она еще никуда не ушла. Пока что.

– Вспоминала Луни и Демона.

– О, Луни проводывает Луиза! – Лави ободряюще улыбнулась, но потом смутилась. – Точнее, проводывала, пока Винсент ей не запретил. Она же... ну, вы сами знаете. Но я буду к нему ходить, обязательно, пока вы его не заберете. А Демона я навещаю почти каждый день. Он тоскует, но ждет вас. Знает, что вы его не оставите. Животные всегда такое чувствуют.

– А кто такой Луни? – живо поинтересовалась Софи.

Лави посмотрела на меня. А я – на Анри. Если сейчас он посмотрит на Лави, не представляю, что мы будем делать. Равно как не представляю, солидно ли говорить дочери, что у ее матери есть зомби. К счастью для

всех нас, муж спас ситуацию со свойственной для него легкостью.

– Лучше познакомишься с ним сама. Это будет интереснее.

– А когда я с ним познакомлюсь?

– Думаю, уже очень скоро.

Анри говорил так уверенно, что я сама на миг поверила в это.

Вот только... вряд ли я их увижу, если кто-то из нашей семьи не решится путешествовать с мертвецом в сундуке и возьмется привезти ко мне неуправляемого в своей безудержной силе Демона, привыкшего слушаться только меня.

Лодка мягко ударилась о камень, Лави и Софи подскочили. Сейчас, когда матушки не было рядом и не нужно было всем показывать свои хорошие манеры, они с трудом дождались, пока Анри поможет мне, а затем им. Стоило всем очутиться на суше, как нас шустро увлекли сквозь толпу прямо на площадь.

Стемнело уже давно, но из-за магических светильников над городом и Дворцом Правителей стелился мягкий свет. Сам дворец казался уснувшими великаном, у подножия которого столпились люди. Площадь была заполнена так, что мы едва сумели протолкнуться поближе к воде. Если бы не Анри, которому уступали дорогу, пусть и не всегда без ругани, торчать бы нам за спинами у других.

Зато стало понятно, для чего нужны платформы и магический купол: на этот раз правители решили порадовать всех водным магическим представлением. Начнется оно здесь, а потом разойдется по всем каналам – так, что даже оставшиеся дома смогут полюбоваться на него из окон. Но и не только: до начала на платформы предстояло подняться парам... с завязанными глазами. Платформы будут двигаться, а вызвавшимся предстоит танцевать на них с завязанными глазами и свечой в руке – одной на двоих. Те, кто снимут повязки до конца танца, считаются проигравшими. Те, кто перестанут танцевать или у кого погаснет свеча, тоже. Об этом рассказывал мужчина в серебристой полумаске. Он замер неподвижным изваянием на самом краю, у воды, шевелились только губы. Он казался ожившей статуей, даже костюм, покрытый краской, напоминал растрескавшийся от времени камень. Его голос – звучный, сильный, разносился над собравшимися.

– Танец доверия! Только сегодня! Только в Лации!

– А те, кто свалится в воду?! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Тот пойдет домой мокрым, – невозмутимо объявил распорядитель.

Толпа встретила такое заявление дружным хохотом.

– Значит, я должен заплатить денег, да еще и искупаться?

Снова хохот, но добрый. Горожане пришли поглазеть на представление, но предстоящее перед этим веселье будоражило их ничуть не меньше.

– За участие действительно нужно будет заплатить, – отозвалась «статуя», и в подтверждение его слов из толпы вынырнула невысокая изящная синьорина, которой предстояло собирать деньги, завязывать желающим глаза и зажигать свечи. – Но вода под куполом подогревается магией.

– Значит, сушить нас не собираются? – раздалось веселенькое справа.

– Дома просохнешь! – последовал ответ.

Над толпой снова пронесся смех – веселый и легкий, как дуновение весеннего ветерка. Даже я на мгновение перестала думать о том, что мне предстоит, и рассмеялась.

– Что достанется победителям? – выкрикнула женщина в темном платье.

– Хорошее настроение и ваши рукоплескания. Ну так что, есть смельчаки?

Смельчаков нашлось не так уж много, хотя и платформ было всего пять. Девушка ловко завязывала участникам глаза, вручала свечу и помогала взойти на широкую платформу, которая подплывала ближе, а потом так же медленно двигалась в сторону. Но если первые три заполнились быстро, то на две другие никто не желал вставать. Музыканты, сидевшие у самой воды, переговаривались и смеялись – они здесь на всю ночь, поэтому торопиться им было некуда.

– Пойдем?

Я не сразу поняла, что это голос мужа, и что мне протягивают руку.

– Нет, – сказала я и замотала головой. – Нет-нет-нет! Меня вы в это не втянете, граф.

– Почему? – глаза его сверкали весельем.

– Потому что на мне нет купального костюма.

– Думаешь, я позволю тебе упасть?

Анри прищурился.

А я, наверное, сошла с ума, потому что протянула ему руку.

– Здорово-здорово-здорово! – Софи захлопала в ладоши. – Это будет весело!

Угу. Будет весело всем, особенно Лави, которая надолго запомнит, как ее старшая сестра, сестра грозного герцога Винсента Биго де Мортена, кувыркнулась в лацианский канал вверх тормашками. Вместе с графом де Ларне, разумеется. Эти двое все делают вместе. Ладно, по крайней мере,

минут десять я не буду думать о том, с чего начать разговор. Как изменится выражение лица Анри, как потемнеет его взгляд, когда он узнает о...

– Удачи! – искренне пожелала Лави.

И что-то мне подсказывало, что даже сестра одобряет эту сумасбродную затею.

Я доверяла Анри. Доверяла безоговорочно, но все же когда на глаза легла повязка, а в наши соединенные руки – зажженная свеча, сердце забило чаще. Мы поплыли над водой, внутрь купола, сквозь который прошли, даже ничего не почувствовав. Вот только вопреки огню в переплетенных пальцах, я чувствовала холодок страха.

– О чем ты думаешь? – негромко спросил муж.

Я чувствовала его руку на своей талии. Слышала его голос. Ловила его дыхание на щеке – и это возвращало меня к истокам наших отношений. К минутам первой близости, ко дням, когда он впервые сказал, что не хочет детей.

– Тот, кто возводил этот купол, очень сильный маг.

– Династия лацианских правителей очень сильна.

– Сомневаюсь, что они делали это сами.

– Они делают это сами. Каждый год.

– Но почему?

– Потому что они влюблены в свой город.

Толпа взревела: нашлись желающие для последней платформы. У меня осталось совсем чуть-чуть, чтобы отказаться от этого безумия и сбежать на берег. Но я молчала. Молчала и все больше каменела в руках Анри.

– Тереза. Доверься мне.

Я вздрогнула. Платформа была небольшая, но достаточная для того, чтобы кружиться по ней в вальсе. И если четко чувствовать партнера и край, не упадешь. Но только если позволяешь себя вести или ведешь, чутко улавливая каждый шаг.

– Я тебе доверяю.

– Тогда почему ты так напряжена?

– Разве?

– У меня чувство, что ты дотронулась до того каменного парня, и он тебя заколдовал.

С губ сорвался короткий смешок.

– Дело не в танце.

– А в чем?

Договорить мы не успели: над каналом поплыла тонкая, чарующая мелодия вальса. А вслед за ней я почувствовала всплеск магии – отчаянной,

яростной, сильной. Слова застыли в горле, потому что вокруг платформы, совсем рядом, взметнулся водный хлыст и ударил о воду так, что в стороны полетели шипящие брызги. Толпа ахнула, и этот рокот отозвался внутри меня. Со стороны донесся чей-то визг, и плеск воды: похоже, кто-то из танцующих испугался и упал с платформы.

Стихийная магия... Одно слово – стихийная. Подобно тому как во время грозы мне всегда хотелось лететь во весь опор к низвергающимся на землю громом и молниями небесам, подобно тому, как в такие мгновения замирало сердце, сейчас все внутри меня отзывалось первобытной, дикой дрожью. Я чуть было не шарахнулась в сторону, но Анри меня удержал.

– Они просто начали представление пораньше.

– Просто?

Он рассмеялся.

– Только не говори, что ты испугалась.

– Нет. Мне это нравится. Нравится настолько, что сводит меня с ума.

– Тогда давай сойдем с ума вместе.

Вокруг нас бушевали вихри струй, взлетали ввысь и обрушивались вниз, безжалостно хлестали воду вспененными магией лентами. То и дело из толпы доносились чьи-то крики, но я словно оказалась по другую сторону реальности. В этой – посреди беснующейся водной стихии, мы танцевали над водой. Танцевали на краю. Танцевали вальс под тонкие, рвущие душу ноты – пронзительные, как высота неба над головой или искренность самого сильного чувства. Мы танцевали, словно в первый раз, и было уже неважно, что там, за искрящимся магией куполом.

Поблизости снова раздался визг, но плеска не последовало – видимо, пара удержалась на платформе. Но это тоже было неважным.

Рука на талии и сплетенные пальцы, согретыые огнем свечи.

Стук сердца и уверенные, точные шаги – как по нотам.

И легкое скольжение воздуха по разгоряченным щекам, когда платформа мягко двигалась по кругу, словно танцуя вальс вместе с нами. А потом вдруг неожиданно взмыла ввысь и... замерла. Я не сразу поняла, что музыка кончилась. Очнулась только когда голос распорядителя ворвался в сознание, пытаясь разделить нас надвое.

– Ка-а-ажется у нас есть победители!

Муж избавил меня от повязки, а искры магии скользнули по золоту его волос, согревая своим теплом. Такими же теплыми были его глаза и пламя свечи, которая по-прежнему лизала язычком воздух. На платформе справа парочка самозабвенно целовалась, упавшие уже давно выбрались на камни и теперь глазели на нас. Две другие пары замерли с погасшими свечами.

Толпа взорвалась рукоплесканиями, Анри же просто соединил наши руки, и теперь огонек вился над кончиками пальцев. Один на двоих. Крохотный, но горячий, как чувство в моем сердце.

И тогда, не отпуская этого чувства, я выдохнула. И сказала, быстро-быстро, чтобы не передумать:

– Анри... У нас будет ребенок.

Анри смотрел на нее, не в силах поверить в услышанное. В ближайшие дни – после отъезда родных Терезы, он собирался ей рассказать обо всем, и разговор этот виделся ему чуть ли не самым страшным в его жизни. Но сказать такое теперь, после того, что он узнал? Да и значит это только то, что времени у него осталось непростительно мало. Гораздо меньше, чем он рассчитывал. А сколько времени у нее? Ребенок с каждым днем будет становиться сильнее, и чем быстрее он будет расти, тем опаснее это для Терезы. Ведь он говорил ей об этом! Предупреждал!

Если об этом станет известно Комитету, Альтари или Эльгеру...

– Какой срок? – глухо спросил Анри.

Пришлось понизить голос и сосредоточиться на настоящем – слишком велико было потрясение.

– Это все, что ты можешь сказать?

Большее, что он мог сказать спокойно. Выдержка дала сбой, привычное равновесие, которое он учился держать в Иньфае – после очередной встречи с Веллажем или в попытках погасить собственную бессильную злобу на Эльгера, подвело. Этот ребенок не просто перевернул все с ног на голову, он мог ее убить. Причем как в прямом, так и в переносном смысле, а Тереза сейчас смотрела на него так, словно не понимала ровным счетом ничего.

– Какой срок? – еще тише повторил он.

– Три месяца, – прошептала она. – Сейчас уже... должно быть, три месяца.

И отвернулась, но он сильно сжал ее руку, не отпуская.

Платформа медленно подошла к берегу, они ступили на площадь. Толпа взорвалась ликующими возгласами, но Анри только раздраженно стряхнул руку «ожившей статуи», когда распорядитель похлопал его по плечу, и направился сквозь толпу к Софи и Лавинии. Тереза приняла цветок от стоявшей рядом с распорядителем синьорины. Сейчас люди охотно расступались, пропуская победителей. Каждый норовил дотянуться – на удачу, отовсюду слышался смех и возбужденные голоса. Дочь и леди Биго бросились к ним, поздравляя и обнимая то его, то Терезу. К счастью, они ничего не заметили, а потом Софи вдруг закричала, вскинув руку:

– Смотрите, смотрите, смотрите! О-о-о-ох!

Он неосознанно обернулся: на том месте, где только что был купол и

платформы вырастал гигантский полупрозрачный змей. Сотканный из чернильных вод канала, с глазами, горящими синевой. С мощным туловищем и огромным хвостом, тронутым чешуйками пены. В сторону с шипением полетели брызги, толпа ахнула и шарахнулась назад. Софи и Лави во все глаза глядели на созданное правителями чудо, вокруг которого закручивались воздушно-водные вихри.

– Тот, кому повезет коснуться кончика хвоста, будет счастлив весь год! – Голос распорядителя вспорол разрываемую плеском воды тишину. – А того, кто не побоится и сумеет коснуться морды – ждет богатство и удача всю оставшуюся жизнь!

Снова грянула музыка – бодрый лацианский мотив, под который частенько устраивались народные пляски. Змей взмыл ввысь, повторяя в танце льющийся ритм. В том, что горожанам придется побегать за счастьем и удачей, Анри не сомневался. Но сейчас его волновало совсем другое. Потухший взгляд Терезы, словно весь ее внутренний свет остался на той платформе. Она не пыталась отнять руку, даже цветок поднесла к лицу, чтобы спрятаться за ним. Не мигая, расширившимися глазами, смотрела на змея, но губы дрожали. Едва заметно. И сердце вдруг пронзило такой болью, что стало нечем дышать. А еще стало безумно холодно.

– Леди Лавиния, будьте здесь, – бросил он быстро.

Та только недоуменно кивнула. Софи, кажется, даже ничего не заметила, когда Анри привлек Терезу к себе и стал быстро пробираться сквозь толпу. Сразу за поворотом с площади было уже гораздо тише. Ближайшие несколько арок, уходящие сквозь дом в канал, облюбовали парочки, но с дальней им повезло – она оказалась свободна. Шагнув туда, он увлек жену за собой и попытался заглянуть в глаза.

– Тереза, посмотри на меня.

Она упорно прятала взгляд, и он знал почему.

Эта женщина считала слезы недостойным проявлением слабости. Даже после того, что ей пришлось пережить. Пережить в одиночестве, потому что ему хватило ума сказать про зелье, тогда, в Тритте. То, что произошло с картами Софи, не было случайностью, а сколько еще таких мгновений она сходила с ума от страха... одна. И сейчас она была одна, хотя стояла совсем рядом. Одна и безумно далеко. Только когда Анри попытался взять ее за подбородок, рванулась с отчаянной силой, оттолкнула его руку.

– Не трогай!

В глаза, сквозь подозрительный блеск, вернулась непримиримая ярость. Та самая, с которой началось их знакомство, та самая, огонь

которой так больно обжигал первое время в Вэлее. Но сейчас он не мог найти слов, чтобы его погасить.

– Тереза, ты носишь ребенка с неуправляемой силой. Ребенка, который объединит наши самые страшные стороны.

– Чудовище, ты хотел сказать, – губы ее на миг искривились. – Но это чудовище такое же, как ты. Я люблю тебя, но его я люблю не меньше.

– Наш ребенок, – Анри шагнул к ней, но она отпрянула. – Объединяет наши силы. Твою и мою. Я же говорил тебе об этом в самом начале нашего знакомства.

Вот теперь она растерялась. На миг в глазах мелькнуло изумление, которое тут же сменилось отчаянным упрямым гневом.

– Ты говорил, что такое бывает, но я подумала, что это случилось...

– Всегда! Женщина-некромаг и мужчина-хэандаме – у них всегда рождается ребенок, наделенный, как ты выразилась, чудовищной силой. Антимагией и магией смерти, способной вылиться в могущество невиданной силы. Их опасались даже во времена армалов, не говоря уже о мире с угасающей магией. То, что произошло с Софи – это не твоя сила, Тереза. Это сила ребенка. Поэтому она будет прорываться неосознанно, невзирая на любые защитные заклинания. А из-за крови хэандаме, из-за моей крови, ты будешь слабеть.

– Я не избавлюсь от ребенка, – Тереза сжала кулаки.

– Я тебя об этом не прошу. И не попрошу никогда.

Собиравшаяся биться до последнего, она только широко распахнула глаза. Анри протянул ей руку, но она не спешила ее принимать.

– В истории действительно были случаи, когда у женщины не случалось выгорания, и большей частью – у сильных некромагов. Я очень хочу, чтобы это был наш случай.

– Ты же говорил, что все это чудеса, – сдавленно пробормотала она.

Чудеса... он действительно считал это чудом.

– Я наговорил много всего. Порой глупых, порой ужасных вещей. Тереза, я сделаю все, чтобы наш ребенок родился здоровым, и чтобы ты была счастлива.

«Пусть даже пока не представляю, как».

Правда, до встречи с Джинхэем он не представлял, как справиться с пробуждающейся золотой мглой, чуть было не убившей его в самом начале пути. Возможно, в Иньфае, где он собирался спрятать Терезу в самое ближайшее время – в Иньфае, где духовные практики столь же сильны, как и целительство, у них действительно все получится. Получится быть счастливыми, получится вырастить малыша вдали от тех, кто захочет

использовать его как оружие или уничтожить, как угрозу.

Странное чувство – при всех свалившихся в последнее время неприятностях эта новость напоминала раннюю весну в Лации. И подобно начинающему пригревать солнцу, она сейчас согревала сердце, вымывая из него остатки льда. Но как сделать так, чтобы недоверчивое выражение в родных глазах сменилось родным же теплом?

– Прости меня, – просто сказал он. – Я был не готов. К появлению ребенка, известие о котором сделает тебя мишенью и поставит твою жизнь под угрозу. Но я искренне рад, что после всего ты решила мне довериться. И я рад тому, что уже через полгода наша семья станет больше. На одно маленькое чудо.

На сей раз она не успела отодвинуться, и он положил руки ей на живот, глядя в глаза.

– Я люблю тебя, Тереза. И его я тоже люблю. Или ее.

– Даже если с ней или с ним придется сложно?

– С тобой тоже нелегко.

Анри даже не стал уворачиваться, когда в него запустили цветком. Просто подался ближе и притянул ее к себе.

– И со мной тоже. Но пока что об этом не стоит знать никому.

– Матушка уже знает. Догадалась, – Тереза вздохнула и уткнулась лбом ему в подбородок. – Я поговорю с ней, она умеет молчать.

– В леди Илэйн я не сомневаюсь.

Анри заключил ее лицо в ладони. В темноте ее глаза казались черными, как сама ночь или тьма, которая давно стала ему такой же родной. С площади снова донесся оглушительный рев толпы, крики и рукоплескания. Со стороны канала доносился легкий плеск, и лунные блики покачивались на чернилах, расцвечивая их серебром. Удивительно, но все в этом мире теперь напоминало ему о жене или о ее силе.

– Вернемся? – спросил он. – А то пропустим все самое интересное. К тому же, Софи и леди Лавиния уже наверняка задаются вопросом, куда мы подевались.

Тереза кивнула, и они вместе направились к улочке. Перед самым выходом из арки она удержала его за руку.

– Анри... Софи обязательно должна об этом узнать до того, как станет слишком заметно. Но я не представляю, как сказать ей, ведь именно из-за моей лжи мы тогда поссорились, и...

Он заглянул ей в глаза, мягко поцеловал в губы. И негромко произнес:

– Хочешь, я сам с ней поговорю?

Тереза покачала головой.

– Нет. Я хочу, чтобы мы поговорили с ней вместе.

День отъезда матушки и Лави наступил неожиданно. Я настолько привыкла садиться с ними за стол, бродить по улочкам Лации или вместе коротать вечера в нашей небольшой, но уютной гостиной, что теперь уже смутно представляла, что когда-то было иначе. Благодаря сестре наш небольшой домик расцвел, стал еще более светлым и уютным. Рядом с леди Илэйн я заново обрела любовь матери и все-таки решилась на признание мужу. Поэтому сейчас чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете.

– Прощания мне всегда удавались неважно, – матушка обняла меня за плечи, а после царственно отстранилась. Глаза ее подозрительно блеснули.

Подозреваю, что и мои тоже: я даже не знала, когда мы увидимся снова.

Сейчас мы остались в гостиной одни – Анри увел Лави и Софи на улицу, где вещи уже грузили в лодки. Я настаивала на том, чтобы поехать вместе с ними, проводить их хотя бы до железнодорожной станции – плыть по морю матушка решительно отказалась, она же и воспротивилась столь долгим проводам. Сказала, что мне сейчас нужно больше отдыхать, а не кататься по воде, особенно когда я неожиданно зеленею посреди бела дня. После долгих споров, в которых предатель Анри неожиданно поддержал именно леди Илэйн, было решено, что мы с Софи останемся дома. Поэтому сейчас я на него все еще злилась. Поэтому в ответ на слова матери:

– У вас потрясающий муж, моя дорогая, – только буркнула нечто маловразумительное.

После того, как я рассказала ему о ребенке, с меня просто пылинки сдували. С такой осторожностью, словно я была статуэткой из лацианского стекла. Просыпалась я неизменно в кокон из мужа. Даже несмотря на то, что алаэрнит больше не прятала, Анри всегда старался быть рядом со мной и не отлучаться надолго. Конечно, такая забота была приятна, и в общем-то, после вновь открывшихся обстоятельств – что у меня будет не просто хэандаме, а хэандаме-некромаг, вполне объяснима.

Мы вместе поговорили с дочерью. Точнее, говорил преимущественно Анри, и слушая его, я даже представить себе не могла: это тот самый мужчина, который уверял меня, что не хочет детей? Он рассказал все, без утайки – и о том, что произошло между нами в Тритте, и о том, почему я молчала. Как и ожидалось, новость Софи восприняла настороженно, но

после мягких доверительных слов мужа немного расслабилась. Хотя и не удержалась от обиженного:

– Вечно у вас взрослых какие-то глупые сложности.

– У нас, взрослых, тоже есть свои страхи.

Я как сейчас помнила его лицо в тот момент: серьезное, и в то же время удивительно светлое и счастливое.

– Правда? – удивилась Софи. – А чего боишься ты?

– Потерять вас. Тебя и Терезу. Не оправдать вашего доверия. Не суметь защитить.

– Защитить от кого?

Анри молчал долго. А потом коснулся щечки Софи пальцами.

– От любого, кто захочет причинить вам зло.

Вспоминая этот разговор, я была искренне ему благодарна. У меня так никогда не получалось – так искренне, так спокойно, и в то же время уверенно. Теперь мы ждали наше чудо втроем, и между нами больше не осталось никаких тайн. Мы даже «сходили к целителю», чтобы успокоить матушку. На деле просто два часа бродили по городу, и муж обещал, что в самое скорое время покажет меня человеку, которому доверяет как себе самому.

Но простить Анри того, что он лишил меня нескольких лишних часов с родными, я не могла.

По крайней мере, сейчас. Сразу.

– Вы на него в обиде? – матушка заглянула мне в глаза.

– Да, – честно призналась я. – Мы с вами теперь нескоро увидимся, а он...

– Граф все делает правильно. Незачем вам лишний раз трястись в лодке.

– Но я же не древность какая! – вспыхнула я. – Ничего мне не станется.

– Вам нужно побережь силы, моя дорогая. Не только ради себя, но и ради того, кто скоро появится на свет. Вы же знаете, что вашему ребенку тоже понадобится много сил. В том числе и ваша.

Силы... да, нашему ребенку нелегко придется в первый год жизни. Обрушившееся на такого малыша могущество способно его погубить. Чтобы защитить наше крохотное чудо, нам с Анри придется приложить все силы, осторожно забирая магию ребенка – на время, и не позволяя золотой мгле обрушиться на него, пока он еще не окреп. Учитывая то, что я сама после родов могу стать очень слабым некромагом, или вовсе лишиться магии, себя побережь действительно не помешает. Так что наверное, во всем этом есть определенный резон.

– Тереза, он же готов ради вас на все, – матушка сжала мои руки. – Знаете, я ведь ехала сюда, чтобы забрать вас... и, возможно, вашу воспитанницу.

От неожиданности широко распахнула глаза. Но кажется, теперь начинала понимать: Винсент, который так настроен против Анри, с легкостью отпустил матушку и Лави в столь долгое и, будем честны, сомнительное путешествие. Не просто отпустил – отпустил быстро, без малейших проволочек. Возможно, даже сам их надоумил.

– Он вас отправил? – спросила глухо.

– Да.

Я попыталась отнять руки, но матушка не позволила. Голос ее звучал необычайно мягко.

– Я приехала в Лацию не из-за слов Винсента, а потому что скучала по вам. Волновалась за вас и вашу судьбу. Приехала с твердым намерением сделать все, чтобы забрать вас от мужа. И когда увидела этот дом, всю эту более чем странную обстановку, желание мое только окрепло. Но потом я узнала, что вы носите в себе дитя... и увидела, как вы любите друг друга. Никогда бы не думала, что скажу это, моя дорогая, но вся эта мишура, – она обвела взглядом гостиную. – Все это внешнее, наносное и настолько временное, что глупо было бы пытаться разлучить вас. Ваш муж... я еще не встречала такого мужчину, и как ни грустно мне это признавать, мой сын никогда таким не был. Винсент тоже о нас заботится, как умеет. Но он никогда не пойдет против собственных желаний и принципов. Все принципы Анри Фери сосредоточены на любви к вам. И знаете, сейчас я с уверенностью могу сказать, что величайшая сила мужчины – это любовь к своей женщине.

Матушка замолчала, мягко перебирая мои пальцы. Погладила спящий алаэрни, обвела ободок кольца.

– Я спокойна, оставляя вас рядом с Анри Фери. Спокойна гораздо больше, чем если бы все-таки сумела забрать вас с собой и спрятать за стенами Мортенхэйма. Вы и ваши дети достойны счастья, и где бы вы его ни обрели, я всегда буду на вашей стороне.

Она снова меня обняла, но я даже не нашлась, что ответить.

Мы вместе вышли из гостиной и вместе прошли к дверям. На залитую ослепительным светом улицу. Вещи уже были погружены. Анри как раз помогал Гардени и Элиноу спуститься в лодку, Лави прощалась с сидящей в ладонях-лодочках Лилит, а Кошмар умывался, не обращая внимания на суету. Шерстка его, залитая солнцем, сейчас казалась серебристым шелком.

– Винсент разозлится, – шепотом сказала я. – Потому что вы вернетесь

без меня.

– Он часто злится, – матушка поджала губы. – Но рано или поздно поймет, что вы счастливы, и ему придется с этим смириться. Мне кажется, моя дорогая, большую часть его тревог раздувает лорд Фрай. Если я правильно помню, они с графом сразу друг друга невзлюбили. После бесед с Альбертом ваш брат ходит хмурый, хотя должен радоваться скорому появлению наследника.

Имя Фрая заставило насторожиться.

– И часто он навещает Винсента?

– Не чаще обычного. Но из-за какого-то проекта ваш брат много времени проводит в Лигенбурге. Сами понимаете...

Вот теперь я насторожилась еще больше.

Слишком странная складывалась картина: презентация дирижабля, лорд Фрай, поездка матушки и Лави, Ивар...

Раджек говорил, что он должен за мной присматривать. Вот только по какой причине? Он объяснял это случившимся в Вэлее, но так ли это на самом деле? Или же он должен был проследить, что я уеду в Энгерию вместе с родными. А если не уеду, что тогда?

– Что с вами, моя дорогая? Вы помрачнели.

– Ничего, – опомнилась я и тут же порывисто обняла матушку. – Просто не хочу с вами прощаться.

Последнее прошептала, уткнувшись лицом в родное плечо. Забывшись, что мы на улице.

– Тереза, – матушка тут же привычно окаменела, поспешно отстранилась. – Мы же не навсегда прощаемся. Уверена, что вся эта нелепая ситуация разрешится в самом скором времени.

Я была в этом совсем не так уверена, но все-таки кивнула.

И постаралась незаметно потереть уголки глаз. В последнее время я стала ужасной плаксой.

Как во сне обнялась с Лави и желала родным счастливого пути. Как во сне почувствовала легкий поцелуй на губах, когда Анри притянул меня к себе. Вот уже и лодки отчалили, а я все стояла, притянув к себе Софи, и смотрела им вслед. Усики Лилит щекотали мою ладонь, у ног терся Кошмар. Дочь словно почувствовала что-то: запрокинула голову, глядя мне в глаза.

– Все будет хорошо, мамочка, – прошептала она. – Ты же помнишь, мы с леди Лавинией дотронулись до морды змея, а это значит, что все будет замечательно.

Лодки уже превратились в едва различимые полосочки на воде, а после

и вовсе скрылись за поворотом канала. Мы с Софи вместе вернулись в дом, и я тихо прикрыла дверь. Оставляя на прогретой высоким весенним солнцем улице частичку теплых и дорогих сердцу воспоминаний. Воспоминаний, которые всегда будут со мной.

Мысли про Ивара не шли из головы, как я ни пыталась их прогнать. Поэтому после обеда я усадила Софи делать уроки, а сама вышла из дома. Решила прогуляться, а заодно проверить свои подозрения. Если бы голова у меня не была настолько забита мыслями о ребенке, о том, как удержать свою силу и как рассказать обо всем Анри. Если бы только я не терзалась отчаянными и в те дни бесполезными попытками помириться с дочерью, наверное, я бы задумалась об этом сразу. Но все, что мне оставалось сейчас – встретиться с Иваром и спросить его обо всем. Прямо.

Поэтому сначала я наняла лодку до центра. Потом – до северной Лации. И только после этого села к очередному лодочнику и попросила отвезти меня на причал: тот самый, с которого впервые ступила в город, где прошло детство моего мужа. Билеты на паром можно было взять в здании, располагавшемся в небольшом домике в конце улицы. До него приходилось идти пешком по весьма хлипким мосткам: вода неожиданно прибыла, и такие мостки раскинулись на многих улицах Лации. Впрочем, как мне рассказал улыбчивый лодочник, это ерунда.

– В один год, синьора, вода поднялась так, что из окошек можно было руки мыть.

Очевидно, у меня было говорящее выражение лица, потому что лодочник широко улыбнулся, обнажая ровные белые зубы.

– Ага. И держалось это недели полторы.

– Как же вы ходили? – спросила удивленно.

– Да так и ходили. Вот в таких сапогах, – он показал себе рукой по бедро.

Представила, что мне тоже придется обзавестись такими сапогами, и как-то разом поплохело. Особенно если сочетать их с кринолином, панталонами, пышной юбкой и ожиданием малыша. Анри что-то похожее рассказывал, но тогда я не придавала этому значения. Впрочем, когда мы говорили в Лигенбурге о ребенке хэандаме и некромага, я тоже решила, что это просто возможность, которая выгодна Эльгеру. Тогда мне даже в голову не пришло, что слово «всегда» устами графа де Ларне означает именно всегда. Впрочем, тогда мне не приходило в голову, что я по своей воле захочу остаться графиней де Ларне... на всю жизнь. В те дни я вообще редко задумывалась о чем-то кроме магии. И о том, что помимо магии в мире полно самых разных чудес, не менее ярких и прекрасных.

Расплатившись с лодочником, я вышла на камень, а потом ступила на мостки. Вода под ними колыхалась совсем близко, почти касаясь деревянных, перепачканных потертой плесенью и кое-где начавших подгнивать перекладин. Тем не менее я прошла в домик, где толпился народ: паромная переправа пользовалась спросом. Пришлось даже присесть на потертый стульчик и сделать вид, что скучаю. А потом подойти к окну, выходящему на другую сторону.

Здесь камень был повыше, поэтому обходились без мостков. Но вода все равно плескалась, затекала на улицу. Не успевала высохнуть даже под горячим солнцем, из-за чего создавалось ощущение, что недавно прошел сильный дождь. Сначала не заметила ничего интересного: только ругань мужчин в выдавшей виды одежде. А потом все-таки увидела Ивара, он вышел из тени ближайшей арки, чтобы обойти дом. Если я права, чтобы не упустить меня.

Выждав время, вышла и я. Чем немало порадовала пришедших после меня и желающих купить билеты до скорого закрытия.

Ивар устроился под навесом у грузового причала, где всегда царит суета. Неподалеку располагались склады, поэтому крепкие маэлонцы постоянно таскали ящики. Кто-то просто отдыхал, вытянувшись на скамейках или на настиле, поперек досок, в перерывах между работой. По-хорошему, я не должна была его заметить, и не заметила бы, если бы не высматривала. А когда он понял, что попался, было уже поздно. Для него, да и для меня тоже. Чем бы это для нас ни кончилось, оно произойдет сейчас.

Решительным шагом направилась к нему, подгоняемая желанием быстрее со всем этим покончить.

– Вы за мной не присматриваете. Вы за мной следите, – решила, что неплохо обойдусь и без приветствий. – Или лучше будет сказать, за нами?

– Это не настолько разные понятия, Тереза.

– Для меня разные, – сухо сказала я. – Рассказывайте.

– Прямо здесь? Может, хотя бы пройдемся?

По-весеннему высокое солнце вниз двигалось медленно, поэтому смотреть на Ивара было тяжело. Его фигура казалась темной, особенно на фоне купающегося в воде яркого света.

– Прямо здесь.

Я не собиралась идти с ним куда бы то ни было, пока не услышу правду. Ну, или то, что он захочет за нее выдать. Наверное, пора мне попрощаться с остатками своей наивности. Доверять можно только Анри. И себе самой.

– Вы, сильнейший некромаг, не хотите уединиться со мной для откровенного разговора?

Это была улыбка Ивара: того Ивара, которого я знала. И которого считала другом. Но знала ли я его? Не уверена.

– Не хочу причинить вам вред.

– Даже так?

Вот теперь он перестал улыбаться: сначала – глаза, потом – губы.

– Даже так. Это моя семья, Ивар. И за своих близких я сверну шею даже вам, если потребуется.

– Не сомневаюсь, – он вздохнул. – Что ж, тогда... пойдёмте хотя бы к поручням.

Вода плескалась, рассыпая сотни искр и бликов. Отсюда были видны улицы, уходящие в бескрайнее море. Обман, который легко распознать, если видел карту Лации. С высоты она напоминает растекшуюся кляксу, которую частично съела бумага: прожилки и вены каналов. Жаль, что нельзя так же просто понять, когда тебе лжет тот, кого ты считала близким другом.

– Не знаю, с чего начать, – признался он.

– Начните с чего-нибудь.

– Лорд Фрай крайне обеспокоен информацией, которую ему недавно передал двойной агент. Вы говорите, что я за вами слежу, Тереза. Что ж, наверное, это так и есть. На самом деле я должен вас защищать.

– От Комитета, знаю, – хмыкнула я. – Вся эта суеда с магией, и все такое. На самом деле вы здесь, чтобы проследить, что мои родные увезли меня в Энгерию.

Ивар промолчал.

– И что вам приказано сделать, если им это не удастся? Усыпить, запаковать в коробочку и тайно переправить через границу?

– Примерно так.

– Потрясающе!

– Тереза, я бы не сделал этого...

– Ну разумеется!

– Против вашей воли. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

– Неужели? Просветите меня.

– Вы действительно мишень Комитета. Вы нужны Эльгеру, вы мешаете Альтари, а значит, мешаете Вэлее. Информация, о которой я говорил... Был отдан приказ вас убить. Все надлежит обставить, как несчастный случай.

Теперь промолчала уже я, потому что слов не нашлось.

- Устранить вас поручено вашему мужу.
- Что? – с губ помимо воли сорвался смешок.

Если все предыдущее звучало как речи Эрика, то последнее и вовсе показалось бредом. Анри должен меня убить? Анри? Мой родной, мой единственный мужчина? За что? За то, что уехала из Вэлей, чтобы не создавать проблем, чтобы спокойно жить рядом с мужем и дочерью? Или за то, что однажды я помогла Альтари прикрыть его королевский зад, потому что именно кухня его величества все это устроила? И сейчас обо всем этом мне говорил Ивар Раджек, агент лорда, демоны его раздери, Фрая. Вопреки моей воли в груди рождалась глухая темная ярость. Настолько темная и холодная, как глубины самой беспросветной тьмы.

- Знаю, как это звучит, – он повернулся ко мне.

Светлые глаза потемнели, вот только мне не нужно было его сочувствие. И он мне тоже был не нужен. Со своей правдой.

- Не знаете, – тихо сказала я.

– Знаю, поверьте. Женщина, которую я любил, не просто подставила меня. Обрекла на смерть. Но с этим тоже можно жить, Тереза. Главное во всем этом слово «жить».

Руки закололо холодом – верный признак того, что просыпается магия смерти. Во мне, в ребенке, или в нас. Алаэрнит на груди начинал нагреваться – на улице я по-прежнему носила перстень под платьем на цепочке.

– Я могу увезти вас. Вас и Софи, прямо сейчас. Ваш муж вернется ближе к ночи, возьмите все самое необходимое, и через пару дней мы уже будем в Энгерии. Он до вас не доберется.

– Замолчите, – прошипела я. Теперь меня еще и трясло: к холоду присоединилась странное, неведомое доселе чувство. Желание смести с лица земли полгорода, только чтобы унять бушующее в груди нечто. Нечто, отравляющее меня как стремительно разъедающий внутренности яд. – Вы ничего не знаете о моем муже. Вы не представляете, о чем говорите.

– А что вы знаете о своем муже, Тереза? Что вы знаете, кроме того, что он хотел показать? Что вы знаете о его прошлом?

Лицо Ивара совсем рядом стремительно теряло краски. Точно так же стекало дешевой акварелью и солнце, и воды Лации. Стремительно трескались, иссушенные гранью, дома и причалы, становясь похожими на жутковатые потусторонние фрески. То, что творилось внутри, было очень похоже, с той лишь разницей, что внешнее я могла остановить. Пока еще могла.

- Мне достаточно того, что я знаю о его настоящем. – Я сжала кулаки

и шагнула к мужчине вплотную. Голос сел на несколько тонов и сейчас напоминал не то шипение разъяренной змеи, не то зов Смерти, надежно спрятанной во мне со дня битвы с Евгенией.

– Но вы не знаете о том, что он делал для Комитета.

Я положила руку Ивару на грудь, почти ласково. И он замер: перчатка давно осыпалась тленом, по коже бежала черная паутина сосудов тьмы, которая медленно перетекала в него. Он не мог двигаться, не мог говорить, мог только смотреть на меня и чувствовать. Могильный холод, изрезавший тело, как каналы Лацию. Достаточно, чтобы не причинить вреда, но ощутить близость смерти. Той, что сводит с ума даже самых сильных – своей неизбежностью.

Раджек стремительно бледнел, на грани это особенно заметно.

– Главное – жить, вы говорили? – тихо спросила я. – Жить, лишившись сердца? Смерть гораздо более милосердна, Ивар. И если вы сунетесь к моей семье, если попытаетесь меня забрать или причинить вред моему мужу, она вам его подарит. Передайте это лорду Фраю, он слишком долго играл со смертью. Пусть расскажет это любому, кто попытается забрать нас друг у друга.

Отдернула руку и быстро зашагала в сторону лодок.

– Тереза! – голос его звучал хрипло, как после сильной простуды.

Я не обернулась. Не обернулась и когда услышала за спиной шаги – недостаточно быстрые и уверенные для такого сильного мужчины: свидание с моей магией не проходит бесследно. Сама я сейчас напоминала себе улей, только вместо пчел в нем роился тлен, и не было от него никакого спасения. Пришлось призвать все свое самообладание, чтобы тьма отступила вместе с холодом. Краски в город понемногу возвращались, но блеклыми и тусклыми, словно обезумевшая горничная оттерла с холста старания художника, оставив о них только призрачные воспоминания.

– Тереза, я вам не враг.

Кажется, что-то похожее мне говорил Эрик. Перед тем, как чуть не убил нас всех.

– Тереза!

Я обернулась так резко, что Ивар почти налетел на меня.

– Не смейте ходить за мной. Слышите? Не смейте ко мне приближаться.

– Не стану. Но если я вам понадоблюсь... если понадобится моя помощь, я остановился в северной Лации. В Vallella Rivenita. Вам достаточно будет передать просьбу о встрече через посыльного, и я к вам выйду. Тереза, лучше бы мне ошибаться, но...

– Вы и так ошибаетесь.

Пару минут я молча смотрела на него, на побелевшие губы и запавшие глаза, после чего направилась к ближайшей лодке.

Путь домой показался мне чуть ли не вечностью. А если вспомнить, что ждать Анри придется до вечера... Мысленно я уже была в его кабинете, в нашем доме в Лации и в доме, что остался в Энгерии. Снова и снова находила шахматную доску, натыкалась на документы обо мне и о Винсенте, об известных людях Энгерии. Что я знала о своем муже? Только то, что он говорил. Но в прошлом Анри тоже был весьма убедителен. Уж что-что, а убедительным он умел быть. Точно так же, как и жестоким. В Лигенбурге я засыпала в его объятиях. Просыпалась самой счастливой женщиной в мире. А потом узнала то, что узнала.

Если на миг допустить, что Ивар прав...

– Синьора! Что с вами, синьора?

Лодочник наклонился ко мне, и я отпрянула.

Отпрянула, не поднимая глаз: сама не заметила, что тьма снова протекла в каждую клеточку тела и клубилась, готовая вырваться наружу. Сиденье под ладонью истлело, и я поспешно расправила юбку, чтобы прикрыть ожог тьмы. Только почувствовав, что дышу воздухом, а не ледяной иссушающей смертью, осмелилась взглянуть на лодочника.

– Меня часто укачивает на воде, ничего страшного.

– Укачивает на воде? – лодочник недоверчиво посмотрел на меня.

– Да. Мы с мужем недавно в Лации.

– А-а-а, вот оно что! То-то я все думал, какой говор у вас странный. Откуда вы родом?

Болтовня с мужчиной раздражала, но и помогала отвлечься. Не думать о том, что может спровоцировать мою... или нашу с малышом нестабильную магию.

Мне надо просто добраться домой. Проверить уроки, а потом выбраться с Софи на прогулку. После ужина уложу ее спать и дождусь Анри. Спрошу его обо всем, глядя в глаза.

«Уверена, что сумеешь распознать ложь, Тереза»?

Нет. Я не была уверена. Однажды уже не распознала, и это сводило меня с ума.

Если Комитет приказал меня устранить, зачем он ездил в Тритт?

Из лодки вышла, пошатываясь, как пьяная. От раздражающих эмоций и пытающейся прорваться тьмы болела голова и потряхивало. Дошла до дома, привалилась к двери. Нельзя подниматься к Софи с таким лицом. Нельзя подниматься, пока я не возьму себя в руки.

Как ни странно, именно мысль о дочери заставила меня собраться.

Не мог так жестоко лгать тот, кто раздобыл карты, чтобы помирить нас с Софи.

Не могли глаза Анри лгать, когда он говорил о нашем ребенке.

Не мог он лгать, когда рисковал жизнью на балу у Эльгера. Когда отпустил золотую мглу, чтобы меня спасти, и чуть не погиб сам.

Ему поручено меня убить?

Невозможно.

В душе рождалась странная, полубезумная решимость, граничащая с уверенностью. Всему есть объяснение, и Анри мне все расскажет, когда вернется.

Что бы ни случилось...

Я не должна сомневаться в нем.

Ожидание – самое пакостное из того, что можно себе представить. Наверное, я справилась на ура, потому что ни одна вещь в доме не рассыпалась тленом. После того, как уложила Софи, устроилась в гостиной с книгой. Строчки перед глазами разбегались в разные стороны, а застилающие их мысли казались не самыми радужными. Хотя бы потому, что мне тоже придется кое о чем рассказать Анри.

Убедившись в том, что читать не получится, книгу я отложила. Так же, как и диванную подушечку, которую клала себе на колени для удобства. Поднялась, подошла к окну и отодвинула портьеру: ночи в Лации темные, и чем ближе к лету, тем непрогляднее становится темень. Холодный свет растущей луны мешался с мягким светом ближайших фонарей, и вместе они расплескались неровными узорами по потрескавшейся плитке. Мимо прошла влюбленная парочка, уставший рабочий, еще несколько припозднившихся горожан. Впрочем, не знаю, можно ли о них сказать припозднившиеся – в Лации народ гуляет ночи напролет, особенно весной.

Время шло, но Анри не шел. В конце концов я устала волноваться и облокотилась о диванную спинку. Голова становилась тяжелой, веки тоже, и я решила, что можно ненадолго закрыть глаза.

– Тереза!

Не самый лучший способ проснуться, когда тебя встряхивают, словно куль.

– Тереза, что с тобой?

А потом еще и в глаза заглядывают с таким диким выражением лица, словно увидели зомби. Впрочем, если учесть, что я лежала, уткнувшись носом в диванную спинку, зажав одну руку между грудью и подлокотником, а второй позволив безвольно свисать к полу... наверное, это можно оправдать. Несколько мгновений я пыталась понять, как мы с Анри оказались в такой ситуации, а потом вспомнила. И мягко высвободилась из его объятий.

– Все в порядке. Я просто заснула.

– Почему здесь?

Анри сел рядом со мной, пристально вглядываясь в лицо. Словно желая убедиться, что со мной действительно все в порядке.

– Я ждала тебя. Хотела поговорить.

Муж нахмурился.

– Посреди ночи?

– Думала, ты вернешься раньше. Я хочу кое-что тебе рассказать. И кое о чем спросить.

Анри подался вперед, но я отодвинулась.

Просто мне нужно было место, где я смогу спрятаться, когда буду говорить про лорда Фрая. Этот уголок дивана как нельзя кстати.

– Что такого срочного могло произойти за полдня?

– Я узнала, что ты должен меня убить.

В гостиной повисла тишина. Такая, что даже едва различимый шелест портьер – скольжение по полу под сквозняком, казался чуть ли не грохотом фейерверка. Анри замер, словно время остановилось. Со стороны могло показаться, что он превратился в статую. Наподобие той, что вела представление на празднике весны. Длилось это мгновение или же полчаса – не знаю.

– Как? – негромко спросил он.

– Я работала на лорда Фрая, – просто сказала я.

И замолчала, потому что выражение лица мужа сложно было описать словами. Нет, когда он узнал про ребенка, оно тоже было более чем говорящим, но сейчас его брови приподнялись, так и замерли. На лбу. Словно Анри пытался осмыслить, что я сейчас выдала. В глазах его явственно читались сомнения по поводу того, что со мной действительно все в порядке. Наверное, так врачи смотрят в клиниках для душевнобольных, когда ставят мысленный диагноз: «Спятила, бедняжка».

Очевидно, он пытался сопоставить образ Терезы, который знал и ту, что сейчас сидела рядом. Не так уж сильно мы с ней отличались. И обе любили его. Поэтому и ей, и мне сейчас было страшно: его прошлое действительно оставалось тайной. Поверит ли Анри в то, что я скажу дальше? Или решит, что я с ним играла, как в свое время он играл со мной? По собственному опыту могла сказать только одно – обжигаясь, становишься очень недоверчивой. Каково же будет тому, кто все эти годы жил несколькими жизнями? Перевоплощался из графа де Ларне, скучающего и наслаждающегося жизнью аристократа, в Анри Феро – шпиона на службе вэлейской разведки. С головой окунался в тайное общество мааджари, где ходил по лезвию бритвы рядом с человеком, убившим его родителей.

И кто же он сейчас?

Кем станет, когда я замолчу?

– Так получилось, – должен же был кто-то нарушить становящееся ну очень тягостным молчание. – Он поймал тебя, когда к нам в дом появился

связной, после нападения Эрика. Не знаю всех тонкостей и не уверена, что хочу знать. После нашей ссоры, когда ты уехал в Вэлею, много всего случилось. Я поехала за тобой, чтобы передавать информацию об окружении Эльгера. Чтобы защитить свою семью от последующих покушений. Чтобы не позволить брату повторить участь отца. Тогда я не хотела быть с тобой, но потом все изменилось. В замке Эльгера, во время благотворительного бала. Или когда ты спас Софи. А может быть, в тот миг, когда мы смотрели на звездопад в беседке. Не знаю, когда это произошло, но точно знаю, что прошлое давно не имеет для меня значения.

Замолчала, не представляя, что добавить еще.

Для меня Анри не был ни агентом Комитета, ни последователем Эльгера. Только моим мужем.

Но сейчас он молчал, и мне хотелось зажать уши.

Самый страшный ответ – это тишина.

– Я делал ужасные вещи, – Анри откинулся на спинку дивана и запрокинул голову. – О которых не хочется вспоминать, и в которые мне меньше всего хотелось бы впутывать тебя, Тереза. Меня готовили как агента, который сумеет войти в окружение Эльгера, но помимо этого было много всего. Мои путешествия не всегда были продиктованы праздным времяпровождением или подходом к воскрешению наследника графа де Ларне.

Я вылезла из своего уголка и осторожно подвинулась к нему.

– Я собирался отправить вас в Иньфай. Тебя и Софи. И нашего малыша. Есть место, о котором не знает никто. Кроме Жерома, пожалуй, но и он знает только то, что оно существует. Найти его по карте невозможно, туда можно добраться, только зная особые тропы. Там живет мой учитель, который согласился помочь мне с древним воинским мастерством, научил обращению с шиинхэ. Человек, который готовил для меня настойку, помогающую удержать золотую мглу.

Он повернулся ко мне, но не двинулся с места.

– Перед этим нам предстояло развестись. Я действительно собирался убить тебя, Тереза. Для Комитета, для Эльгера, всего мира. В Тритт я ездил ради того, чтобы все подготовить.

Я покрутила кольцо, которое он подарил мне в ночь Праздника Зимы.

Пожалуй, теперь все становилось понятно: и его категоричное нежелание нанимать прислугу – совсем как в Лигенбурге, разговоры о настоящей свадьбе, и предстоящий развод, чтобы нас не сумели отследить по браслетам – ведь в случае моей смерти узоры Анри должны были стать черными, как моя тьма. И все поездки, и все отлучки мужа, все стало на

свои места. Удивительно сложилось, как узор калейдоскопа, который никогда не повторяется.

– И как же ты собирався объяснить наш развод Комитету?

– Золотой мглой, – хмыкнул он. – Обручальные браслеты мааджари – это единственная магия, которая приживалась на хэандаме. Но мне должно было стать от нее хуже.

– Умно, – сообщила я.

И снова воцарилась тишина. Я думала о том, что узнала. Пыталась осмыслить – и не могла. Умереть для всего мира... И для родных тоже?

– А мои близкие? Что будет с ними? – внутри все похолодело, когда я представила, как страшная новость приходит в Мортенхэйм.

– Им придется похоронить тебя, Тереза. По крайней мере, поначалу.

Меня затошнило. К горлу подкатил ком, руки похолодели.

Вспоминала родные лица и представляла, как им приносят письмо. Как белеют матушкины губы и как Винсент смотрит перед собой невидящим взглядом. Как с лица Лави уходят все краски. Как расширяются глаза Луизы. Нет, это слишком жестоко. Я не могу с ними так поступить.

Ни за что.

– Нет, – сказала я.

Вскочила с дивана, Анри поднялся и шагнул ко мне, но я выставила вперед руку.

– Нет. Я готова на все, чтобы быть рядом с тобой, но это... это слишком. Должен быть другой выход.

– Другой выход есть, – муж смотрел мне в глаза. – И ты его знаешь. Развестись со мной, вернуться в Мортенхэйм. В Энгерии ты неприкосновенна, прямое посягательство на твою жизнь или жизнь твоего ребенка – международный конфликт.

– Ты не можешь ставить меня перед таким выбором, – сдавленно прошептала я.

– Я не ставлю! – сейчас Анри почти рычал. – Да я бы жизнь отдал за то, чтобы все изменить. Чтобы не было этой демоновой встречи с Веллажем, бессильной ненависти и злобы, заговора Эльгера. Но это прошлое – Тереза, а в настоящем... все, что я делаю, я делаю ради тебя. Ради нас. Чтобы удержать то небольшое, что могу дать тебе и Софи. Возможность быть вместе.

– Я знаю, – горло словно сдавило стальным обручем, дышать было нечем. – Но мои близкие, Анри... это их убьет. Я не могу... не могу с ними так поступить. Я люблю тебя больше жизни, и последовала бы за тобой на край света, даже на Лагуанские острова, но... не проси меня об этом. Я не

могу. Мы должны найти способ поставить их в известность, прежде чем...

– У тебя есть человек, которому ты можешь доверять? Человек, не связанный ни с тобой, ни со мной в глазах общества? Человек, который сможет устроить все так, чтобы никто ничего не заподозрил. Который не предаст.

Я сжала виски, вспоминая залитую солнцем воду, и тень в которой мы стояли с Иваром.

Сердце пропустило удар, а потом забилося как подхваченный ураганом маятник.

– Есть, – сказала я. – И он ближе, чем можно себе представить.

Разумеется, мы поругались. Причем поругались так, как я даже представить себе не могла. Анри отправился в гостевую спальню, а я в нашу. Поразительно: мы пережили мое признание о ребенке, лорда – будь он трижды неладен – Фрая, даже мое потенциальное убийство, порученное Комитетом. Но вот об Ивара Раджека споткнулись. Причем споткнулись так основательно, до звенящего шепота и приглушенной ярости. Расстегивая платье – спасибо тем, кто придумал мои обожаемые пуговицы на груди, я мысленно ругала мужа последними словами. Разумеется, его можно понять, с таким образом жизни недоверие входит в привычку. Но это не значит, что стоило называть меня недальновидной глупенькой некромагессой, которой можно навешать на уши все, что угодно – потому что голова у меня забита магией, и ничего другое в нее не лезет.

Рыкнула и выпуталась из платья как раз в тот момент, когда дверь в спальню недружественно распахнулась, чудом не слетев с петель, а потом так же недружественно хлопнула. Эхо разлетелось по дому, как стадо ополоумевших бабочек.

– А знаешь, ты права, – заявил муж, сверкая глазами. – Пожалуй, я с ним поговорю. Где он остановился?

– Кричи громче, – не осталась в долгу. – Половина Лации тебя не слышит.

Анри шагнул ко мне, сдвинув брови.

– Ты хоть понимаешь, что мы не можем доверять первому встречному просто потому, что тебе понравилась его смазливая мордашка?

– А ты понимаешь, что мы не можем не доверять человеку просто потому, что тебе не понравилась его смазливая мордашка?

Анри сжал руки в кулаки, я вооружилась щеткой. И принялась ожесточенно расчесывать волосы. Так, что от них полетели искры.

– Ты поразительно доверчива, Тереза.

– А ты поразительно недоверчив. Если бы не твое загадочное

молчание, мы могли бы переговорить с матушкой без игры в шпионов.

– Поправь меня, если ошибаюсь, но мы и есть шпионы.

Я не нашла ничего лучше, кроме как показать ему язык. Отвернувшись к зеркалу и уставилась на свое отражение, стараясь не смотреть на застывшей за спиной золотой монумент. Признаюсь, сегодня на причале я сама была далека от того, чтобы доверять Ивару. Но если хорошенько рассудить, будь он мне врагом, будь он врагом нам – разве сейчас мы бы стояли в этой спальне и ссорились? Или же я бы была уже на пути в Энгерию, накачанная чудо-разработками лабораторий Королевской службы безопасности. Сонная и столь же стремительная, как мухи поздней осенью.

– Зачем ему было обо всем мне рассказывать? – хмыкнула я.

Крючки корсета щелкали, разрывая тишину.

Анри подошел, чтобы помочь мне с завязками кринолина, но я шлепнула его по руке.

– Этого я не знаю. Возможно, чтобы ты больше ему доверяла.

– Тогда почему он не сказал мне об этом сразу?

Справедливости ради стоит отметить, что лорд Фрай тоже вел себя довольно по-дружески. До тех пор, пока не посадил меня на «Стрелу Загорья» и не спустил тетиву в сторону Вэлей.

– Тереза, малейшая оплошность может разрушить все.

– Понимаю, – сказала я. – Но Ивар меня ни разу не предал.

– Потому что это было выгодно ему!

У-у-у, твердолобый.

Я вылезла из колец кринолина, выпуталась из нижнего платья и завернулась в халат.

– Доброй ночи.

Анри перехватил меня за руку.

– Мне нужно в ванную. Пусти!

– Мы не можем так рисковать. Пойми уже наконец!

– Не можем рисковать? – я вырвалась. – Да мы с тобой только и делаем, что рискуем. Каждую минуту, каждый день. У меня до сих пор дрожь по телу, когда я вспоминаю, что нам пришлось пережить в замке Эльгера. Но такова наша жизнь, Анри. Я верю, что ты хочешь все изменить. Верю, что хочешь, чтобы мы могли спокойно жить, без оглядки, чтобы у Софи и у нашего малыша был дом, который не придется менять каждый месяц. Но если ты сможешь спокойно спать – зная, что Лорена и Энцо с почерневшими от горя сердцами вспоминают, как ты поджигал их крышу, или как они желали тебе доброй ночи – их маленькому непоседе с золотыми волосами, то я со своими родными так поступить не смогу.

Прости. И не проси меня об этом. Я уже сказала, что поеду за тобой на край света. И да, мы рискуем, доверяя Ивару наши жизни, но... другого выхода нет. Для меня нет. И не будет.

Уставшая, отняла руку и опустилась на край кровати.

Эта перепалка меня вымотала, и хотелось только одного – заснуть. Заснуть дней так на десять, а может быть, на месяц или на год. Чтобы проснуться в другом мире, где во мне нет крови Дюхайма, где я не мешаю королевским особам и не являюсь целью озабоченного мировым господством герцога. Вот только вряд ли мне это удастся, потому что так бывает только в сказках. А моя сказка с самого начала страшная.

– О чем ты думаешь? – Анри опустился рядом со мной.

Я сказала.

– Заснуть? На год?

– Почему нет. Можно даже на два.

– Но тогда ты пропустишь рождение нашего ребенка.

Я повернулась к нему, и Анри мягко коснулся пальцами моих губ.

– Ты же этого не хочешь?

– Нет, – призналась я. – Не хочу. А еще безумно хочу, чтобы в эту минуту ты был рядом.

Муж молчал долго. Молчала и я, потому что все уже сказано. Осталось только принять решение. Мы смотрели друг другу в глаза, такие близкие и такие далекие. Сейчас, как никогда остро, я чувствовала, что не готова с ним расстаться. На день, даже не два... не говоря уже о долгой, безумно долгой жизни без единственного любимого мужчины. Но согласится ли он на то, что предлагаю я? И согласится ли Ивар нам помочь?

– Я поговорю с Раджеком.

Сердце затопила радость – странная, смешанная с тревогой: пути назад нет – но все-таки радость.

– С ним лучше поговорить мне.

– Нет. С ним поговорю я, Тереза. Обещаю, что все будет хорошо, и все останутся живы.

На смешок это было не похоже – то, что слетело с моих губ. Так, слабая попытка улыбнуться на выдохе.

– А потом поговорю с Лореной и Энцо. Ты права, они должны знать.

Сильные ладони легли на плечи, притягивая к себе.

Положила голову мужу на грудь и закрыла глаза.

– Какое оно? Место, где мы будем жить?

– Очень светлое. Там много солнца, а вода прозрачная, как слеза.

– В море?

– В лагуне. От моря те земли отделены скалами, вода проходит сквозь небольшую арку. Еще там очень много зелени и высокие горы. Настолько высокие, что кажется, будто они врезаются в небо.

В Иньфае и правда есть цепь высоких гор, но сомневаюсь, что Анри говорит именно о них. Те горы, про которые думаю я, на севере страны, хоть и далеко от столицы, но все же земли там населенные и довольно известные.

– Все потому, что само место замкнуто в объятиях лесов и запутанных троп.

Вот это уже больше похоже на сказку.

Я прижалась к Анри крепче и прошептала:

– Думаю, мне там понравится.

Сложнее всего было написать письмо Винсенту.

Даже после всего, что мы пережили – когда Анри уходил на встречу с Иваром, я случайно распустила кружевную салфетку с комода, которую держала в руках. Попытки пойти вместе с ним муж решительно пресек, и, хотя все внутри противилось решению отпускать его одного, я понимала, что сейчас спорить бессмысленно. Хотя бы потому, что он всяко больше меня разбирается в тайных встречах и в том, что нам предстоит. Переживала не столько из-за того, что они сцепятся, как тогда, в лесу под Ларне, сколько из-за Ивара. Даже не из-за его согласия, из-за того, что вынуждена была раскрыть нашу общую тайну.

Муж вернулся с новостями – отчасти хорошими, отчасти не очень. Хорошие заключались в том, что они с Иваром не поубивали друг друга, и что Раджек согласился нам помочь. Плохие – в том, что ему предстояло осуществить задуманное как можно скорее, потому как лорд Фрай в любую минуту мог отдать приказ срочно вывезти меня в Энгерию. По словам Ивара, настроен он был весьма решительно, а это означало только то, что времени у нас почти не осталось. Это могло случиться сразу по возвращении матушки и Лави, или через неделю, но рисковать не стоило.

Мне придется «умереть» как можно скорее.

Когда Анри сообщал об этом, лоб его прочертила глубокая складка. Таким мрачным я не видела его давно, но от вопроса все-таки не удержалась:

– Он говорил что-нибудь обо мне?

– Сказал, что голуби и ящерицы у него закончились, поэтому придется рискнуть и передать кое-что через меня.

Анри протянул мне сложенный вдвое листок. Незапечатанный. Где рукой Ивара была написана всего одна строчка:

«Будьте счастливы, Тереза. Я рад, что встретил вас, и что вы были в моей жизни».

До меня не сразу дошел смысл слов Анри, а когда дошел, я хохотала как умалишенная. Даже ревнивые нотки в голосе мужа не остановили. Смеялась так, что из глаз потекли слезы, но ничего не мола с этим поделаться – напряжение последних дней выходило из меня с какими-то всхлипами и бульканьем, совершенно недостойными леди. Когда Анри принес воды, я проглотила ее залпом, нисколько не боясь захлебнуться, и прижала ладони

к покрасневшим щекам. Для меня действительно важно было знать, что Ивар не держит на меня зла.

После Анри пришлось уехать в Тритт, и те два дня, что его не было, я не находила себе места. Будущий лорд или леди без устали устраивали мне встряски: тогда, когда я меньше всего этого ожидала. Справлялась только благодаря алаэрниту и привычке запечатывать тьму еще на подходах. Почти не спала, потому что боялась, что из-за тревоги магия малыша вырвется через меня в мир. Когда засыпала, оказывалась то в Шато ле Туаре, где металась по пустынным коридорам, превратившимся в лабиринты, то в полуразрушенном замке графа де Ларне, призрачные контуры которого выступали из темноты, становясь все более осязаемыми. «Ты так и не освободила меня», – говорил лорд Адриан, и от его слов и его близости по коже шел мороз.

Я просыпалась в холодном поту и просила Всевидящего о том, чтобы у Анри все получилось. День, когда он вернулся, стал для меня одним из самых счастливых. Даже несмотря на то, что в конце недели меня уже «не станет». Даже несмотря на то, что вскоре снова придется бежать. Пережить долгое морское путешествие, а потом ждать, пока ко мне приедут Анри и Софи: все должно выглядеть естественно, никто не поверит, что мы погибли все вместе.

Мужу предстояло то же самое, но чуть позже, и все это время я буду сходить с ума от беспокойства – до той минуты, когда снова его обниму, прижмусь к груди, чтобы больше никогда не отпускать. Но пока что он здесь, рядом, и пока я могу наслаждаться минутами, когда мы засыпаем вместе. До той поры, когда уже слипаются глаза, потому что хочется смотреть на него бесконечно долго. Запоминая каждую черточку.

Сегодня вечером нам предстояло «поставить точку» в нашем супружестве – капля моей крови, которая так и не упала на бумаги о разводе, разомкнет обручальные браслеты. Софи мы пока ничего не говорили, этого разговора я боялась чуть ли не больше, чем предстоящего.

И вместе с тем письмо Винсенту, которое я писала сейчас, давалось мне очень сложно. Несмотря на то, что было меньшим из зол. Несмотря на то, что это всего лишь строки, в которых мне предстояло объяснить брату свой выбор. Это письмо я собиралась заверить магией крови – как добровольное согласие на магическую дуэль, о которой мне говорил Эрик. Чтобы у брата не возникло ни малейшего сомнения в подлинности моих слов и добровольности принятого решения.

И все-таки это было очень сложно.

Прощаться, не представляя, на сколько. Иньфай – не Маэлония, нас

будет разделять море. Этот разрыв не сшить несколькими днями на поезде.

«Дорогой Винсент,

Наша последняя встреча вышла довольно резкой...»

Это еще слабо сказано.

«Но несмотря на все наши разногласия, вы были и останетесь моим братом. Братом, которого я люблю всем сердцем. Мне невыносима сама мысль о том, чтобы причинить вам боль, и я надеюсь, что мое письмо поможет вам понять мои чувства. Я хорошо помню ваши слова – в тот день, когда я пришла к вам перед балом Уитморов. Тогда вы сказали: «Вы всегда можете рассчитывать на меня», – и обещали принять любой мой выбор. В ту ночь я меньше всего ожидала, что стану супругой графа де Ларне и даже представить себе не могла, что этот мужчина станет для меня единственным и самым дорогим. Но сейчас я не вижу жизни без него. Надеюсь, вы сдержите свое слово и сможете меня простить. За то, что я собираюсь сделать».

Писала обо всем, как на исповеди – не скрываясь и не таясь. Просила смягчить мои слова перед матушкой, Лави и Луизой, и искренне сожалела о том, что не увижу племянника или племянницу. О нашем ребенке тоже рассказывала с затаенной грустью: мне казалось, что Винсент был бы счастлив подержать на руках наше с Анри маленькое чудо. Просила брата позаботиться о Демоне, попросить за меня прощения у Луни. И отпустить его.

Закончив, запечатала конверт заклинанием крови и долго смотрела на лежавший передо мной прямоугольник, не в силах пошевелиться. Такой меня и застал Анри.

Сегодня муж должен был в последний раз увидеться с Иваром – передать ему письма, а еще заглянуть к Лорене и Энцо. Разговор, который им предстоял, будет долгим, поэтому вряд ли он вернется до ужина. А после с моей руки исчезнет обручальный браслет.

Но обручальный браслет не значит ровным счетом ничего.

Главное я ношу в своем сердце. И под ним.

– Ты еще можешь передумать, – произнес Анри, заглянув мне в лицо.

– Нет.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

– Я люблю тебя, Анри Феро.

Вместо ответа он наклонился и поцеловал меня в губы. Удивительно нежным поцелуем, от которого зашло сердце. Мгновения растянулись в минуты или же в часы, а может быть, пролетели как один вздох. Пальцы скользнули по его запястью, когда Анри выпрямился, и я протянула ему

письмо.

– Подожди. Я еще напишу Ивару.

Муж нахмурился, но уже взяла чистый листок.

«Простите за то, что наговорила вам на причале».

Эти слова я не могла не сказать. Мне так много нужно было ему сказать, но все прочее было лишним. И он, и я, прекрасно знали, что больше не увидимся, и знали, что никогда друг друга не забудем. Поэтому просто сложила листок вдвое и тепло улыбнулась мужу.

– Возвращайся скорее.

– Можно я сегодня не буду учить стихи? Ну можно? – дочь сделала большие глаза.

После ухода Анри я проверила, как Софи справилась с заданиями по чистописанию и арифметике. Очень хотелось отложить ее занятия и увести в парк, но я боялась, что собеседник из меня будет так себе, поэтому мы обсудили главы по истории и географии, которые предстояло изучить и пересказать. Все было хорошо, пока речь не зашла про стихи, которые та не любила заучивать наизусть.

– Нельзя, – сказала я строго. – Софи, одно стихотворение в день – это не так уж и много, поверь.

– Зачем мне нужна эта поэзия? Я ее терпеть не могу.

В ответ я сложила руки на груди, и дочь надулась.

– Лучше бы меня музыке учили. И вышиванию.

С музыкой и вышиванием действительно вышел пробел. Я с ними не дружила, а поскольку гувернантки у Софи не было, в Лации мы даже не задумались над обустройством музыкального салона. Когда переедем в Иньфай, похоже, эти пробелы нам придется восполнять вместе. Не знаю, будем ли мы приглашать воспитательницу, я пока вообще смутно представляла, как там все будет. Это не просто другая страна, это в каком-то смысле другая цивилизация. Анри обещал, что меня встретят, что о нас с малышом позаботятся, но месяцы вдали от него и Софи, рядом с чужим, пусть даже очень хорошим человеком, уже сейчас казались вечностью.

– Ты научишь меня танцам? – спросила, чтобы сменить тему.

В первую очередь ту, что не давала мне покоя в моих мыслях.

– Танцам? – Софи перестала хмуриться.

– Да, мне очень хочется научиться танцевать, как ты.

– Тебе нравятся нонаэрянские танцы?

Кивнула.

– С ума сойти!

Наверное, матушка сказала бы так же.

– Когда будешь меня учить, поменяемся местами. Сможешь отыгаться на мне по полной.

Софи хихикнула. Видимо, возможность отыгаться за стихи ей понравилась.

– Если расправишься с уроками до возвращения Анри, после ужина сможем погулять вместе.

– Здорово!

Дочь снова уткнулась в книги, а я все-таки решила пройтись. Часа три Софи точно будет занята, а я за это время распушу все оставшиеся в доме салфетки.

Сейчас, когда каждая минута отсчитывала оставшееся мне в Маэлонии время, сидеть на месте не получалось. Я постоянно была чем-то занята: то магией, то уроками с дочерью, а если выдавалась свободная минутка, шла помогать Селесте, чем вызывала недовольное бурчание. В отличие от Лорены, хозяйничать на кухне она предпочитала одна. Но сегодня мне не хотелось даже заглядывать на кухню, не говоря уже о практике магии смерти. Все валилось из рук.

На улице становилось спокойнее – из-за царящей повсюду суеты. От воды тянуло прохладой, но солнышко ласково пригревало. Казалось невероятным, что где-то в этом мире может быть другая весна: холодная, с пронизывающими ветрами и медленно сходящим снегом, контуры заострившихся сугробов которого оцетиниваются в небо подтаявшими острыми зубцами. Я настолько привыкла к Маэлонии – к ее веселому гомону, к шуточкам и беспричинному мужскому вниманию, что сейчас расставаться с ней не хотелось.

Эта шумная, непоседливая страна ворвалась в мою жизнь с беспардонностью, свойственной ее жителям, заполнила яркими красками карнавалов. Из-под ее масок выглядывали самые разные лица: короткие заморозки под сдвинутыми бровями туч сменялись широкими улыбками каналов и россыпью украшающих их лодок. И даже с ними мне сейчас тоже не хотелось прощаться.

Так же, как не хотелось прощаться с Лореной и Энцо. С их теплыми объятиями, с нашими уютными встречами, с умопомрачительными обедами синьоры Фьоренчелли. С широкими улыбками незнакомых людей, рядом с которыми я разучилась бояться толпы. Не хотелось размыкать рук с мужчиной, без которого я не представляла жизни, но именно ради того, чтобы всегда быть рядом, сейчас нам предстояло разлучиться.

Надолго ли? Я не знала.

Анри обещал все сделать быстро, но как получится на самом деле?..

Ноги сами привели меня в парк. Туда, где мы так часто гуляли с Софи, и где я увидела их с Франческой. Устроившись на скамейке, рассматривала проходящих мимо людей. Няни с детьми и молодые люди, свободные от занятий во второй половине дня. Парочки, украдкой ускользнувшие от родителей, чтобы провести побольше времени вместе. По этой же дорожке мы шли с Иваром, когда он уводил меня от очередного опрометчивого поступка.

Наверное, мне бы хотелось попрощаться с ним иначе.

Тепло. По-дружески. По-настоящему.

Он действительно рисковал всем, чтобы помочь мне.

Браслет дернуло, и я поспешно подтянула рукав: по-прежнему ослепительно-золотой. Легкий холодок змеился по запястью – похожий на тот, что я чувствовала, когда Анри уезжал с Эльгером, а я дожидалась его в Лавуа. Сейчас же отчаянно хотелось, чтобы муж вернулся побыстрее, но такие дела быстро не делаются. Я писала брату письмо, а ему предстоял разговор с Лореной и Энцо лицом к лицу. Смогла бы я решиться «умереть», глядя в глаза Винсенту, матушке или Лави? Смогла бы отказаться от них, когда они стоят в двух шагах от меня – такие безумно близкие и родные.

Возвращаясь домой, старалась не торопиться. От браслета уже часа полтора тянуло холодом, запястье словно заковали в ледяной обруч. Я постоянно на него поглядывала, но он по-прежнему переливался золотом, без единой черной прожилки.

Хоть бы Лорена и Энцо нашли в себе силы его поддержать. И смелость, чтобы смягчить предстоящее.

Оказавшись у дома, я обнаружила, что забыла ключ. На самом деле, удивительно, что я не забыла что-нибудь еще. Например, ридикюль, вместе с головой. В парке.

Постучала, но ответило мне только эхо дверного молотка.

Изнутри, из сдавившего грудь напряжения, поднималась досада. В нашем доме все слышно, даже если заложить уши ватой. Селеста вообще крайне нерасторопна, а еще очень не любит, когда ее отвлекают во время готовки. Неужели нельзя оторваться на минуту, и открыть?

Постучала снова, искренне сожалея, что не готова кричать на всю улицу.

Хотя в Лации вряд ли кто-то обратил бы на это внимание или счел недостойным.

– Синьора Феро! – голос Селесты.

Она спешила по улице, в руках у нее была корзина, доверху наполненная овощами.

Не успела я отойти от потрясения, как меня захлестнуло гневом.

– Ты оставила Софи одну?

– Не одну, нет, – поспешно затараторила та. – К нам пришла Франческа, ну я и решила, что успею сбежать на рынок. У нас овощи закончились, а я растяпа, не посмотрела. Скоро ужин надо готовить...

Под моим взглядом женщина осеклась, повернув ключ, я же распахнула дверь и нырнула в прохладный полумрак холла. Не знаю, о чем думала Франческа, но она выбрала не лучшее время и сейчас точно слетит с лестницы. Немагическим способом, по старинке. Даром что я сестра герцога и жена графа, за волосы оттаскать сумею. Синьорина Розатти выкатится наружу растрепанным шаром, да там и останется, а Селеста последует за ней. Лучше я буду оставшиеся дни готовить сама – как умею, и наплевать, что это нельзя будет есть.

– Софи! – взлетела по лестнице, широким шагом направляясь в учебную комнату.

Та оказалась пуста.

Раскрытая тетрадь лежала поверх книги, перо аккуратно сложено к остальным, чернильница закрыта.

Значит, Софи пригласила ее в спальню.

Замечательно!

Бросилась туда, распахнула дверь. И застыла. Клетка с Лилит опрокинулась, мышь шуршала рассыпавшимися по полу опилками. Поперек кровати лежала Софи. Бледная и неподвижная, волосы расплескались по застеленному покрывалу, словно кто-то наспех швырнул ее на постель, как куклу.

Сердце дернулось, как игрушка на нитке, и замерло.

– Софи! – холодея сердцем, рванулась к кровати, подхватывая девочку за плечи. Встряхнула, но голова ее безвольно откинулась назад. – Софи! Софи!

Шею обожгло, словно укусом насекомого. Обернувшись, по-прежнему прижимая к себе дочь, увидела расплывающееся лицо Франчески. Отдаляющееся, тающее в густом тумане, стремительно заполнявшем комнату.

– Больше вы не будете мне мешать, – услышала я.

И провалилась во тьму.

В ушах грохотал пульс, в который тонкой ниточкой втекало биение крохотного сердечка. Было холодно, очень холодно, а еще я не могла пошевелить даже пальцем, чтобы унять расползающийся вокруг холод. Туман окутывал сознание густым вязким киселем, не позволяя двигаться, мешая открыть глаза. А клокотавшая во мне магия набрала силу, я чувствовала ее. Знала, что нужно это остановить, но...

– Мамочка!

Далекий голос Софи выдернул меня из зыбких щупалец тьмы.

Я потянулась к ней, но меня швырнуло обратно, в холодные волны, сомкнувшиеся над головой. Вокруг было море: темное-темное, под низкими серыми тучами, вдавливающими меня под воду все глубже и глубже.

– Мамочка! – Крик. Совсем рядом. – Мама! Пожалуйста! Мне страшно!

Я выдернула себя на поверхность каким-то невероятным усилием воли. Выдернула ли? Перед глазами только серая хмарь и тлен. Никаких красок.

– Мама... – тоненький всхлип.

Я не сразу поняла, что вижу то, что меня окружает. Не во сне. Не в забытье. На самом деле. Комната напоминала подземный склеп, который забросили много лет назад. Потолок и стены, в клочья изодранные тленом. Под полоской лунного света, обнажавшего уродство особенно остро, ожоги тьмы выглядели еще страшнее – рваные иссохшие края, знакомая серая пыль. Не осталось ни ковра, ни настила, совсем рядом ощерились остатками дерева истлевшие доски. Справа от меня – дыра в полу.

Почему...

Почему я решила, что здесь должен быть ковер?

Медленно повернулась на бок, где-то рядом всхлипнула Софи.

Только тут до меня дошло, что мы все еще в доме. В нашем в доме в Лации – уголок уцелевших обоев в коридоре, темно-зеленых, с простым узором. Что сейчас ночь. Что Анри по-прежнему нет рядом. И что Франческа меня усыпила.

Последняя мысль заставила резко подскочить, за что я чуть было жестоко не поплатилась. Желудок подкатил к горлу, тьма устремилась в ладони. Хруст, треск, вскрик Софи – и вместо твердости пола рука ощутила

пустоту, проваливаясь вниз. Отпрянула назад, насколько позволяло дрожащее все, запечатывая тьму внутри. Но она не поддавалась – билась о хрупкую преграду тела, снова и снова.

«Тихо, маленький, тихо... – прошептала мысленно. – Пожалуйста...»

Смотреть на дело рук своих... точнее, на последствия всплеска нашей с малышом магии было страшно. Меня мутило – то ли от того, чем меня отравила Франческа, то ли от мощи магии смерти, готовой вот-вот снова обрушиться на мир через меня. Взгляд Софи – затравленный, дикий, подействовал как пощечина. Дочь сидела в коридоре, подтянув колени к груди, рядом стояла клетка с Лилит. В коридоре, который тоже зацепило тленом. И разделяла нас целая пропасть, в прямом смысле: пола впереди не было. От меня и до порога тоже протянулась пустота, под которой просматривался почти нетронутый первый этаж.

На который еще нужно попасть.

С двух сторон от меня иссохшие островки пола. Надежные ли?

– Все будет хорошо, – прошептала, приподнимаясь на этот раз более осторожно. – Софи, мне понадобится твоя помощь.

Софи всхлипнула.

– Родная?

Дочь быстро-быстро кивнула, и у меня отлегло от сердца.

Мне повезло, что она жива. Что с ней все хорошо. Что она не сбежала в ночь от этого ужаса.

– Мне нужно, чтобы ты сказала, какие доски выглядят крепче.

– Справа, – тихо шепнула она.

– Хорошо. Спускайся вниз, пожалуйста.

Мне нужно собраться, потому что у меня есть всего одна возможность. Подняться, рывком броситься вперед и оказаться в коридоре. Там, где пол не рассыплется под первым же шагом. Поэтому для начала нужно немного прийти в себя.

– Нет, – Софи замотала головой.

– Софи. Здесь небезопасно.

– Нет... Франческа пришла... – быстро-быстро заговорила она. – Я заснула, а когда проснулась, в доме уже были они...

– Кто – они?

– Двое мужчин. Один утащил меня вниз, они говорили, что ждут переход, а потом...

– Переход?

– Да, он так сказал. Тот, который остался с тобой ... Потом наверху закричали – страшно, и второй побежал к лестнице... Я побежала на

кухню... А потом, когда все стихло... я тоже поднялась, и...

Из-за усыпляющего зелья разум все еще был тяжелым и вязким, как пчела в меду. Переход? Что это значит? Почему я осталась в доме, если меня хотели увезти? И почему я до сих пор жива, если от меня хотели избавиться? Двое мужчин. Они оба не пережили выброс магии смерти. Не пережили, потому что не знали про ребенка, а меня накачали снотворным так, что я не успела ничего почувствовать. Не успела ничего сделать, и от них ничего не осталось. От осознания этого замутило еще сильнее.

Все силы уходили на удержание тьмы и на мысли о том, как мне быстро подняться и прыгнуть. Потому что если вдруг я сделаю это недостаточно быстро, или закружится голова... Нет, не закружится. Оперлась ладонями об островок, на котором лежала, стремительно подбросила себя вверх и вперед. На этот раз Софи не кричала, я видела только, как расширились ее глаза. Пол в спальне с жалобным шорохом рассыпался из-под ног, но я уже была в коридоре. Стояла, привалившись к стене, чувствуя под ладонями вздрагивающую спину дочери, а под ногами твердую поверхность, слушая грохочущее сердце.

Все.

Теперь все точно будет хорошо.

Нужно только как можно быстрее выбраться из этого дома и найти Анри. Браслет на руке по-прежнему был ледяным, а единственная, кто могла прояснить ситуацию, сбежала, оставив меня и Софи в руках непонятно кого.

– Софи, Франческа что-нибудь говорила?

– Говорила, что хочет помириться. Что скучала...

– Только это?

– Да. Но я сказала, что нам лучше не видеться, а потом... Потом она попросила что-нибудь на память о нашей дружбе, и я хотела отдать ей ленту. Мы пошли в спальню, и больше я ничего не помню. Только то, что тебе уже рассказала.

Софи выглядела напуганной, растерянной, виноватой, и я крепче прижала ее к себе.

– Родная моя, этого более чем достаточно.

Решительно увлекла дочь за собой к лестнице, стараясь держаться ближе к стене. Лилит беспрестанно пицчала.

– Но почему?.. – с губ девочки сорвался всхлип. – Почему Франческа так поступила? Она ведь не злая... карты говорили, что...

Это мне еще предстоит выяснить.

Сейчас, когда сознание понемногу обретало реальные контуры и

больше не напоминало дергающуюся в паутине муху, тревога за Анри сдавила сердце. Браслет по-прежнему был ледяным. И золотым – значит, вреда ему не причинили. Значит, все еще поправимо. Не знаю, что было сложнее запечатать: тьму или страх. Не знаю, что из них было более разрушительным. Не уверена, что магия смерти.

Только на середине лестницы меня пронзило очередной мыслью.

– Софи, где Селеста?

– Когда я проснулась, в доме ее не было.

Мысли метались: из одной крайности в другую.

Я пыталась их собрать, но получалось плохо. Софи всю трясло, да и я недалеко от нее ушла. Если сейчас сорвусь, вот прямо здесь и сейчас – сяду посреди гостиной и завою, как Луни. Чем дальше меня уводило от грани выживания, тем больше леденели руки и сердце, которое вообще напоминало застывший в груди комочек льда. Не способный ни на что, кроме как дергаться в заданном жизнью ритме.

Внутри творилось нечто невообразимое, перед глазами все плыло.

Где искать Анри? Как ему помочь?

Неужели Комитету стало известно о наших планах?

Куда бежать? К синьорам Фьоренчелли?

Посреди ночи, в платье, изодранном тьмой, с насмерть перепуганной Софи?

Нет, это точно не вариант.

Как во сне направилась к двери, не понимая даже толком, куда идти. Но дочь неожиданно остановилась и потянула меня за руку.

– Мама, Кошмар спрятался на кухне, – тихо прошептала она. – Забился за шкафчики.

Кошмар. Спрятался.

Перед глазами возник длинный коридор поезда, несущего меня в Ольвиж.

И тогда в сознании четко проступило имя.

Ивар.

Франческа сидела на кровати: бледная и растрепанная, ничем не напоминая ту яркую женщину, которую я впервые увидела в Маэлони. Солнце, сочащееся в небольшую, по-женски уютную комнатку небольшой квартиры, тщетно силилось придать блеск спутавшимся волосам или разогреть упрямо сжатые белые губы. Когда мы с Иваром перешагнули порог ее квартиры, она метнулась было к нему – с надеждой загнанного в угол зверька. Но увидев меня, остановилась, словно на стену налетела. Васильковые глаза расширились, из них потекли слезы, оставляя

на щеках грязные дорожки. Мне не было ее жаль. Даже если бы я старалась отыскать в себе хотя бы крупницу милосердия, вряд ли бы это что-то изменило. Но дело было в том, что я не старалась. С той минуты, как во мне прочно укоренилась мысль, что Анри не вернется, милосердия во мне не осталось.

Полночи Ивар приводил меня в себя, завернув в плед и отпаивая горячим чаем. Подозреваю, что в чае было что-то еще, непосредственно связанное с чудо-разработками службы безопасности Энгерии, потому что в голове прояснялось на удивление быстро, а мысли перестали путаться в клубки и выстроились на удивление чудными рядами. Я вспомнила все до последней детали и рассказала ему – после того, как нам удалось уложить Софи. Она заснула, подтянув к себе клетку с Лилит, второй рукой обнимая Кошмара. Недовольный таким положением кот спать отказывался, но вырываться не стал.

– Еще раз, – жестко повторил Ивар. – Что произошло вчера?

У меня руки дрожали от желания вцепиться в эту женщину и вытрясти из нее все, но умом я понимала, что это не поможет. Франческа была под внушением: об этом говорил весь ее вид, искреннее недоумение, а еще дикое, затравленное выражение глаз и заторможенная речь. Нам повезло, что она не сошла с ума и вообще может говорить. Потому что тот, кто это сделал, явно не заботился о сохранности ее разума. Просто наскоро вложил указания, зацепив яростное желание быть рядом с Анри и избавиться от соперницы.

– Я встретила этих, – тихо повторила она. И медленно добавила: – Людей.

– Как они выглядели?

Зажав руки между коленями, Франческа раскачивалась из стороны в сторону.

Я шагнула было вперед, но Ивар преградил мне путь и покачал головой.

– Тереза, мы договорились.

Мы и правда договорились: если я пойду с ним, разговаривать будет он. Только на таких условиях он обещал взять меня с собой. Софи осталась у синьоров Фьоренчелли, которым я пока ничего не сказала. Наврала, что мы с Анри решили устроить себе романтическое свидание, а Селеста попросила выходной. Что касается Селесты, это даже была не ложь. Она нашла у себя дома: призналась, что вчера к ней на кухню заглянула расстроенная Франческа. Синьорина Розатти плакала у нее на плече, а Селесте вдруг стало плохо. Тогда Франческа сказала, что ее отпросит и

помогла добраться домой, где женщина упала на кровать и проспала до нашего прихода.

– Молодой человек... – лицо Франчески исказила судорога, словно она вот-вот заплачет. Она сдавила виски руками. – Он спросил, как пройти до Дворца правителей... а потом... Потом сказал, что может мне помочь.

– Как он выглядел? – терпеливо повторил Ивар.

Я отвернулась и сжала пальцы, до боли. Каждую минуту, что эта овечка блеяла, Анри становился от меня все дальше. Мы еле вытрясли из нее то, что произошло: она дожидалась его у дома синьоров Фьоренчелли. Из ее слов, да и из разговора с ними стало понятно, что муж даже не успел к ним зайти. Франческа сказала, что хочет попрощаться, потому что скоро уезжает из Лации, и попросила проводить ее до дома. В последний раз, в память о том, что их связывало в прошлом.

И мой муж – всегда такой недоверчивый, такой осторожный, согласился.

Кто-то, управлявший Франческой, точно об этом знал. Знал, что подобраться к нему получится только через нее, как если бы препарировал всю его жизнь.

Она усыпила его так же, как усыпила Селесту: более мягко и незаметно.

И оставила одного в своей квартире «для свиданий», пока ей «помогут» избавиться от нас с Софи. Франческа думала, что отдает меня и дочь в руки давнего воздыхателя, который увезет меня далеко-далеко, и что нас никто не найдет. Если бы я не видела, что с ней творится, если бы не столкнулась с подобным, когда Евгения «заставила» Софи сбежать, скорее поверила бы в холодный расчет этой женщины, чем во вмешательство кого-то еще. Но она действительно готова была на все, чтобы заполучить Анри, а человек, убедивший ее это сделать, обладал знанием мааджари. Все внушение основано на том, что заперто у нас внутри. На потаенных желаниях, страхах, на том, что мы себе не позволяем из боязни быть уличенными или осужденными.

– Как светлый. Он словно сошел с небес.

– Кто еще был с ним?

– Кто? – Франческа нахмурилась.

– Ты сказала: встретила этих людей. Сколько их было?

– Двое. Женщина. Вся в черном. Красивая, молодая, но... У нее были такие... зеленые глаза... Страшные.

Я вздрогнула.

Ивар по-прежнему хмурился, а у меня в голове уже складывалась

картина. Поначалу, еще до встречи с Франческой, я решила, что это связано с Комитетом, что кому-то стало известно о нашем побеге – так или иначе, и что Альтари собрался решить проблему кардинально. Но в этом случае оставалось неясно, почему же меня не убили на месте. Да и Ивар решительно опроверг возможность связи Франчески и Комитета. Синьорина Розатти была хороша, только не для шпионских интриг. Она действительно отличалась легким характером и взбалмошностью, а еще – легкомыслием и некоторой... недалекостью. Что тоже говорило в пользу внушения, которое очень легко ложится на такой разум.

Потом я подумала об Альмире, повелителе песков. О том, что он решил отомстить за Евгению, но теперь все встало на свои места.

Молодой человек, похожий на светлого, и женщина с зелеными глазами.

Мсть за Евгению действительно имела место быть, только не от ее любовника.

От ее сына.

Флориан Венуа дал Аркуру сопроводительное письмо, чтобы разрушить нашу с Анри жизнь. Но на этом не остановился.

– Тереза? – Ивар окинул меня пристальным взглядом. – Ты догадываешься, о ком она говорит?

Кивнула.

Вероник имеет прямое отношение к Эльгерам. Но если так, получается, что Флориан тоже был в Лиге. Или Евгения его к этому готовила.

– Что со мной будет? – прошептала Франческа. Теперь она беспрестанно комкала подол платья. – Вы отведете меня в полицию?

Смотреть в расширенные от страха глаза, на эти дрожащие губы без желания вцепиться ей в волосы не получалось. Поэтому выбежала в узенький коридорчик и уткнулась лбом в стену.

Я вдруг с ужасающей ясностью осознала, что искать Анри в Лации смысла нет. Мы не найдем никаких следов или случайных свидетелей. Его нет не только в городе, но и в Маэлони. Переход, о котором говорили похитители – не что иное, как пространственная магия. Магия искажений. Мой муж не вышел из квартиры Франчески, его разом перенесли в другую страну. Точно так же забрали бы и нас с Софи, не случись магии смерти освободиться из-за нашего с Анри ребенка. Точно так же, как в свое время убили моего отца в Мортенхэйме – просто соединив две точки пространства.

Единственный, кто на такое способен, единственный, у кого хватит на

это сил... Симон Эльгер.

– Тереза, я мог отпустить тебя с ним. Но к нему не отпущу. Это верная смерть.

Сейчас мне казалось странным все: наш разговор с Иваром в кабинете Анри. То, что мы вместе искали бумаги, которые должны были здесь остаться – любой намек на связь с Комитетом или планы по моему исчезновению. Но этих бумаг не было: то ли муж ничего не держал в доме, то ли все сразу уничтожал. Тайник мы тоже не обнаружили, так что если здесь что-то и оставалось, оно будет до конца времен покоиться в неизвестности. Или же эти бумаги обратились в прах, потому что до нас в кабинете уже побывали те, кого я убила.

Убила.

Странное, дикое слово.

Моя магия была разрушением по сути своей, и прошлой ночью мой самый страшный кошмар воплотился наяву: смерть пришла в этот мир. Через меня.

Впрочем, страшнее было то, что я по этому поводу ничего не чувствовала.

Чувствовала только ледяной браслет, холод с которого постепенно вползал в сердце и сворачивался там змеиным клубком. Я знала, что Анри жив, и что ему не причинили вреда. Пока. Об остальном не хотелось даже думать.

– Хочешь, чтобы я поступила с ним так же, как в свое время поступили с тобой?

По лицу Ивара прошла тень, но я не испытывала раскаяния.

Мы с Анри действительно остались один на один со всем миром. Комитет наверняка от него откажется, когда узнает, что он в руках Эльгера. Муж для них всего лишь отыгранная фигура, которую с легкостью стряхнут с доски. Обращусь за помощью к Винсенту – меня запрут. Вряд ли он пойдет войной на замок герцога де ла Мера, из доказательств причастности которого только мои слова. Но даже если вдруг такое чудо случится, и брат согласится развязать международный конфликт, Анри не станет раньше, чем мы успеем что-то сделать.

Идти к Альтари – значит, подписать себе смертный приговор.

Идти к лорду Фраю – примерно то же самое. Только с поправкой на медленную и мучительную смерть, потому что в стенах Мортенхэйма я

буду чувствовать, как умирает мой муж.

Все время, пока мы допрашивали Франческу, а после обследовали дом, силилась понять, что же заставило Эльгера так поступить. Почему он нанес удар именно сейчас, знал ли о наших с Анри планах, и что собирается делать дальше. Не хотелось думать, что дело во мне, что ему стало известно о подготовке «несчастливого случая», но ничего другого в голову не приходило. По крайней мере, пока.

Как же мало я знаю. Как же мало у меня времени.

– Я не оставлю Анри, – повторила жестко. – И ты меня не остановишь.

Ивар шагнул ко мне из темноты угловых стеллажей, где оставил папки с письмами арендаторов, документы по Равьенн и газеты, которые присылал Жером. Бумаги о разводе тоже нашлись: на них по-прежнему не хватало капелек моей крови. Вот только сейчас я искренне радовалась, что не успела поставить подпись, что последняя ниточка нашей связи в целости и сохранности. Что я могу чувствовать Анри.

– Тереза, ты даже не знаешь, что случилось. И мне не позволяешь узнать.

Я действительно просила не делать запрос лорду Фраю. По той причине, о которой думала несколько минут назад.

– Я знаю достаточно. Только я смогу вывести его из Шато ле Туаре.

Ивар покачал головой.

– Тереза, я все равно вас увезу. Сегодня же. Надеюсь только, что мне не придется делать это силой.

Слова Ивара не произвели особого впечатления.

Я собрала бумаги, взяла Раджека за руку и повела за собой.

То, что когда-то было небольшой, но уютной гостиной, сейчас напоминало комнатку в заброшенном доме. В доме, где никто не появлялся уже давно, из страшилок, которые в Энгерии называют бульварными ужасами. Осыпавшиеся доски разгромили столик и полочки с фигурками из лацианского стекла. Покрытая пылью тлена и праха мебель, над головой – зияющая рана, ощерившаяся зубами уцелевшего дерева. Я ничего не говорила, просто стояла рядом с Иваром, до тех пор, пока воздух не вырвался из его груди сжатым, сдавленным вздохом.

– Ты не понимаешь, – развернув меня к себе, он почти касался губами моих губ. – Я не смогу жить, если что-то с тобой случится.

– А я не смогу жить, если что-то случится с ним. Ивар, я ношу его ребенка.

– Ради которого тебе стоит жить, Тереза.

– Ради которого я пойду в Шато ле Туаре. Ради него и ради его отца.

Чтобы однажды он или она не задали вопрос: «Ты же сделала все, чтобы его спасти, мама?» Напрямую или молча.

Впрочем, у леди не принято такое спрашивать.

Но я не леди.

И я буду спрашивать себя сама. Каждую минуту. Каждый час. Каждый день.

Когда буду наклоняться, чтобы поцеловать высокий лоб или убрать с виска медовые волосы. Глядя, как радужку глаз малыша заполняет сияние золота.

Пока не сойду с ума.

– Ты уже сошла с ума.

Надо же. Оказывается, все это я говорила вслух.

– Может быть. Но мы оба прекрасно знаем, что я это сделаю. Так или иначе.

Ивар зарычал, выругался и разжал руки. Взъерошил волосы, пропуская их между пальцами, прошелся до завала из досок и вернулся обратно.

– Дай себе время на раздумья, ты еще не отошла после...

– Ты можешь мне помочь, – тихо перебила я. – Но если откажешься, не страшно. Главное – не мешай, Ивар. Потому что...

Я замолчала, глядя наверх. В зияющий провал нашей с Анри спальни, где не уцелело ничего.

– Ты собираешься вывести его из замка. Хорошо. – Раджек прищурился. – Каким образом, Тереза? Тебе не хуже меня известно, что чтобы найти узника в Шато ле Туаре, надо жить в нем ни один год. Или, по меньшей мере, быть частым гостем и знать, где искать.

– Ты прав, – заметила я.

Открыла одну из папок, в которую сложила медальон, найденный на развалинах замка в Ларне. Оказывается, муж взял его с собой и хранил в верхнем ящике стола. На распахнутых створках застыли счастливые лица леди Николь и лорда Адриана.

Gaernare forioe.

В эту минуту я поклялась себе, что наша история будет другой.

Что на наши портреты мы будем смотреть вместе, сидя у камина в Лавуа, или в нашем доме в Иньфае. Или где бы то ни было еще. Но вместе.

– Его родители? – негромко спросил Ивар, чтобы нарушить затянувшуюся паузу. Но потом все-таки напомнил: – Ты мне ничего не ответила, Тереза. Даже если у тебя получится обвести Эльгера вокруг пальца, даже если тебе удастся заставить его поверить... Хотя клянусь, это

чистой воды самоубийство... Как ты найдешь своего мужа?

– Я буду не одна, – погладила пальцем ободок медальона, глядя на лорда Адриана, и захлопнула крышку. – Меня к нему проводят.

Нити, удерживающие лорда Адриана в замке Ларне, дрогнули и натянулись. На грани они напоминали серые, сведенные судорогой щупальца, пронизывающее эфемерное тело покойного графа и уходящие в камни развалин. По поверхности окружавшей меня тьмы побежала легкая рябь, по коже уже давно струился противный липкий пот. Потусторонний мир противился тому, чтобы отпустить своего узника, мир живых – плетению запрещенного заклинания. Маэлонский призрак был слаб, вытащить и удержать его оказалось несложно, сейчас же во мне дрожало все: от кончиков пальцев до напряженных плеч. Руки то и дело сводило судорогой, пока я раскидывала контуры заклета, соединяя их узлы и наполняя отца Анри своей силой.

Стоило скрепить последние точки заклета незримой линией силы, как цепи покойного графа начали рваться. Одна за другой, как натянутые струны, отдачей которых меня било наотмашь, но останавливаться было нельзя. Я уже плела следующее заклинание, связующую нас паутину. Перед глазами было темно: непроглядная ночь, тьма и мощная магия сплелись воедино, заключив меня и лорда Адриана в непроницаемый кокон. Когда закончу, призрак будет следовать за мной... или я за ним. И даст Всевидящий, он сумеет привести меня к Анри.

Последняя цепь разомкнулась, и в тот же миг паутина вспыхнула алыми искорками: покойный граф выражал свое недовольство. Ничего, потерпит. Если он сумел зацепиться за эту жизнь и ждал столько лет, побудет недолго рядом со мной. Дольше, чем потребуется чтобы спасти мужа, я его удерживать не хочу. Какую бы тайну лорд Адриан ни хотел поведать, она останется с ним. Хватит с меня тайн и интриг. Прошлое останется прошлему, мертвые обретут покой. После того, как помогут живым.

Запечатала раскрывшуюся от запрещенного заклинания рану тьмы и рухнула в холодную пыль, приходя в себя. Под руками горело каменное крошево, надо мной метался призрак огненного мага. Судя по настроению, желающий меня испепелить. Он рвался на свободу, но нити, привязавшие его ко мне, всякий раз натягивались. Вот уж правду говорят: сбрасывая одни оковы, всегда надеваешь другие.

На этой мысли меня чуть было не разобрал ненормальный смех.

– Прощу прощения, – сказала, поднимаясь и отряхивая ладони о платье. – Вы нужны мне, чтобы спасти вашего сына.

Лорд Адриан замер. Замерла и я – стоять лицом к лицу с призраком мне не впервой, но этот был самый реальный из всех, кого мне доводилось видеть. Особенно сейчас, «напившись» моей силы, он словно сошел с демонического портрета. Черты лица, сквозь которые явственно просматривались развалины, отчаянно напоминали черты лица Анри. Только цвет волос темный, золото мой муж унаследовал от матери. Золото во всех смыслах.

– Анри в руках Симона Эльгера, – сказала я и протянула руку, чтобы коснуться призрачных пальцев. – Я не знаю, что между вами произошло, не знаю, как вы стали врагами. Вы столько лет ждали, чтобы отомстить, но я не ищу мести. Я просто хочу, чтобы мой муж жил. Помогите мне.

Невозможно сказать, было ли то помешательством, или же правдой: по призрачному лицу прошла судорога. Я знала, что лорд Адриан был гениальным ученым и каким-то образом долгие годы удерживал на грани свою оболочку и частично – сознание. Но способны ли призраки чувствовать, тем более испытывать боль? Я не знала. Знала только то, что он покорно поплыл за мной к выходу, а точнее, к иссушенным временем и моей магией камням, напоминавшим гнилые зубы.

Ивар ждал чуть поодаль, рядом с нанятым экипажем, которым управлял сам. Мы договорились, что он проводит меня в Ларне, а после отправится вместе с Софи к Жерому. Расскажет ему о случившемся и попросит подготовить пути отступления. Потому что когда я вытащу Анри, нам придется бежать – так быстро, насколько это возможно. Власть Эльгера ничуть не меньше власти Альтари, если не больше, а мы окажемся на линии перекрестного огня. Один – сильнейший маг современности, тягаться с которым смерти подобно, другой – правитель, возмнивший меня угрозой.

– Получилось? – негромко спросил Раджек.

Кивнула.

Я была ему благодарна – за то, что согласился мне помочь. За то, что не стал мешать и вызвался проводить в Вэлею. Синьорам Фьоренчелли пришлось лгать, что Анри выехал по неотложным делам в Лавуа, а нам с дочерью придется срочно последовать за ним. Сложнее всего было все объяснить Софи, но этого разговора я боялась зря. Она выслушала меня с серьезностью маленькой взрослой. И крепко обняла, принимая мое решение.

В бумагах значилось, что меня зовут Виенна Лихтиш. Мы с Софи и Иваром стали счастливым загорским семейством, возвращающимся из долгого путешествия. Была какая-то горькая ирония в том, что Маэлонию я

все-таки покидала под чужим именем. Чтобы не возникло проблем на границе с Вэлеей, куда графине де Ларне въезд был запрещен. Повезло, что у Ивара были готовы бумаги, повезло, что он привык действовать быстро, потому что я понятия не имела, сколько времени осталось у моего мужа.

– Тогда нам пора.

Ледяной браслет на запястье словно переместили на горло. Подозреваю, что Анри не трогали лишь потому, что постоянно держали под действием снотворного. Как бы ни был силен Эльгер, он опасался соваться к нему до тех пор, пока кровь моего мужа содержит огонь золотой мглы. Огонь, способный выжечь даже такого мага, как герцог де ла Мер.

– Пора, – подтвердила.

Поезд до Ольвижа дневной, так что успеем.

Устроилась на сиденье и подложила задремавшей девочке под голову подушечку. Софи даже не пошевелилась. Не проснулась она и тогда, когда мы тронулись с места, а вот Кошмар то и дело шипел, превратившись в шар. Из-за призрака стало ощутимо прохладнее, поэтому я поправила сползающий с худеньких плеч дочери плед. Нахмурилась, когда по нему скользнуло крыло рукава: никак не могла привыкнуть к новому облику.

Черное платье – по загорской моде, без кринолина, с длинными рукавами и довольно скромным вырезом. Украшенное лишь вышивкой с узором на поясе, манжетах и подоле. Последний раз, когда я смотрела на себя в зеркало, отвечало мне странное и чужое отражение с собранными в тяжелую косу волосами, бледным лицом и очень холодным взглядом.

Глядя на спящую дочь, сама ненадолго прикрыла глаза. Голова стала тяжелой, алаэрнит, который я не снимала, по-прежнему был холодным. За последние несколько дней ни разу не чувствовала волнения малыша. Сердечко во мне билось ровно, спокойно и сильно, рвущегося изнутри холода больше не ощущалось. К счастью. Потому что тревоги еще и по поводу будущего лорда или леди сейчас точно были бы лишними.

Из окна экипажа был виден перрон и кусочек поезда. Станция в Лавуа не самая оживленная, но сейчас тут и там сновали продавцы сладостей, приезжающие из Ларне и окрестных деревень. Они беззастенчиво подбегали к вагонам второго класса, сторонились третьего и уважительно глазели на первый. По перрону прогуливалась дама в шляпке с пером и кремово-апельсиновом наряде. Зажимая в пухлых руках крохотную собачку, которая непрестанно верещала, она степенно вышагивала, вздернув подбородок. Рядом семенил невысокий худенький мальчик, должно быть, сын: он вовсю глазел на Софи, которую мы попросили оставить нас наедине.

– Она хорошенькая, – сказала я.

– А через несколько лет станет красавицей.

Ивар пристально смотрел на меня. Видимо, до последнего надеялся, что я «одумаюсь».

Хотя прекрасно знал, что этого не произойдет.

– Это для тебя, – он протянул мне портсигар. – Прости, но времени на зеркальце не было. В утешение могу сказать, что я им пользовался, и что он меня ни разу не подводил.

Коротко улыбнулась: в свое время именно Ивар сделал для меня артефакт. Зеркальце, которое помогало «считать» плетения охранных заклинаний и не попасть в ловушку.

– Шато ле Туаре полон защитных заклинаний. Проверяй каждый свой шаг, Тереза. Особенно когда пойдешь к нему.

В этом он прав. Там, где призрак пройдет спокойно, человека может встретить магическая ловушка. Лучшее, что ожидает неосторожного: глубокий сон или невозможность пошевелиться до появления владельцев. Впрочем, о худшем я сейчас старалась не думать.

Гудок возвестил о скором отправлении.

Раджек вышел первым и помог мне. Софи тут же обняла, прижалась: крепко-крепко. Я притянула девочку к себе, жадно разглядывая залитый солнцем перрон. Тот, с которого мы с Анри уезжали в Ольвиж, тот, с которого поезд унес нас в Маэлонию – навстречу новой, и, как мне тогда казалось, спокойной жизни. Гладила дочь по голове и смотрела в глаза Ивару. Никогда бы не подумала, что увижу в них такое чувство: странную, дикую нежность, граничащую с отчаянием. Подозреваю, что если бы не малыш, я бы очнулась уже в Мортенхэйме. Не потому, что Раджек не хотел помочь, а потому отпустить меня ему было гораздо сложнее.

– Спасибо, – прошептала я.

Так, что расслышать было невозможно.

Но он понял. И промолчал.

– Мадам, прошу! – голос проводника заставил очнуться, тот указывал на распахнутую дверь. – Через несколько минут отправляемся.

– Мамочка, подожди! – Софи вцепилась в меня двумя руками, словно не хотела отпустить.

А потом торопливо наклонилась, что-то вытащила из туфельки и вложила в мою ладонь. Загибая мои пальцы один за другим.

– Вот. Это нонаэрянский оберег, очень сильный – защищает от сглаза, порчи и отводит любую даже самую страшную беду. Мама подарила его мне, когда я была совсем маленькой, а ей его передала бабушка. Носи под

левой пяткой, когда спишь – клади под подушку. О нем нельзя никому рассказывать и тем более показывать, только тому, кого хочешь защитить и кому отдаешь в дар. Я попрошу маму, чтобы она помогла тебе. С небес.

Единственная память, которая у нее осталась от матери, и... она отдала ее мне?

В подернутом заморозками сердце что-то дрогнуло. Надрывно. Тоненько.

– Родная, – прижала ее к себе, целуя в макушку, – не стоило...

– Стоило. Тебе он сейчас нужнее. Возвращайтесь скорее. И ты, и папа. Я буду вас ждать.

Пробормотав все это, Софи поднялась на носочки, чтобы поцеловать меня в щеку, после чего быстро-быстро попятилась и забралась в экипаж.

– Тереза, – Ивар понизил голос почти до шепота. – Пожалуйста, оставайтесь.

Он протянул мне руку, но я покачала головой и ступила на подножку. Проводник захлопнул дверцу, последний гудок разнесся над перроном, и поезд тронулся. Раджек держался за мой взгляд так же, как и я за его – до тех пор, пока станция не осталась позади. Хлипкие домишки еще тянулись какое-то время вдоль путей, но потом их сменили леса Лавуа. Озябшие за зиму, с набухающими почками. Только и ждущие, чтобы побыстрее одеться в листву и согреться под лучами горячего солнца. Скоро и здесь все зацветет, потом весна доберется до Ольвижа. Последней ото сна проснется моя Энгерия, но где я буду тогда?

Опустила шторы, только после этого разжала руку.

На ладони лежал затертый деревянный кругляшок с выжженным в самом центре полевым пятилистником – символом удачи кочевого народа. Подумав немного, убрала его в ридикюль и откинулась на спинку сиденья. В экипаже удалось немного поспать, поэтому сейчас отдыхать не хотелось. Напротив, хотелось быстрее оказаться в Ольвиже, а затем в Шато ле Туаре.

Лорд Адриан, покачиваясь в такт движению поезда, парил в полуметре над полом.

– Присаживайтесь, граф, – сказала я, просто чтобы не молчать.

Смелой и уверенной нужно было оставаться перед Иваром.

Сейчас меня начинало потряхивать.

Смерть отца. Покушение на брата. Итан Аддингтон, магия искажений, знания мааджари, внушение, ментальные блоки. Заговор, сердце которого – презентация в Лигенбурге. Презентация, на которой соберутся главы пяти государств.

И все это – Эльгер. Человек, в руках которого находится мой муж.

Неизвестно как, но я все-таки заснула ближе к вечеру. Заснула, потому что устала сходить с ума от отчаяния и страха, что могу не успеть. Устала строить домыслы и прокручивать в голове первый разговор с Эльгером, которому суждено было стать решающим. Провалилась в сон, сунув под подушку оберег Софи и перевернув алаэрниит камнем в ладонь. Правда, все равно просыпалась, когда поезд дергало на станциях, когда разум начинали терзать мутные кошмары, а один раз вскочила из-за того, что по телу побежал холод. Выяснилось, что с меня всего лишь сполз плед, которым я укуталась.

Главный город Вэлеи встречал меня заморозками. Царившую на вокзале обычную суету разбавлял тянувшийся над городом весенний морозец. Жарко было только носильщикам, которые сновали между вагонами, как муравьи, чтобы заработать дневную норму. Нахохлившийся хмурый извозчик, завернувшийся в издававшее виды пальто так, что торчала только макушка, даже не выказал особого удивления, когда я попросила отвезти меня в Шато ле Туаре.

Не столько дорога, сколько долгий подъем показались вечностью.

Но как показывает время, даже у вечности есть свой срок.

Я снова стояла в просторном холле, глядя на двойную лестницу, однажды приведшую меня в трепет. Тогда она напомнила мне две половины Матаахаша – фольклорного огненного змея, разрубленного героем, в руках которого оказался напоенный волшебной силой меч. Сейчас же она казалась нахлестом гигантских щупалец водной твари, сцепившихся на шее страны и всего мира.

Однажды мне удалось выйти из этого замка.

Получится ли теперь?

Дворецкий принял у меня накидку и поспешил обо мне доложить, я же подошла ближе к лестнице. Положила ладонь на перила и замерла, глядя вверх, в возносящиеся на безумную высоту ступени. Присутствие лорда Адриана не спасало, исполинская мощь замка давила холодом стен и волнами магии, которой здесь было пропитано все. Покойный граф заметно волновался, поэтому пришлось на всякий случай его «связать». Теперь он парил вплотную рядом со мной, не смея сдвинуться ни на шаг. Возмущенный до глубины призрачной души, но лучше уж так, чем потом объясняться с Эльгером.

– Леди Тереза.

Сильный голос. Шаги.

Обернулась, вздернула голову, чтобы спокойно встретить его взгляд.

Хищный, как у ястреба, готового напасть в любую минуту.

Лорд Адриан рванулся, по плетению побежали огненные всполохи, но тщетно: я держала крепко.

Воспоминания о случившемся в Равьенн нахлынули волной. На миг словно стальная хватка на горле сомкнулась, но я сбросила страх, как сбрасывают проржавевшие оковы. Если буду бояться, дальше этого холла не продвинусь.

– Ваша светлость, – реверанс у меня вышел идеальный.

– Не считите за дерзость, но как вы оказались в Вэлее?

Его взгляд пронизывал меня, как жало стилета из кардонийской стали.

– Мне помогли, – сказала я, глубоко вздохнула и добавила: – И сейчас я прошу помощи у вас.

Лорда Адриана я оставила за дверями, чтобы лишний раз не волноваться по поводу силы покойного графа, и чтобы Эльгер не почувствовал призрачного холода. Впрочем, призрачный холод не шел ни в какое сравнение с тем, как герцог на меня смотрел. Я ожидала и более неприятного приема, поэтому сейчас могла сказать, что все идет неплохо. По крайней мере, пока. Пока это хрупкое равновесие держалось на двух основах: на моем неумении лгать и на крови некромага, потомственной Дюхайм, от которой его светлость вряд ли откажется.

– Стало быть, вам помогали, леди Тереза, – его голос звучал жестко, и раскалывался под сводами просторного кабинета, как лед на реке. – Расскажите, как именно это произошло.

Не вопрос, приказ.

Я не забыла, каково находиться рядом с этим мужчиной – в его абсолютной и безоговорочной власти, но к этому каждый раз приходилось привыкать заново. К цепкому ястребиному взгляду, отражавшему суть его родового герба. К выправке военного и умению смотреть на собеседника так, что в тебя словно вонзаются когти хищной птицы. К осознанию того, сколь силен герцог, способный уничтожить, раздавить, заставить корчиться от боли одним только взглядом.

– О чем вы хотите знать? – уточнила я. – О том, что произошло до или после того, как по вашему приказу пытались похитить мою семью?

В стальных глазах Эльгера промелькнуло жесткое удовлетворение.

– Вы совсем не меняетесь.

– Разве?

– Ваша привычка говорить напрямую когда-нибудь сыграет с вами злую шутку.

– Ответь я иначе, вы бы были разочарованы, – заметила я. – Так что вы хотите услышать?

– Что вы знаете о своем муже, леди Тереза?

Сердце забилося чаще. С трудом удержалась, чтобы не вцепиться пальцами в край стола или подлокотники: этот жест мог меня выдать. Ивар говорил, что я делаю так всякий раз, когда прихожу в волнение. Сейчас я действительно ступила на хрупкий лед, который в любой момент мог пойти подо мной трещинами. Но ничего не поделаешь, весна пришла.

– Знаю, что после смерти родителей он долгое время жил в Маэлони.

Знаю о вашем общем деле, и о том, что вас и его отца в прошлом связывали непростые отношения, – когда приходится подбирать каждое слово, главное не делать продолжительных пауз. – Знаю, что он решил вернуться в Вэлею, когда повзрослел, потому что золотая мгла не оставляла ему возможности жить обычной жизнью. Знаю, что из-за нее он решил возобновить знакомство с вами.

– Граф так это представил? – резкие губы тронула тень насмешки.

Только губы, взгляд не изменился – крючья его впивались в самое сердце.

– До последнего слова. Но сейчас я вряд ли могу сказать с уверенностью, как все было на самом деле. Я жила с человеком, о котором знала не больше, чем о любом другом. Потому что когда мой муж исчез... точнее, когда его забрали ваши люди, я нашла в его кабинете эти бумаги.

Документы, с помощью которых мы пересекли границу, легли на стол. Разумеется, их готовил Ивар. Готовил заранее – когда собирался в Маэлонию, предполагая, что ему придется вывозить меня и Софи. Но сейчас они пришлись как нельзя кстати.

Впрочем, его светлость едва на них взглянул. Подвинул к себе резким отточенным жестом: к футляру, в который был закован нож для резки бумаги. И снова посмотрел на меня.

– Кто вам помог?

– Мой друг, племянник баронессы Рианон. Не уверена, помните ли вы его, он был на благотворительном балу. Месье Раджек.

– И что же месье Раджек делал в Лации?

– Он оказался там проездом, хотел побывать на весеннем празднике. И был немало удивлен, когда повстречал меня.

– Должно быть, он удивился еще больше, когда вы пришли к нему с фальшивыми документами.

По спине сбегала струйка пота, но я не пошевелилась. Только улыбнулась – натянуто.

– Я рассказала, что мой муж пропал, и что мне срочно нужно в Вэлею.

– И он согласился вам помочь?

– Да.

– Не стесняясь того, что пересечет границу по поддельным документам. Для этого нужна очень веская причина, леди Тереза.

– Она у него есть.

– Какая же?

– Месье Раджек в меня влюблен. Со дня нашего выхода в оперу Руале.

Брови Эльгера приподнялись, но я не позволила ему продолжать

допрос.

– Я пришла к вам сама, – произнесла негромко, – потому что устала бегать. Потому что больше не желаю скрываться. Потому что ненавижу, когда мне лгут и когда меня используют. Потому что взамен за мою помощь и молчание его величество вышвырнул меня из страны, как уличную девку. Потому мой муж вел двойную игру, но какую, я понять не могу.

Эльгер молчал долго.

Даже молчание удавалось ему настолько сильно, что сердце билось рывками.

Я не отводила взгляд, хотя по коже шел мороз.

Длинные пальцы его светлости легко касались друг друга. В сведенных ладонях чувствовалась сила, хотя руки покоились на столе, обманчиво расслабленные. Вот только на миг показалось, что между ними пробегают изумрудные змейки – воплощение набирающей мощь магии искажений. В свое время мне довелось испытать ее на себе: эта странная, забытая сила объявивших себя богами мааджари считалась самой опасной и разрушительной даже во времена армалов. Что уж говорить о нашем хлипком, цепляющемся за прогресс и науку мире, который с каждым днем забывает последние бытовые заклинания и считает ослабевающую магию пережитками прошлого.

– Где ваша воспитанница?

Сердце подпрыгнуло к горлу.

– Я оставила ее в Лавуа.

– Если вы готовы довериться мне, леди Тереза, значит, вы не будете возражать, если она к нам присоединится?

Мысленно я сжала пальцы так, что они хрустнули.

Отчасти это помогло. Но только отчасти.

– Я доверяю вам большее, чем вы можете представить.

– Вот как? – крылья хищного носа коротко дрогнули.

И тогда я достала кольцо с алаэрнитом. Камень отмечал пробуждение неярким слабым мерцанием, особенно когда я надела его поверх черного бархата перчатки. Взгляд Эльгера стал еще более цепким, а я подалась вперед, положила руки на край стола, выдавая свое волнение. За мной оставался последний ход: еще не мат, но уже шах.

– Вы не спросили, как мне удалось освободиться.

Помолчала, собираясь с мыслями.

– Это произошло, пока я была без сознания. Не я уничтожила ваших людей, ваша светлость. Это сделал наш с графом ребенок.

Вот теперь вперед подался он: вглядываясь в мое лицо так, словно

пытался разглядеть там признаки лжи. Разумеется, тщетно. И чем отчетливее эта мысль укоренялась в сознании Симона Эльгера, тем ближе становилась моя победа. Первая маленькая победа, за которой изнутри поднималось странное будоражащее ликование: я становлюсь на шаг ближе к Анри. На шаг размером с бездонную пропасть.

– Что ж, леди Тереза, – герцог поднялся, и я незамедлительно последовала его примеру. – Вас проводят в ваши покои. Я пришлю к вам месье Риаль незамедлительно.

В кабинете ничего не изменилось: все тот же приглушенный дневными портьерами свет, все та же мрачная давящая сила исполинского замка и его владельца. Но дышать стало легче, словно с головы сдернули плотный мешок. Месье Риаль – личный целитель Эльгеров.

Значит, поверил.

Его светлость подал мне руку, и я ее приняла.

– Прочие ваши слова тоже достаточно легко проверить. И если они окажутся правдой, – от его близости сводило скулы. Рука под моей казалась выточенной из мрамора, так же, как и хищный профиль. – Вы будете моей особой гостьей, леди Тереза. Никто не посмеет вас обидеть, вам никогда больше не придется скрываться.

Я склонила голову, чудом удержавшись от судорожного глубокого вздоха.

– Когда все прояснится, я смогу увидеть своего мужа?

– Если пожелаете.

На миг его лицо стало еще более хищным, и по позвоночнику снова скользнула ледяная змея страха.

– Мы продолжим наш разговор позже. Пока, я надеюсь, вы согласитесь немного побыть взаперти, и не станете держать на меня зла. Поверьте, все, что произошло, тоже обусловлено вескими причинами, о которых я обязательно вам поведаю.

– Надеюсь, ваша светлость, что они окажутся достаточно вескими.

Эльгер прищурился, а я вскинула голову.

Уступать ему нельзя. Только не сейчас.

– Более чем, леди Тереза. Вы сами получите возможность в этом убедиться.

Герцог открыл передо мной дверь, и первая пропасть осталась за спиной. Впереди еще несколько, но главное уже сделано.

Я жива. Анри жив.

И я сделаю все от меня зависящее, чтобы его спасти.

Покои мне отвели те же самые, что и во время благотворительного

бала. Видимо, желая подчеркнуть, что я – «особая гостя». Меня мало беспокоило, в качестве кого графиню де Ларне представит Эльгер своей челяди, и еще меньше, что обо мне подумают. Комнаты герцог лично запечатал заклинанием Каори, выйти я не могла. Зато прислуга и посетители ко мне спокойно наведывались: месье Риаль прибежал первым, спустя несколько минут после ухода его светлости. Осмотрел и поспешил оставить, едва заверив, что с ребенком все замечательно.

После таких новостей мне любезно предоставили камеристку – рыженькую Джакетт, которая уже прислуживала мне после предательства и бегства Натали. Она принесла обед и унесла почти нетронутым, а следом ужин, который постигла та же участь. С вещами все было еще проще: то небольшое, что уцелело после всплеска магии малыша, разобрать труда не составило. Но если Джакетт и думала что-то по этому поводу, то ни взглядом, ни словом не выдала своего отношения.

Браслет по-прежнему оставался немым: равнодушно-холодным. Я проводила по нему пальцами и шептала всякие глупости, как если бы Анри мог слышать. Ближе к ночи меня начало трясти. Я не солгала ни словом, но сейчас мне казалось, что на свет обязательно вылезет что-нибудь. Какая-нибудь деталь, которую я упустила, которая покажется Эльгеру странной и за которую он зацепится. Вытащит на свет все мои тайные мысли, и тогда все будет кончено. Умом понимала, что если бы его светлость не был во мне заинтересован, сидеть бы мне в клетке Каори, только совсем в другом месте. И все равно сейчас это было малым утешением.

Я мерила комнату шагами, то и дело отодвигала портьеры, чтобы рухнуть взглядом в темный сад. Подстриженные деревья, готовые встречать весну. Живые изгороди, напоминающие пригибающихся к земле диких зверей. Отсюда были видны и беседки, выделявшиеся на черном полотне ночи белыми пятнами. Алаэрниит мягко мерцал на пальце, легкое сияние окутывало ладонь. Лорд Адриан предпочел удалиться в гостиную, за что я ему была очень благодарна. Все-таки переодеваться перед покойным графом – пусть даже он погиб достаточно давно – это чересчур.

Когда Джакетт спросила, стоит ли топить камин в ночь, я отказалась.

Чем холоднее, тем меньше намеков на присутствие призрака.

Ворочаясь под двумя слоями покрывал, молилась Всевидающему, чтобы поскорее настало утро, а следом и день. Чтобы Эльгер пришел и озвучил свой приговор, каким бы он ни был. С такими мыслями провалилась в тревожный, беспокойный сон, а проснулась от того, что Эльгер все-таки пришел.

Но не тот.

Спросонья не сразу поняла, почему мои волосы шевелятся как змеи. А когда увидела перебирающие их пальцы, проснулась сразу и окончательно.

Эрик сидел рядом, и взгляд его – наполовину отсутствующий, скользил по контурам моего тела под покрывалом.

– Отойдите от меня, маркиз, – приказала холодно.

– Не виделись всего несколько месяцев, и уже снова маркиз? – он потянулся к моему лицу, но я хлестнула его по руке. – Ай! Больно же. Не могла ты поспать подольше?

Сделав обиженное лицо, потер запястье, но все-таки поднялся.

– Ты такая милая, когда спишь. Неужели совсем не соскучилась?

Светлые глаза в темноте сверкнули золотом. Привычная безуминка растворилась в золотом ободке, заставив сердце болезненно сжаться.

– Что тебе нужно?

– Просто поговорить. Веришь? Я ведь знал, что ты придешь. С той самой минуты, как золотой мальчик оказался в подземельях, а папочка рвал и метал из-за того, что упустили тебя. Я бы сказал ему, чтобы не волновался, но когда его светлость бесится, он такой мерзкий, смотреть приятно. Бешеный ястреб, который пытается клюнуть побольнее.

– Убирайся, – сказала холодно, – вон!

– А ты все-таки помогла мне, леди Смерть, – не обращая внимания на последние слова, он прошелся по комнате и снова опустился на край кровати. – Но лучше бы эта болтливая гниль истлела подчистую. Задолго до того, как начала трепать своим разлагающимся языком.

Эрик сложил ладони лодочками, одна к другой. Знакомый жест, повторяющий отца. Вот только глаза его сейчас вспыхнули злым, безумным золотом. Губы кривились, превращая лицо в маску безумца: ту, что долгое время снилась мне по ночам после случившегося в Лигенбурге.

– Хочешь знать, что моя мать думала обо мне?

– О чем ты? – подавив желание отползти на другой край кровати, резко выдернула из-под него покрывало. – Нам ничего не удалось узнать.

– Ничего, – рассмеялся он. – Почти.

Эрик достал из-под камзола перетянутую лентой книжицу и швырнул на кровать.

– Дневник мамочки. То немного, что от нее осталось.

Я замерла.

– Откуда он у тебя?

– Пятая половица справа, помнишь? – его шепот звенящей яростью вспорол тишину. – Сначала я не обратил на это внимание, но у меня было время подумать. Много времени. Я вспоминал ту ночь снова и снова,

каждый зловонный выдох этой мерзостной твари. Пока не понял, что это подсказка. Подсказка, которая не имеет отношения к ее психам. Мамочка прятала свои записи под пятой половицей, справа от кровати. В комнате, в которой испустила дух. Безумная лживая тварь!

В словах Эрика было столько ненависти, что я невольно отшатнулась.

Он подхватил книжицу рывком, второй рукой зажигая магические светильники. Волна магии прокатилась по комнате: искра вспыхивала за искрой, полупрозрачная материя оболочки запечатывали их одну за другой – до той поры, пока в комнате не стало светло, как в летний полдень. Мне даже захотелось прикрыть глаза, но Эрик не позволил: пролистав страницы так, что часть из них чудом не порвалась, сунул книжицу мне в руки.

– Читай, милая.

Меньше всего мне хотелось разговаривать с ним. Меньше всего хотелось окунаться в погребенное под годами прошлое Катарини Эльгер и ее жизни, которая представлялась мне далекой от счастья. Но все-таки что-то заставило меня опустить глаза:

«Меня называют сумасшедшей. Сложно остаться в своем уме после того, что мне довелось пережить. Эрик – сын чудовища. Дитя насилия, хотя я добровольно отдала себя в руки его отца. Я стараюсь думать о нем иначе, но не могу. Смотрю на него и пытаюсь найти в своей душе хоть каплю любви или сострадания, но чувствую только ненависть. Мне хочется выжечь этого ребенка из своей жизни, как последнее напоминание о предательстве наших с тобой чувств. Ты ушел, не догадываясь ни о чем, и за это я благодарна судьбе...»

Порыв ветра взметнул страницы, распуская их веером. Дневник вылетел из моих рук и впечатался в стену с такой силой, что страницы посыпались одна за другой. С замиранием сердца смотрела на бегущие по призрачной фигуре огненные сгустки, сил которых не хватало, чтобы испепелить несчастную книжицу. Лорд Адриан метнулся сквозь стену с такой силой, что призрачная цепь натянулась. Стоило немалых усилий удержать его в пределах комнат.

– Мы здесь не одни, леди Смерть, верно?

Эрик оперся руками о кровать и подался ко мне. Лицом к лицу.

– Кого ты с собой притащила?!

Прежде чем я успела отойти от обрушившихся потрясений, меня оглушило следующим. Характерные завитки у заглавных букв, изящный наклон и сильный для женской руки нажим. Мне казалось, что я схожу с ума, но этот почерк был мне знаком.

И он не мог принадлежать Катарине Эльгер.

Потому что это был почерк Николь Феро, графини де Ларне.

Оттолкнув Эрика, бросилась к валявшемуся у стены дневнику. Мне нужно было что угодно – что угодно, чтобы опровергнуть догадку, которая сейчас сводила с ума. Подхватив рассыпавшиеся страницы, перебирала их одну за другой.

«Мой мир превратился в кошмар с того самого дня, когда он обратил на меня внимание. Если бы я знала, к чему это приведет, если бы могла предугадать... Но он обещал, что оставит меня в покое. Оставит в покое нас, позволит мне быть с тобой, не станет тебя преследовать, если я подарю ему сына. Сына, чья кровь будет гореть огнем золотой мглы».

Сунула листок в обложку, за ним второй, третий, четвертый...

«Когда начинает казаться, что мне все равно – все равно, что будет с этим ребенком, меня охватывает стыд. Но я знаю, что мое искупление – жизнь. Жизнь в этом ужасном месте, вместе с ним и с его отцом. Расплата за ложь и за малодушие, за невозможность просить прощения у тебя. Симон говорит, что не мог произвести на свет такую никчемность. Что если я добровольно уйду вслед за тобой, жизнь этого ребенка превратился в ад. Правда в том, что он действительно его сын, но никто не заслуживает такого. Ни одно живое существо, даже тот, кого быть не должно...»

Нет, нет, нет не может быть!

Снова и снова цеплялась взглядом за завитки у заглавных букв, натываясь на знакомый наклон. Наверное, я бы так и сидела, как одержимая перебирая страницы. Не чувствуя тянущего по коленям и спине холода, если бы Эрик не положил руки мне на плечи.

– Так кого ты с собой привела, милая? – наклонившись к самому уху, спросил он.

Я вывернулась из его рук и вскочила, прижимая дневник к груди.

– Никого.

– Да неужели? – Эрик прогулялся до портьер, за которыми скрывался вход в ванную комнату. – Закрыта. Или здесь есть потайная дверь, которая создает сквозняк... Больше похожий на ураган.

Повернулся на каблуках к той, что вела в гостиную, и тоже была плотно прикрыта.

– Или кто-то лжет. Одна леди лжет. Ставлю на второе. Осталось только понять, зачем.

Он подпер подбородок рукой и насмешливо смотрел на меня. Я же судорожно пыталась сообразить, что сказать. Говорить с Эриком было чистой воды самоубийством, не говорить теперь – еще большим. Он ненавидит отца, но еще больше ненавидит Анри. И если на миг

представить, что сложившееся в моей голове правда, то ненавидит он собственного брата. Брата по крови, возможно, поэтому, золотая мгла не убила его магию, а превратила в того, кем он является сейчас. Я бы хотела, чтобы это было ошибкой, но все указывало на мою правоту. Да и с чего бы лорду Адриану так яриться, если это был дневник Катарины Эльгер? Нет, он узнал почерк жены.

Так же, как и я.

– Так и будешь молчать, леди Смерть? – Эрик снова приблизился. – Я тебя не узнаю. Впервые вижу такие глаза... даже тогда, в Лигенбурге, ты смотрела иначе. Что изменилось сейчас?

– Многое, – разлепив помертвевшие губы, выдавила я.

Понимая, что скрыть от него правду не удастся.

Эрик ненавидит Анри, но если узнает о том, что узнала я...

Что он сделает тогда?

– Когда я увидела этот дневник, не смогла совладать с собой. У меня прорывается магия, – я подняла руку, чтобы сияние алаэрнита было видно отчетливее: сейчас, при ярком свете он лишь слегка мерцал. Искры играли в гранях камня. – Прорывается во время сильных потрясений, потому что я в положении. Здесь больше никого нет, только мы с тобой. И... мой ребенок.

Лицо его исказилось – брови приподнялись, уголки губ, напротив, опустились.

Дикая, злая насмешка, столь похожая на ту, что я видела в Лигенбурге, застыла в глазах. Он шагнул ко мне вплотную, обдавая безумием.

– Вот, значит, как, – процедил он.

Кивнула. Не двигаясь с места.

– Не смогла совладать с собой, – Эрик положил руки поверх моих и потянул дневник на себя, – из-за откровений моей матушки? Раньше ты не отличалась подобной сентиментальностью, леди Смерть. Или ты увидела что-то, что я не вижу. Или ты отменно лжешь. Чего за тобой раньше тоже не замечалось, но все мы меняемся, не так ли? Давай-ка немного освежим твою память.

Он коснулся ладонью воздуха перед моим лицом, и по комнате побежали изумрудные искры, расцвечивающие пространство. Ядовитая зелень коснулась подола ночного платья, плавно его обтекая, заполняя собой все пространство, как воздух. Пока не добралась до призрачной нити, протянувшейся от меня в стену и удерживающей лорда Адриана. Эрик приподнял брови.

– Вот это фокус, правда? – он улыбнулся. – Кто это у нас там?

Повторяя нить пальцами, почти касаясь ее, приоткрыл дверь в гостиную и вышел. Слушая гулкие удары сердца, немного сдвинулась вправо. Глядя как по тонкому поводку бежит магия искажений. Как на моих глазах в насыщенном ей пространстве гостиной отчетливо выделяется призрачный контур, рассыпающий огненные искры. Зеленоватое свечение полыхнуло ярче и теперь медленно таяло.

– С ума сойти, – Эрик высунулся из-за двери. – Огненный маг. Настоящий живой огненный маг... тьфу, мертвый, конечно. Прости за каламбур. Зачем он тебе, леди Смерть? Погоди-ка... – он прищурился. – Наверняка, этот кто-то неплохо знает Шато ле Туаре, и... вопрос номер два: кто же он?

Тишина звенела в ушах, собираясь напряжением на кончиках пальцев.

Магический поединок с ним лишен смысла: он обладает золотой мглой.

– Да что ж такое-то! Не с кем поговорить, – Эрик закатил глаза. – Сплошные призраки и молчуны. Ладно, пойду спрошу у папочки. Может быть он знает.

Эльгер отвернулся, и сердце рухнуло в пропасть.

– Стой!

– Надоело стоять, – Эрик прошел в спальню. Медленно, сунув руки в карманы, пока не оказался рядом с кроватью. Устроился на постели, закинул ногу на ногу. – Что он здесь делает?

Мысли метались, как сумасшедшие.

Эрик знает про лорда Адриана. Он знает...

Если об этом станет известно Эльгеру, все будет кончено.

– Ну, леди Смерть, не все же мне тянуть из тебя слова. Ночь так коротка, а мы с тобой еще даже не начинали.

Кажется, выбора у меня не осталось.

– Накинь полог, – попросила я.

Не была уверена, что сейчас мне вообще стоит использовать магию.

Алаэрнит полыхал, словно я сунула его в огонь.

Полог безмолвия растянулся над комнатами, на миг словно погружая под воду. В горле разом пересохло.

– Я узнала почерк, – сказала негромко, протягивая ему дневник. – Это почерк леди Николь Феро. Матери Анри. И твоей матери тоже.

Воцарившуюся после моих слов тишину разорвал смех. И тут же оборвался, на миг сменяясь растерянностью. Но только на миг, потом светлые глаза затопила злоба, которая становилась еще страшнее из-за разгорающейся в радужке золотой мглы. Я даже вдохнуть не успела – меня

швырнули к стене. Наотмашь, магией. Так резко, что едва удержалась на ногах.

– Никогда в жизни не слышал большего бреда, – Эрик шагнул вплотную и больно вцепился пальцами мне в плечи. – Никогда, но это не значит, что я позволю тебе трепать имя моего рода, даже если ты тронулась умом.

Мне уже доводилось видеть в этих глазах ненависть к отцу и Анри, страх, безумие и даже игривую сторону помешательства, но таким я видела его впервые. Взгляд Эрика словно вобрал тьму со всех уголков мира, а в довершение прикоснулся к грани, чтобы впитать в себя еще и всю мою смерть.

– Зачем мне...

В этот миг лорд Адриан ворвался в спальню, путая наши волосы. Нити в моих руках натянулись, потом ослабли. Ледяная близость призрака ощущалась совсем рядом, всей кожей, стоящими дыбом волосками. Не стала даже уходить на грань, сейчас не до него, только путы укрепила.

Хватит того, что он уже выдал себя... нас.

– Твой отец запер ее здесь, – выдохнула я.

Знала, что играю с огнем, но отступать больше некуда. Эрик опасен даже сейчас, в замке отца. Опасен своим безумием и непредсказуемостью. Вдвойне опасен из-за своей силы, сочетавшей магию искажений и мглу. Но если мне удастся до него достучаться, если я заставлю его поверить...

– Женщину, которая подарила жизнь тебе и Анри. Ты можешь помочь своему брату!

– Заткнись. – Холодный и хлесткий приказ, как пощечина. В этот миг он был до одури похож на герцога. – Думала, что если у нас с отцом есть разногласия, можешь на них сыграть? Да будь на то моя воля, я бы уже размазал тебя по стенке за эту мерзкую ложь.

Щеки вспыхнули.

– Мне незачем лгать, – выдохнула ему в лицо. – Я читала ее прощальное письмо.

– Прочла и запомнила почерк?

– Такое забыть невозможно.

По лицу его прошла судорога. Еще одна. Оно менялось, как восковая маска, которую поднесли к огню. Дрожали крылья носа, губы сжимались плотно, сплавляясь воедино, а глаза – широко распахнутые – страшнее этих глаз мне видеть не доводилось. Неожиданно хватка на моей шее ослабла, он отступил, сжимая кулаки. Словно боялся, что может меня задушить.

– Твое счастье, что ты нужна папочке, леди Смерть, – жестко процедил

Эрик. – Но если из твоего рта вырвется еще хоть одно слово, я тебя придушу.

Его ладони оказались перед моими глазами, когда за спиной прозвучал приказ:

– Достаточно. Оставь нас.

Пару минут Эрик смотрел на меня, а потом резко развернулся и вышел. Дверь хлопнула громко – и этот удар отразился во мне, в самой глубине существа. Я не вздрогнула и дотянуться до тьмы тоже не успела. Обрушившееся на меня заклинание сковало по рукам и ногам, превращая в бесполезную куклу. Плетение, гораздо более прочное, чем самые нерушимые цепи, приковало к стене. Симон Эльгер медленно приблизился и остановился рядом со мной.

– Проверить ваши слова действительно было просто, леди Тереза, – произнес герцог. – Гораздо проще, чем вы можете себе представить.

Лорд Адриан метнулся к нам, огненные искры вспороли воздух. В тот же миг насыщенно-изумрудный хлыст, плеснувший из ладони Эльгера, отшвырнул призрака в сторону и чудом не рассек на две половины. Хвост зацепил нить, связующую нас, она натянулась и лопнула. Призрак дернулся и задрожал – в незапечатанный разрыв стремительно утекали силы. Оглушенная, я смотрела на то, как магическая змея извивается, подчиняясь силе герцога де ла Мера.

– Сочетание магии армалов и знаний мааджари, – произнес герцог. – Потрясающе, правда?

Армалов?

Симон Эльгер владеет магией армалов, как мой брат?

Тут только я осознала, что лорд Адриан теперь свободен.

– Помогите Анри, – прошептала я. – Помогите ему выйти отсюда!

Прежде чем очередной удар рассек воздух, призрак метнулся в сторону и растаял в стене.

– Вашему мужу он не поможет, – Эльгер стягивал хлыст, не касаясь пальцами змеящейся магии. – На нем оковы, попытка снять которые без особого ключа превратят графа в сгусток золотой мглы. Наверное, не стоит объяснять, чем это закончится.

Обрушившееся на меня отчаяние можно было сравнить с ударом снежной лавины. Дыхание перехватило, виски взорвались болью. Сейчас я не могла понять, магия Эльгера тому причиной или же я просто схожу с ума от страха за мужа. Я доверилась Эрику и жестоко за это поплатилась. Попалась в свою же ловушку, как в свое время Евгения. Он обещал уничтожить все, что дорого Анри.

И сегодня он это сделал.

– До последнего надеялся, леди Тереза, что наша встреча окажется иной. Что вы окажетесь умнее своего отца. Увы, у разочарования мерзкий привкус.

– Весьма, – ответила, хотя голос отказывался подчиняться. – Что вы сделали с Катариной? Похоронили ее вместо Николь?

Длинные пальцы легли на мой подбородок, сжали его до боли.

Холод обжигал даже сквозь перчатку.

– Вы удивительно прозорливы, – хмыкнул герцог. – От этой женщины проку было мало. Она оказалась не способна даже выносить ребенка, а

после шестой попытки тронулась рассудком. Впрочем, я искренне рад что Катарина не наградила меня выводком бесполезных утят, которые сейчас грызлись бы за наследство и титул.

Теперь все встало на свои места, собираясь в чудовищную мозаику.

У Анри был брат, который «умер» при рождении. Но он не умер, и тем более этот ребенок никогда не был де Ларне. Безутешный граф похоронил чужого малыша, не имевшего никакого отношения к их браку, а новорожденный отправился к своему настоящему отцу. К Симону Эльгеру. Леди Николь была его пленницей, вместо нее умерла Катарина Эльгер, сходство которой с дальней родственницей стало для нее роковым.

– Ваша светлость, – знакомый голос.

Вероник прошла в комнату, наградив меня ядовитым взглядом. Остановилась и замерла, словно черный столб вколотили посреди комнаты. Прямое, по фигуре, платье с разрезами по бокам, в которых видны обтягивающие брюки и сапоги. Одежда не для леди, и уж тем более не для скромной воспитанницы герцога. А вот для убийцы – вполне. Хотя его светлости угодно именовать ее «личный страж».

Она помогла Аркуру разрушить нашу жизнь.

По ее милости Анри сейчас в подземельях Эльгера.

Но я не могу тронуть ее даже пальцем.

Заклинание, которое меня удерживало – его плетение – напоминало то, что накинул на меня Эрик в парке Лигенбурга. Распустить такое непросто, но однажды я справилась. Значит, справлюсь снова. Должна справиться, пока герцог занят Вероник.

– Вы хотели меня видеть.

– Мадемуазель Мерсетт. Проследите, чтобы мой сын не наделал глупостей.

Быстро пробежалась по ключевым узлам, прощупывая слабые звенья. Там, где контуры сплетались, были видны едва уловимые отростки, вцепившиеся в меня своими парализующими корнями. Скользила вдоль нитей, разворачивая плетение как клубок. Осторожно, цепочку за цепочкой.

– Проводить Эрика в его покои?

– Не стоит, просто будьте рядом. Вы знаете, что делать, если возникнут проблемы.

У Вероник едва заметно дрогнули ресницы.

– Хорошо, ваша светлость.

Как раз в этот миг я дотянулась до ключевого узла, пытаюсь развести удерживающие меня контуры.

По телу прошла легкая дрожь, и я смогла пошевелиться.

А потом меня словно пронзил ледяной стержень.

Стало очень холодно.

Невыносимо.

Если бы меня закопали в снег обнаженной, наверное, я бы и то чувствовала себя лучше. Холод этот не имел никакого отношения к тьме, скорее, к запрещенным знаниям мааджари. Если сунуть руку в снег, рано или поздно ты перестаешь чувствовать. Но этот холод не прекращался, он вгрызался в мои внутренности, змеился по коже, стягивал сердце инеем морозных узоров. Обжигал как жидкое пламя.

Парализующая сетка дернулась и снова сковала по рукам и ногам.

Глотая ледяной воздух, проследила за темной тенью-Вероник, бесшумно покинувшей комнату.

– Убедились? – Эльгер жестко улыбнулся. – В плетении узлы, которые сожгут ваш разум быстрее, чем вы доберетесь до основной цепочки. Так что не тратьте силы, леди Тереза. Вам они пригодятся во время допроса.

Допрос?

Внутри все сжалось от страха, алаэрни полыхал, но магия билась внутри, запертая в ловушке. Так же, как я. Все, что я сейчас могла – тянуть время.

– Вы не тронете меня, – выдохнула хрипло. – Не тронете, пока я ношу ребенка.

– Ребенка? – Эльгер шагнул ко мне, пальцы его светлости впились в мои плечи, как когти ястреба. – Мне не нужен ваш ребенок, леди Тереза. Мне нужны были вы. Ваша сила прекрасна, но она досталась не той женщине. Во что ее можно было превратить, сочетая с магией искажений... Вращивая, совершенствуя, открывая самые страшные глубины и таинства. Обладая древними знаниями, от которых вы добровольно отказались...

Ноздри его раздувались – пожалуй, в такой ярости я видела его светлость впервые.

Впрочем, с ней он справился быстро: хватка ослабла, Эльгер сцепил руки за спиной и отошел.

– Я предложил вам корону, но вы выбрали плаху. Жаль.

От магических светильников резало глаза. Портьеры я так и не задвинула, и сейчас за ними царил непроглядная темень. Скоро начнет светать, солнце разольется над парком и владениями Эльгера, преображая их. Такое же, как в любом другом уголке мира, и небо над Шато ле Туаре будет прозрачно-чистым, по-весеннему высоким, тронутым лишь полосками облаков. Увы, только в детстве с рассветом чудовища прячутся под кроватью. Когда вырастешь, после восхода чудовища выходят на свет.

И одно из них сейчас стояло передо мной.

– Неужели вы думали, что Эрик пойдет против меня? Ничтожество, слабак, от которого проблем всегда было больше, чем пользы.

Он помолчал, слегка тронув уголок портьеры. Полоска тьмы за окном раззявила беззубую пасть, словно собираясь проглотить комнату.

– Прежде чем я спрошу вас о многом, давайте договоримся. Отвечайте на вопросы быстро и честно. Любую ложь я почувствую через заклятие.

Кажется, впервые за долгое время силы меня оставили. На глаза наворачивались слезы – бессильные, горькие слезы отчаяния. Зачем мне дарована такая сила, если я не могу спасти самого родного мужчину?

Память воскресила лицо Анри – в солнечный, напоенный жарой и прохладой от реки день. День, когда он подарил мне лунник.

Это придало сил и вытряхнуло из цепких лап страха.

Ради него я здесь. Ради него должна справиться. Выдержать.

И я справлюсь.

Я обещала Софи, что мы вернемся все вместе.

И мы вернемся.

Внутри меня малыш, обладающий золотой мглой, единственная возможность одолеть Эльгера – разбудить ее. Пусть даже она сожжет всю мою магию.

Но как это сделать?

Сила ребенка прорывалась, когда я старательно запирала свою. В прошлый раз она освободилась, когда я была без сознания. Когда лишилась сил, когда мне угрожала опасность. Значит, сейчас мне нужно всего лишь усмирить смерть. Полностью отделить себя от бьющейся внутри тьмы. Заставить малыша поверить в то, что мы беззащитны. Возможно, сначала вырвется именно смерть, но наткнется на преграду.

И тогда ...

– Вы знали о том, что ваш муж работает на Комитет?

Вздрагнула, глядя в безжалостные стальные глаза.

– Ваше молчание ему не поможет, леди Тереза. Глава тайной службы Вэлеи сделал правильный выбор. Он видит, куда Альтари ведет страну, видит, во что превращается некогда могущественная держава. И это его серьезно беспокоит.

Дыхание прервалось.

Некоторое время в спальне царила звенящая тишина, нарушаемая лишь движением стрелок часов в гостиной. В обычное время они двигаются почти бесшумно, но сейчас сдвигались со скрежетом, словно под стеклом кто-то управлял ими с невероятным усилием.

Так вот что произошло.

Комитет предал Анри. Мы оказались в самом сердце заговора и готовящегося государственного переворота. Альтари недолго осталось властвовать.

Все случившееся в Маэлонии произошло так быстро, что я не позволила себе даже задаться очевидными вопросами. Почему Эльгер не тронул Франческу? Понятно, что сама она ни за что не стала бы болтать о случившемся – исчезновение графа де Ларне, которого она опоила и оставила без сознания, напугало ее до безумия. Как только выяснилось, что Анри исчез, вся любовь синьорины Розатти сдулась, как негодный воздушный шар. Теперь она боялась только того, что похитители вернутся за ней.

Но ведь исчезновение моего мужа действительно не могло пройти бесследно.

Особенно учитывая его связь с Комитетом. И если граф де Ларне мог пропасть без вести, то Анри Феро, имеющий выходы на главу вэлейской разведки – вряд ли. Они бы искали его следы до той поры, пока не вышли на Франческу. Вытрясли бы из нее все, устроили ей встречу с Флорианом – когда речь заходит о государственной безопасности и тайнах, которые могут быть раскрыты, летят даже самые важные головы. Она бы признала его, а после Альтари не выпустил бы своего племянника живым, пока тот не расскажет все. Подозреваю, что его не спас бы даже ментальный блок, что даже Евгению притащили бы из глуши, где она была заперта все эти месяцы. Что допросы были бы гораздо более жесткими и более страшными.

Но Эльгер не тронул синьорину Розатти.

Потому что Комитет расскажет только то, что выгодно ему.

Потому что она все равно исчезнет в подвалах вэлейской разведки, и следов уже не найдут. Но этому будет куда более логичное объяснение.

– Что с ним будет? – тихо спросила я. – Что будет с моим мужем?

– Вопросы здесь задаю я, леди Тереза. И я жду уже достаточно долго.

Эльгер разомкнул ладони, и между ними снова сверкнула изумрудная молния.

– Вы знали о том, что ваш муж работает на Комитет?

– Да, – выдохнула.

– Вы работали с ним?

– Нет.

– Когда вы узнали о нем правду?

Перед глазами потемнело. Мне никак не удавалось сосредоточиться и

справиться с магией. Никак не получалось заставить тьму отступить: инстинкт выживания вопил о том, что мне необходима защита. Магия рвалась, готовая отбросить на грань комнату, замок, парк и гору, на которой стоял Шато ле Туаре. Запертая в отведенной ей Эльгером клетке. Рвалась, клубилась, рычала, как призракный зверь.

– Мне повторить вопрос? – Молнии между ладонями собирались воедино, образуя змейку.

– В Лигенбурге.

– На кого работали вы?

– Я не...

– Лжете, – голос Эльгера стал страшным. – Мне не нужно даже заклинание, все ответы написаны на вашем лице. Удивительно, если бы было иначе – ваш отец и брат такие же, фамильная принципиальность Биго неискоренима. На кого вы работаете, леди Тереза?

Последние слова рассекли воздух подобно ядовитому хлысту.

Я усилием воли потянула тьму назад, собирая последние силы. И мне почти удалось, но в это время пространство вокруг меня сгустилось, заискрилось магией искажений. С ладоней Эльгера сорвалась зеленая змея. Холодная на вид, обожгла как огненный хлыст армалов. Казалось, кожа плавится, а одежда обращается в пепел. Казалось, что сама я сейчас превращусь в пепел. Боль была такой, что даже сердце превратилось в сгусток пламени.

Я не могла пошевелиться, не могла даже рухнуть на колени.

Из глаз брызнули слезы.

А потом я все-таки закричала.

Сдавленные крики, шум. Глухие удары, как от падения тел. Лязгнул тяжелый засов, и Анри мгновенно оказался на ногах. В воцарившейся тишине еле слышно капала вода, от стен тянуло холодом. Шуршание и писк доносились отовсюду, словно в камень замуровали полчища крыс.

С ним не заговаривали, на вопросы и просьбы о переговорах не отвечали: приносящие еду и питье стражники проталкивали подносы через специальное окно под дверь. Несколько дней в крошечной тьме и неизвестности – одна из самых страшных пыток. Что он только не передумал за эти дни.

В его тюрьму никто не заходил.

До этой минуты.

Обрывая переговоры скребущих лап, раздался скрежет. Полоска тусклого света, протянувшаяся из коридора, разделила камеру на две части.

– Не спится, солнечный мальчик?

Голос Эрика звенел от ненависти. Анри успел только разглядеть очертания худосочной фигуры в дверях, когда ослепительный свет магической искры хлестнул по глазам. Инстинктивно зажмурившись, он не двинулся с места.

– Выспался на десять лет вперед. – Значит, сейчас глубокая ночь. – А что насчет тебя?

Чтобы не позволить яркому свету ударить вновь, поднял руки, и только после этого приоткрыл глаза. От мощных цепей, позволявших передвигаться вдоль одной стены, саднило запястья и лодыжки. Будь эти оковы обычными, избавиться от них не составило бы труда, но они обычными не были. Попытавшись вскрыть замки, Анри едва удержал золотую мглу.

– Бессонница. Я ей с детства страдаю.

Мальчишка стоял в двух шагах, сжимая в руках смятые листы. Словно собирался скомкать их еще больше и запустить ему в лицо.

– Печально.

– Не то слово. Но знаешь, что на самом деле печально? – Эрик зло улыбнулся, а потом резко выкинул вперед руку. – Это!

Эхо подхватило его крик и унесло в коридоры.

Смятые строки напоминали спутанные нити.

– Что это?

– Давай посмотрим вместе.

Эрик один за другим расправил листы. Медленно и нежно, как если бы пожелтевшая от времени бумага нуждалась в ласке. Длинные пальцы едва заметно дрожали, злая гримаса уступала место безумной отрешенности.

– Судя по тому, в каком ключе изложены события, это дневник. Да, пожалуй... это больше всего похоже на дневник. Можешь сам убедиться.

Он покачивался с носков на пятки, глядя в одну точку – куда-то над головой Анри. Строки то приближались, то отдалялись.

– Так будет лучше.

Тихий шепот. Очень тихий.

В дверном проеме были видны ноги одного стражника и неестественно вывернутая рука другого. В том, что они не поднимутся, сомнений не оставалось. В этот миг Анри подумал, что вполне способен свернуть Эрику шею, но проку от мертвого мальчишки никакого. Ошибиться он не имеет права, у него будет всего одна возможность – вырваться и добраться до Симона Эльгера. Одна возможность и очень мало времени. Поэтому пока Эрик говорит...

– Смотри! – рявкнул тот. – Смотри, пока у тебя есть глаза!

Вцепившись ему в волосы, почти ткнул бумаги в лицо.

Инстинкты сработали вмиг – ладонь сомкнулась на тонкой шее мальчишки, и оба замерли. Глядя друга на друга.

– Смотри, – прошипел Эрик, насколько хватило голоса.

Сам не зная зачем, Анри перевел взгляд на бумаги.

«Я помню день, когда мы впервые встретились. Как если бы это было вчера. Ты был такой красивый... Нас представили, и сердце забилося чаще...»

Почерк матери он узнал сразу. Письмо, которое он хранил долгие годы – письмо, которое перечитывал совсем мальчишкой, а потом забыл до встречи с Терезой, отпечаталось в сознании как раскаленное клеймо. Оно несло в себе столько любви, что питать им ненависть было жестоко. Но именно ее прощальные слова он вспоминал снова и снова, когда смотрел Симону Эльгеру в глаза.

Вот только сейчас Анри смотрел в глаза его сыну, и тот отвечал ему.

Жадно, словно искал опровержение чему-то, но не находил.

– Откуда это у тебя? – собственный голос показался чужим. – Откуда у тебя дневник моей матери?!

Смех Эрика перешел в вой.

Звериный, надрывный, оборвавшийся каким-то бульканьем.

Но осознать случившееся Анри не успел: браслет полыхнул огнем, стремительно заполняясь черным, а тело пронзила жгучая боль. Из груди выбило воздух, рука разжалась.

Перед глазами потемнело.

Он учился переносить боль. Свою. Но не ее.

– Ненавижу! – неожиданно заорал Эрик. – Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

В грудь ударил сгусток магии – швырнул на пол, до боли выворачивая суставы, заставляя цепи натянуться. В горле разом пересохло, внутри словно развели костер, искры которого сейчас рассыпались по всему телу. Золотые искры, каждая из которых разгоралась в пожар.

– Они все любили тебя! Все! Почему? За что? Чем я хуже?!

С ладоней мальчишки сорвались изумрудные молнии, обрушились на него сплошным градом, но их тут же поглотила мгла. Она бежала по венам, обретая свободу, раскрашивая мир в алый и золотой. Сжигая, растворяя остатки реальности.

Тереза.

Единственная связь с Терезой – браслет. Боль обволакивала запястье, пробираясь в самое сердце: к сомнениям и глухой отчаянной злости на

себя. Бессмысленной, как и любые чувства по поводу того, что уже случилось и что ты не можешь изменить. И все-таки впервые за долгое время смириться не получалось. Не получалось отрешиться, отстраниться от ворочающейся внутри бессильной ярости и гнева, укутанного в лохмотья страха за нее. За их малыша. За Софи. Все эти дни браслет говорил, что с ней все в порядке. Но сейчас...

Тереза.

Единственное, что держало пытающийся ускользнуть разум.

Сгорающий в золоте страшной силы.

– Знаешь, о чем я мечтал с того самого дня, как в меня влили твою кровь? Увидеть тебя таким!

Эрик вцепился ему в волосы, заставляя запрокинуть голову.

– Увидеть в твоих глазах еще не уверенность – нет, сомнения, что тебе осталось совсем чуть-чуть. Что ты не сумел ее защитить. Что ты умрешь, а она останется. В моих руках, или в руках папочки – не суть важно. Это же самая страшная пытка, правда, де Ларне? Ради такого можно было подождать! И я ждал, ждал, ждал... Но демоны тебя раздери, почему я чувствую себя так мерзко?! Из-за нее!

Последние слова взлетели ввысь вместе с его голосом, а вслед отправились превратившиеся в ком листы.

Золотая радужка в бешеных глазах смотрелась жутко.

Золото и зеленый огонь, который больше не мог причинить вреда.

Достаточно было своего собственного.

– Что с ней? – прохрипел Анри, цепляясь за стену и пытаясь подняться.

– Леди Смерть беседует с папочкой. – Эрик сдавленно рассмеялся. – Я оставил их наедине после того, как раскрыл все ее планы. Она пришла сюда за тобой.

Пришла.

За ним.

Доверилась Эрику.

Тереза в руках Симона.

Если до этой минуты у него еще оставалась надежда, что Раджеку удалось увезти ее в Мортенхэйм, сейчас она лопнула. Взорвалась, как снаряд прямо в сердце.

И все остальное стало неважно.

Неважной стала раздирающая на части боль – своя или ее, неважной стала жизнь и огонь мглы, ее пожирающий. Под ноги Эрик не смотрел, поэтому удар нижней цепью заставил его рухнуть на пол. Сковывающую

руки Анри набросил на тонкую шею, дернул на себя. Мальчишка захрипел, магия и мгла хлестали в стороны, смешиваясь и сплетаясь в диковинные объятия. Странно, но разум прояснился.

– Она единственная верила в тебя! – прорычал он. – Смотри на браслет, мерзавец. Смотри, на что ты ее обрек!

Черное кружево оплетало запястье, и боль через него была в сердце.

Снова и снова.

Глаз Эрика он не видел, но губы мальчишки искривились. Веки дрогнули – судорожно.

– Освободи меня, гаденыш.

Одной искры магии искажений будет достаточно, чтобы разомкнуть кандалы.

Мгла уже не причинит ему вреда больше, чем есть сейчас.

– Отпусти его.

Черная Лоза.

Она шагнула в камеру, обманчиво-спокойная и расслабленная. Готовая в любой момент выхватить шаанха.

– Стой. – Держать Эрика было проще простого, а вот за ней надо было следить очень внимательно.

Вероник действительно остановилась.

Рисковать братом она не станет, но это делает ее менее опасной.

– Освободи меня, – прорычал Анри и сильнее вдавил цепи в тонкую шею.

Эрик захрипел, царапая пальцами пол.

– Больше повторять не буду, – немного ослабил хватку, когда мальчишка вцепился ладонями в его запястья. – Сначала ноги.

От магии искажений в стороны полетели искры.

Следом магией ударило в запястья, а потом Анри надавил чуть сильнее и стряхнул бесчувственное тело в сторону – вместе с оковами. Увернулся от мелькнувшего в дюймах от шеи кинжала, вскочил, уходя от нового удара. Молниеносные движения, мелькающие с двух сторон жала. Капли крови, взлетевшие в воздух, слились с алым цветом мира, боли он почти не почувствовал. Только скольжение смертоносного лезвия, которое едва не зацепило горло. Перехватил тонкое запястье, увернулся и сжал, выворачивая резко, под углом. Раздался хруст, но боль ее не остановила. Здоровой рукой Вероник била наверняка – он едва успел перехватить выпавший шаанха и встретить удар второго.

Лезвия скрестились у самого сердца: на миг, потом он ее оттолкнул.

– С дороги.

– Ты не выйдешь отсюда, предатель. – Неестественно зеленые глаза горели отравой ненависти. – И она тоже.

Вероник перехватила кинжал поудобнее, тонкое запястье уже начинало опухать. Кровь из распоротого плеча Анри – у самой ключицы, пропитывала рубашку, намокшая ткань тяжелела и липла к коже. Смотреть в глаза противнику – бессмысленное занятие, важны только движения, каждое из которых может стать для тебя последним. На этот раз он нападал первым, кинжалы звенели, вторгаясь в шорохи быстрых движений и дыхание. Скольжения лезвий перед глазами, короткий взмах, удар, нахлест. Череда смазанных ударов, отраженных с поразительной точностью.

Тени, скользящие по камере.

Браслет налился тяжестью и горел даже сквозь пелену мглы.

Он не мог его видеть, мог только чувствовать, как прожилки тьмы одна за другой втекают в золото. Отслеживал только ошибки Черной Лозы, которых почти не было. На ходу просчитывая тактику боя. Позволил себя зацепить – лезвие вскользь царапнуло ребра, рана на груди раскрылась, мгновенно наливаясь кровью. Миг, когда Вероник снова шагнула вперед, стал для нее последним.

Удар под вскинутую руку.

Один. Точно в сердце.

Она рухнула на пол, Анри метнулся в коридор и замер: в этой части подземелий ему бывать не доводилось.

Куда бежать? Сколько времени он потеряет, плутая по лабиринтам?

Шагнул направо, но перед глазами полыхнули огненные искры.

Чуть выше, над головой. За спину. И дальше, удаляясь все быстрее.

Словно кто-то нес невидимый факел, ударяя им о стену.

Словно кто-то указывал ему путь.

На какое-то время комната утратила очертания, превратившись в сгусток раскаленной боли. Ядовито-зеленой, как глаза Вероник. Она вышла, но еще несколько минут назад обвивающий мое тело хлыст остался. Четким было только лицо Эльгера, холодный жестокий взгляд. И свернувшаяся кольцами змея в его руках.

Лицо было залито слезами, и от них щекам становилось холодно.

– Мне повторить вопрос, леди Тереза?

Говорить дальше – значит, предать всех, кто мне дорог.

Винсент тоже будет на той презентации.

Жером и Мэри, Гийом. Ивар...

Никого не оставят в живых, когда случится переворот.

Матушка, Лави и Луиза. Что с ними станет, если его светлость все-

таки доберется до брата?

Эти мысли ввинчивались в мозг раскаленными жалами.

– Мне нечего вам сказать.

По спине струился липкий пот. Бросало то в жар, то в холод, кончики пальцев пронзало искрами смерти. Смерти, которая сейчас не могла помочь.

– Скажете. Расскажите все. – Эльгер отошел в сторону, расправляя хлыст. – Это вопрос времени.

Ядовитый кончик с шипением ужалил пол, и я вздрогнула. Мысленно, потому что по-прежнему напоминала безвольную куклу. Отголоски боли прокатывались по телу, заставляя сжиматься и умоляя о том, чтобы это не повторилось. Там, где хлыст прошелся по коже, горели клейма магических ожогов. Горели так, что мутился разум.

– Знаете, как мааджари наказывали предателей? Лишали магии. Если после выгорания маг не сходил с ума, его приковывали заклятием к скале над морем. Он умирал от солнечных ожогов и жажды.

Свернув хлыст, он вздернул меня на ноги потоком магии.

– Уверен, рядом с мужем вы станете более разговорчивой.

Пространство разомкнулось, словно кто-то провел по нему ножом. Ядовито-зеленая рана раскрылась, источая болезненное сияние, и меня увлекло в разрыв. Голова закружилась, но Эльгер помог удержаться на ногах. Плетение рассыпалось прахом, только бледно-зеленые искры напоминали о том, что мы шагнули в портал.

Роскошный холл показался миражом. Холл, где должно встречать гостей и обмениваться комплиментами. Почти точная копия того, в котором я стояла вчера. Вот только двойная лестница уводила вниз, а на стене висело полотно: женщина, с одной руки которой текла золотая мгла, с другой – мощь магии смерти. Над ее головой пылал полукруг с расходящимися от него лучами. Пылал в прямом смысле, средоточие магических светильников и умело положенные краски давали этот жутковатый эффект. Сразу за лестницей стрелы коридоров натянулись вправо и влево: моему взгляду представился подземный замок. Под Шато ле Туаре находился его тайный двойник.

– Лайана, прародительница мааджари, – заметил Эльгер. – Людьюми значительно проще управлять, когда они осознают всю мощь твоего величия. В основе любого начинания должна быть идея. Вы наверняка читали о Зеркальном городе.

Если верить легендам, «полубоги» воссоздали под землей точное отражение своего поселения, как символ того, что мир их отринул, в

подтверждение своего могущества и богатства. Впрочем, сейчас я уже не могла с точностью сказать, что вымысел, а что нет. Стилизация под витраж, картины с изображениями сюжетов из легенд мааджари, знакомых мне с детства. Страшные сказки, в которые я погружалась с невиданным для ребенка любопытством, оживали на глазах.

– Вы зря упрямитесь, леди Тереза. Граф так или иначе предстанет перед судом мааджари. Решившись на предательство, он поставил под угрозу не только меня, но и дело всей моей жизни. Всех нас.

Лицо Эльгера исказилось – уголки губ стремительно ушли вниз, крылья носа дрогнули, превращая лицо в хищную маску, обнажая истинную суть его светлости. Гораздо более уродливую, чем моя смерть.

– В ваших силах облегчить его и свою участь. Расскажите мне все, и вы оба умрете быстро. Принципиальность хороша только в тех случаях, когда не тянет на дно.

Боль по-прежнему жгла, но разум понемногу прояснялся. Магия отступала. Неумолимо, но отступала, подчиняясь моей воле.

Время, время, время.

Мне нужно выиграть время. Сейчас время решает все.

– Она безусловно хороша тем, что не позволяет принуждать женщин рожать детей.

Тьма клубилась за гранью, и я поспешно запечатывала ее в себе. Одну прореху за другой, стремительно отделяя мир мертвых от мира живых.

– Или удерживать их помимо их воли. Что вы сделали, чтобы леди Николь вела себя смирно? Надели на нее магические кандалы, как на Анри?

– Вы не представляете, о чем говорите, – прошипел герцог.

Сейчас он и впрямь напоминал взбешенного ястреба. Казалось, даже нос его заострился, как клюв.

– О, мне далеко до ваших представлений о благородстве. Вы говорили, что Эрик не пойдет против вас.

В миг, когда последняя частичка тьмы была запечатана, я почувствовала себя странно. Сейчас по венам прокатится золотой огонь, а потом я перестану быть.

Моя магия сгорит вместе с магией Эльгера.

Но оно того стоит.

– Как вы теперь будете смотреть ему в глаза? Теперь, когда он узнал обо всем, ваша светлость. Или правильнее будет сказать, ваша низость?

Я не могла пошевелиться, но могла смотреть ему в глаза. И даже улыбнулась.

Хлыст взвился в воздух, и я сжалась в ожидании удара.

Тьма заворачивалась внутри, уже не моя. По телу побежал холод, сила маленького некромага рванулась в мир. Ударилась о сеть заклинания и обиженно отступила. А следом изнутри полыхнуло жаром, и в холл плеснуло ослепительное сияние. Хлыст растворился в золотой дымке, магические светильники взрывались один за другим и гасли, но они больше не были нужны. Солнце было повсюду: раскаляло воздух, текло по стенам и потолку, искрилось на гобеленах.

Мир перевернулся, стены скользнули ввысь.

Мягкие объятия мужа и звездопад в Лавуа. Небо, плачущее золотыми слезами. Голос Софи, тонкие пальчики, сжимающие в моей ладони оберег. Биение сердечка внутри. Я осела вниз, на ледяной мрамор.

Казалось, не осталось в этом мире частицы, не напоенной золотой мглой.

Вся она уходила в пространственный разрыв, обтекающий герцога изумрудным контуром. Ярость, изумление, злость, отразившиеся на лице Эльгера, предназначались не мне.

Я не горела.

Мгла обтекала меня и струилась к герцогу.

Заклинание ослабло, я смогла пошевелиться.

Приподнялась на руках и увидела Анри.

Золото путалось в его волосах. Пылало в глазах безудержной яростью. Кожа казалась раскаленной – просвечивала тонкими нитями золотых сосудов, искрилась, прогревая воздух вокруг себя. Задыхнувшись от ужаса, я смотрела на мужа и герцога, застывших друг напротив друга. Ни одна магия не способна устоять перед натиском хэандаме, но сила Эльгера была заключена в нем, а разрывы пространства не позволяли мгле до него добраться. Волны магии искажений – мощной, жуткой, пронизывали залу. Она накатывала убийственными волнами, от нее мутило и кружилась голова.

Поднялась.

Осторожно, опираясь о стену.

– Как долго ты продержишься, мальчишка? – Эльгер шагнул вперед. Глаза источали зелень, как у Вероник. Длинная прядь прилипла к виску, напоминая выжженный шрам и делая его светлость еще более жутким. – У меня в запасе уйма времени. Сколько его у тебя?

– Сколько потребуется.

Голос Анри звучал глухо, браслет на моей руке больше напоминал ожог.

– А у твоей жены?

Эльгер вскинул руку, и пространство рядом со мной раскрылось зияющей раной. Я вскрикнула и едва успела набросить паутину защиты, которую в клочья разодрал поток изумрудных молний. На следующую они обрушились градом: запечатанный в своем коконе, герцог холодно усмехнулся. Серебро задрожало под потоком боевого заклинания мааджари. Искры взлетели ввысь и в стороны. Рассыпались, померкли в солнечной дымке.

Жилка на шее мужа бешено колотилась. Полыхало раскаленное золото в радужке.

Бессильная ярость и страх накрыли меня с головой: не мои – мужа. Мгла была бессильна, ей не отрезать пространственный разрыв. Он не мог сделать ничего, не мог даже закрыть меня собой. Только смотреть.

– Оставь ее! – прорычал Анри. – Хватит!

– Оставить? – Симон выплевывал слова как проклятия. – Я возлагал на тебя надежды, глупец! Чем ты мне отплатил за доверие? Спутался с крысами, которые прячут взгляд при упоминании магии. Бегут, поджав хвост, как в свое время бежал твой отец. Желаешь моей смерти? Так смотри, как умрет она!

Молнии врезались в мою защиту одна за другой.

Единственное, что способно меня спасти – сила ребенка.

Но я снова не чувствовала ее.

И тут меня обожгло догадкой: пространственный разрыв!

У него две стороны.

Чувствуя предательскую дрожь во всем теле, нырнула на грань. Глубже, глубже, глубже, в самое сердце тьмы. Вбирая в себя смерть до последней капли, глядя как стремительно мир теряет цвет. Всю свою силу обрушила в раскрытое пространство, через которое Эльгер стремился добраться до меня. Он почувствовал, успел поставить заслон, но магию искажений не удержал. Тьма хлестнула наотмашь, протащила его светлость через холл и швырнула на богиню мааджари. Оберегающий герцога контур поблек, тьма схлестнулась с золотом, фонтаном взметнулась ввысь.

Чувство было такое, словно солнце поднялось из глубин земли. Озарило полотно с раскинувшей руки женщиной, рождая на нем рассвет посреди ночи.

Жуткий темный рассвет.

Проклятия герцога обрушились на меня одновременно с градом изумрудных стрел.

Анри обернулся, и его ужас отразился в моей душе.

Понимая, что на щит просто не хватит сил, зажмурилась.

Полыхнуло зеленью, но почему-то не обожгло. Широко распахнув глаза, я смотрела в лицо Эрика, который закрыл меня собой. Опираясь ладонями о стену, он медленно осел к моим ногам.

И я тогда увидела, как золотой вихрь захлестнул Симона. Лицо герцога исказила бессильная ярость, из груди вырвался не то вой, не то рев. Муж стремительно шагнул вперед: в его руках, в ослепительном свете стальные лезвия показали золотыми жалами. Последнее, что успела увидеть – короткий замах. Широкая спина Анри заслонила от меня герцога, но я все равно зажала уши и зажмурилась.

Волна убийственной магии де ла Мера прокатилась по Шато ле Туаре.
В последний раз.

Полотно с богиней мааджари сорвалось вниз, и Анри стремительно отступил, оставляя Симона Эльгера погребенным под слоями тяжелой ткани.

Меня трясло.

Трясло так, что дыхания не хватало, а зубы клацали, как дробилка для орехов.

Казалось, если отлеплюсь от стены, свалюсь замертво. Но нет. Не свалилась. Первый шаг дался с трудом. Второй уже проще.

– Анри, – прошептала я и добавила уже громче: – Анри!

Дыхание прервалось.

Особенно когда он обернулся.

Удары в груди отдавались во всем теле, а звон кинжалов о мрамор заставил вздрогнуть. Сияние золота меркло, погружая огромный холл во тьму. Я бросилась к мужу, а он ко мне, упала в родные объятия, чувствуя, чувствуя, чувствуя – ладонями, всем телом, сердцем, душой...

Жив.

Мой любимый...

Он жив!

Спасибо, Всевидящий.

Кажется, я засмеялась. Или заплакала. Или и то и другое вместе. Мы не видели друг друга: последняя искра мглы догорела, и в подземном царстве Эльгера стало темно, как безлунной ночью. Только глаза мужа сияли золотом.

Пальцы Анри запутались в моих волосах, он держал меня в руках так, словно нас могло разбросать по разные стороны океана. Крепко и в то же время удивительно бережно. Целовал – волосы, лицо, руки. Поцелуи снимали слезы со щек, но слезы все не кончались, и я целовала его. Целовала как в последний раз. Дышала им, жила им: этими прикосновениями, этими минутами, горячим дыханием, близостью. Содрогалась в руках мужа, цеплялась за сильные плечи. Кожа под ладонями была раскаленной, мышцы словно превратились в камень.

Осознанием накрыло с той же силой, с какой могла бы ударить магия искажений. Реальность вернулась болью и холодом, упавшим на плечи как вымоченный в проруби плащ. Единственной осознанной мыслью: Анри только что обрушил на герцога всю мощь золотой мглы.

– Анри...

Я вглядывалась в лицо мужа, насколько хватало зрения. Касаясь ладонями его щек. Шеи. Лба.

Муж перехватил мои руки, но я отняла и снова положила пальцы ему на грудь.

На шею. На щеки.

Жар медленно отступал, уводя за собой отголоски силы хэандаме, радужка светлела, очищаясь.

Но... как?

– Все закончилось, маленькая.

Хриплый голос мужа окутал уверенностью.

– Да, – сдавленно согласилась.

– Маленькая моя девочка, – Анри заключил мое лицо в ладони и коснулся губами губ. – Все. Теперь все будет хорошо.

– Все, – повторила неосознанно. Задыхаясь и отвечая на его поцелуй с такой жадностью, словно от этого зависела моя жизнь. Возможно, и зависела. Сейчас. – Все будет хорошо.

– Давайте для начала... уточним, у кого.

Во мне кончился голос. И воздух. Во мне вообще все закончилось, разом, слова Эрика прозвучали зовом из небытия.

Легкий хлопок – и над нами загорелся магический светильник.

Второй, третий, четвертый. Они расползались по залу неровными бусинами, потерявшими нить. Мы с Анри замерли в центре холла, Эрик привалился к стене – там, где принял на себя всю мощь магии отца.

– Кривовато, – он указал на светильники. – Но я сейчас... не в форме.

Дыхание его вырывалось с хрипами, втекая в обрывистые фразы. Глаза ввалились, подчеркнутые темным контуром смерти.

Рванулась к нему, но Анри удержал.

– Тереза, – предупреждающий шепот.

– Он спас мне жизнь. Как Вард.

Муж грязно выругался и отпустил мою руку. Я бросилась к Эрику и опустилась на колени, сжимая холодные пальцы.

– Анри, помоги! Мы не можем его здесь бросить.

– Не надо меня... никуда бросать. А вам... направо, – Эрик ткнул куда-то в сторону и начал заваливаться набок. – Сигнальные артефакты... бьются в истерику. Скоро сюда... стечется вся папочкина гвардия, и либо... вы их, либо они вас. Выйдете на спуске, а дальше... как повезет. Кстати, де Ларне, почему ты... до сих пор не помер?

– Заткнись! – прошипела я, чувствуя, как в груди рождается нездоровая

злоба. На себя за то, что все так вышло, на него за то, что подставился, на Эльгера, который уже мертв. – Заткнись, потому что когда ты придешь в себя...

– Ой, да брось... – Эрик судорожно сжал мою руку и побелел еще сильнее. – Я даже во сне к... тебе больше не приду. Будешь скучать, Леди Смерть?

Я словно снова была маленькой девочкой, а вокруг сыпались горящие балки и слышалось испуганное ржание. Снова видела, как приближается горящий потолок, и как Вард накрывает меня собой. Снова смотрела на мертвого конюха, которому уже не могла помочь и кричала, кричала, кричала.

– Даже не подумаю.

– Я так и знал.

Шаги.

Анри подошел и остановился за моей спиной.

Сил почти не осталось, но я все-таки ушла на грань. Призрачная ненависть мертвого герцога ядовитым холодом стелилась по холлу. Размытые очертания призрака парили над рухнувшим полотном, от чего оно казалось подернутым дымкой тлена. Черные щупальца смерти уже протянулись к Эрику. Они пронизывали его насквозь, тянули за грань, глубже и глубже, в самое сердце тьмы. Черно-серые прожилки на бледной коже становились все ярче, и жизнь уступала место смерти. Он еще держался на грани, но пульс под моими пальцами бился все тише.

– Видишь? – серое лицо озарила диковатая улыбка. – Мне там... самое место.

Лопнул один магический светильник.

Второй.

– Нет.

Взгляд – по-детски удивленный, никак не вязался с тем, что мне доводилось видеть раньше. Еще больше он не вязался со следами налившихся на шее кровоподтеков. Тьма потекла с моих рук, заключая Эрика в кокон и сливаясь с близостью смерти. Я дернула одну нить. Вторую. Третью. Отсекая, лишая возможности затянуть глубже. Тьма клубилась и хлестала наотмашь, не желая отдавать свое, но мне причинить вреда не могла. Сейчас холод, смерть и моя магия были единым целым, и они жили во мне.

– Тереза! – встревоженный голос Анри.

Я вскинула руку:

– Не подходи.

Муж остановился, словно наткнулся на стену.

Сознание медленно истончалось, а всемогущая смерть вступала в свои права. Но смерть эта была жизнью, и даже ее жуткая личина в отражении не могла изувечить то, что я собиралась сделать. На грани не нужен свет, здесь всюду серое марево, за гранью и подавно. Холод прокатывался от макушки до кончиков пальцев ног, нити рвались одна за другой, отпуская Эрика. Я чувствовала, как дыхание становится ледяным, а сердце почти не бьется. Впуская в себя отравленные нити, забирающие жизнь, я медленно отбрасывала их во тьму. Нахлесты падали на меня, впиваясь в дрожащие от напряжения руки. Лицо Эрика блестело от пота, сейчас капли на призрачно-белой коже казались серебром. В его глазах отражались мои – чернее ночи, но его становились все более осмысленными.

Когда порвалась последняя нить, Эрик судорожно выдохнул.

Все. Остальное дело целителя.

В тот же миг я услышала топот ног ворвавшихся в нижний холл стражников.

Обернувшись, вскинула руки, и плети тьмы расплескались над залом, объедая стены.

Готовые рухнуть вниз и погresti под собой всех, кто встанет на моем пути и пути моего мужа.

– Тереза! – голос Анри. – Это солдаты его величества.

Я не могла видеть цвет мундиров, видела только лица толпящихся гвардейцев.

Они зачем-то выстроились перед нами. Вытянулись в струны, как на параде.

– Граф де Ларне, – капитан выступил вперед, протягивая моему мужу какие-то бумаги. – На территории Шато ле Туаре я и мои люди переходим в ваше подчинение.

Вместе с осознанием пришла странная пугающая слабость. Стена, лестница-двойник, весь холл мелко задрожали перед глазами.

Влево-вправо.

Остатками ускользающего сознания я цеплялась за реальность, но она меня больше не принимала. Холл смазывался и терялся где-то на высоте люстры, вокруг которой отплясывали вальс два полуживых магических светильника. Ожоги горели так, словно искры танцевали на моей коже.

Последнее, что я почувствовала – как Анри подхватил меня на руки.

Потолок сдвинулся, встревоженное лицо мужа потемнело, а следом потемнело все вокруг. В сгущающейся вокруг тьме полыхнули огненные искры лорда Адриана и повеяло холодом.

Который принял меня как свою.

– С ребенком все в порядке, – месье Риаль наградил меня суровым взглядом. – Но я не могу обещать, что все так и останется, если еще раз поймаю вас в гостиной. Вам нельзя вставать, особенно так резко. Неужели это непонятно?

Сквозь покровительственные нотки пробилося едва уловимое раздражение.

Я не то чтобы покраснела, разве что слегка. Надеюсь, яркое солнце отчасти скрадывает румянец.

Но это сейчас я знаю, что за дверями гостевых комнат дежурят солдаты его величества и что с Анри по-прежнему все хорошо. Когда я только открыла глаза, увидела плавающий над собой балдахин. Скорее почувствовала, чем осознала, что по-прежнему нахожусь в Шато ле Туаре, поэтому вскочила и бросилась к дверям. Успела выбежать в гостиную, там меня и поймали.

В прямом смысле – я начала падать, месье Риаль что-то писал и едва успел подняться из-за стола, чтобы меня подхватить. Как выяснилось чуть позже, балдахин плавал из-за влитого в меня обезболивающего. Особого зелья, которое допустимо в моем положении, обладало таким вот побочным действием. Поэтому перед глазами сейчас бултыхался и целитель, и комната, и бутылочки-скляночки. И вообще создавалось чувство, что я в колыбельке, а мир большой-пребольшой.

– Мой муж...

– Вашего мужа мне едва удалось выставить, и то потому что прибыл его величество. Сейчас они беседуют, – мужчина потянулся к чемоданчику, доставая очередную склянку. – Пожалуйста, вытяните руку. Живильная мазь впитывается мгновенно. Поскольку ожоги магические, шрамов остаться не должно.

Шрамы меня беспокоили в последнюю очередь. Ожог на предплечье выглядел жутко, но когда его касались умелые пальцы, чувствовала только легкий холодок. Видимо, обезболивающее было хорошим. Рука тоже плавала, поэтому я решила смотреть на оттопыренные уши склонявшегося надо мной мужчины. Так меньше укачивало.

– А вот печать смерти останется с вами. Здесь я бессилен.

Печать смерти отражалась в моих глазах – густой черный ободок вокруг карей радужки. Знак того, что некромаг преступила черту. Цена за спасение Эрика могла быть гораздо больше. Если бы я не потеряла сознание, возможно, навсегда осталась бы между жизнью и смертью: еще не шагнувший за грань некромаг, но уже не человек. Когда вторгаешься во

владения смерти, готовься отдать что-то взамен.

Из слов месье Риалея, весьма скупых, поняла, что поправляться Эрик будет долго. Я вытащила его с той стороны, но магический удар был бешеной силы, от такого непросто оправиться даже при помощи целителя высшего уровня. Мужчина мало говорил о случившемся: видно было, что тема ему неприятна. Или даже страшна. Целительство и некромагия – полные друг другу противоположности. Как жизнь и смерть.

– Но золотая мгла...

– Да. Золотая мгла, – закончив с ожогом, месье Риаль придвинулся ближе. – Приспустите сорочку с плеч. Ниже. Еще. Краснеть не надо, это моя работа. Так вот, золотая мгла действительно чуть не убила его в прошлом году, но сейчас вашему мужу ничего не грозит. Я проверял его кровь и могу с уверенностью сказать, что с графом все в порядке. Он выглядит и чувствует себя замечательно. Я повторил вам это уже десять раз, мадам.

– Повторите в одиннадцатый, – попросила тихо.

В ответ мужчина только хмыкнул и занялся моими плечами – там, где вокруг них обернулся хлыст.

– Но как это возможно? – переспросила. – Вы уверяли, что Анри никогда больше не сможет использовать мглу.

– Уверял, – целитель вздохнул. – Антимagia должна была сжечь графа дотла. Я целитель, мадам, и в чудеса не верю, но сейчас не могу объяснить, с чем это связано. Если бы не осматривал графа лично, ни за что бы не поверил.

Когда имеешь дело с магией, в чудеса верится с трудом. Особенно когда понимаешь природу того или иного заклинания, когда сводишь плетения и знаешь, как работает энергетический поток. В это сложно поверить, но что-то спасло моего Анри. Чудо, природу которого я постичь не могла. Так какая разница, что это было?

Искорка надежды обожгла сердце. Пока еще слабая, едва уловимая.

Неужели это правда?

Неужели золотая мгла больше не причинит ему вреда?

– На сегодня все. Оставайтесь в постели, – целитель закрутил крышечку, ополоснул руки и принялся вытирать их белоснежным накрахмаленным полотенцем. – Головокружение – не лучший спутник для прогулок, мадам, а без обезболивающего в вашем положении не обойтись. Мне придется отлучиться, но ближе к вечеру я снова вас навещу. Не беспокойтесь, вы – гостя его величества, здесь вам ничего не грозит, ваши покои надежно охраняются. Так что отдыхайте, восстанавливайте силы и

ни о чем не думайте. Еще настоятельно рекомендую отпустить призрака. Он тянет из вас силы, вам самой они сейчас нужнее.

Лорд Адриан тоже обнаружился в моей гостиной. Полуживой, если так можно выразиться о том, кто давно умер. В состоянии невесомости на целительских руках меняхватило только на то, чтобы спешно восстановить разорванную Эльгером привязку, об осторожности я как-то не подумала. Ладно, придем в себя, разберемся.

А вот ни о чем не думать – это можно. Голова настойчиво требовала опустить ее на подушки и больше не поднимать сутки или двое, вот только вопросов было слишком много. Самый главный, как мы вообще оказались под защитой Альтари, и чем это нам грозит. Правда, вопросы тоже плавали, вместе с комнатой. И вообще, что значит – охраняются? Это меня охраняют от кого-то, или кого-то от меня?

Ой, помедленнее, пожалуйста.

– Выпейте. Это безопасно для ребенка и поможет заснуть, – месье Риаль протянул мне стакан, в котором еще перед осмотром смешал содержимое каких-то склянок. Тогда оно было темное и густое, а сейчас стало почти прозрачным, как вода с голубенькими искорками.

– Нет. Я дождусь мужа.

– Не думаю, что это правильно. Встреча может затянуться...

– Тереза.

– Анри!

В два шага оказавшись рядом, Анри оттеснил целителя. Игнорируя возмущенное ворчание о том, что «некоторые не признают никаких рекомендаций», сел на кровать и порывисто притянул меня к себе. Я провалилась в его объятия, как в забытье, как в речную воду в полуденный зной. Месье Риаль не солгал, Анри здоров – ни тени жара, ни печати бледности.

– Как ты, маленькая? – он легко коснулся губами моего лба.

– Не могу на тебя наглядеться. А... ты? – не удержалась от вопроса.

– Лучше было только в день встречи с тобой.

На всякий случай потрогала его. Потом еще раз. И еще. Антимагии, выжигающей мужа изнутри, словно и не бывало. Никогда.

– Так это правда, – прошептала. – Правда...

– Что – правда? – глаза его лучились нежностью и светом.

Теплым ореховым светом, а не обжигающей яростью золотой мглы.

– Ты.

Анри перехватил мои ладони и поднес к губам.

– Мы, – сказал он, целуя мои пальцы.

И даже мир перестал качаться.

– О чем ты говорил с его величеством?

Муж перебирал мои волосы, заодно служил подушкой и подставочкой для слабой меня. Лежать на нем вот так было спокойно и уютно. Да и вообще мне было спокойно и уютно, если бы не одно «но»: узнать, что ждет нас дальше. Хотелось не думать ни о чем, но мысли упорно возвращали к точке отсчета, на которой мы остановились в Маэлонии.

– Не думаю, что нам стоит обсуждать это здесь.

Анри пропустил между пальцами прядь. Люблю, когда он так делает, но сейчас этот донельзя отвлекающий маневр не сработал.

– Стоит, – сурово сказала я.

И в доказательство своих самых серьезных намерений поймала руку мужа и цапнула его за палец.

– Ты еще недостаточно хорошо себя чувствуешь.

– Достаточно для того, чтобы знать правду. Анри!

К вечеру я действительно чувствовала себя значительно лучше. Подозреваю, что дело было не в магической микстурке, уговорить меня выпить которую Анри удалось значительно лучше, чем месье Риалью. Впрочем, мой невероятный муж всегда умел уговаривать, и я с этим смирилась. Случись ему попросить, выпила бы и бочку этой гадости, только чтобы он был спокоен. Тем более что объятия, в которых я засыпала, были самыми-самыми целебными.

Месье Риаль, правда, придерживался другого мнения, и оставил мне очередной стакан с симпатичным на вид, но мерзопакостным на вкус зельем. Сообщил, что выпить его придется через два-три часа после легкого ужина. А еще что завтра – скорее всего, я уже смогу вставать без угрозы для малыша. Это меня несказанно радовало, надежда как можно скорее покинуть Шато ле Туаре грела сердце. Нет, я не была готова здесь оставаться дольше, чем предписано необходимостью. Даже несмотря на страшную слабость и звон в ушах.

Осталось только выяснить, куда мы поедem.

– Давай отложим это до возвращения в Лавуа.

В... Лавуа?! Я, конечно, сейчас все еще после обезболивающего, но комната не то чтобы плавает. Иньфай определенно пишется и звучит иначе. И так не особо хотелось спать, а после такого точно не усну. Прежде чем Анри успел пошевелиться, накинула полог безмолвия. Брови мужа сошлись

на переносице, и я показала ему язык.

– Тебе забыли сообщить, что магию сейчас лучше не использовать? – грозно спросил он.

– Рассказывай! – потребовала не менее грозно. – А то я сейчас еще что-нибудь использую. И тебе будет стыдно. Потому что я маленькая, слабая, а ты...

– Альтари предложил мне возглавить Комитет.

Если бы он сказал, что король станцевал ему харрим в балетной пачке, наверное, я бы и то удивилась меньше. Хотя кто их знает, этих королей.

– Приказ о твоём устранении был сфабрикован Эльгером и моим руководством. Веллаж пытался бежать, но его арестовали и допросили. Придворный некромант его величества Альтари. В ближайшее время герцога ждет то же самое.

Я только молча смотрела на мужа, а он продолжал держать меня в объятиях и рассказывал обо всем, что произошло за последнее время. История, которая по милости Евгении привела к нашему переезду в Вэлею, оказалась выгодна Эльгеру. Он рассчитывал сыграть на том, что Альтари вынужденно высылает из страны сильных магов и отказывается от наследия предков. Приказ – подделка магической подписи его величества, были нужны для того, чтобы проверить Анри. В данном случае, не является ли он двойным агентом после поездки в Энгерию.

– Подделка магической подписи? – не удержалась от восклицания.

На такое были способны только очень сильные маги, но за всю историю известно от силы несколько случаев. Неудивительно, потому редкий аристократ решался на такое – клеймо на честь рода падало несмыслимое. Лишение титулов, земель, привилегий... Хотя Эльгер вряд ли готовился к поражению, ведь для него все складывалось наилучшим образом.

Поспешные действия герцога оказались продиктованы пристальным вниманием Службы королевской безопасности к готовящейся презентации, а если быть точным – к тем, кому надлежало сыграть роковую роль во время первого полета дирижабля. Де ла Мер был в числе приглашенных, а отказ одной из систем – повредить ее должен был один из бортовых механиков – грозил гибелью всем, кто поднялся на борт. С помощью магии его светлость собирался удержать машину на плаву. Стать национальным героем, низвергнуть столь любимую всеми в последнее время науку – разумеется, с глубочайшим сожалением, после чего свержение Альтари становилось делом времени. И приказ о моем устранении должен был сыграть в этом не последнюю роль.

– Но как его величеству стало обо всем известно?

– При содействии Службы безопасности Энгери. Раджек отправил сообщение лорду Фраю, когда вы еще не выехали из Маэлонии. Он же переправил Франческу в Энгерию раньше, чем до нее добрался Комитет. По-хорошему, тебя должны были перехватить. Точнее, армия его величества должна была оказаться у стен Шато ле Туаре раньше, чем ты туда доберешься. Вышла небольшая заминка, поэтому...

– Поэтому ты сейчас жив. А я убью Раджека.

Вот никому нельзя верить.

– На его месте я поступил бы так же.

– На минуточку... ты сейчас что, его защищаешь?

– Если бы он отпустил тебя и сидел сложа руки, я бы лично свернул ему шею.

– М-да. Как ни крути, а Раджеку не жить.

Мы посмотрели друг на друга счастливыми глазами и расхохотались.

Ненормальные.

Сейчас, когда все закончилось, смеяться было легко. Я бы даже сказала, необходимо. Напряжение, растянувшее мои нервы на том пределе, после которого только в заведение для душевнобольных, сейчас отступало. Можно смотреть в любимые глаза и наслаждаться минутами близости. Минуты сложатся в дни, дни в недели, недели в месяцы, в месяцы – в годы. Я снова могла дышать полной грудью, и, кажется, начинала понимать: никуда больше бежать не надо. Не надо ведь?

– Но что делать со статьей Аркура?

– Вряд ли об этом кто-то вспомнит. Особенно теперь, когда Вэлею и весь мир встряхнет заговором и гибелью Эльгера.

– Его величество...

– Его величество желает видеть нас при дворе. Если понадобится, в газетах дадут опровержение. Скажут, что все это было сфабриковано, как часть заговора, и даже не солгут. Армия герцога сложила оружие, когда узнала, что его светлость мертв. Благодаря тебе, Тереза, страна не захлебнулась в гражданской войне, которая вполне могла перерасти в мировую.

– Благодаря нам. Вообще-то.

– Если бы ты не пришла за мной, ничего этого не было бы.

– Я пришла не мир спасать. А тебя.

Получилось правда как-то... как у меня всегда. Да и вообще тут еще большой вопрос, кто кого спасал. Но ведь получилось же, это главное.

До меня все еще продолжало доходить. Медленно, очень медленно.

Но верно.

Будь Альтари нашим врагом, он вряд ли предложил бы Анри такую должность. Тем более не стал бы приглашать нас ко двору. Другой вопрос в том, хочу ли я этого. Хочет ли мой муж продолжать работать со спецслужбами? Посмотрела ему в глаза и вдруг отчетливо поняла: хочет. Вся его жизнь прошла на этой войне, и если сейчас отнять ее у него... Как там говорил Жером, что-то умное? Уже не помню. Знаю только, что если он так решит, противиться этому не стану.

– О чем задумалась, маленькая?

– О том, получится ли из меня придворная дама.

– Если сильно постараться...

Я хлопнула его по руке.

– Серьезно, Анри! Я не рождена плясать на балах и вести светский образ жизни. Где мы будем жить?

– Нам вернут городской особняк деда. Отца матери, который долгое время после его смерти стоял закрытым. Если ты согласишься...

Чудно... Никогда не видела себя городской жительницей, но может, самое время попробовать?

– Я согласна, если согласен ты.

Анри подозрительно на меня посмотрел:

– Что, вот так, сразу?

– Пользуйся, пока твоя жена добрая и счастливая, – фыркнула. – Но к старости я рассчитываю перебраться в Лавуа, обзавестись десятком внуков и ворчать на них за то, что они не держат осанку.

– До старости нам еще далеко, – усмехнулся муж. – А вот ворчащей я тебя очень хорошо представляю.

Чашка из-под бульона завалилась на бок, а я шлепнула мужа салфеткой. Хотелось бы подушкой, конечно, но поднять подушку пока не было сил. В тот момент, когда он со смехом наклонился ко мне, чтобы поцеловать, в комнату влетел лорд Адриан, рассыпая вокруг себя искры. Нет, ну а этому-то что неймется? Никакого такта, честно слово! А еще граф... пусть даже покойный.

– Кстати... – Анри посмотрел на скользнувшие вдоль занавески огненные искры. – Кто он такой?

Я взглянула на призрака, размытым отражением повторяющего моего мужа. Вздохнула.

И сказала со всей серьезностью:

– Твой отец.

– Отец?

Анри показалось, что он ослышался.

– Мы познакомились в Ларне, когда ты впервые привез меня туда. Тот медальон... я нашла его не случайно. Его мне показал он.

Тереза упорно смотрела в сторону, из-за чего действительно создавалось ощущение присутствия третьего. Это чувствовалось: не протяжной сыростью многовекового камня, не холодом, от которого хочется плотнее завернуться в покрывало, а тем, что может заставить тебя оглянуться. Чтобы никого не увидеть.

– Разве призраки действуют осознанно?

– Нет. Точнее... все остальные – нет. Лорд Адриан – да. Я надеялась, что он поможет мне вывести тебя из подземелий и сбежать из Шато ле Туаре.

– Но как такое возможно?

– Думаю, это какое-то серьезное заклинание. Не представляю, какое. Для любой магии, что связана со смертью, требуется кровь некромага. Изначально я предполагала, что твой отец остался, чтобы отомстить, но... Симон мертв, а он по-прежнему ведет себя странно. Он не становится слабее, хотя долгое время провел с разорванной привязкой. Сейчас выглядит даже лучше, чем когда мы впервые встретились.

– Выглядит? Лучше?

Анри мало знал о призраках, но если у тебя жена некромага, волей-неволей начинаешь интересоваться тем, что ее окружает. Призраки не могут выглядеть хорошо или плохо, это слепки с посмертных эмоций. Зацепившиеся за свой последний вздох тени, размытые сгустки последних минут жизни человека.

– Он сохранил не только сознание и частицу огненной магии, но и внешность. А еще... он очень похож на тебя.

Преодолев удивление и столь непривычную для него растерянность, Анри все-таки повернулся к портьерам. Искр там больше не было, только одна из штор слегка покачивалась, словно за ней спрятался маленький ребенок, который решил пошутить. Разумеется, он никого не видел, и это было странно. Отец – который когда-то держал его на руках, который остался в памяти далеким смазанным образом, сейчас был в этой самой комнате. По какой-то причине он все эти годы оставался между жизнью и смертью. Годы в одиночестве, не в мире живых, но и не в мире мертвых.

Страшнее не придумаешь. Зачем он обрек себя на такое?

– Какой он?

– Прозрачный, – Тереза нахмурилась. – Недовольный. Рвется куда-то. словно вторя ее словам, по комнате пронесся порыв ветра. На миг

даже показалось, что кто-то коснулся его щеки.

– Ну вот, снова, – жена указала в сторону.

Анри взглянул на плотно прикрытую дверь, ведущую в гостиную. Получается, отец вывел его из лабиринтов подземелья Шато ле Туаре, привел к Терезе и Симону, в залу мааджари. Но если представить, что он действительно жаждал мести, сейчас беспокойное поведение выглядело по меньшей мере странно.

Солдаты его величества сейчас проверяли все закоулки Шато ле Туаре: посмертный всплеск магии Эльгера взломал защитные заклинания, по замку можно было перемещаться без опасений. Разумеется, нарядам выдали артефакты, с помощью которых они проверяли все двери перед тем как войти. Самое пристальное внимание уделялось кабинету его светлости и лаборатории, все найденные документы незамедлительно лягут к нему на стол. Но вдруг они что-то упускают?

– Анри? – Тереза вопросительно посмотрела на него.

– Ты сможешь его отпустить? В прошлый раз он вывел меня к тебе. Возможно, и сейчас хочет на что-то указать.

Жена закусил губу.

– Я пойду с тобой.

– Ты останешься здесь, даже если мне придется тебя привязать.

– Тогда ищи сам, – буркнула она и отвернулась. – Любитель связываний.

Анри вздохнул.

– Тереза, если мы пойдем вдвоем, это затянется на пару недель. К тому же, месье Риаль запретил тебе вставать. Ты же не хочешь, чтобы нашей девочке стало плохо?

– Мальчику.

– Нашему малышу. Кто бы там ни скрывался, – Анри положил руку ей на живот. – Он и так уже перенес многое.

– Змей, – сообщила жена.

Но посмотрела на него уже не так обиженно.

– Ты прекрасно знаешь, что я прав. Тайн от тебя у меня нет.

Судя по скептически приподнятой брови, Тереза не поверила. Или поверила, но только отчасти. Пришлось наклониться и поцеловать мягкие губы. Такие любимые, такие упрямые – в точности, как она сама. Как-то незаметно поцелуй стал более глубоким. Сжимая ее в объятиях, он думал о том, какое это все-таки счастье. Вот так прижимать к себе самую дорогую, самую прекрасную женщину на свете. Единственную, кому удалось растопить и очистить его сердце от скверны ненависти и боли.

Единственную.

Найти силы оторваться от нее было нелегко, поэтому Анри по-прежнему прижимал жену к себе. Даже когда поцелуй закончился, пальцы сами потянулись к высокой скуле. Повторить, чувствуя шелковистость нежной кожи.

– Ладно, – выдохнула Тереза. – Попробую освободить самого беспокойного графа. Но учти, пока ты не вернешься, это... – указала на оставленное целителем зелье. – Я пить не буду.

– Значит мне придется вернуться быстро, – улыбнулся Анри.

Вместо ответа она только на миг застыла, словно задумалась. Черный ободок вокруг глаз прожилками плеснул в радужку и стало холодно. А потом Тереза кивнула.

– Лорд Адриан свободен.

Анри поднес ее руку к губам. Поднялся и закутал жену в покрывало. Сквозняки в замке жуткие, не хватало ей еще мерзнуть. Оставлять Терезу одну не хотелось, но возможно, отцу действительно есть что ему сказать. Искры в гостиной – стоило ему выйти и притворить за собой дверь, стали ярче. Призрак метнулся сквозь стену, и он поспешил за ним. Дежурившие рядом с покоем солдаты вытянулись по стойке смирно.

– Отвечаете головой, – коротко кивнул на дверь и поспешил за стремительно удаляющимся проводником.

Таким потерянным и пустым Шато ле Туаре он еще не знал. Тишина, воцарившаяся в галереях и переходах каменного колосса, была мертвой. Не было видно даже слуг, словно замок и впрямь вымер. Много лет назад. Петляя коридорами, отец привел его сначала к лестнице, а затем в кабинет Симона. На столе громоздились кипы документов, вскрытый сейф ощерился беззубым ртом. Заметив его, солдаты замерли, но Анри только махнул рукой. Кивнул командующему обыском капитану, обошел проверяющих тайник за книжным шкафом, осмотрелся.

Здесь располагался один из многочисленных ходов в подземелье. Напольные часы были отодвинуты в сторону – видимо, именно за ними располагался рычаг. Портьера, прикрывавшая вход, едва шевелилась, из-за нее тянуло прохладой. Призрак стремительно метнулся сквозь занавес, и, отодвинув тяжелую ткань, Анри последовал за ним. Путь предсказуемо закончился лестницей, ведущей в подземелье. Лестницей, которая достойна была блистать в бальном зале – широченной, цвета слоновой кости, с резными перилами и балясинами.

Она привел в тот зал, где произошла схватка – тело герцога уже унесли, только полотно распласталось спущенным флагом. Долго идти не

пришлось, отец вел в лабораторию, под которую было выделено целое крыло. Здесь сильно пахло гарью, повсюду валялись островки пепла и горелой древесины. Некогда заставленные колбами и склянками столы превратились в груды обугленного дерева и стекла – в отличие от кабинета его светлости, защитные заклинания здесь были рассчитаны на мгновенное уничтожение всего, что внутри. К счастью, пожар удалось вовремя потушить: вместе с гвардией его величества прибыл королевский стихийный маг.

Призрак нырнул в главную залу, перетекающую в коридор сквозь лишившуюся двери арку.

– Пока ничего не нашли, граф! – отрапортовал командир наряда.

Лицо его блестело от пота и гари: вот уже несколько часов они расчищали подземные лаборатории, ворочали тяжелые обломки, проверяли смежные комнаты.

– Продолжайте.

Призрак скользнул вдоль стены – в помещение для магических испытаний. Ударился в глухую стену, но внутрь не пошел. Только искры сыпались в стороны. Жуткая комната: ни мебели, ни книг, ни зелий. Даже осколков нет, здесь нечего было прятать и нечему было гореть. Голый камень, распластаный под ногами вправо, влево и наверх. Анри не стал терять время: простукивая стену, прислушивался к разнице звука. С силой надавил на холодную кладку – там, где сыпались искры. Вздрыгнул от ожегшего ладонь холода, но ничего не произошло. Попробовал несколько соседних камней – тщетно.

– Мы здесь все закоулки обследовали, – один из солдат заглянул следом, но наткнулся на тяжелый взгляд и спешно ретировался.

Огоньки стали ярче, они плескались вокруг выложенных камней, ничем не отличающихся друг от друга. Анри снова провел ладонью по стене, присмотрелся: тут темнее, там светлее, чем-то напоминало кусок шахматной доски, изъеденный временем.

Шахматная доска...

Вспомнился Лигенбург и рассыпавшиеся по полу бумаги. Бледное лицо Терезы и осознание, что она нашла. Это осознание до сих пор было в нем живо: ей удалось взломать магическую защиту с помощью перстня, который жене вручил Эрик. Здесь не было никаких углублений, никаких засечек. Ничего, похожего на замки. Не может же камни охранять магия – все заклинания, которые ставил Эльгер, разрушены.

Или не все?

Проверить это можно только одним способом.

Сильнее вдавил пальцы в кладку и на миг замер. Золотая мгла пощадила его однажды, но что дальше? Он до сих пор не мог понять, как это произошло. Как из обжигающей золотой дымки, раскаленной сетью опутавшей тело и разум, ему удалось шагнуть в жизнь. Позволит ли она снова себя приручить, или обрушится беспощадной волной?

Ответа на этот вопрос не мог дать даже Риаль. А он целитель высшего уровня.

Жить в страхе, каждый день ожидая приговора, или...

Анри погладил камни, позволяя внутреннему золоту окутать их обманчиво-теплой дымкой.

И едва успел отойти – фиолетовая вспышка сопровождалась хлопком, похожим на выстрел. Каменная кладка осыпалась, открывая доступ в тайник.

Мальчишка выглядел отвратительно: не белого, а скорее воскового цвета. Под тонкой кожей просвечивали сосуды, глаза ввалились, и темные круги делали их еще глубже. От него веяло потусторонним. Даже привычная мягкость черт уступала резкости, напоминающей о близости смерти. Тереза вытащила его из-за грани, но целителю еще предстояло побороться за его жизнь. Хотя по сути, все это было лишено смысла: если Флориана Венуа ждет ссылка, в которой он будет прозябать до конца дней своих, то сына Эльгера вряд ли оставят в живых. Слишком опасно – наследник де ла Мера, даже лишенный титула, все равно представляет угрозу.

– Граф, сколь бы срочный ни был разговор, его лучше отложить...

– Выйдите.

Анри даже не взглянул на Риалья. Его недовольство было понятно и вполне объяснимо, но сейчас не до сентиментальностей. Целитель нарочито громко вздохнул и направился собирать саквояж.

– Вещи заберете потом.

– Но граф...

– Я сказал, выйдите.

Одного взгляда хватило, чтобы мужчину как ветром сдуло.

– Соскучился, солнечный мальчик? – на бескровных губах заиграла ухмылка.

– Откуда это у тебя?

На постель легли смятые листы – страницы из дневника матери.

– Нашел. Под пятой половицей справа.

– Давно ты знаешь?

– С прошлой ночи. Леди Смерть... тебе не рассказывала?

Говорить Эрику по-прежнему было трудно: он облизнул пересохшие губы, и Анри протянул ему стакан с водой. Сделав пару глотков, тот откинулся на подушки и поморщился:

– Невероятно трогательно, не находишь?

Не находил.

Он отказывался верить в то, что складывалось, но другого объяснения не видел.

Вскрыв тайник отца, Анри обнаружил его записи. В них говорилось о магических экспериментах, которые тот проводил много лет назад. В те времена Адриан Феро только познакомился с герцогом де Мортеном, и тот всерьез заинтересовался его теорией о золотой мгле. Отец считал, что сила хэандаме – яд для магии, а стало быть, кровь сильного некромага возможно «приучить» к действию такой «отравы», вплоть до полной невозможности выгорания. Теория его основывалась именно на сочетании силы в ребенке, ставшей прародительницей мааджари. Де Мортен согласился предоставить ему кровь Терезы, и лорд Адриан приступил к экспериментам, результат которых в не меньшей степени был интересен и Симону Эльгеру.

Возможности лаборатории и знаний мааджари давали множество преимуществ. Ему удалось доказать, что если кровь некромага смешивать с кровью хэандаме – в меньшем количестве, то магия не исчезает. Напротив, развивается привыкание, которое впоследствии делает ее невосприимчивой к любым ударам золотой мглы. И не только. Такая сила – сила двойственной природы магии и антимагии, способна была оказывать на чистую мглу положительное действие. Иными словами, сдерживать ее и не позволять разгореться в полную мощь.

Золотая мгла не убила его, потому что рядом оказался Эрик.

Золотая мгла не выжгла Эрика, потому что она уже была в его крови. Потому что она передалась ему от матери.

От их общей матери.

Те отрывки из дневника, что он успел прочесть, заставляли сердце сжиматься, а разум мутиться от бессильной ярости. Читать о ее последних днях и жутковатых откровениях затворницы было страшно. Рассыпавшиеся страницы превратили воспоминания о ней в еще более отрывистые, резкие клочья. Временами бессвязные, временами отчаянные. Поначалу он решил, что именно мама стала причиной опасной ссоры отца и Симона, но потом отменил эту мысль. За такое убивают на магических дуэлях.

– Я тоже не в восторге, де Ларне, – Эрик скривился. – Наверное, я бы еще с десятков раз умер, только чтобы этого не знать.

– У тебя есть все шансы, – жестко сообщил Анри. – Его величество не

намерен щадить заговорщиков.

– Я поплачу о своей участи, когда ты уйдешь. Только проваливай, а?

Он смотрел на мальчишку, не в силах совладать с собственными чувствами. Поверить в то, что перед ним его брат, что его мать провела в застенках Шато ле Туаре свои последние годы, лишившись всего... Лишь долгие годы взращиваемая выдержка сейчас удерживали его от того, чтобы не начать крушить все вокруг. Выдержка и мысли о Терезе, которые отрезвляли. Увы, сейчас не так быстро, как хотелось бы.

– Ты знал о том, что произошло с Вероник?

По-женски длинные ресницы дрогнули.

– Я знаю только то, что ты ее убил.

– Ее убил твой отец.

Вместе с записями о собственных экспериментах, обнаружили бумаги, которые Анри предпочел бы не видеть. Его светлость проводил магические эксперименты на детях – на тех, кого никогда не будут искать. Симон хотел проверить, возможно ли привить магию живому существу, лишенному таковой от рождения. Вероник оказалась «удачным» экспериментом.

После смерти родителей она сбежала из приюта, бродяжничала и прибилась к группе бездомных детей, которых по приказу Эльгера доставили в лаборатории, где магия искажений превратила ее в Черную Лозу – наделив нечеловеческой силой, ловкостью и ядовитым свечением глаз. Заклинания и зелья мааджари лишили ее памяти, а новую Вероник Симон вылепил под себя и вырастил, как оружие.

Сейчас восстановить события тех дней было довольно сложно – только допрос Эльгера королевским некромантом сможет подтвердить или опровергнуть его предположения. Видимо, когда об этих экспериментах стало известно отцу, он разорвал с Симоном все отношения. Бумаги спрятал – потому что не знал, кому можно доверять, а исчезнувшие доказательства обещали стать гарантией того, что герцог де ла Мер не тронет семью де Ларне. Увы, это не помогло.

Вспоминая о приютах под патронажем его светлости, Анри задавался вопросом – было ли это своеобразным искуплением, отпущением грехов самому себе, или же у де ла Мера на сирот были совсем другие планы. Возможно, в прошлом он приостановил эксперименты, потому что боялся. Боялся, что доказательства все-таки просочатся к тем, кто сумеет обойти раскинутые сети «своих людей»?

– Какого ты мне все это рассказываешь? – хрипло спросил Эрик.

Анри и сам не представлял, зачем.

Возможно, чтобы убедиться, что брат не знал. Или чтобы увидеть обратное.

Но мальчишка не знал – это было видно по глазам. Сам же Анри точно знал только то, что не сможет отправить на смерть собственного брата... Второй раз. Договориться с его величеством Альтари будет сложно, но ничего невозможного нет. Особенно сейчас – когда королю нужна серьезная поддержка и доверие народа. Разумеется, Эрика лишат титула и всех привилегий, но это малая плата за то, что осталось в его прошлом. Особенно в прошлом его отца. Будь ты сыном герцога или же сыном ремесленника, грехи отцов непременно падут на твои плечи. Вот только в первом случае с тяжестью, способной уложить голову на плаху.

– Если хочешь жить, уедешь в Иньфай, – сказал он. – Его величеству неизвестно о твоей силе, так все и останется. До твоей первой выходки. Попробуешь сбежать – я тебя найду.

– Всю жизнь мечтал посмотреть на людей в треугольных соломенных шляпках.

Анри прищурился, а мальчишка фыркнул.

– Веришь или нет, мне совершенно без разницы... куда ехать. Поцелуй за меня Леди Смерть. Нежно.

Эрик закрыл глаза и откинулся на подушки. Говорить больше было не о чем.

Возможно, через несколько лет, когда Анри решит навестить Джинхэя, разговор с братом выйдет другим. Возможно. В этом мире возможно все. Но сейчас он просто вышел и кивнул месье Риалю, устроившемуся за столом в гостиной. Не взглянув на него, целитель прошел в спальню, окатив волной профессиональной холодности. Анри же шагнул за дверь и поспешил к жене.

Тереза не спала, крутила в жгутики бахрому верхнего покрывала. Заметив его, тут же вскинула голову:

– Что ты узнал?

Анри приблизился, опустился на кровать и нежно привлек ее к себе.

Глядя в темные глаза, окруженные ободком цвета чернильной ночи, улыбнулся. Сегодня он перевернул последнюю страницу своего прошлого, а книгу отложил в сторону. Она останется в его памяти навсегда, в памяти и в прошлом. А в настоящем в его руках была любимая женщина, которая скоро подарит ему дочь. По крайней мере, Анри хотелось бы, чтобы это была именно девочка. Похожая на нее.

Заправил за ухо жены длинную темную прядку и ответил:

– Я знала, что вы вернетесь! Все...

Софи больше не всхлипывала. Лежала в моих объятиях: счастливая, сияющими глазами, блеск слез в которых отдавал дань искренней детской радости. Положив ладошку на мой живот, она легко погладила его через покрывало, и от этого защемило сердце. Я взяла ее маленькую руку в свои и поцеловала пальчики один за другим, как это любил делать Анри. Муж отлучился – переговорить с Жеромом, после того как первые чувства после нашего возвращения улеглись. Правда, глаза у всех долго были на мокром месте, особенно у незнакомки по имени Мэри. Камеристка расцвела, я никогда не видела ее такой счастливой и такой яркой. А когда она, заливаясь слезами, бросилась ко мне с криком: «Миледи!» – мы обнялись, как родные сестры.

– Разве могло быть иначе? – прошептала я, целуя дочь в мокрые щеки. – Ведь ты отдала мне это.

Я протянула Софи оберег, но она замотала головой.

– Нет, теперь он твой! И... тебе еще нужно дождаться появления малыша.

– С нами все будет в порядке.

– Правда?

– Правда, родная.

Удивительно, но именно наш кроха сможет защитить мужа от выжигающей силы золотой мглы. Насколько я поняла из записей лорда Адриана, именно на это и рассчитывали супруги Феро, когда заключали договорной брак. Теперь становилось понятно и письмо леди Николь – отправляя сына в Маэлонию, она предполагала, что всю жизнь он проведет вдали от магии. Она не верила, что им удастся спастись, не верила, потому что знала Эльгера слишком хорошо. Что касается моего отца, приведенные графом формулы и результаты уверили его, что я буду в надежных руках. Согласно опытам лорда Адриана, которые тот проводил с нашей кровью, ребенок Анри не должен причинить мне вреда из-за сильной некромагии. Какое-то время после появления на свет малыша моя смерть станет слабее, но это малая цена за такое огромное счастье.

– Вы уже придумали имя? – Софи прижалась ко мне плотнее.

– Пока еще нет.

– Кристоф, если будет мальчик, и Кристина, если девочка, – серьезно

заявила дочь.

– М-м-м... Кристоф... красивое имя.

– Кристина, – заметил Анри. – Чудесно!

Он вошел в комнату, счастливый и такой родной, что я с трудом удержала себя на подушках. На самом деле мне очень не хотелось валяться в постели, но месье Риаль действительно рекомендовал как следует отдохнуть после переезда. Пусть даже и ехали мы в роскошном вагоне «Стрелы», где кровати ничуть не уступали домашним – ни по размеру, ни по мягкости, я дала себе обещание следовать всем советам целителей. Моему малышу и так досталась самая беспокойная мама на свете.

– Папочка! – взвизгнула Софи и бросилась к нему.

Он подхватил ее на руки легко, словно пушинку, а дочь обняла его за шею. Сонная, даже глаза потеряла.

– Кажется, кому-то пора спать, – сообщил Анри.

– Еще совсем рано! – возмущенно заявила дочь.

– Ничего себе рано.

За окнами уже давно стемнело, я и сама понимала, что надо бы пригласить Мэри и отправить Софи спать, но расставаться с дочкой не хотелось. Я чувствовала себя так, словно не видела ее целую вечность и еще столько же не увижу. Хотя прекрасно знала, что больше ничто и никто не помешает нам быть вместе.

– Но я так по вам соскучилась!

– Вот и замечательно. Потому что впереди у нас долгая жизнь, и мы еще успеем тебе надоесть.

Софи прыснула, а муж быстро ссадил ее с рук.

– Отправляйся в постель. Позови Мэри, пусть поможет тебе переодеться.

– Ну пожалуйста... пожалуйста-пожалуйста, можно я еще с вами посижу?

– Завтра у нас будет целый день, Софи. Терезе сейчас нужно больше отдыхать.

Девочка тут же стала серьезной, подбежала ко мне и обняла.

– Доброй ночи, мамочка!

– Доброй ночи, родная.

Когда за ней закрылась дверь, я только головой покачала.

– Прирожденный мастер переговоров.

– Ей сейчас и правда лучше отдохнуть, Тереза. Для нее это не меньшее потрясение чем для нас. Посидит еще немного, и уже не уснет.

– И отец тоже природенный. Как ты собирался жить без детей?

– Когда-то я собирался жить и без тебя. Правда, тогда я вас еще не знал.

Муж направился к постели, на ходу расстегивая рубашку. Стоило ему оказаться рядом, как я нырнула в родные объятия и вдохнула привычный запах лаванды. Этот аромат, который в Лавуа был повсюду, как и сладость аламельны, уже не воспринимался отдельно от Анри.

– О чем вы говорили с Жеромом?

– О делах, – он погладил меня по спине. – Его величество настаивает, чтобы мы наладили сотрудничество с Энгерией. Так что не исключено, что в скором времени в Вэлее объявится лорд Пиранья.

Теперь уже я прыснула и уткнулась лицом в сильное плечо, крепче обнимая Анри. Подумать только, всего этого могло бы и не быть, если бы не... лорд Фрай!

– Мэри и Жером с радостью переберутся с нами в Ольвиж.

– Замечательно!

– Дом в Лавуа останется на попечении Мариссы. Будем сюда выбираться, когда устанем от городской суеты.

В моем случае это произойдет очень и очень скоро.

– Мне в скором времени придется уехать в Ольвиж. Городской особняк будет готов через месяц, этим как раз займутся наши новобрачные. Нужно нанять прислугу, привести все в порядок, после чего вы с Софи тоже сможете переехать. Надеюсь, в последний раз.

– Меня больше не страшат переезды.

– Тебе нужен родной дом, Тереза. Нам всем он нужен.

– Рядом с тобой весь мир мой дом.

Анри пристально на меня посмотрел.

– Я думаю заняться восстановлением родового замка. Мама и отец были там счастливы.

Вернула ему внимательный взгляд.

– Для старости и внуков?

Губы его тронула улыбка.

– Для старости и внуков.

– Я только за. Но что будет с поместьем?

– Здесь смогут жить Софи и ее муж.

– Или Кристоф с женой.

– У нас будет Кристина.

Почему он так хочет девочку?

– И еще...

Что-то мне не понравилось, как муж сказал: «И еще». Слишком

серьезно. Смотрел он при этом тоже серьезно – пожалуй, чересчур.

– Раджек привез Софи и сразу уехал. Оставил письмо, которое должен был передать Винсенту.

Я улыбнулась, немного грустно. Ивар все-таки нам помог: не так, но иначе.

Всевидящий, пусть с ним все будет хорошо.

А Винсент... не представляю, что делать дальше. Ему неизвестно о том, что произошло, но наша с ним размолвка по-прежнему на том же месте. Не так давно он прислал матушку и Лави, чтобы они меня увезли. Даже лорда Фрая не поленился попросить, чтобы тот проследил за «выполнением задания».

– Я собираюсь написать твоему брату.

От неожиданности даже не нашлась, что сказать.

– Вам нужно помириться. До рождения нашего малыша.

– Ты хочешь пригласить его сюда?

– Сюда, или в городской дом, не важно. Посмотрим, что он ответит, и когда у него получится приехать. Насколько я понимаю, он тоже скоро станет отцом.

После той ужасной снисходительности, после всего, что он нам тогда наговорил, Анри приглашал Винсента в свой дом. Сам.

Невероятный мужчина.

– Надеюсь, ты не будешь против?

Буду против?! Нет, нет, конечно же нет!

Прильнула губами к губам, теряясь в сиюминутной нежности. Растворяясь в ней без остатка. Глядя в родные ореховые глаза, кивнула.

– Спасибо, – прошептала на выдохе. – Надеюсь, он согласится.

– Как вы вообще додумались туда пойти? Одна! – Сдвинутые брови Винсента и суровые складки у губ говорили о том, что он еле сдерживается.

Глаза брата привычно метали молнии, в воздухе ощутимо пахло грозой. Хотя возможно, грозой пахло из распахнутых настежь окон: весна пришла в Лавуа и обосновалась на правах хозяйки. Придела деревья в наряды, развернула ковры трав, украсила их цветами и согрела солнцем. Кажется, это был первый пасмурный день за месяц – то ли по случаю приезда брата, то ли природа решила напомнить мне об Энгерии и о том, как безумно я любила дождь.

Любила, или все еще люблю?

– Со мной был муж.

– Ваш муж был в плену!

– Но он меня спас.

– Дура!

Прежде чем я успела оскорбиться до глубины души, Винсент шагнул ко мне и порывисто обнял. Запах мяты и табака, который я уже почти успела забыть, заставил меня сначала рвануться назад, а потом сильнее прижаться к брату. Идея рассказать ему все принадлежала Анри. Муж говорил, что семья начинается с доверия, но я была не уверена, что это доверие не выйдет нам боком. Зная Винсента, предугадать его реакцию невозможно. Вот только сейчас он прижимал меня к себе, и, кажется, не собирался за волосы тащить в экипаж.

– А если бы мы вас потеряли? – сбивчиво прошептал он, не выпуская меня из объятий. – Мало мне одной, которая постоянно выкидывает номера...

Я завозилась в его руках.

– Это вы про Луизу что ли?

– Про Луизу, – ворчливо отозвался брат.

Сейчас я была рада небольшой передышке: ему явно нужно переварить сказанное, да и мне тоже – справиться с охватившими меня чувствами.

– Знаете, чего она хочет теперь?

Я слегка отодвинулась, чтобы заглянуть ему в глаза. В темные, совсем как мои, разве что без черного ободка вокруг радужки. Сейчас в них медленно остывали угли – значит, обошлось.

– Чего же?

– Теперь она хочет театр. Свой.

Я фыркнула.

– Ну так подарите ей. Вы же можете.

Винсент посмотрел на меня так, словно я сказала несусветную чушь.

– Вы знаете, что у меня вот-вот появится наследник?

– Знаю. Но еще я знаю Луизу. На вашем месте я бы радовалась, что она не захотела на сцену. Прямо сейчас.

Брови брата страдальчески изогнулись: видимо, такая мысль тоже приходила ему в голову. Если честно, я была удивлена, что такой разговор у них зашел недавно. Много лет назад Луиза сбежала от незавидной участи тени моего брата, долгие годы сама пробивала себе дорогу в жизни и всерьез увлеклась театром. Ее роли стали ее жизнью до той минуты, пока она не примерила самую искреннюю: любимой и любящей женщины. Вот только вряд ли Луиза так просто забудет обо всем, чему посвятила столько лет. Если запереть ее в Мортенхэйме, этот огненный цветочек просто

зачахнет. Не спасет даже сильное чувство к моему невозможному брату и материнство.

– Винсент, я серьезно. Ей нужно заниматься чем-то таким... возможно, не сейчас, а когда ваш ребенок немного подрастет.

Мне, например, нравится заниматься Равьенн. За последний месяц я навещала туда каждую неделю и отмечала весьма положительные перемены, которые произошли в приюте. Ремонт там подходит к концу, классные комнаты больше не напоминают угрюмые казематы, а форма воспитанниц стала гораздо более удобной и яркой. Теперь девочки не стесняются быть красивыми, улыбки на их лицах появляются гораздо чаще. Его величество не против, что я займусь другими школами Эльгера, а муж не против таких вложений.

Он гораздо больше ворчит из-за того, что я постоянно тряусь в экипажах, но мне все равно не сидится на месте. Тем более что пока он был занят в Ольвиже, мне все равно особо нечего было делать. Малыш ведет себя спокойно, разве что иногда пытается побаловаться силой, но с этим я уже научилась справляться. К Софи вернулась гувернантка, мадемуазель Маран, которая тоже не против переехать с нами в столицу.

– Гм.

– Вы сами прекрасно это знаете. Предложите ей написать пьесу... ну, или еще что-нибудь. Она увлечена романами Миллес Даскер, пусть напишет сценарий или поставит спектакль.

Вот теперь брови брата подскочили до самых волос, а потом снова сошлись на переносице.

– В кого вы предлагаете превратить мою жену? Луиза счастлива, у нее и у наших детей будет все самое лучшее. Все, чего они только пожелают, по первой просьбе. Работать для этого ей не придется, да я и не позволю.

– Посадите ее под замок и запрете в спальне?

– Тереза! Где вы нахватались этого вольнодумия?

– В Маэлони, – задумалась и добавила. – Хотя и в Вэлее тоже.

Винсент покачал головой.

– К тому же... Женщина – постановщик? Или сценарист?! Не смешите меня.

– Миллес Даскер совершенно не смущает, что она женщина, а ее романами зачитываются многие. Я предлагаю вам подумать о том, чего хочет ваша жена. А не над границами, которое нам диктует энгерийское общество. Как по мне, так она от много отказалась, чтобы быть рядом с вами. Теперь самое время вам пойти на уступки.

От неожиданности Винсент выпустил меня из объятий и сейчас

смотрел так, словно не узнавал. Он даже переносицу потер, опустил глаза, а потом только хмыкнул.

– Поразительно.

– Что именно? – я подавила желание упереть руки в бока, как Лорена.

– Все это время она только и делала, что защищала вас и вашего мужа.

А теперь вы защищаете ее. Напоминает какой-то сговор. Или...

Винсент пристально на меня посмотрел.

– Это просто маневр, чтобы увести тему от разговора про ваше будущее?

Ветерок поднялся нешуточный, потемнело знатно. Я даже подумала, не прикрыть ли окно, но решила, что будет слишком душно.

– Кстати, о будущем, – показала брату обручальное кольцо, сияющее на моем пальце. – Осенью мы обвенчаемся.

Свадьба была нашим с Анри общим решением. Приготовления к ней шли одновременно с приготовлениями к появлению на свет нашего малыша. Обществу гораздо проще принять людей, обрученных законами земными и небесными, нежели чем какими-то древними магическими закорючками. Лично для меня дороже этих магических закорючек нет ничего – ведь именно они впервые и навсегда обвенчали нас в головокружительном аромате сирени. Если честно, мне совершенно без разницы, что о нас скажут или подумают, но теперь мы в ответе не только за нас, но и за детей. Хочу, чтобы у Софи и Кристофа все было замечательно. Правда, Анри уверен, что это будет Кристина, а я думаю, что родится мальчик.

У Винсента загорелись глаза.

– Наконец-то. Матушка будет рада.

Не сказать, какое облегчение я испытала после этих слов. Несмотря на наш более чем доверительный разговор и тающие грозовые тучи над кабинетом, который нам любезно предоставил для беседы муж, я все равно переживала, что все начнется по новой. Что мне скажут, будто Анри меня не достоин, что он постоянно втягивает меня в неприятности, и...

– Эта свадьба состоится в Мортенхэйме.

Ну да. Как-то слишком гладко все шло до этой минуты.

– Нет, Винсент. Она состоится в Ольвиже, сейчас мы с Анри выбираем собор.

– Вот уже шестое поколение нашей семьи венчается в Миланейском соборе! К тому же, по традиции невеста уходит к мужу из родительского дома.

Я скептически хмыкнула. Опустила глаза и взглянула на свой едва

округлившийся живот. Его скрывало платье свободного кроя – поразительно, какое это счастье, не носить корсетов! В Англии я бы вряд ли осмелилась появиться на людях в таком виде, сидела бы в своих покоях и гуляла под ручку с мужем по саду, когда никто не видит. Или на балконе с вышивкой томилась.

– Как поживает моя племянница? – Винсент осторожно коснулся пальцами моего живота.

Нет, и этот туда же! Сам-то наследника хочет.

– Чудесно, только...

Объяснить брату, что у него будет племянник, не успела. Раздался негромкий стук, и в кабинет заглянул Анри.

– Стол уже накрыт. Как только закончите, ждем вас к обеду.

– Мы уже закончили, – Винсент шагнул вперед. – А вот с вами, де Ларне, я бы хотел многое обсудить.

– К вашим услугам, – невозмутимо ответил муж.

С опаской посмотрела на его светлость. Но кажется, брат больше не собирался бросаться обвинениями, что же касается Анри, в нем я была уверена. Как в самой себе.

– Но прежде я бы хотел принести вам извинения за свое поведение. Я вел себя недостойно, и я это признаю.

Прежде чем успела выдохнуть изумление, брат уже протянул Анри руку, и тот ее принял.

– Извинения приняты, де Мортен.

Вот теперь у меня гора с плеч свалилась. Большая такая, размером с Равашич – самый высокий хребет в загорской цепи.

Пока мы шли, украдкой смотрела на мужа. Смотрела – и не могла наглядеться, дышала – и не могла надышаться. Если это любовь, то есть в ней что-то особенно коварное, потому что близкого человека тебе мало всегда. Даже когда ты закрываешь глаза, чтобы вас разделил сон.

В обеденной зале уже сидела Софи. Заметив нас, а особенно Винсента, поспешно вскочила и сделала весьма неуклюжий реверанс. Я знаю, что она отлично их делает: Марисса продолжает свою муштру, просто сейчас от волнения вышло по-детски неопытно и неловко. Настороженно взглянула на брата, но тот шагнул к ней, взял худенькую ручку дочери в свою и поцеловал.

– Мадемуазель Феро. Буду рад сопровождать вас.

Темные глаза дочери расширились. В них отразилась неуверенная радость, а потом Софи кивнула:

– Сочту за честь, ваша светлость.

Теперь она наша дочь не только для нас, но и для остальных. Конечно, бумаги, это всего лишь бумаги, гораздо важнее незримые нити, связавшие наши сердца. Воспитанница – слишком пустое слово для той, кому хочется подарить целый мир и всю свою любовь.

Над поместьем гроыхнул гром, крупные капли забарабанили по окнам. Совсем близко – так, что эхо разнесло его по округе мощной волной. В Энгерии есть такая примета: когда слышишь первый гром, нужно загадать желание, и оно обязательно сбудется. Раньше всегда находилось столько всего, что мне бы хотелось, но сейчас... у меня уже есть все, о чем только можно мечтать. И все-таки я подумала, и загадала: пусть родится Кристоф. Хочу сына, похожего на самого прекрасного мужчину в мире.

– Графиня? – Анри улыбнулся мне.

– Граф.

Мы направились к столу. Моя рука покоилась на его руке, я знала, что послезавтра мы переезжаем в Ольвиж, чтобы больше не разлучаться. Там меня ждет новая жизнь, сумасшедший пьяный от весны и любви город, который мне только еще предстоит узнать. Город, так не похожий на чопорный сдержанный Лигенбург. Страна, так непохожая на мою родную Энгерию. Вот рядом с Анри действительно весь мир – мой дом. Когда мы вместе, я счастлива. Когда мы вместе, я ничего не боюсь. Когда мы вместе, моя Смерть превращается в Жизнь. И так будет всегда.

Эпилог

Глаза Дюхайма горели зеленью, демонической зеленью, напоминающей магию искажений. Они всегда были яркими, но сейчас словно жили своей жизнью. Казалось, мой далекий предок вот-вот сойдет с картины и шагнет прямо ко мне. Увлекая за собой полчища нечисти, что стояли за свободу Энгерии насмерть (как бы странно это ни звучало). Впрочем, сейчас мне все казалось странным. Неестественная, мертвая тишина, оживший портрет и... тихие шаги за спиной.

Обернулась и резко вскинула руку:

– Эрик!

– Тише, Леди Смерть, – он поднял ладони. – Я не драться пришел, а благодарить.

Эрик подошел и остановился рядом со мной. Темный костюм с укороченным сюртуком, начищенные ботинки. Слегка отросшие волосы, зачесанные назад, и цилиндр в руке. Таким я его раньше не знала – должно быть, именно таким он видел себя в зеркало и решил показаться мне напоследок. Искусство управления снами, гааркирт, и не на такие чудеса способен. Помнится, в самом начале нашего знакомства он закинул меня в

подземелья Шато ле Туаре, где вместо магических светильников чадили факелы.

– Ты меня вытащила. После всего. Почему?

– Почему ты привел меня к нему? – ответила вопросом на вопрос.

– Это ты мне скажи. Твое сознание тянет сюда как магнитом.

Странно. Очень. Очень-очень-очень странно.

– У него должны быть черные глаза, – неожиданно произнес Эрик.

– Черные?

– Он же сама Смерть. По крайней мере, здесь.

Правда. Почему я ни разу об этом не задумалась?

Повернулась: теперь мы смотрели на Дюхайма уже вдвоем, и это тоже было непривычно. Не считая редких прогулок, в детстве я много времени проводила с Луни или в библиотеке, галерею же напротив обходила стороной. Мне казалось, что проклятие Робера рано или поздно перекинется на меня. Что я познаю его-свою силу, бесконечную, безграничную, темную и беспощадную, что однажды она уведет меня по ту сторону и навсегда отрежет от мира и ото всех, кого я люблю.

Даже будучи взрослой, я считала, что некромагия не позволит мне наслаждаться жизнью. Но именно благодаря ей, благодаря силе своей крови и заключенному отцом брачному договору я познала любовь и настоящее счастье. Обрела Анри, единственного мужчину, который отогрел мое сердце. Мужчину, которому через несколько месяцев подарю сына или дочь. Вернула Эрика к жизни, когда грань уже почти затянула его в сети небытия.

Удивительно.

– Когда ты уезжаешь? – спросила я.

– Завтра. Мне придется долго ехать и еще дольше плыть.

Он, наконец, повернулся ко мне, и в светло-серых глазах я увидела то, что раньше видела только в его детских воспоминаниях. Страх, едва уловимый, затаившийся как дикий зверек в неволе. Страх перед неизвестностью, страх перед будущим, страх перед жизнью. Улыбка, изогнувшая уголок его губ, напоминала съехавшую маску. Попытку защититься от собственных чувств, которые разъедали его изнутри. Тогда я сделала то, чего точно не собиралась делать – взяла его за руку.

– Любое проклятие может обернуться даром, – сказала, снова повернувшись к Дюхайму. – Оказаться настоящим подарком судьбы.

– Мне кажется, или он умер? – насмешливо произнес Эрик. – Забытый всеми.

– Тогда как здесь оказался его портрет? И почему ты о нем знаешь?

Какое-то время мы молчали. Не знаю, о чем думал Эрик, но руки он не отнимал. Я же думала про Дюхайма и про Ильму. Про то, что он отдал жизнь за свою страну, но огонь любви, горящий в сердце жены, воскрешал его снова и снова. Этот огонь не позволил нашему роду прерваться, этот огонь отразился в его сыновьях, внуках и правнуках. В свободе Энгерии. В миллионах жизней, в потомках вернувшихся к родным солдат и офицеров. Биение сердец которых до сих пор отбивают такт его подвигу.

– И что... – голос Эрика дрогнул, и вместе с ним дрогнула стена. По картине прошла рябь, словно сон размывали, как вода краски. – Что дальше?

– Зависит только от тебя.

Поддавшись какому-то безотчетному порыву, приблизилась и поцеловала бледную щеку. Он замер, и сновидение замерло вместе с ним. Тишина отсчитывала минуты, а может быть, и часы – во сне никогда не поймешь, сколько времени прошло. Мы смотрели друг другу в глаза и молчали.

– Ради этого стоило выжить. – Пальцы на моей руке разжались. – Прощай, Леди Смерть.

Я покачала головой.

– Спокойной ночи, Эрик.

В тот же миг меня снова накрыло магией. Магией искажений, которую я впервые почувствовала в доме Уитморов, в Лигенбурге. Некоторые говорят, что магия безлика и все зависит от вложенной в нее силы, но это не так. Магия Эрика пахла дождем и стелилась туманом. Хлестала изломами ветвей, как под порывами ураганного ветра, и хрустела, как осколки под каблуком. Волна прокатилась и затихла, эхо его силы растаяло вместе с очертаниями галереи.

В ушах застучало, меня швырнуло в реальность. Я вынырнула рядом с Анри, в нашей спальне, в городском доме. По привычке положила ладони на живот, чтобы почувствовать малыша, и тут меня толкнули изнутри. Пока еще слабенько, едва уловимо, но дрожь от этого удара прокатилась по всему телу. Радостью, предвкушением, безграничным безоблачным счастьем. Сердце забилось еще сильнее, я невольно ушла на грань, впитывая первые робкие движения нашего крохи.

– Анри, – прошептала сдавленно. – Анри...

Муж подскочил тут же, словно и не спал вовсе. Вгляделся в мое лицо:

– Тереза?

– Он...

Вместо объяснений схватила его руку и положила себе на живот.

Малыш толкнулся сильнее. Еще. И еще. Радость в глазах мужа всколыхнула такую нежность, что на миг стало трудно дышать. Я потянулась к нему – самому родному, чтобы коснуться пальцами щеки, когда меня толкнули одновременно справа и слева. Охнула и замерла, широко распахнув глаза. А потом ушла на грань, вслушиваясь в биение сердечка. Оно колотилось, сбиваясь: гулко, сильно, неровно... или... их было два? Нет, точно два: одно билось тише, спокойнее, другое сейчас заходило, но постепенно ритм выравнился и почти слился с первым. Правда, теперь было отчетливо слышно, как они вторят друг другу. Пальцы задрожали, вместе с ресницами. Как я могла не заметить? Как мог не заметить Риаль?..

– Что случилось? – вот теперь Анри выглядел взволнованным. – Тереза, что...

Я замотала головой. Поднесла родную ладонь к щеке, утонула в его глазах. В родных, любимых глазах самого прекрасного мужа на свете.

– Все замечательно, просто... – прошептала, улыбаясь сквозь слезы, – просто их будет двое.